

ДРУГИЕ
МИРЫ

Вероника Мелан

18+

Дэлла

Annotation

Ночь. И военный нож, найденный в кювете, со странными цифрами над его поверхностью. Они похожи на... телефонный номер?

Позвонив по этому номеру, Меган Райз совершенно не ожидала, что получит в полное свое распоряжение высокого и красивого мужчину.

Дэлл Одриард готов исполнять любое желание владельца ножа, ведь это его персональное наказание – быть рабом до тех пор, пока хозяин не вернет ему нож по доброй воле.

Меган готова вернуть Дэллу нож. Но с одним условием...

- [Вероника Мелан](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Эпилог](#)
-

Вероника Мелан

Дэлл

© В. Мелан, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Лежать, уткнувшись лицом в мокрую траву, – неприятное ощущение. Лежать, уткнувшись лицом в траву, в грязном кювете, ночью, под дождем, когда по волосам и шее, пропитывая джинсовую куртку насквозь, стекает холодная вода, – ощущение отвратительное.

Сырая земля пахла корнями.

Стараясь успокоить свистящее дыхание, я закрыла глаза и зажмурилась, мечтая, как хамелеон, слиться с травой, а еще лучше провалиться в землю метра на полтора.

Успеется.

Топот приближался. Незнакомый мужской голос закричал, что «девчонка, должно быть, побежала в сторону парка» (куда же еще?), и преследователи – четверо неприглядного вида подвыпивших мужчин из соседнего бара, – оглядываясь по сторонам, на короткий миг притормозили напротив того места, где я скользнула сквозь кусты в кювет.

Если обнаружат – выволокут, пьяные гады, измучают тело и наплюют в душу.

Ну почему? Сколько раз зарекалась не ходить короткой дорогой мимо питейных заведений, где любая особа женского пола неизменно привлекает внимание. Тем более одинокая особа. Да, намокшие волосы, да, ни грамма косметики, да, худая как палка, и все равно ведь прицепились. Не учили только, что некоторых жизнь учила бегать быстро. Как раз для таких вот случаев.

Когда кусты затрещали совсем близко, я начала судорожно ощупывать землю в поисках какого-нибудь камня, а лучше булыжника, чтоб уж наверняка. Чтоб только не без боя. Но в траве, как назло, попадалась только мелкая грязная галька – такой разве что из рогатки в глаз. Ну хоть прут, хоть осколок стекла, хоть что-нибудь – канава ведь! Может, железка или палка...

Ладонь неожиданно наткнулась на что-то острое, заставив поморщиться от укусившей палец боли. Не обращая на нее внимания, я схватила холодный и скользкий от влаги предмет, приподняла голову и поднесла к глазам. Милостивый боже... Нож! Чей-то потерявшийся нож! Мокрый, покрытый грязью, но все еще бритвенно острый. Значит, есть на небесах тот, кто слышит! Окоченевшие от холода пальцы тут же стиснули рукоять ценной находки.

Только бы пронесло. Много раз уже проносило. Только бы и теперь...

Мужики пошуршали кустами, поматерились, но в кювет лезть не рискнули – видимо, предположили, что и добыча не стала бы мараться на грязных обочинах. Порычали друг на друга и разбежались осматривать окрестные дворы и переулки.

Я выдохнула с облегчением и уткнулась лбом в землю.

Ступни онемели не то от холода, не то от напряжения, куртка разбухла и отяжелела, впитав в себя сотни дождевых капель.

Чертова жизнь.

Подниматься не хотелось. Заснуть бы здесь уже навеки – к утру проблем было бы меньше.

Пришлось сделать усилие, чтобы вновь поднять голову.

Если пробираться сначала канавами, а потом темными заброшенными переулками, вечно зыркавшими на одиноких путников злыми жадными глазами, то через сорок минут получится добраться до дома. Поганая окраина Солара – большого, красивого, сверкающего Солара, что любит роскошь и пренебрежительно отворачивается от беспородного сброда, затерявшегося где-то там, подальше от глаз, в грязи и суете. Этот город-сказка, подобно ледяной бездушной королеве, любил богатых и презирал нищих. Не можешь выбраться наверх? Умри!

Я вздрогнула от холода, что пробрал до самых костей. Если сейчас же не согреться – простыну, а лечиться при отсутствии денег на еду и медикаменты проблематично.

Лезвие ножа чиркнуло о мелкий камешек, когда я поднялась на колени. Эту вещь лучше взять с собой – кто знает, что там впереди?

Дрожа всем телом, перевернулась, съехала до самого дна сточной канавы, скользя подошвами ботинок по траве, кое-как поднялась на ноги и зашлепала по текущей внизу мутной воде по направлению к дому.

Холодно. И до противного мокро.

Но бывало и хуже.

Часть первая

Глава 1

Дождь монотонно стучал по подоконнику; единственное в комнате окно покрылось мокрыми дорожками. Сырая, крохотная, полутемная и неуютная квартира неизменно пахла плесенью и нагоняла тоску. По крайней мере, она была, эта квартира, купленная еще в те далекие времена, когда существовал отряд «Кину», когда работа позволяла что-то накопить, когда жизнь была другой – не такой тоскливой, как теперь.

Давно. Как же давно...

Да, плохая однокомнатная квартира без ванной комнаты и кухни, расположенная в полуподвале, – не большое жизненное достижение, но все-таки какие-никакие, а четыре стены и крыша, укрывающая от непогоды. Спасибо, есть маленький туалет и квадратная металлическая раковина в углу; на месте зеркала лишь потемневшая штукатурка – жаль, но ведь зеркало не главное.

Я лежала в темноте, закрыв глаза, на жесткой скрипучей кровати с тонким протертым матрасом и слушала перестук капель, тщетно пытаюсь отогреться под тонким одеялом. Болело ушибленное колено, пульсировал на пальце порез. Вновь навалилась усталость и удушающая, ноющая безысходность.

Еще один прожитый день в раю... На сколько меня хватит?

Хорошо бы встать, помыть голову и промыть рану, но для этого придется греть на единственной плитке старый почерневший чайник, тратить электричество, а в конце месяца искать деньги на его оплату. Проще завтра, при свете дня, а сейчас бы согреться и поесть, но ни первое, ни второе неосуществимо. Приземистый дребезжащий холодильник, оставшийся от прежних хозяев, пуст, а надвигающаяся ночь вытянет из продуваемой халупы остатки тепла. Отопления нет. Накопить бы когда-нибудь на второе одеяло...

Медленный вдох. Выдох.

Завтра, когда обрюзгший Тони заплатит за сегодняшнюю вылазку, можно будет купить хлеба и сыра. Если не прикарманит половину выручки, то, возможно, останется на пачку чая и пару булочек – это временно заглушит терзающую желудок боль.

Шум дождя усилился.

За окном серела бетонная стена, окаймлявшая лестницу в полуподвал.

Вот и прошел еще один день, один день на опостылевшем

тринадцатом Уровне.

Почтовый ящик, криво прибитый к деревянной входной двери, оказался пуст. Когда же придет разрешение о переходе на четырнадцатый?

Что вам нужно, гадам в серебристой форме, чтобы дать зеленый сигнал? Уже три года здесь... сколько еще?

Поговаривали, что на четырнадцатом хорошо. Другие города, чистые уютные улицы, меньше преступности, люди добрее. Правда ли? Жизнь не должна быть такой собачьей, по крайней мере, не у всех. Повезло тем, живущим в небоскребах из белого стекла на центральных проспектах Солара: в их квартирах красиво и тепло, там не нужно пересекать комнату на цыпочках и в три прыжка, лишь бы не отморозить ступни, – полы их апартаментов устилают ковры.

Сон тщетно силился сморить утомленное сознание – мешала продрогшая физическая оболочка и нытье в порезанном пальце.

Придется все-таки встать, обработать рану и вскипятить чай, иначе не уснуть. Я вздохнула, пытаюсь перебороть вселенскую усталость, – *зачем я здесь... для чего... кому нужна такая жизнь?* – откинула одеяло и поднялась с постели.

Аптека на углу оказалась закрыта, и пластиковая белая коробочка, стоящая в тумбе, этим вечером не пополнилась новыми запасами медикаментов. В истрепанной бумажной упаковке нашлась последняя таблетка перекиси, я бросила ее на дно стакана с водой. Не зажигая свет, прошла до туалета, набрала в чайник воды, вернулась, поставила на маленькую плитку. Застыла у испещренного неровными потеками окна, глядя на сочившееся влагой тяжелое черное небо.

Темно, тихо, пусто. Сплошная усталость в душе и голод – бесконечные спутники обреченного на жалкое существование человека.

Бывали времена и получше.

Когда таблетка в стакане растворилась, я наконец включила свет. Закатала мокрые джинсы (холодно в них и еще холоднее без них), осмотрела расплывшийся на ноге синяк – колено я ударила после того, как вскрыла дверной замок и дала деру, позволив остальным орудовать в доме без меня, задела им о бетонный парапет, перепрыгивая. Ничего. Заживет.

Теперь порез...

Рана оказалась достаточно глубокой и до сих пор кровоточила; я сунула палец в стакан и поморщилась – хорошее, должно быть, лезвие у того ножа, если от одного касания вот так. Жидкость в стакане окрасилась в розовый.

Когда люди говорят «день не задался с самого утра», они чаще всего

имеют в виду непрозвонивший будильник, пролитый кофе, порвавшиеся колготки, нежелательный звонок на мобильный или пробки по пути на работу. У меня не было ни будильника, ни кофе, ни колготок, ни машины, ни даже нормальной работы. Мобильник был: старый, с треснувшим экраном и заедающими кнопками; он же служил и будильником. Машину пришлось продать несколько месяцев назад, сразу после аварии, кофе я в последний раз пила у Саймона в гостях (*две? три недели назад?*), колготки вообще не использовала – зачем, если нет ни платьев, ни того, с кем ходить на свидания, а специфика работы требовала лишь неприметной и удобной одежды в гардеробе? Косметика, колготки, фены, бигуди – подобные вещи нужны женщинам, ведущим нормальный образ жизни, а не локерам, которые официально числятся на должности секретаря, а на деле выполняют разовые нелегальные заказы по вскрытию замков.

Я поджала губы.

Мой день считался удавшимся, когда в желудок попадала хоть какая-то еда, на теле вечером оказывалось меньше трех ран, а за окном стояло тепло, что позволяло заснуть, не лязгая от холода зубами.

Все, хватит сантиментов: чай и в постель. Еще одна ночь, еще один день, такой же бесполезный, как и предыдущий. Завтра к Тони на поклон, после работы в офисе – аптека и магазин. А вечером в почтовом ящике, может быть, появится заветная бумага о разрешении перехода.

Надейся.

«А на что еще надеяться?» – огрызнулась я самой себе.

К тому моменту, когда перестал кровить палец, чайник согрелся. В крохотном облупившемся шкафчике, прибитом к стене над плиткой, нашлась пачка чая с тремя пакетиками – один тут же отправился в кипятилок. Вот оно, драгоценное тепло. Желудок обиженно буркнул.

Да, не еда. Еда будет завтра.

Первый глоток немилосердно обжег горло, пришлось добавить в кружку холодной воды из бутылки.

За окном не на шутку разбушевалась непогода. Лило как из ведра: стекло жестко хлестали дождевые струи. Палец болел не так сильно; я еще раз посмотрела на порез и вдруг вспомнила о ноже, оставленном на полу у порога. Надо бы взглянуть на него поближе, сгодится ли в повседневной работе? Если нет, всегда можно оставить дома или подарить.

Нож нашелся на прежнем месте – справа от мокрых ботинок (*черт, не просохнут до завтра...*); я нагнулась и взяла его в руки. Тяжелый, средней величины, с отформованной под пальцы рукоятью, широким недлинным лезвием. Наверное, военный. Хорошая находка; с назначением можно

определиться позднее, сейчас – отмыть: серебристый металл едва просматривался под слоем грязи и налипшей травы.

Я вздохнула – сегодня свет в квартире горел неприлично долго (*снова распухнет счет за электричество*) – и отправилась в туалет, к раковине.

Вот уже несколько минут я, не отрываясь, смотрела на лезвие, начисто забыв о зажженном свете и голоде.

Нож.

Он был бы обычным ножом, если бы не одна маленькая деталь – телефонный номер на его поверхности. Точнее, *над* его поверхностью. Стоило повернуть лезвие немного вбок, как цифры вспыхивали и гасли, отчетливые и различимые.

Голограмма.

Голограмм в своей жизни я знала несколько видов: на дорогих рекламных щитах, упаковках запрещенных медицинских препаратов и Комиссионных печатях. Кто, а главное, для чего мог создать такую над лезвием обычного ножа? Ну, хорошо, пусть не обычного, а тяжелого, красивого, в чем-то уникального, но *ножа*.

Загадочная находка, которую я, отмыв, сначала тщательно изучила с помощью увеличительного стекла, теперь лежала на кровати, молча храня свои секреты. То, что ряд вспыхивающих цифр над поверхностью не являлся ни шифром, ни комбинацией к сейфу, я поняла с первого взгляда: во-первых, настолько важную информацию никто не стал бы помещать в виде голограммы на подобный предмет, а во-вторых, за долгие годы работы с электронными замками я научилась распознавать кодированные данные. Нет, скорее, это был номер. Телефонный номер. Вот только зачем его нанесли на нож?

Время – одиннадцать вечера. По окну барабанили капли, чай был давно выпит, самое время лечь спать, а я все сидела на мягкой постели, ощущая, как вверх по позвоночнику пробирается холодок.

Когда-то друзья из «Кину» научили меня работать с замками (*благослови небо их ушедшие души*) и теперь наверняка были бы разочарованы, узнай, на что именно я в последнее время растрчивала талант; видит бог, они были бы правы. Работать спасателем – совсем не то же самое, что работать вором. Вот только один принцип, став профессиональным локером, я не нарушала никогда – не брала чужого. Открывала двери? Да. Иногда даже сейфы. Но ни разу я не присвоила себе чужой вещи – на то был жесткий моральный запрет, удерживающий от падения на самое дно, спасающий остатки потрепанного самоуважения. В

домах всегда работали другие, они же решали, что взять, а что оставить. Моя работа заканчивалась в тот самый момент, когда раздавался заветный щелчок (или писк, или сигнал), означающий, что проход открыт. Все. В этот самый момент я уносила ноги. Иногда целые, иногда расцарапанные, в синяках или порезах. Деньги за работу забирала у Тони, но только то, что мне причиталось за вскрытые замки, – никогда процент от потенциальной суммарной стоимости украденных вещей.

А теперь на моей кровати лежала чужая вещь, чуть ли не именная, и это напрягало. Такую невозможно было потерять по случайности или выбросить, за такой хозяин бы зорко следил, возможно, поставил бы внутрь маячок. А если так, значит, скоро в мою дверь могут постучать. Хотя... Нож не один день пролежал в канаве – это стало ясно при близком осмотре, – а хозяин за ним так и не вернулся. Значит, маячка нет.

Мысли путались.

Чтобы отвлечься, я встала с постели, стянула с ног сырые джинсы и повесила их на спинку стула, затем во второй раз за вечер поставила греться чайник. Вернулась на кровать, замотала ноги в одеяло.

Итак, что мы имеем?

Потерянную ценную вещь, которая кому-то была дорога, и телефонный номер ее владельца.

Возможно, не существующий более...

Возможно. Но если номер окажется действующим, хозяин может очень обрадоваться, узнав, что нож найден.

Обрадоваться настолько, что вознаградит за честность?

Или разозлится и надает по шее.

Ну, к последнему не привыкать...

Внутри против воли затеплилась надежда: вдруг, если позвонить, он (она?)... нет, скорее всего он, почувствовав прилив благодарности, даст, ну, пусть не тысячу или даже не сотню долларов, но хотя бы пятьдесят? Даже двадцать... Магазин на углу открыт до утра. Там есть сыр, хлеб, мясная нарезка, сок... шоколад.

Рот наполнился слюной.

Внутри тут же высунула личико маленькая Меган – ее обнадежило слово «шоколад».

Не смей надеяться.

Она обиженно почмокала губами и скрылась из поля зрения. Ей, мелкой, было все равно, что я, взрослая Меган Райз, должна, несмотря на трудности, оставаться рассудительной, логичной, уметь терпеть лишения и где-то постоянно (непонятно из чего) черпать силы на то, чтобы жить

дальше.

Кроха, ты маленькая мечтательница. До сих пор веришь в доброту, в заботу, в сказки. Хочешь красивую квартиру вместо этой промозглой дыры, любишь смотреть на далекий ночной Солар и представлять себя живущей там, где тепло, где любят... Да, любят и понимают.

Я бы обняла ее, если бы могла, утешила бы, сказала, что все еще придет однажды, обязательно придет, но маленькая Меган уже ушла в недра сознания.

Стало грустно. Взгляд снова упал на нож; чайник на плите закипел. Рассерженно буркнул желудок – хоть бы кусок плесневого батона к чаю, но откуда? Если только позвонить... Позвонить по странному номеру, переливающимся на лезвии.

Но ведь на дворе почти ночь?

Ночь, которую придется провести в голодных судорогах, если не попробоватъ.

Что, действительно? Звонить непонятно кому и пытаться объяснить, что ко мне в руки по ошибке попал чужой предмет?

Я вздохнула, прижалась затылком к холодной стене и закрыла глаза.

Бездействие еще никогда не помогало выжить, а вот действие... Да, оно порой подводило под риск и заканчивалось плачевно, но изредка все же приносило доход, способный обернуться куском колбасы или сыра.

Я выругалась вслух.

И это на ночь-то глядя. Свихнулась я, должно быть, уже... Не хватало, чтобы меня еще и побили за кражу.

Одеяло резко отлетело в сторону. Стуча зубами теперь уже не только от холода, но и от волнения, я пересекла комнату, выключила плиту и застыла у стола, собираясь с силами. Ладно, пью чай, потом звоню.

И будь что будет.

* * *

Как сердце узнаёт, когда начинать бешено колотиться? Подумаешь, телефонная трубка в руках... Ведь ни единая цифра еще не набрана, всегда можно отступить – тогда зачем так стучать, как будто мир через секунду рухнет?

Ладони тоже дрожали.

Совсем нервы ни к черту.

Нож рядом, телефон в ожидании, пальцы медленно обводят плоские

черные кнопки, не решаясь нажать.

Все, поехали. Если не сейчас, то уже никогда.

Ежесекундно сверяясь с голограммой, я принялась набирать номер – первый пик, пауза, еще два, снова пауза... восемь, девять, четыре, три, двадцать два, триста сорок пять. Когда раздался первый длинный гудок, трубку пришлось вжать в ухо, чтобы не выскользнула из трясущихся пальцев.

Что я делаю?.. Даже если ответят в двенадцатом часу, то сразу же пошлют и будут совершенно правы.

Второй гудок... Тишина. Третий. Казалось, все тело превратилось в единый ходящий ходуном пульс.

Наверняка номер заброшен, иначе каждый бы звонил... Настороженность сменилась сначала радостью, затем облегчением. Четвертый гудок. Все, уже не возьмут...

– Да.

В своей жизни я часто радовалась раздающимся щелчкам, означавшим «у меня получилось открыть замок», но именно этому щелчку, возникшему при соединении абонентов, я почему-то не обрадовалась совершенно. Ответивший голос принадлежал мужчине.

– Здравствуйте.

Только бы не лепетать и не заикаться, ведь я ничего не крала, я звоню по делу, по важному делу.

– Здравствуй.

Я прочистила горло.

– Простите, что беспокою вас в столь позднее время, но мне показалось, будет правильным позвонить вам.

Мужчина на том конце провода молчал. Определить, была ли тишина дружелюбной или враждебной, не представлялось возможным. Затем он спросил:

– Где ты взяла этот номер? Он не числится в телефонных книгах.

Обращение на «ты» вкупе с интонацией выдавало в собеседнике рассудительного, уверенного в себе человека. Хорошая и иногда опасная комбинация.

– Конечно нет, то есть... возможно, что нет, но он написан на той вещи, что я сегодня нашла. Именно поэтому я и звоню.

На этот раз секундная пауза дыхла холодом.

– Какой вещи? – Эти слова были произнесены медленно и настороженно, будто даже неохотно.

– На ноже.

На том конце повисла мертвая тишина. Ни дыхания, ни шума, ни слов. Мой взгляд заметался с лежащего рядом ножа на темное окно и обратно. Затем на мокрые джинсы, висящие на стуле, на чайник, снова на нож – но я не видела ничего из того, на что смотрела.

Почему он молчит? Если у него никогда не было ножа, то почему бы не сказать об этом? Мол, гражданочка, что вы мелете? А если был, то почему бы не выказать облегчение?

В душу закралось нехорошее предчувствие – липкое, похожее на стягивающуюся пружину. Что-то шло не так.

– Я всего лишь подумала, что раз на ноже ваш номер, то...

– Я скоро буду у тебя. Жди.

Короткая фраза и череда коротких гудков сразу после.

Господи спаси!

Я ошалело посмотрела на телефон; выбросившаяся в кровь порция адреналина заставила тяжелый сердечный ритм перейти на бег.

Почему сразу у меня? И как скоро? Что вообще за странная реакция и не менее странный диалог? У МЕНЯ?! Я с ужасом смотрела на мобильник, экран которого уже погас. Мне все-таки надают по шее за кражу?!

Хотелось громко выругаться. Как он узнает, куда ехать? Ох, о чем это я – каждый, кто имеет доступ к телефонной базе, за минуту вычислит адрес.

Что я наделала? Кто толкал меня на этот звонок? Лежал себе нож и лежал, есть-пить не просил... нет же, давай позвоним, еще разок сыграем благородную роль, побудем честной...

Тихо! Без истерик.

Мысли тут же сиганули в сторону и затихли; в навалившейся тишине барабанный бой крови, отдающийся в ушах, зазвучал оглушительно.

Кем бы ни оказался незнакомец, он посмотрит телефонную базу, приедет и заберет нож. Всё.

Всё?

Да. Всё.

Не думая о том, что делаю, я положила телефон на кровать, подошла к стулу и принялась натягивать на ноги мокрые джинсы; от прикосновения холодной ткани кожа покрылась пупырышками.

Сколько теперь ждать, всю ночь? Пока отыщет адрес, пока подъедет, пока выслушает мой путаный рассказ...

Черт бы меня побрал! Оставила бы нож себе и уже спокойно видела бы десятый сон, так нет же...

Одевшись, я наскоро расчесала волосы, переложила нож с кровати на стол, заварила чай и погасила свет. На ощупь вернулась к столу, села на

стул, обхватила пальцами горячую кружку и попыталась успокоиться.
Уснуть все равно не смогу. Буду ждать здесь.

* * *

Когда Дэлл Одриард, светловолосый мужчина, сидящий в кресле, отнял от уха телефон и медленно опустил руку, сохраняя непроницаемое выражение лица, его друг Мак Аллертон всерьез обеспокоился.

– В чем дело?

Костяшки пальцев Дэлла, держащего в руке бокал с коньяком, который они с Маком неспешно пили, беседуя о работе, побелели от напряжения, лицо окаменело, губы сжались, а в глазах застыло странное выражение.

– Седьмой, – после молчания ответил он.

Аллертон напрягся. Может, это не то, о чем он подумал?.. Вот только его обычно расслабленный спокойный друг редко выглядел так, значит, он не ошибся. То был седьмой человек, нашедший нож и позвонивший по поводу находки.

– Твою мать, – выдохнул Мак и потер темную щетину. Сложно было добавить что-то более емкое, учитывая глубину той ямы, в которой Одриарду, специалисту по взрывчатым веществам, работающему в отряде специального назначения, скоро придется оказаться. – Мужчина? Женщина?

– Женщина.

Дэлл на секунду прикрыл глаза, затем залпом осушил стакан, не желая даже думать о том, что это все-таки случилось снова. Блеснули в свете лампы дорогие серебристые часы на широком запястье. В жесткий взгляд закрались злость и неуловимая обреченность. Он усилием воли заставил себя разжать пальцы, чтобы бокал в руке не треснул.

От прикуренной стоящим напротив него Маком сигареты под потолком поплыл дым.

– Сколько времени прошло с последнего раза? – Аллертон – убийца на службе Комиссии, прозванный за особое умение ощущать жертв на расстоянии Чейзером, – прищурил зеленовато-коричневые глаза.

– Три месяца. Три месяца спокойной жизни... – Дэлл вдруг взорвался: – Я должен был забрать его из того кювета!!!

– Ты не мог! Не имел права.

Дэлл жестко выругался, намекая, в каком гробу он видел это и все остальные права. Мак понимал его – это ему предстояло остаться сегодня

вечером в кабинете собственного дома, чтобы допивать коньяк, а после работать или отдыхать, в то время как его коллеге придется нестись на машине через ночь, чтобы ублажить мелочное желание очередного идиота. Идиотки. Еще неизвестно, кто хуже, вдруг подумал Мак, – мужчины или женщины. Наверное, все-таки женщины. Представительницы слабого пола умели наилучшим образом давить на болевые точки, выворачивая на поверхность всю свою извращенность, которую зачастую скрывали за холеными лицами и длинными ресницами их умы. Алчные, похотливые, однажды дорвавшись до власти над другим человеком, жаждущие отыграться по полной.

Нет, был он вынужден признать, конечно, не все. Но те, что попадались на пути Дэллу, успели сформировать стойкое убеждение в том, что женщина с «особым» ножом в руках куда хуже мужчины.

Одриард медленно втянул носом воздух и посмотрел на него исподлобья.

– Я должен идти.

– Откуда был звонок?

– Код Солара.

Чейзер усмехнулся. Конечно, откуда же еще. Именно там в последний раз остался лежать на дне вонючей канавы тот самый нож, однажды выданный Дрейком за провинность, и ни Мак, ни кто-то из друзей не имели права подобрать его, чтобы помочь избежать наказания. Нарушение приказа каралось Начальником Комиссии не просто жестоко, а утонченно жестоко, как в случае с Дэллом: однажды послушавшись, он оказался привязан к бездушному предмету, переходящему из рук в руки, и тот, в чьих руках оказывался злосчастный нож, получал в свое распоряжение раба в виде здорового мужчины ростом метр девяносто с развитой мускулатурой, сноровкой и другими полезными качествами. Люди глупы: подобная комбинация часто заставляла их распахивать рты, а мозг – истекать вожделением от чувства власти. Почти все моментально становились одинаковыми... И ни один, похоже, не задумывался о том, каково это – быть рабом.

– Нет, ты не можешь убить ее, – сказал Мак, глядя на стальной блеск, появившийся в глазах Дэлла, когда тот поднялся с кресла. – Однажды Дрейк остынет.

Одриард холодно улыбнулся, молча спрашивая: ты в это веришь? Нет, Мак не верил. Он хотел добавить, что однажды кто-то может отдать нож и тем самым прервать затянувшуюся пытку, но не добавил. Потому что уже сам не верил, что такое когда-нибудь случится. Реальность за последние

три года успела покрошить и затоптать в землю все надежды.

– Я пошел.

– Если тебе нужны будут деньги...

– Да, я понял. Спасибо.

Дэлл вышел в коридор. Через минуту завелся мотор черного автомобиля, припаркованного у входа.

Мак смотрел, как машина отъезжает, с яростью – хотя это не ему сейчас нестись к порталу, чтобы попасть с четырнадцатого на тринадцатый, не ему встречаться с незнакомкой, которой вскоре предстояло узнать про «подарок», и смотреть, как зажгутся нездоровым светом от радости ее глаза...

Да, Дрейк умел наказывать. А они – убивать. И это было именно то, что Начальник запретил делать с теми, кто звонил по указанному над лезвием номеру.

Глава 2

Когда в перестук дождевых капель вплелся звук мотора, я резко встрепенулась и едва не выронила из рук кружку с чаем, над которой последние пятнадцать минут клевала носом. Свет от фар волной прошелся по потолку и стенам, на несколько секунд высветил грязный стол и скомканное покрывало, скользнул по стенке холодильника и исчез – машина, судя по всему, развернулась.

Может, залетный и сейчас уедет?

Я поднялась со стула и на всякий случай взяла со стола нож. Автомобили в этом районе появлялись редко, больше проездом: почти никто из жителей окрестных домов в силу бедности не владел собственным транспортом. Только изредка пространство неказистого двора нарушал свет фар и пропитывал запах бензина. Чаще всего ненадолго.

С гулко колотящимся сердцем я прислушалась: шорох шин стих, но тихий рокот мотора остался; поверх бетонной стены возникло красноватое свечение – отблески от зажженных стоп-сигналов. Вероятно, тот, кто приехал, развернулся и остановился у лестницы, ведущей в мою каморку.

Значит, это мой гость. Пожаловал за ножом.

Я судорожно пригладила волосы пятерней, натянула поверх темной водолазки снятую с крючка на стене неприметную бордовую куртку и застыла посреди комнаты. Куда положить нож, не в руке ведь нести? Так глупо не встречаются даже врагов.

Ежесекундно ожидая услышать требовательный стук в дверь, я бросилась к стоящей в углу тумбе, отыскала на нижней полке старую сумочку из черной потрепанной кожи и запихнула в нее нож. Если лезвие вспорет подклад, черт с ним.

В дверь пока не стучали, скорее всего, приехавший ждал в машине. Я выпрямилась и сжала сумочку в дрожащих пальцах.

Просто поздороваться и отдать. А потом на боковую.

Очередная волна дрожи сотрясла тело, когда я представила, что снова придется выйти под дождь. Что за проклятие без перерыва ходить в отсыревшей одежде?

Не нить.

Убедившись, что снисходить до моей квартиры никто не собирается, а красноватый свет продолжает сочиться поверх бетона, я быстро пересекла комнату, взяла со стола ключи, подошла к двери и принялась обуваться.

Пора поздороваться.

Машина стояла в нескольких метрах от лестницы – черный, как ночь, влажный и блестящий, элегантный седан, слишком дорогой для убогого, усыпанного мусором закутка возле обшарпанной пятиэтажки. Вокруг лужи, сырость, грязь, бачки с помоями, вечно закрытые окна квартир подозрительных жильцов – и на тебе, такая красавица. Не ржавая коряга, не мятое, битое или грязное ведро с гайками – именно такие чаще всего сотрясали хлопками неисправных глушителей дребезжащие стекла, – а настоящий шедевр.

На такой не накопить жителям целого квартала, работай они годами.

Подобный автомобиль смотрелся здесь столь же помпезно, сколь и нелепо – как высокотехнологичный обтекаемый болид из другого измерения, случайно заехавший на захудалую свалку колониального мира.

Сотрясаясь от холода, я нерешительно шагнула вперед; левый ботинок угодил в выбоину на асфальте и тут же пропитался холодной жижей.

Задние фары продолжали гореть, движок работал, но его тихий равномерный рокот был едва различим, заглушаемый ударами отскакивающих от лакированного металла капель и шумом в кронах близлежащих деревьев.

Меня вдруг сковала неуверенность. А что, если эта машина никак не связана с недавним звонком? Не могу же я подойти к незнакомому водителю, расстегнуть сумочку и сказать: «Не хотите посмотреть на мой нож?» Мне впечатают в лицо быстрее, чем я успею открыть рот. И хорошо, если кулак, а не пулю.

Черт, за последние полтора года я совершенно разлюбила различного рода приключения и отчаянно не желала окунаться в новое. Тем более в полночь дождливой ночью на пустынной улице.

Уйти назад? Запереть все замки и ждать, пока звонивший постучит в дверь сам?

Ливень усилился.

Пока я, мокрая и растерявшаяся, вглядывалась в непроницаемые тонированные стекла, пытаюсь решить, что делать дальше, пассажирская дверца медленно и лениво распахнулась. На случай, если вдруг покажется субъект бандитской наружности, я приготовилась дать деру. Но секунды шли; никто не выходил. Какое-то время дверцу изнутри и снаружи омывали струи дождя, а из салона лился мягкий желтоватый свет.

Приглашение. Он хочет, чтобы я села внутрь.

Усилием воли заставив согнуться окоченевшие от холода колени, я шагнула вперед, преодолела отделяющие меня от машины метры грязи, нагнулась и испуганно заглянула в салон.

– Добрый вечер. Это с вами я говорила по телефону?

Сидящий за рулем человек – внушительного вида крепкий светловолосый мужчина – неопределенно качнул головой.

– Садись.

Значит, с ним.

Я собрала нервы в кулак и села на пассажирское сиденье. Осторожно, чтобы не хлопнуть слишком сильно, закрыла дверцу; лампочка на потолке погасла, погрузив салон не в полумрак даже – в темноту.

Моментально налетел страх: зачем я села к незнакомцу в машину, ведь даже лица не успела разглядеть? Дура, даже пикнуть не успею в случае чего!

Сразу в нескольких окнах шевельнулись шторы – наблюдать наблюдают, а вот помочь в случае чего не выйдут. Бесплатное шоу на ночь.

Лампа у подъезда перегорела еще месяц назад, никто так и не починил, а из четырех фонарей, расположенных по периметру двора, горел только один, самый дальний. Тусклый свет, исходящий от него, освещал разве что мусорный бак справа у ограды, окаймлявшей выкрашенную грязевыми разводами электрическую будку.

Я впиалась пальцами в сумочку, забыв о том, что острое лезвие легко пропорет кожу, если нажать слишком сильно, подавила судорожный вздох и повернулась к водителю – тот смотрел не на меня, а сквозь стекло прямо перед собой. Отсвет от приборной панели подсветил его жесткий профиль, позволяя рассмотреть прямой нос, сжатые губы и твердую линию подбородка.

В салоне повисла тишина. Шум дождя остался снаружи; ливень обиженно, будто в отместку, поколачивал стекло и крышу.

Чувствуя себя крайне дискомфортно наедине с незнакомцем, которому, казалось, до меня не было никакого дела, я поспешно расстегнула замок сумочки и достала нож.

Пора уже с этим разобраться. Сам он, похоже, разговор не начнет.

Я решила расставить точки над *i*.

– Сегодня я случайно нашла вот это. Отмыла, увидела на лезвии номер и поэтому позвонила. Это ваш?

Мужчина шевельнулся. Коротко и, как мне показалось, неприязненно взглянул на зажатый в моих пальцах предмет и нехотя разжал губы.

– Раз ты нашла, теперь твой.

Я нахмурилась.

– Что значит «мой»?

Он не ответил.

Лезвие тускло блеснуло, отражая свет цифр на экране встроенной магнитолы. То ли от усталости, то ли от голода моя способность логически мыслить притупилась, но даже в таком состоянии я ощутила, что диалог получается, мягко говоря, странным.

– А вы разве не хотите его забрать?

Водитель повернулся и наградил меня долгим тяжелым взглядом; губы его дрогнули в усмешке, будто говоря: «О да! Я бы забрал...», и выражение его лица мне совершенно не понравилось. Теперь, когда глаза привыкли к темноте, я сумела разглядеть больше деталей, нежели вначале.

Во-первых, незнакомец оказался блондином – но не из тех, что красят волосы перекисью, добиваясь желтоватого цыплячьего оттенка, а красивым, пепельно-русый блондином с благородной стрижкой. Коротко стриженные виски и затылок, сверху волосы длиннее и зачесаны назад. Широкие брови более темного оттенка, светлые глаза, квадратный подбородок, мощная шея.

Во-вторых, он оказался большим. Нет, не толстым, но накачанным, широкоплечим, и, судя по тому, что между головой и потолком салона оставался лишь небольшой зазор, еще и высоким. То пространство, куда вошло бы две меня, заполнял собой он один. Кожаная куртка обтягивала сильные руки (на толстых, это я знала совершенно точно, ткань сидела по-другому), черные джинсы второй кожей обрисовывали мощные ноги.

Господи, да он атлет...

В целом моего короткого осмотра хватило для того, чтобы понять сразу несколько вещей.

Первое: человек, сидящий рядом со мной, из высоких слоев общества – дорогая машина, дорогая одежда, умение держать себя, аккуратная стрижка, эксклюзивные часы на запястье.

Второе: его профессия связана с физической активностью – такие мышцы можно накачать только постоянными тренировками, причем разноплановыми, а не только подъемом штанги в спортзале.

Третье: квадратный подбородок, едва нахмуренные брови и холодный взгляд говорили об упрямом характере. Скорее всего, несговорчивый, жесткий, большую часть времени доминирующий над другими.

Четвертое: он красивый.

Последняя мысль удивила даже меня саму.

Какое отношение это имеет к делу?

Возможно, никакого, но водитель действительно был красив, к чему я почему-то оказалась совершенно не готова. Брутально красив, по-мужски.

Уймись, Меган. Ты здесь не за этим.

– Может быть, вы хотите его у меня купить? Так сказать, для коллекции? Недорого.

За еду.

– Нет.

Губы мужчины поджались, а на лице возникла откровенная неприязнь, будто я предложила ему купить не его же собственный, судя по всему, нож, а браслет с шипами для мошонки.

Всколыхнулось раздражение.

– Тогда, простите, зачем вы здесь?

– Чтобы сказать, что с этого момента я в твоём распоряжении.

– Что?!

Сердце забилось отвратительно громко; мне вдруг показалось, что ночь приняла сюрреалистичные очертания. Почему этот тип отвечает односложно, да еще и всякий бред? Стало неуютно. Страшно.

– Вы безумны?

Водитель снова смотрел прямо перед собой и молчал.

– Вы приехали сюда сказать, что теперь вы в моем распоряжении? С чего бы?

– Потому что у тебя нож.

– И что?

Он сумасшедший! Я нарвалась на самого что ни на есть спятившего!

Только не паниковать.

Тишина хлестала по нервам хуже кнута. Ответы незнакомца были лишены всякой логики. Какого черта я все еще сижу в этой машине? Нож он не купит, поесть этим вечером не удастся, мне бы выйти и уйти к чертовой матери, не подвергая себя дополнительному риску. Такой бугай, особенно если он выжил из ума, может быть крайне опасен.

Но прежде чем поспешно бежать, я еще раз взглянула на водителя – как ни странно, безумным он не казался. По крайней мере, интуитивно. Чуть раздраженный, усталый, немногословный, пугающий молчанием, но... не безумный, коих я за годы работы видела немало.

Дождь монотонно стучал по стеклу, рисуя влажные дорожки. Я устало потерла лоб. Страх начал спадать.

Действительно, что ли, уйти? Два шага – и я дома, за дверью.

Но ведь тогда всю ночь будут мучить вопросы. Уж лучше попробовать все прояснить, пока он еще здесь.

Раздраженная на себя за упорство, я повернулась к блондину.

– Пожалуйста, поясните мне, что вы имеете в виду, говоря, что вы в моем распоряжении, потому что я ровным счетом ничего не понимаю.

Тот, наблюдая за текущими по ветровому стеклу каплями, произнес:

– Пока нож у тебя, я буду находиться в твоём распоряжении.

Это я уже слышала.

– «В распоряжении» означает делать то, что я скажу?

– Да.

Бред!

– Поднимите руку.

Его рука покорно приподнялась над рулем.

– Вторую.

Пальцы второй разжались, и вторая ладонь застыла в воздухе.

– Потрогайте себя за уши.

Он потрогал.

Глазам своим не верю!

– Включите фары.

Тихий щелчок – яркий свет залил чахлую клумбу, растущие позади нее кусты и мокнувшие в лужах пивные бутылки.

– Выключите фары.

Свет тут же погас, погрузив двор в непроглядную, как и прежде, сырую темноту.

– Да это же бред!!!

Водитель привычно промолчал, сложив руки обратно на руль.

– Что же это за нож такой?!

Тишина.

Теперь мне точно казалось, что я участвую не то в розыгрыше, не то в пьесе, где все до единого актера безумны. И как меня угораздило?

Сумка лежала на коленях, внутри нее покоился злосчастный предмет, навлекший на мою голову эту странную встречу. Почему мужчина, здоровый сильный мужчина, способный запросто переломить шею любому, подчиняется моим словам?

Мозг отказывался мыслить логически. Он вообще, если честно, отказывался мыслить; руки дрожали.

Водитель молчал, я тоже; казалось, в эту минуту мы были связаны одним на двоих настроением, пребывая в прострации и слушая апатичный шум дождя.

– Вы не курите?

Думала, не ответит. Ответил.

– Редко.

– Я – почти никогда, но сейчас бы закурила. – Я вздохнула. – Знаете, у меня был плохой день. Не думала, что он мог стать еще хуже.

Сказав это, мгновенно спохватилась – вдруг ненароком обидела незнакомца? Бросила осторожный взгляд – тот не шелохнулся. Лицо, как и прежде, без тени эмоций, взгляд устремлен вдаль.

Почему он не едет домой? Неужели никто не ждет?

Во внутренний диалог тут же вступил второй голос, язвительный и жесткий:

– Он сказал, что теперь подчиняется тебе. Наверное, ждет приказа.

– Быть такого не может. На Уровнях нет рабства.

– А ты разве не проверила? Подними руки, потрогай за уши, включи свет! Включил? Включил.

Я не нашлась, что ответить самой себе. Логического объяснения происходящему не было.

– Теперь в твоём распоряжении здоровый красивый мужчина с машиной – предел девичьих мечтаний, разве нет? Порадуйся, вместо того чтобы забивать голову вопросами.

Я усилием воли приглушила мысли и постаралась унять круговорот эмоций; хуже всего, что в них действительно стала вплетаться нелогичная, почти безумная, учитывающая ситуацию, радость. Почувствовав слабинку, голос мгновенно вернулся.

– Может, это дар свыше? Решение всех моих проблем? Избавление от одиночества? Ведь каждому человеку должно быть дано право на счастье.

– Право на счастье через принуждение другого человека?

– А кто сказал, что ему плохо быть принужденным, если это делает девушка, и делает аккуратно?

– Иди к черту!

Я почувствовала, что от усталости, переизбытка противоречивых эмоций и внутренних споров с самой собой дошла до точки. В поле зрения снова попала маленькая Меган, сидящая в углу пустой комнаты, положив голову на колени. Она мучилась от голода.

Нет, малыш, этой ночью нам обеим не уснуть.

И вдруг пришла мысль: Тони заплатит только завтра, но сегодня, хорошо это или плохо, ко мне в гости заехал безумец, согласившийся исполнять мои желания, так почему бы...

– Всё, кого-то понесло.

Рассудительный голос внутри меня горестно вздохнул.

– Нет, не понесло! Всего лишь одна просьба!

– С этого, наверное, у всех начиналось.

На мгновение стало стыдно, но в этот момент желудок заурчал горестно и громко. И я, наступив на горло собственной гордости, спросила:

– Скажите, вы могли бы меня накормить?

Блондин, имени которого я до сих пор не знала, равнодушно кивнул.

Чувствуя себя прескверно от того, что все же решилась воспользоваться «бесплатным сыром», я сдавленно и быстро, боясь передумать, проговорила:

– На углу соседней улицы открыт круглосуточный магазинчик. Вы могли бы купить мне один сэндвич? Только один, больше ничего.

Звякнули ключи от машины. Мотор, который незаметно для меня затих какое-то время назад, снова завелся, вспыхнули фары.

Боже! Что я делаю! Собираюсь ехать в шикарной машине ночью до магазина, потому что выклянчила у незнакомца бутерброд! Это же начало конца... падение на дно.

Но отступать было поздно.

Мужчина переключил передачу и плавным движением повернул руль, выводя автомобиль со двора, прочь от моего дома. На разбитой дороге колеса то и дело попадали в выбоины, сиденья мягко покачивались на рессорах.

– Куда?

– Сейчас на главную дорогу, а там налево. Через два дома будет магазин, называется «Островок».

Свет витрин крохотной лавки с убогим ассортиментом, подобно маяку для полных пешеходов, освещал темную улицу. Возможно, именно поэтому она и называлась «Островком».

Парковка на пять машин в этот час пустовала. Мы остановились прямо у входа, напротив пыльных расходящихся в стороны дверей, заклеенных рекламными проспектами; водитель заглушил мотор и посмотрел на меня.

– Есть разница, с чем сэндвич?

– Нет.

Когда он покинул салон, я судорожно сглотнула: без разницы – с колбасой, с курицей, с рыбой... лишь бы был. Картинка завернутого в бумагу хлеба, прослоенного майонезом и кусочками мяса, заставила рот наполниться слюной.

Еда.

Господи, я и правда это сделала. Попросила его купить мне еду... Боже мой, дождала.

К нитью примешалась злость.

Отдам деньги завтра, когда заплатит Тони. Всё до последнего цента, даже сверху приплачу.

Мужчина тем временем вошел в магазин; его фигура оказалась еще выше, чем я предполагала. Широкий разворот плеч, накачанные ноги, крепкий зад, хорошие ботинки. По светло-русые волосам пробежал отблеск от расположенных над входом ламп. Водитель скрылся внутри.

Я принялась ждать, шалея от сидения в чужой машине. Стоило остаться в одиночестве, как тут же возобновился мысленный хор противоречивых голосов в голове.

Не думать. Не делать поспешных выводов. На все будет время завтра.

Притихшая магнитола высвечивала номер музыкального трека, поставленного на паузу, прорезь замка зажигания пустовала – ключ блондин забрал с собой; утопленный в центр руля, матово поблескивал незнакомый бренд автомобиля.

Нужно запомнить, спросить у ребят, что это за марка...

По дороге, разбрызгивая глубокие лужи на обочины, проехала машина и, не притормаживая на красный сигнал светофора, скрылась за поворотом. Пешеходов не было. Темные окна, валяющийся на тротуарах мусор, тихий перестук капель утомившего за несколько часов дождя. Джинсы почти высохли: кондиционер в салоне работал на обогрев.

Вскоре мой посыльный показался у кассы, что-то положил на ленту, дождался, пока кассир просканирует товар, заплатил. При виде чужого бумажника, появившегося из внутреннего кармана куртки, сердце снова екнуло.

Звякнули, расходясь в стороны, магазинные двери. Мужчина подошел к автомобилю, сел в салон, не глядя, протянул мне сэндвич и вставил ключ в замок зажигания.

Под моими пальцами хрустнула бумага. Желудок радостно забурлил, предчувствуя скорую трапезу, но я не спешила разворачивать упаковку.

Водитель пристегнулся; посмотрел сначала на зажатый в моих руках сэндвич, затем перевел взгляд на лицо.

– Что теперь?

Буду ли я есть здесь? Он это имеет в виду? Нет, не буду.

Чувство сюрреальности усилилось до максимума. Неужели теперь я на самом деле буду решать, что ему делать и куда ехать? В голове мгновенно вспыхнула радость, смешанная с болезненным дискомфортом.

Значит, это правда...

Не позволяя себе заклинить на анализе испытываемых эмоций, я коротко ответила:

– Отвезите меня, пожалуйста, домой, мне нужно спать. А дальше уже решайте сами.

Машина тронулась.

Как это странно – командовать кем-то...

Уже возле дома я поблагодарила его за сэндвич и, прежде чем выйти из машины, спросила:

– Сколько он стоил?

– Четыре пятьдесят.

– Я завтра всё верну.

Блондин не ответил.

Я захлопнула дверцу и, чувствуя себя престранно, зашагала к дому. Ноги не гнулись, упаковка сэндвича быстро пропитывалась водой, на плече болталась сумка с ножом. За спиной развернулась машина; на секунду моя тень протянулась по земле до самой стены. Шум позади стих. Глядя прямо перед собой широко распахнутыми глазами, напоминающими круглые стеклянные протезы, я кое-как достала трясущимися пальцами из сумки ключ и вставила его в замок.

* * *

Тучи нещадно поливали город дождем, машина стремительно неслась по дороге, атакуемая мириадами капель. Быстро и бесшумно работали дворники.

– *Вы не хотите его забрать?.. А купить?..*

Дорого, ох как дорого Дэлл заплатил бы за этот нож – гораздо больше, чем она могла себе представить; хватило бы на безбедную жизнь на пару Уровней вперед, а то и больше.

Следом, холодный и непререкаемый, как у бездушного судьи, в голове всплыл голос Начальника. Дэлл помнил каждое слово, сказанное в тот далекий день три года назад, помнил серый полумрак просторного помещения, гулкую тишину и застывшие лица сидящих справа и слева от Дрейка людей.

«Ты не можешь ни отнять его силой, ни купить, как не можешь и взять, будь предложение построено в вопросительной форме. Ты не имеешь права пытаться вызывать жалость, рассказывая о наказании, или

каким-либо другим методом принуждать владельца вернуть тебе нож. Только если человек сам, добровольно, не спрашивая тебя о согласии, вернет его тебе, ты станешь свободен».

В тысячный раз дословно вспомнив приговор, прозвучавший в Комиссионном зале суда, Дэлл едва не ударил рукой по рулю. Сжал зубы. Сдержался.

Как близко... как же близко.

– *Вы не хотите его забрать?*

Очень близко. Но не та формулировка, и Дэлл не смог. Не смог.

Бедный район, облезлые дома, плохая квартира, испачканная одежда.

Логан, компьютерный специалист отряда, которому он сделал запрос на предоставление информации час назад, прислал ее досье. Ее лицо на фотографии выглядело лучше, чем в жизни, – на момент съемки волосы у нее были длиннее, почти до плеч, орехового оттенка, завиты и причесаны. Теперь они едва доходили до линии подбородка, в них появились красноватые пряди. Большие серо-зеленые глаза взирали на мир отрешенно, с некоторой долей грусти (или разочарования?), и все же в целом девушка на изображении в досье казалась довольной и менее усталой.

Этим же вечером она мало чем отличалась от оборванки.

Дэлл оторвал взгляд от фотографии, которую несколько минут кряду холодно изучал, пытаясь угадать, какие сюрпризы может преподнести новая владелица ножа, и еще раз перечитал текст, расположенный ниже:

«Меган Райз – секретарь в фирме „Окна Тони“ (что за идиотское название?), специализирующейся на установке пластиковых окон. Руководитель компании: Тонио Балато. Число сотрудников: 6. Адрес...»

Стул отъехал от стола, Дэлл откинулся на спружинившую спинку, сложил руки на груди и задумался.

Секретарша.

Судя по досье, два года назад работала в спасательном отряде «Кину», все члены которого погибли при крушении вертолета над горами при попытке спасти заблудившихся туристов. Все, кроме нее. В «Кину» девчонка числилась полноправным членом команды, но на вертолете в тот день не полетела. Совпадение? Вероятно. Когда «Кину» прекратил существование, она несколько месяцев провела без работы, затем устроилась в «Окна Тони» секретаршей, резко сменив поле деятельности, скорее всего, вынужденно. Там она и работала по сей день.

Разве у секретарш не должна быть гладкая кожа и ухоженные ногти?

Как при работе с бумагами, клавиатурой и трубкой телефона можно занять столько ссадин и порезов на руках? Даже выполняя ежевечерний кросс через кусты акации, руки так не испортить.

Странная нестыковка.

Дэлл чувствовал, что устал. Не от сегодняшнего дня, а от того, что все началось заново.

Новый звонок, новая владелица-бедняк. Может, и хорошо, что так. Нищие зачастую вели себя более предсказуемо, нежели богачи: желания последних всегда отличались болезненной извращенной фантазией и попыткой уйти от пресыщения, в то время как лишенные средств к существованию желали одного, вот как сегодня – накорми, одень-обуй, снабди наличными, поработай водителем, а затем (у кого на что хватало наглости и фантазии) купи новую квартиру и машину. Ах да, и снова денег не забудь.

Джинн, мать его.

Спасибо, хоть редко просили чего-то помимо материальных благ.

В голове тут же всплыл образ Лолы – холеной, с тонной макияжа, подтянутой многочисленными операциями дряблой кожей и вечной зажженной сигаретой, вставленной в длинный мундштук.

Ночь. Запах ароматических свечей. Огни раскинувшегося Солара за окнами дорогого пентхауса на верхнем этаже.

– Красавчик, сегодня я покажу, чем именно мы займемся... Но сначала внимательно прочитай мои пожелания. Инструкция на листе.

И его обнаженная кожа, натертая маслом, чтобы рельеф мышц выгодно прорисовывался в красноватом свете ламп. Собака на ошейнике. Кусок плоти, напичканный таблетками, чтобы держать в готовности то, что само при взгляде на «хозяйку» в готовности не держалось.

Одриард закрыл глаза.

Тихо. Всё. Ее больше нет.

Внутри вскипела злость, перемешанная с горечью.

Тихо.

Он заставил себя успокоиться.

Почти три ночи. На сегодня он узнал достаточно. Уровень испорченности этой Меган Райз проявит себя позже, когда она осознает, что именно нашла в том чертовом кювете. Надежда на то, что нож на веки вечные останется лежать в грязи, зарастет травой и однажды вырастет в землю, растаяла быстрее, чем предрассветная дымка над городом.

Дрейк снова «поймет», когда Дэлл не сможет ответить на телефонный звонок и выйти на очередное задание; конечно, всё, что касается ножа, куда

важнее повседневной работы. Отбивай, парень, наслаждайся.

Мудак.

Одриард выключил компьютер и поднялся со стула. Возможно, сегодня последняя ночь, когда ему удастся нормально поспать. В том случае, если воспоминания, словно рой зубастых гремлинов, не вопьются в разум, раз за разом прогоняя голышом по углям через все события, случившиеся за последние три года.

Он должен их отогнать, этих гремлинов, должен отключить голову и поспать.

На стене кабинета в свете ночника, оставшегося гореть на столе, поблескивала коллекция собранных за годы пистолетов разных марок. Только место в центре пустовало: не хватало уникальной модели «Брандта», выпущенного в единственном экземпляре.

Когда-нибудь.

Дэлл прошел мимо коллекции. Покинул офис, вошел в притихшую спальню и принялся расправлять постель.

Жаль, что ситуация вновь вынудит его ненавидеть эту ни в чем не повинную, по сути, девчонку. Плохая или хорошая – теперь не важно. Владелица ножа, а значит – враг.

Погас свет; темнота укрыла спальню.

Он лег в постель, чувствуя давившую на сердце плиту, и закрыл глаза.

Глава 3

К полудню тучи растянуло, и лужи засверкали, отражая солнечные блики.

Шелестела от ветра влажная листва; зелень напиталась влаги, сделалась сочнее, стряхнула пыль. В приоткрытое окно долетали звуки автомобильных клаксонов.

С утра пришлось разбирать корреспонденцию, печатать договоры и отвечать на телефонные звонки; к обеду утренний топот и голоса сотрудников стихли. Все, кроме Тони, отправились на обед.

Выданный боссом конверт с двумя сотнями долларов надежно покоился на дне верхнего ящика стола под стопкой чистых листов для принтера. Большой куш; хороший, видимо, был дом, с богатыми владельцами.

Я поморщилась.

Официально контора Тони занималась установкой пластиковых окон в особняках близлежащих районов, а неофициально лопухий крепыш Рик Заппа и долговязый Фрэнк Маккейн, монтажники компании, во время выездов к клиенту для снятия замеров зарисовывали план дома, а также фотографировали расположение датчиков сигнализации и типы замков. Изображения впоследствии передавались мне для изучения.

Не стоило когда-то говорить о том, что я локер, но что толку теперь сетовать.

В «Кину» взлому обучали не для того, чтобы грабить мирных граждан, а для того, чтобы вскрывать квартиры суицидников, стоявших на карнизе высоток и готовых прыгнуть вниз при первом же шуме. В таких ситуациях выламывание или взрыв спровоцировали бы нежелательные действия у людей со слабой психикой, и именно тогда пригождался локер, работающий быстро и тихо.

Теперь же я вскрывала двери не для того, чтобы помочь спасти обиженных на судьбу психопатов, а для того, чтобы облегчить карманы здоровых, довольных жизнью и чаще всего богатых людей. Иначе не заплатить за собственную квартиру, не купить еды, не продержаться на плаву.

На листе бумаги, лежащем поверх клавиатуры, красовался аккуратно выведенный символ – тот самый, утопленный в руль черной машины. Проходивший мимо босс, одетый в белую засаленную рубашку и темные

брюки, с любопытством покосился на рисунок.

– Эт ты где увидала?

– Уже не помню.

Зализанные гелем темные волосы повторяли форму округлого черепа, обвислые синеватые от щетины щеки дрожали, пока Тони, стоя у стола, тер подбородок, точнее, оба подбородка: второй напоминал зоб пеликана – пустой болтающийся мешок, в котором давно не было рыбины.

– Это знак «Неофара», такие тачки делают под заказ за баснословную цену. Я одну такую видел у казино «Роял Бэй» как-то раз, давно уже. Чуть не уссался от зависти.

Последнюю фразу шеф проворчал, натягивая пиджак.

Ну, в казино-то ты ходил, денег хватило.

– Я на обед. Когда вернется Ларс, скажи, чтобы съездил вот по этому адресу.

Ко мне на стол лег обрывок бумажки.

– Хорошо.

– Всё. Скоро буду.

Пожелав захлопнувшейся двери приятного аппетита, я откинулась на спинку стула, посмотрела в окно и позволила себе расслабиться. Ларс Освальд – монтажник и по совместительству водитель – вернется не раньше, чем через полчаса. Из кармана я тут же извлекла мобильник, сняла блокировку и вызвала список исходящих звонков. Последним в нем значился номер моего вчерашнего гостя – мужчины, приехавшего на «Неофаре».

Проснувшись с утра, я счастливо думала, что вчерашняя встреча – не более чем сон, но лишь до того момента, пока взгляд не уперся в брошенную на стул, съезжившуюся, раскрытую сумочку, из которой выглядывала рукоять... да, конечно же... ножа. Того самого, который я упорно пыталась продать или обменять на еду.

С той самой минуты мысли о немногословном блондине неотвязно кружили в голове. Я думала о нем, собираясь на работу, закрывая входную дверь, шлепая ботинками по лужам, пересекая заполненные машинами перекрестки, сидя в офисном кресле, отвечая на бесконечные звонки клиентов и что-то печатая на клавиатуре.

Когда предположения «да он больной» или «разыгрывает меня» отодвинулись на задний план, я впервые допустила мысль, что все сказанное водителем – правда и он действительно приехал затем, чтобы «подчиняться» мне, как бы абсурдно последнее ни звучало.

Как и каким образом кто-то смог связать человека и предмет между

собой, а главное – зачем? Неужели любой заполучивший в руки нож мог управлять этим человеком – приказывать, заставлять, подчинять? От одной только мысли об этом делалось тошно. А если бы меня взяли и привязали, скажем, к шариковой ручке или валяющемуся на дороге бумажнику и каждый схвативший его звонил бы мне домой, вынуждая нестись сквозь ночь в неизвестном направлении, а по приезде заявлять: «Я буду подчиняться вам, пока эта (гребаная) ручка/бумажник в вашем распоряжении»?

Меня передернуло.

Фу! Что за ерунда! Точно бред, не иначе!

А для него не бред, а реальность.

На секунду мое тело будто закаменело.

Экран мобильного давно погас; в пустой комнате тихо жужжал вентилятор. Вынырнув из задумчивого оцепенения, я повозила по коврику мышью, чтобы компьютер не ушел в спящий режим, и снова посмотрела на зажатый в руке мобильник.

Кто бы ни сделал подобное, так продолжаться не должно. Нужно найти способ вернуть нож, каким-то образом убедить водителя взять его. Возможно, надавить, используя тот же самый пресловутый предмет. Неприятно, да, но ведь для его же собственного блага.

Стоило подумать о благородстве, как проснулась и моя темная сторона.

Он красивый мужчина, оставь нож себе. Кого заботит, хочет он того или нет, может, со временем подружитесь, а там...

Я хмыкнула, представив, как могла бы выглядеть подобная «дружба».

Поговори со мной – слова сквозь зубы.

Посмотри на меня – равнодушный взгляд.

Куда съездим развлечься? Куда прикажешь...

Чем займемся у меня дома? А в ответ тишина и ненависть в глазах.

А разве я не вела бы себя иначе, отвечая на «ласковые» призывы какого-нибудь бородатого мужика, желающего подружиться со мной-рабыней? Да с высокой башни бы я плевала на его попытки проявления человечности, ожидая только одного – возвращения ножа. Ах да, шариковой ручки в моем случае.

В общем, нет, спасибо. Не нужен мне мужчина (пусть даже очень красивый мужчина), который тихо меня ненавидит и смотрит волком. Использовать в качестве водителя, чтобы каждый раз чувствовать дискомфортную натянутую тишину в салоне? Тоже не по душе. Попросить много денег – встать в один ряд с предыдущими владельцами (интересно,

были ли они, и если так, то сколько?), а потом с гадостным чувством тратить капитал? Ведь отдала же нож – заслужила награду.

Тьфу.

Лучше отдам просто так, а денег заработаю сама.

Твоя честность сведет тебя в могилу.

Точно. Однажды. Но пока не свела, побуду все же человеком там, где это возможно.

Хлопнула входная дверь – вернулся рыжий Ларс.

– Э-э-эй! – завопил с порога. – Сидишь? Даже пожрать не сходишь? Так на тебе мяса не нарастет.

Он сально подмигнул, плюхнулся в кресло у дальней стены и принялся шуршать бумагами.

Да пусть бы и неросло, зато такие, как ты, будут держаться подальше.

– Мне Тони ничего не оставлял?

– Оставлял, – спокойно ответила я, спрятала мобильник в карман и кивнула на лежащий на краю стола огрызок бумаги.

– Неси.

– Сам возьмешь.

– Грымза ты, Меган.

Я промолчала. Обычный рабочий день: дурная компания, полное отсутствие вежливости, уважения и субординации между работниками. Досидеть бы до пяти вечера, а там – на улицу, на свободу.

Игнорируя злой взгляд маленьких карих, напоминающих пуговицы глаз, я принялась сосредоточенно набирать очередной договор для клиента, имевшего несчастье обратиться за новыми окнами не куда-то, а в контору грабителя Тонио Балато.

* * *

Август выдался дождливым и промозглым, но иногда, как сегодня, словно из ниоткуда пробивалось вдруг сквозь тяжелые тучи золотистое солнце, и Солар оживал, преображался. Шагать было легко и приятно – колено почти не саднило, порез на пальце затянулся, а карман грел конверт с двумя сотнями долларов, не совсем честно, но все же заработанных.

Перескакивая через лужи, я бодро двигалась по направлению к дому мимо тихих, в пять вечера еще не забитых посетителями полутемных баров с тяжелыми деревянными дверями и запыленными, мертвыми в свете

солнца неоновыми трубками на облупленных вывесках.

Запахи еды, сочившиеся из приоткрытых окон кафе, манили и кружили голову – добежать бы скорее до супермаркета, купить продуктов, порадовать холодильник наличием работы по охлаждению не только собственных внутренностей, но и парочки хрустящих упаковок с колбасой, сыром, хлебом и всего остального, на что договорятся между собой моя фантазия и жадность.

Потом в аптеку, домой и... позвонить.

От этой мысли сделалось тепло и тревожно. Вчерашнего знакомого, как ни странно, увидеть хотелось. Поговорю для начала, утолю любопытство, возможно, попрошу покатать меня напоследок по центру Солара (всегда любила смотреть на богатую жизнь, пусть и чужую), а потом уже разберемся с его ножом.

Знакомые улицы при свете дня больше радовали, нежели тяготили. Да, чумазые, неприглядные, но все же свои, привычные. По проходящему за домами шестиполосному шоссе, ведущему в центр города, словно ракеты проносились машины. Свернуть направо, затем напрямик по тропинке через тихий дворик выйти к дороге, а там через два дома – аптека.

Вдохновленная наличием свободного времени и средств к существованию, я быстро зашагала вперед.

Домой я вернулась через час, нагруженная пакетами. Квартира встретила меня тишиной, запахом сырости и отсутствием писем в почтовом ящике. Не беда. День выдался хорошим и без корреспонденции.

Я разулась, скинула куртку и принялась разбирать покупки. Пластиковая белая коробка пополнилась разнообразными таблетками, мазями и порошками, а холодильник – мороженой курицей, сыром, двумя бутылками кефира, десятком яиц, батоном, маслом, упаковкой майонеза, четырьмя йогуртами, килограммом яблок, палкой колбасы и плиткой шоколада. Лапша и крупы отправились в коробку под столом, чай – на полку.

Порядок! Какое-то время можно жить.

Я огляделась.

В окно поверх бетонной плиты заглянули солнечные лучи. Это случалось раз в день, в ясную погоду и только на короткие полчаса во время раннего заката. Они легли на стол, отразились в чайной ложке зайчиком, с любопытством окунулись в кружку с недопитым чаем, протянулись по полу до дальней стены и позолотили серое покрывало.

Красиво!

Я убралась на столе, аккуратно развесила одежду в шкаф и принялась колдовать над бутербродом, жалея, что не купила пару помидоров. Ввиду небольшой вместительности холодильника на скоропортящихся продуктах приходилось экономить, а овощи и фрукты зачастую не умещались в неглубоком поддоне. Мясной фарш и замороженную рыбу я брала редко: их не получалось жарить на дне единственной кастрюли, а варить... уж лучше совсем не варить. Вот появится нормальная сковорода, тогда куплю бутылку масла и устрою пир.

Тонкая струйка воды, бегущая из крана над раковиной в туалете, наконец наполнила чайник, и я вдохновенно водрузила его на плиту. Чай, и не голый чай, а на сытый желудок, да еще и с кусочком шоколадки! Ох, счастье есть! Точнее, скоро будет.

С аппетитом сжевав сыр-колбасный бутерброд с майонезом, я аккуратно вытерла крошки со стола и, дожидаясь, пока закипит вода, разложила перед собой оставшуюся наличность – восемьдесят пять долларов и сорок центов. Не густо. Но в холодильнике есть продукты, а в аптечке антисептики, таблетки от головной боли, антибиотики, прогревающие мази, бинты, тампоны и обеззараживающие средства.

Купюру в пять долларов я тут же отложила в сторону – ее я отдам водителю за сэндвич. На оставшиеся деньги посмотрела с тревогой: на следующей неделе платить за квартиру, а зарплата только в конце месяца, придется снова крутиться.

За секретарские обязанности Тони платил триста двадцать зеленых, из которых квартплата съедала двести восемьдесят. Сорока оставшихся катастрофически не хватало на жизнь. Выбить из начальника больше не получалось: отсутствие законов о минимальной заработной плате позволяло руководителям предприятий в Соларе измываться над работниками по собственному усмотрению. Не хочешь? Не устраивайся. Ищи другое место. А в другие места без опыта работы или рекомендаций брали крайне неохотно. Мужчины из низших слоев, способные выполнять тяжелую физическую работу, получали больше. Те, что пробивались в верха, получали много. Женщинам оставалось надеяться либо на выгодную партию, либо на спонсора; редко когда можно было рассчитывать на собственный ум или профессиональные умения. Слабый пол никто не воспринимает серьезно: на тринадцатом процветал шовинизм. Если бы не незаменимые навыки локера, не видать бы мне ни крыши над головой, ни шоколада к чаю. Противно. Но жизнь не всегда сладка, как ягодный сироп.

Три-четыре взлома в месяц позволяли получить дополнительные деньги – несколько сотен сверху. Не густо, но все же хлеб. Да, на дорогие

вещи не скопить, машиной не обзавестись, но хватало на медикаменты, стоившие баснословно дорого, и на то, чтобы иногда обновить гардероб, – купить новые носки, новые ботинки, иногда джинсы или куртку.

Так что оставшиеся восемьдесят долларов – это уже праздник.

Прости меня, владелец дома. Надеюсь, твоя жизнь после грабежа не пойдет под откос.

Закипел чайник.

Я выключила плиту и поднялась, чтобы достать с полки чай. Мысли вернулись к предстоящему звонку. Время – половина седьмого. Завершил ли вчерашний знакомый на сегодня работу, если она у него вообще есть?

Конечно, есть. Иначе откуда взяться такой машине?

В любом случае, завершил или нет, придется отвлечь его от дел.

Нож со вчерашнего дня лежал на том же месте; я проверила его сохранность на дне сумочки и заранее положила ее на кровать, предварительно запихнув во внутренний карманчик пятерку. Подумав, добавила туда же еще двадцать долларов. Никогда не знаешь, где пригодятся. Затем заварила чай и прошла в ванную умыться; пока вытирала лицо полотенцем, смотрела на облупившуюся стену над раковиной.

Зеркало все же стоит купить. А то ни причесаться нормально, ни глаза накрасить.

Раньше прихорашиваться было не для кого. Оно и теперь вроде бы не для кого, но не идти же на деловую встречу растрепанной? Тони и его прихвостней не заботила моя внешность – это и к лучшему, – а ночные вылазки не требовали парадного вида, скорее наоборот, максимально неприметного, поэтому моя последняя тушь, лежащая в косметичке на полу у чугунной трубы, окончательно засохла еще несколько месяцев назад. Попытаться размочить ее в воде и накрасить глаза при помощи зеркальной поверхности лезвия? Фу, глупость какая. Не стоит оно того.

Я расчесала волосы пластиковой расческой и вышла из туалета.

Чай заварен, шоколад ждет, телефонный звонок – тоже.

Интересно, что принесет сегодняшней вечер? Если повезет – приятную поездку на авто в мужской компании и интересную беседу, если водитель сообразит ответить на мои вопросы.

Когда чудесный вкус темного шоколада с дроблеными орешками растаял на языке, я отставила кружку и взяла в руки телефон.

Открыла список вызываемых абонентов и какое-то время смотрела на номер, впервые обратив внимание на то, что код города не являлся кодом Солара. Эти цифры, не принадлежащие тринадцатому Уровню, я видела

впервые. Странный номер. Межуровневый? Крут, наверное, мой вчерашний гость. Тем более удивительно, что именно он оказался привязан к предмету.

Вопросы копились, как стопка использованной бумаги на вечно захламленном столе Тони.

Мой палец нажал кнопку «Вызов». Послышались долгие гудки.

На этот раз волнение ощущалось меньше, но не исчезло совсем.

Где он сейчас? Чем занят?

– Я слушаю.

– Здравствуйте. Это Меган... вы вчера приезжали ко мне.

– Я помню.

Замечательно.

– Я хотела спросить, вы могли бы приехать сегодня?

– Во сколько?

Я замялась.

– Сейчас?

Чего тянуть до темноты? Чем быстрее начнем, тем быстрее закончим.

– Хорошо.

Он дал отбой.

Я медленно отняла трубку от уха, убедилась, что звонок завершен, и положила мобильник на стол. Сердце колотилось быстрее обычного, будто спрашивая: «Ну что, уже начинаем волноваться или еще нет?» Наверное, нет. Чего волноваться? Раздражения в голосе собеседника не слышалось, меня не отправили подальше (наверное, не имели права), осталось снова ждать.

Еще, что ли, шоколада съесть?

Маленькая Меган радостно захлопала в ладоши.

У-у-у, вымогательница!

Не в силах отказать ни себе, ни ей, словно оса, привлеченная запахом варенья, в радостном предвкушении вечеринки вкусовых рецепторов я устремилась к холодильнику.

* * *

Когда к дому подъехала машина, я пребывала в полной боевой готовности: чистые сухие джинсы, протертые ботинки, темная водолазка под горло, сумка с ножом на плече. Снаружи потеплело, и я решила, что

куртку в этот раз можно оставить дома. Лето, как-никак.

Улица встретила свежим ветерком, розовым, пропитанным клонившимся к горизонту солнцем, светом и шелестом листвы. Я закрыла дверь и взбежала вверх по ступеням.

«Неофар» стоял там же, где и вчера, у невысокой ограды под раскидистым тополем. При свете дня автомобиль впечатлял еще больше – гладкий, полированный, сверкающий, почти хищный.

Немудрено, что Тони почти уписался с зависти.

Оглядевшись по сторонам, я зашагала вперед. Сосед, кутивший у другого подъезда, проводил меня подозрительным взглядом.

По мере приближения к пассажирской двери волнение возрастало.

С чего бы?

На этот раз дверцу я открыла сама и, не спрашивая разрешения, села в салон. Повернула голову, чтобы поздороваться с водителем, и, встретившись с голубыми глазами, на мгновение застыла. Мои пальцы так и остались лежать на теплом пластике дверной ручки, а дыхание на секунду замерло.

Ох! Теперь понятно, с чего.

Да, я оказалась права – мужчина был красив. Красив той мужественной, дерзкой красотой, что, скорее всего, заставляла женщин по ночам изнывать от бессонницы, мечтая о голубых глазах, внутри которых притаилась прохлада, и красиво очерченных губах, от одного взгляда на которые всякая рассудительность исчезала в неизвестном направлении.

При свете дня это стало заметно. Слишком заметно.

Насильно притянув за воротник логику, успевшую превратиться в бесформенный комочек ваты, на прежнее место, я захлопнула дверцу и поздоровалась:

– Добрый вечер.

Мужчина не ответил, продолжая смотреть на меня. Тоже изучал при свете дня? На долю секунды в мысли закралось смущение.

Интересно, хорошо или плохо я выгляжу? Да какая, к черту, разница?

А разница, однако, была.

Теперь, когда я рассмотрела внешнюю привлекательность сидевшего рядом незнакомца, мысли, до того расположенные в стройном порядке, вдруг перепутались и попадали в кучу, как кегли в боулинге, в центр которых ударил тяжелый шар.

Дожила... Сказывается давнее отсутствие мужчины.

Мысленно я покачала головой, подумав, что на того же Ларса или Фрэнка подобной реакции почему-то не возникало ни разу.

Всё. Хватит дурить.

– Надеюсь, я не оторвала вас от важных дел?

– Всё в порядке.

Интересно, сложно ли ему в подобных ситуациях дается вежливость?

Водитель наконец отвернулся, позволив оценить свой безупречный, не менее мужественный профиль, а также заметить темный джемпер поверх хлопковой футболки с V-образным вырезом.

На несколько секунд воцарилась тишина. Чтобы не затягивать ее, я спросила:

– Вы не против, если мы проедемся по центру Солара?

Он кинул на меня короткий взгляд и кивнул.

Я пристегнула ремень безопасности.

– Хотелось бы поговорить.

Брови водителя сдвинулись, но комментария не последовало.

* * *

Задуманные беседы хороши тогда, когда они приносят пользу обоим собеседникам, а когда лишь утоляют праздное любопытство одного и выворачивают наизнанку другого, это уже называется иначе – допрос.

Филипп Дебюи, наверное, был одним из самых «нормальных» владельцев ножа: он никогда не изъявлял странных желаний, вел себя тактично, с достоинством аристократа, приглашал только по вечерам, просил сыграть с ним партию в шахматы, выпить бокал-другой выдержанного валлийского, иногда просил забрать вещи из химчистки или купить утренних газет. Далеко не молодой, наполовину седой, он всегда передвигался по своему особняку, опираясь на трость с металлическим набалдашником в виде орлиной головы. С тех пор как в автомобильной аварии, случившейся несколько лет назад, Филипп повредил колено, он редко самостоятельно ступал за порог, потому как сильно хромал.

Дэлл стал ему не то дворецким, не то помощником, совмещая в одном лице роль водителя (редко), товарища, которого можно попросить о помощи в домашних делах (время от времени), но чаще всего – именно собеседника.

В целом Филиппа можно было бы назвать вполне адекватным человеком, если бы не одно «но» – Дебюи болезненно любил задавать вопросы личного характера, копаться в прошлом, что-то выискивать,

анализировать, по локоть совать руки туда, где им не следовало быть. Поначалу, узнав о том, что тот желает узнать историю появления ножа на свет, Дэлл даже обрадовался. Возможно, если старик поймет и прочувствует его ситуацию, поставит себя на его место, то пресечет подобное течение событий, вернув нож. И он с готовностью отвечал на многочисленные (не всегда приятные) вопросы, а по вечерам, стоя на пороге и собираясь уходить, ждал, что сейчас Дебюи принесет заветный предмет и скажет: «Держи, парень, ты его заслужил, и теперь он твой». Но по какой-то причине, несмотря на обилие душещипательных бесед, Филипп этого не делал, и вскоре Дэлл возненавидел вопросы, равно как и рассказы о собственном прошлом.

А секретарша, похоже, решила возобновить добрую традицию.

Свое имя Дэлл назвал без проблем. Фамилию – с неохотой. На вопрос, можно ли называть его на «ты», кивнул.

Выехав на желтоватое в свете заката шоссе, «Неофар» пристроился в конец длинного ряда автомобилей, стоявших в пробке. Водители раздраженно курили, слушали радио или постукивали пальцами по рулю, ожидая возможности двинуться дальше. Скорее всего, у моста снова не работал светофор. Значит, до центра добираться минут двадцать, не меньше; за это время можно задать много вопросов.

Дэлл вздохнул и приоткрыл окно, вдохнул аромат теплого ветра, смешанный с выхлопными газами, и посмотрел на наливающееся на горизонте фиолетовым небо.

– Значит, ты подтверждаешь, что связан с этим ножом и из-за этого приехал сюда?

Он кивнул. Хотелось откинуть голову на подголовник, закрыть глаза и утонуть в тишине.

Девчонка, Меган, на секунду задумалась. Сегодня она выглядела опрятнее, чем вчера. Не такой чумазой.

– Знаешь, я долго думала о том, как можно было связать человека и нож, и пришла к странным выводам.

Думаешь, интересно послушать? Не особенно.

Дэлл все-таки откинул голову назад и закрыл глаза. По отношению к собеседнику подобный жест, наверное, выглядел грубо, но ему было плевать.

– Если бы простой смертный попытался тебе приказать служить рабом ножа, ты бы просто свернул ему шею. Или им...

Как она трогательна в своей наивности. И как права. Впору улыбнуться.

– ...Значит, это сделал тот, против кого ты не смог пойти. А на Уровнях пойти невозможно только против... – Секундная пауза. – ...Комиссии.

Проницательно.

– Получается, ты перешел дорогу Комиссии? – В ее голосе послышался ужас.

Дэлл кивнул. Кивать было проще, чем рассказывать самому. Пусть тешится.

– То есть ты сделал что-то, что им не понравилось, и они наградили тебя этим ножом. Давно?

– Давно, – ответил коротко. В подробности вдаваться не стал.

– Но это же ужасно!

Точно.

– По всему видно, что ты человек с хорошей профессией, с деньгами, видный. Твоя машина стоит целое состояние, ты носишь дорогую одежду, хорошо выглядишь...

Слушая умозаключения Меган, Дэлл вдруг поймал себя на мысли, что ему импонирует незаинтересованность, звучащая в ее голосе при перечислении его достоинств. Она говорила о них просто и легко, без умысла, констатируя факты, как говорил бы о погоде диктор: «Сегодня над Соларом пройдут дожди с грозами, к вечеру температура воздуха поднимется до отметки...»

...Ты человек с хорошей профессией, с деньгами, видный...

Она рассказывала об этом с абсолютным отсутствием какого бы то ни было благоговения, обычно переходящего в предвкушение «а сколько от всего этого удастся урвать мне?».

Но время доказывало, что с выводами торопиться не стоит.

Машины впереди сдвинулись. Дэлл открыл глаза, плавно нажал на газ и уткнул нос «Неофара» в багажник чьего-то «Мустанга», оставив щель сантиметров в сорок. Затем не удержался и бросил короткий взгляд на Меган, пытаясь предугадать, во что выльется дальнейший разговор. Та, заметив его внимание, смутилась и на мгновение притихла, потеревала в пальцах сумочку, затем спохватилась, будто вспомнила о чем-то, и расстегнула кармашек. Достала купюру в пять долларов, протянула ему.

– Вот, это за вчерашний сэндвич. Спасибо.

Какие серьезные зеленые глаза, и какой настойчивый взгляд.

Он с трудом удержался от того, чтобы хмыкнуть, взял пятерку и положил в карман. Обычно люди почему-то забывали о такой мелочи, как возвращение долга. Плюс одно очко в ее пользу. В душе шевельнулось любопытство: надолго ли хватит ее честности? Через сколько часов или

дней порядочность канет на дно пруда, а на поверхность всплывет жадный безобразный монстр, потерявший человеческий облик? Дэлл ненавидел этот разгорающийся на дне глаз огонек, сообщающий, что процесс изменения начался, он пропитывал владельца ножа ядовитыми парами, заставляя самые непотребные из всех возможных идей стать наиболее желанными.

Пока ее глаза были чистыми. Без гадкого огонька.

Дэлл отвернулся.

Очередь из машин снова пришла в движение, «Неофар» медленно пополз следом.

Раздался следующий вопрос:

– Скажи, а сколько людей владело этим ножом до меня?

– Шесть.

В салоне повисло молчание, наполненное звуками, доносящимися через приоткрытое окно: шорохом шин и гулом двигателей. Мимо, маневрируя между плотными рядами автомобилей и резко простреливая воздух дробными выхлопами, прокатился мотоцикл.

Только не спрашивай, кем они были и что именно делали, получив его в руки.

Она не спросила, погрузившись в размышления. Через минуту вынырнула из мыслей, поинтересовалась, долго ли он пробыл рабом, и, получив ответ, снова ушла в затяжное молчание.

Дэлл начал раздражаться.

«Зачем тебе все это? Какая разница? – подумал он зло. – Начиная праздник души, заказывай!»

Но худощавая девчонка со слишком серьезными глазами продолжала молчать; ему были видны лишь ее затылок и кончик аккуратного носа, повернутый к окну. Рыжеватые пряди волос завивались у воротника.

«Ореховые. Темно-ореховые с красноватым оттенком».

Ладони, покрытые царапинами, лежали на узких коленях.

Откуда-то возникло чувство, что они чем-то похожи. Но чем? Какое сходство могло быть между наемным убийцей и секретаршей?

Дэлл отмел странную мысль, но ощущение осталось. Наверное, дело было во взгляде. Что сделало его таким же отстраненным и закрытым, как у него самого? Меган не была обременена проклятием в виде обязательства исполнять чужие желания, жила бедно, но свободно, делала что хотела, принадлежала самой себе и только.

Вот именно.

Он не успел додумать: внимание отвлек грузовик на соседней полосе,

сначала резко набравший скорость, а затем неприлично быстро сбросивший ее, что заставило водителя пикапа, ехавшего позади, ударить по тормозам и с негодованием нажать на клаксон, приправив все это отборной бранью. Люди торопились в Солар.

Дэлл со скучающим видом отвернулся. Он никуда не торопился. Его пассажирка продолжала молчать, думая о чем-то своем; по-видимому, тишина устраивала их обоих.

Через какое-то время поток машин снова пришел в движение; пробка начала рассасываться. Наконец-то появилась возможность утопить педаль газа глубже, чем на несколько миллиметров, – «Неофар» сравнительно бодро понесся по направлению к сияющим вдалеке небоскрегам.

* * *

За те два часа, что мы ездили по центру Солара и по близлежащим районам, не выбирая направления, я узнала всё, что хотела: имя и фамилию мужчины за рулем, его профессию, количество бывших владельцев ножа и срок заточения. А также кем и когда был вынесен приговор и при каких условиях Дэлл мог принять обратно нож.

Даже без подробностей, которые мне не хватило духу выпросить, картина, сложившаяся в голове из его коротких ответов, ужасала. Шесть человек, три года рабства, редкие минуты покоя, несколько раз – полное банкротство и никого, кто пожелал бы вернуть злосчастный предмет владельцу, тем самым прервав затянувшуюся жестокую пытку.

Что ж, это предстояло сделать мне, и я мысленно готовилась к финальному разговору.

На город медленно опустились сумерки. Я, как и планировала еще перед выходом из дома, наслаждалась тем, что рассматривала чужую жизнь – радостную, безбедную, свободную от проблем. У кафе и ресторанов, под натянутыми тентами и зонтами, за накрытыми белоснежными скатертями столами сидели люди. В этот час почти все места оказались заняты. Многие, кто хотел попасть внутрь, стояли у расположенных у входов меню и с любопытством наблюдали за посетителями, довольно поедающими заказанные блюда и пьющими разноцветные напитки из вытянутых и пузатых бокалов. Над их головами горели газовые светильники, оберегающие посетителей от незаметно подкрадывающегося августовского холода. Красиво. Уютно.

У кинотеатров кружили толпы желающих посмотреть новые,

вышедшие на экран только этим вечером картины. Через стеклянные двери было видно длинные, завитые, словно змейки, очереди, растянувшиеся почти до самого выхода.

Когда я в последний раз ходила в кино?

«Два года назад», – услужливо подсказала память. Когда Мик, пилот из «Кину», с которым я встречалась, был жив. Как раз за несколько месяцев до трагедии.

Чтобы настроение не съехало до неприятной отметки, я переключила внимание на молча управлявшего «Неофаром» водителя.

Дэлл.

Я незаметно и тихо вздохнула. Красивый он все-таки мужчина. Жаль, что, придя в мою жизнь только вчера, сегодня он уже исчезнет из нее. Как быстро. И не пообщались.

От этой мысли сделалось грустно. Человек, считающий себя рабом, ни за что бы добровольно не стал разговаривать с хозяином, это я понимала. И почему мне в руки попал именно нож, а не билет на телешоу «Первое свидание», где такой вот красавец расположился бы в кресле напротив? Тогда не возникло бы гнетущей тишины и не оказалось бы стены в глазах, через которую не пробраться, как ни старайся.

Вряд ли он понимал, что прохладца во взгляде лишь добавляла ему привлекательности, а ленивая, чуть настороженная манера поведения заставляла следить за каждым жестом и скупое брошенным словом.

Как ни странно, чем больше времени я проводила в тихом салоне машины, тем меньше мне хотелось возвращать нож. Нет, то был вопрос эмоциональный; логика же знала, что предмет будет возвращен в любом случае. И если я все это время тактично и скромно смотрела в окно, то маленькая Меган, забравшись на иллюзорный подлокотник дивана, во все глаза пялилась на Дэлла. Причем пялилась как на продавца игрушек: жадно, с любопытством и щенячьим восторгом. Ей отчего-то казалось, что это заколдованный принц, к которому стоит лишь приблизиться – и мир тут же вспыхнет снопом разноцветных искр и зазвучит хрустальными голосами небожителей.

Я в какой-то мере была с ней согласна.

Узнать сидящего рядом человека хотелось. Но стоит отдать нож, и он тут же растворится в неизвестном направлении. И не отдавать нельзя. Дилемма.

По приборной панели плыл отраженный свет уличных фонарей.

Зверем невозможно любоваться, пока он находится в клетке. Лежащий в дальнем углу, с закрытыми уставшими глазами, худой, с пыльной

шерстью, он всего лишь жалкое подобие, далекий отзвук, тусклое напоминание того сильного и грациозного животного, каким был на воле. Там, среди вольных просторов, его шерсть бы блестела, шелковисто переливалась, взлетала и опадала от быстрых отточенных движений – любоваться таким было бы одно удовольствие.

Точно так же и с Дэллом – все еще греховно-притягательным, брутально красивым, мощным и сильным, но изрядно опустошенным мужчиной. Наверное, его глаза умели быть теплыми, а губы умели улыбаться. Вероятно, когда-то его сердце отзывалось на нежность и ласку, а в душе возникали энергичные порывы сделать этот мир лучше.

Теперь же, глядя в равнодушные голубые глаза, казалось, что те порывы угасли много лет назад. Потерялась вера в людей, исчезло тепло из улыбки, а хрупкий сосуд, хранящий любовь к жизни, треснул.

Как он проводит вечера, когда не занят? Ищет спасения в общении с друзьями или топит тоску в алкоголе?.. Может быть, на самом деле все обстоит не так, а вечера этого человека наполнены чем-то хорошим, радостным и для души?

Верилось слабо.

Маленькая Меган уже тянула руку, чтобы погладить Дэлла по лицу, и капризничала от того, что я игнорировала ее порывы, не желая наклоняться к незнакомцу.

Да куда ж тебя несет-то?

Я бросила короткий взгляд на профиль водителя, пробежала взглядом по его красивым широким ладоням, лежащим на руле, скользнула по обтянутым джинсами ногам.

Черт. Так и меня понесет. За что ж тебя природа наградила такими невероятными внешними данными и таким плохим начальником? И как тех шестерых угораздило потерять столь ценный предмет, который дарил им такого «раба»? Злой рок, не иначе.

Мимо проплыло здание центральной библиотеки и высокий стеклянный торговый центр «Орхидея». Глядя на высипавшие в небе первые звезды, я снова вздохнула, предчувствуя скорый конец поездки. Не гонять же «Неофар» по дорогам всю ночь, без цели и без разговоров.

Неожиданно голову посетила странная мысль – подневольный человек пожелал бы общаться с господином лишь в том случае, если бы ему была обещана скорая свобода. То есть если бы он был твердо уверен, что она грядет. Уже дарована...

Мой пульс вдруг ускорился.

Если бы тот бородач, мой потенциальный рабовладелец и обладатель

шариковой ручки, о котором я думала в офисе во время обеда, пришел ко мне и сказал: «Меган, я освобожу тебя через месяц», – возникло бы у меня желание с ним общаться? Возможно, да. А возможно, и нет. Наверное, я бы испугалась, что наше общение заставит его передумать, спровоцирует что-то ненужное и несвоевременное. А если бы я точно знала, что свобода обязательно будет моей, что тогда?

Тогда бы я, возможно, изъявила желание с ним пообщаться. По-дружески, конечно...

А ведь это может сработать...

Если я хочу получить хотя бы шанс на то, что однажды Дэлл более комфортно и расслабленно почувствует себя в моем обществе, я должна пообещать ему свободу. Близкую, манящую, страстно желаемую. А главное – заверить, что обязательно сдержу слово, чего бы это мне ни стоило.

Мои ладони неожиданно вспотели, а сердце наполнилось радостным предвкушением. Даже во рту появился непонятный тягучий привкус. Видимо, от нервов.

Чувствуя, как участилось сердцебиение и нервы неожиданно превратились в струны, я повернулась к водителю.

– Останови, пожалуйста, у обочины или на какой-нибудь парковке.

Тот кивнул.

Когда автомобиль затормозил на расчерченном на ячейки асфальте у сквера, я затаила дыхание. Затем внутренне собралась и попросила:

– Выключи двигатель.

Мужские пальцы послушно повернули ключ в замке зажигания. Мотор притих; несколько раз качнулся из стороны в сторону брелок с выгравированным в центре знаком «Неофара».

На город опустились плотные сумерки. Мимо прошла пара, выгуливающая на длинном поводке поджарого пса.

Мое сердце теперь колотилось так сильно, что, казалось, корпус раскачивался взад-вперед, как на волнах. Я повернулась к блондину.

Момент икс.

– Дэлл. Пожалуйста, посмотри на меня.

Водитель повернул ко мне голову, и я встретилась с его привычным равнодушным взглядом.

– Я хочу, чтобы ты знал: то, что я говорю, я говорю в трезвом уме и твердой памяти.

На короткую секунду в голубых глазах мелькнуло удивление.

Сердце грохотало.

– Ровно через две недели я отдам тебе нож. В твое полноценное владение, и сделаю это добровольно.

Руки на руле напряглись; я увидела, как побелели костяшки пальцев.

Боже, как ему это важно...

Теперь он буравил меня взглядом, жег им, полосовал, раздирал на части, пытаясь выдрать из мыслей продолжение фразы. На мощной шее запульсировала жилка.

– Я обещаю, что сделаю это. Если хочешь, я подпишу любой документ, который подтвердит мои намерения. В этом случае, даже если со мной что-то случится, нож через две недели станет твоим. Хорошо?

Никогда в жизни я не видела такого количества эмоций, бушевавших во взгляде человека, как сейчас. Мощный, слепящий огонь надежды и тень страха, исказившие лицо. Неистовое желание получить нож обратно и неверие, что это наконец произойдет. Ни один взгляд на моей памяти не был столь давящим, столь пронзительным, столь напряженным.

Всего лишь за секунды атмосфера в салоне изменилась с тихой и ленивой на бушующую, пропитанную вихрями взметнувшейся в ожидании энергии.

– Я подпишу, – еще раз кивнула я и сжала сумочку.

Водитель осторожно, будто с трудом управляя собственным телом, разжал пальцы и медленно втянул воздух. Затем разжал губы и спросил:

– Что ты хочешь взамен?

Наши взгляды в очередной раз схлестнулись, и мне вдруг стало жарко. Сознание будто размякло, впиталось в происходящий момент и застыло в нем.

Вот это напор...

– Ничего.

Почти ничего.

– Просто приезжай по вечерам, общайся со мной. Побудь рядом, ладно?

Он смотрел на меня и не верил. Я видела это. Не верил, потому что желание показалось ему слишком странным, почти глупым.

Ну и пусть.

– Хорошо. Я сделаю так, как ты скажешь.

Я медленно опустила голову и выдохнула с облегчением. На секунду прикрыла глаза, пытаясь унять все еще скачущее галопом сердце. Затем повернулась к нему, несколько секунд наслаждалась смятением, царившим в безучастном обычно взгляде, а теперь уступившим место почти безумному блеску, и улыбнулась.

– Бумагу составишь сам. Я подпишу.

Он откинул голову на подголовник и прикрыл глаза. Пальцы вновь сжались на рулевом колесе с такой силой, что пластмасса скрипнула. Мне показалось, что ему тяжело дышать. Мощная грудь поднималась и опускалась неравномерно, почти рывками.

Всё, ставки сделаны. Однажды подарив человеку надежду, слишком бесчеловечно ее отнимать. Так что я подписалась.

* * *

Адвокат Хью Декарт, высокий, одетый в костюм-тройку мужчина с черными редкими волосами, прокашлялся.

– В договор внесены все пункты, которые, даже в случае если клиент изменит решение после подписания, позволят вам стать полноправным владельцем заявленного предмета. Здесь подробно разъяснены и оговорены все моменты: на случай кражи, потери, отказа от выполнения обязательств, форс-мажорных обстоятельств и смерти. Документ заверен сегодняшней датой и вступит в силу начиная с этого дня, даже если будет подписан завтра.

Декарт деловито положил эксклюзивную, именную ручку в раскрытый кейс, лежащий рядом с ним на софе, и выжидательно посмотрел на двух мужчин, склонившихся над бумагой.

Перечитав лежащий на кофейном столике договор несколько раз, Дэлл поднял глаза.

– При каких условиях Комиссия может счесть его недействительным?
Адвокат покачал головой.

– Ни при каких, если клиент подпишет его в присутствии вас и двух свидетелей.

– Хорошо. Благодарю вас за помощь.

– Рад быть полезным. Если понадобится...

– Да, у меня есть ваш телефонный номер.

Декарт с удовлетворенным видом захлопнул кожаный кейс, поднялся с места и вежливо кивнул мужчинам.

– Мистер Аллертон, мистер Одриард, имею честь.

– До свиданья, Хью.

– Всего доброго.

Когда один из лучших адвокатов Уровня, приглашенный, а точнее,

вежливо, но настойчиво оторванный этим вечером от дел, чтобы помочь в составлении документа, покинул гостиную, Дэлл посмотрел на друга. Мак дотянулся до бутылки, стоящей в центре стола, и разлил виски в два стакана.

– Что ж, осталось дожидаться завтрашнего дня.

За окном царила ночь. Взгляды мужчин встретились, в них читалось одно и то же желание: сейчас же прыгнуть в машину, прихватить с собой второго свидетеля и понестись к Солару. Но часы над камином показывали начало двенадцатого – слишком поздно для гостевого визита. Да, дело важное, но, если надавить слишком сильно, результат может получиться обратным, не тем, каким хотелось бы и каким он должен быть. И Дэлл, отвечая на немой вопрос Мака, покачал головой.

– Не сегодня. Завтра.

Тот шумно вздохнул и откинулся на спинку кресла. Глотнул виски.

– Думаешь, она подпишет? – задал он вопрос, который за последние два часа смотал нервы его коллеги в ощипанный клубок пряжи.

– Не знаю. – Дэлл качнул головой. Казалось, дрожь сотрясала не только пальцы, но и внутренности, прожаривая их волнами высоковольтного напряжения. Он на секунду прикрыл глаза, стараясь совладать с непривычной нервозностью. – Не знаю.

– Если она этого не сделает... – темные брови Аллертона нахмурились, а взгляд сделался тяжелым, почти жестоким. – Это добьет тебя. И тогда...

Одриард усмехнулся.

– Не надо, Мак. Не сейчас.

И удивился, когда смог донести бокал до рта, не расплескав виски.

* * *

Лежа в постели, я наблюдала за бликами на бетонной стене, безмолвно взирающей в окно, – под светом уличного фонаря раскачивалось на ветру дерево.

«Побудь рядом, ладно?»

«Я сделаю, как ты скажешь».

Только не соскользни, только не оступись, шагнув в пропасть. Слишком легко поверить в иллюзию, в то, что однажды он придет по собственному желанию. Это обещание. Вынужденное. Полученное в обмен на заверение отдать нож.

Впереди две недели притворства, спектакль для двоих, где один будет делать вид, что наслаждается присутствием «друга», а второй – поддерживать видимость общения вежливыми кивками. Игра актеров. Не более.

Чувствуя ноющую боль в сердце, я закрыла глаза.

Маленькая Меган, не обращая ровным счетом никакого внимания на мои тревоги, увлеченно расставляла на полу пустой комнаты игрушки. Складывала кубики, притворяясь, что не слышит моих мыслей, деловито и сосредоточенно возила паровозик и что-то напевала себе под нос. В ее взгляде застыла решимость.

Глава 4

Если бы на следующий день кто-то попросил меня назвать первое пришедшее в голову слово, я бы тут же выпалила «зеркало», потому что мыслями именно об этом предмете терзалась больше всего. Обязательно после работы надо забежать в супермаркет, и не в тот, что на углу, а в большой, вверх по улице, в трех кварталах от работы, и купить любое зеркало и хотя бы тушь для ресниц. Плевать на расходы, когда такое дело...

Коллеги косились на мои блестящие глаза с подозрением, а мой вопрос «нет ли у нас еще дополнительных заказов?» заставил Тони усмехнуться. Обычно я не рвалась вскрывать замки, но теперь требовалось экстренно подзаработать: счастливо выпавшие на мою долю две недели хотелось провести так, чтобы в памяти, помимо слов «не могу себе позволить», осталось что-то еще. И если уж развлекаться, то не просить ведь нового знакомого покрыть все расходы? Нет-нет. Придется самой.

Перебирая бумаги и радостно мурлыча, я пыталась припомнить, не говорил ли Саймон во время последней встречи, что собирается уезжать. Вроде бы нет. А если так, то стоит на днях (завтра?) забежать и к нему, позаимствовать парочку красивых вещей, которые тот неизменно предлагал, стоило нам увидеться.

Саймон Гаррет, дизайнер одежды (и абсолютный гей), появился в списке моих друзей почти два года назад, после того как я в составе «Кину» помогла спасти от пожара склад с новыми образцами, подготовленными для показа. Если бы не своевременное вмешательство спасателей, успех, возможно, никогда не пришел бы к Гаррету: именно тот показ, состоявшийся благодаря нашим усилиям, проложил молодому и неизвестному дизайнеру красную ковровую дорожку на олимп, к славе.

С тех самых пор Саймон считал честью принимать меня у себя в гостях. Обожал поить эксклюзивным чаем, делиться последними новостями, показывать новые эскизы, шутить и примерять на меня новые модели платьев и блузок. Он бы давно выставил меня и на подиум, если бы не малый рост – метр семьдесят два никак не дотягивал до нужных метра восьмидесяти. Стандарты, черт бы их подрал... Они порой хуже бюрократии.

Не то чтобы я мечтала о подиуме – все-таки вспышки телекамер, тонна макияжа и застывшая маска королевы стиля на лице не мое, – но заглядывать к Саймону в гости от этого было не менее приятно.

Значит, решено! Завтра. Сегодня не до гостей, успеть бы за зеркалом.

Прогулка? Кафе? Пиццерия? Кинотеатр?

Что делают люди вместе по вечерам? Они либо собираются друг у друга (исключено), либо идут куда-то (приемлемо). Вот только куда?

Пытаясь приладить на одиноко торчащий из стены ржавый болт купленное зеркало, я старательно размышляла над ближайшими планами. Ни время сеансов, ни цены на билеты я посмотреть на работе не успела, значит, кинотеатр отпадал. Пиццерия? Любит ли Дэлл пиццу? Не в бар же, в самом деле...

Когда мобильник разразился трелью, я едва не выронила зеркало из рук. Кто бы это мог быть? Тони звонил редко, только когда появлялся срочный заказ. Саймон, которому я час назад отправила сообщение о завтрашнем визите? Скорее всего. Наверное, хочет уточнить время встречи.

Поспешно водрузив зеркало на раковину и убедившись, что кран надежно подпирает его, предохраняя от соскальзывания, я понеслась в комнату. А когда взяла в руки телефон, почувствовала, как в желудке скрутился нервный узел.

Звонил мой новый знакомый. Сам.

– Алло?

– Здравствуй, Меган. Это Дэлл.

– Здравствуй. – Я судорожно перебирала причины, по которым он мог решиться позвонить сам, да еще и впервые обратился по имени.

– Ты говорила, что хотела бы встретиться этим вечером.

– Да. Как раз думала вскоре позвонить.

Я взволнованно топталась на месте, пытаюсь решить, радоваться такой настойчивости или нет.

– Хорошо. Вчера мы говорили о договоре.

Ясно. Теперь понятно почему...

– Я помню.

На том конце возникла секундная пауза.

– Ты не передумала его подписывать?

Перед мысленным взором тут же взвился красный чертик с рожками, грозно трясущий перед моим лицом кулачком и неслышно орущий о том, как много я потеряю, вернув нож.

Вали отсюда, не надо мне благ за счет чужих страданий.

– Нет, не передумала.

Чертик зло надулся и лопнул. А в голосе собеседника послышалось облегчение.

– Ты не против, если я через полчаса подъеду?

Я скомкала в трясущихся пальцах лежащую на столе бумажную салфетку.

– Подъезжай.

– Со мной приедут два свидетеля, которые должны присутствовать при подписании договора. Все займет не больше минуты. Просто подумал, что будет правильным предупредить тебя.

Я едва не охнула от неожиданности, когда осознала, что уже согласилась принять Дэлла, а значит, и его сопровождающих в своей каморке. Что же я наделала? Ведь здесь так уныло и грязно. Нужно было выбрать нейтральную территорию...

– Меган?

Тишина встревожила моего знакомого.

– Да-да, конечно... Подъезжайте. Спасибо, что предупредил.

Собеседник поблагодарил и отключился.

Проклятье! Впору было садануть себе по лбу. Ладно бы один, а то втроем... Тут же полная затхлость и нищета: ни обоев на стенах, ни красивых штор, ни люстры – только лампочка, свисающая на проводе. Какого черта я ответила согласием? Теперь не будет времени даже накраситься, потому что у меня ровно тридцать минут, чтобы превратить эту унылую захламленную берлогу в унылую чистую берлогу.

С чего начать, с чего начать, с чего начать?!

Подмести? Вытряхнуть половик перед дверью? Вымыть полы? Еще и кровать мятая...

А-а-а-а! Взвыв в голос, я принялась носиться по полутемной комнате, собирая лежащие на кровати и на стуле вещи.

* * *

– Неказистый райончик, – произнес Халк Конрад, оглядывая обшарпанные дома, валяющийся на земле мусор, облупившуюся ограду и пыльные окна. Почти разруха.

– Да уж, – подтвердил одетый в черную кожаную куртку Мак и вытащил ключи из замка зажигания.

Хлопнув дверцей, из своей машины вышел Дэлл. Кивнул друзьям – мол, это здесь, жду.

– Пойдем?

Халк кивнул.

Этим утром Дэлл позвонил ему, обрисовал ситуацию и попросил подъехать, чтобы присутствовать в качестве второго свидетеля при подписании бумаги. Надо же, той самой бумаги, которая, вот уж ни один из них не подумал бы, вскоре появится на свет. Но ведь нашелся же человек... Именно человек, а не чмо, как многие другие до этого. А что до района – значит, и в таких условиях не все еще пали на дно. Похвально.

Втроем они прошли не к подъезду, а к полуподвальному помещению, куда вела потрескавшаяся бетонная лестница, и остановились перед деревянной дверью. Одинокó смотрел на них четырьмя круглыми глазками зеленый, проржавевший от дождей почтовый ящик.

Одриард коротко взглянул на друзей и постучал.

Будучи сенсором – тренированным убийцей и психологом, умеющим работать с человеческой памятью, – Халк научился распознавать людей с первого взгляда и теперь отдал должное худощавой девчонке, сделавшей вид, что она ничуть не испугалась при виде троих мужчин, одного из которых знала едва ли, а двух других видела впервые.

Серая однокомнатная халупа, убогая, как келья монаха (хуже, вдруг подумал Халк), наводила на мысли о полной нищете. Узкая кровать на металлических ножках, один-единственный стул, тусклая лампочка под потолком, проем на месте двери, ведущий в крохотный туалет. Ни кресел, ни телевизора, ни ковра на полу. Холодная, пропахшая сыростью конура. Как здесь жить?

Заметив его изучающий взгляд, хозяйка квартиры, одетая в застиранные синие джинсы и серую кофту под горло, отвернулась, сделала вид, что смотрит на небо за окном. Поджала губы, внутренне напряглась.

Он бы и сам напрягся. Халк неожиданно осознал, что за этим гордо выставленным вперед подбородком скрывается стыд. Стыд за собственную убогость, за неспособность заработать больше и жить лучше, за то, что приходится принимать гостей в подобном месте. А ощутив это, вдруг почувствовал искорку тепла.

Не стоит, девочка. Богатство – оно не снаружи. Оно внутри, однажды ты поймешь.

Дэлл тем временем передал ей для прочтения договор – два листа, скрепленных степлером и заверенных нотариальной печатью. Меган – так звали девушку, – стараясь не бросать тревожные взгляды на стоящих за спиной Одриарда гостей, принялась изучать документ.

Халк переглянулся с Маком.

Ага, говорили глаза Аллертона, мы по сравнению с ней здоровые бугаи

устрашающего вида. Я бы таким дверь не открыл. Конрад мысленно с ним согласился. Их троих хватило для того, чтобы в каморке стало чрезвычайно тесно.

Пока Меган читала документ, Халк внимательно наблюдал за ее сосредоточенным лицом. Молодец, вникает в детали, не подписывает все подряд, лишь бы поскорее избавиться от дискомфорта, который привнесли в ее крохотный мирок присутствующие. Умеет сосредотачиваться, абстрагироваться, когда нужно. Хорошая выдержка.

Через несколько секунд его взгляд автоматически пробежал по худой фигуре, волосам, обуви, рукам, снова вернулся к лицу. Довольно симпатичному, следовало признать, лицу. Да, без косметики и, наверное, слишком серьезному, но все же приятному, притягивающему взгляд.

Ее бы одеть по-другому, сводить к стилисту, и тогда Дэлл, глядишь, запал бы...

Да уж... Дэлл в ближайшие лет десять вряд ли теперь на кого-нибудь западет, одернул себя Халк. Скорее, будет как одержимый наслаждаться свободой, выпитывать ее, как иссохший от засухи баобаб. Его можно понять...

В этот момент девчонка, судя по лицу, дочитала до пункта «В случае отказа вернуть указанный предмет в обозначенный срок к клиенту могут быть применены меры физического воздействия, такие как: насилие, нанесение физического ущерба и обыск собственности. В случае утаивания сведений о местонахождении одного клиент будет подвержен дополнительным мерам принудительного получения информации...».

Халк читал договор утром; Декарт составил его максимально точно и жестко. Возможно, слишком жестко. Такие формулировки могли бы отпугнуть даже мужика, а уж девчонку...

Дэлл тоже заметил, как изменилось лицо Меган, и напряженно застыл. Мак перенес вес с ноги на ногу и затих, пристально глядя на хозяйку квартиры.

Та, дочитав пункт до конца, подняла глаза и посмотрела – но не на них, а почему-то в окно. И улыбнулась.

У Халка от этой улыбки что-то перевернулось внутри.

Не должно быть такой улыбки у девчонки, нет. Может быть, у мужчины, привыкшего к унижению, к тяготам жизни, с горечью осознающего, что никто не поможет, но только не у девчонки. А когда Меган бросила почти веселый взгляд на Дэлла, будто говоря ему: «Конечно, кто бы думал, что будет иначе?..», у Халка в груди неприятно сдавило.

Ведь это они пришли к ней с просьбой, а не она к ним. Договор хоть и

был важен Дэллу как никакой другой, все же откровенно угрожал зловещими пунктами. А она улыбалась и, Халк видел, была готова к последствиям в случае нарушения одного из них.

Как будто привыкла. К плохому.

Легкий кивок – ей в руку легла протянутая ручка. Скрип наконечника о бумагу, и летящий, изящный в своей беззаботности росчерк готов. Будто не несла в себе страшных слов эта бумага.

Халк медленно выдохнул, наблюдая за тем, как Дэлл ставит свою подпись.

Что-то было странное в этой Меган... В ее веселых и одновременно грустных зеленых глазах. Таких наивных и таких по-взрослому уставших от жизни.

«Если он оставит ее, она простит. Она простит и его, и жизнь, и пощечины от судьбы, а когда будет умирать, стоя по колено в снегу, будет смотреть на свободно кружащих в небе птиц. И не обвинит ни одного из нас».

Халк уперся взглядом в пол. Ему вдруг стало тяжело смотреть ей в лицо.

* * *

Не отдашь сама – мы тебя изобьем, а нож заберем. Вот о чем в общих чертах гласил договор. Что ж, я подписала. А нож отдам. До избиения или пыток, поди, не дойдет.

Внутри появилось двойственное чувство. Я так рассчитывала на приятный вечер в компании, а теперь почему-то мечтала снова остаться одна. Погрустить, пережить очередную обиду, пересидеть тоску. Какая ирония.

Двое свидетелей уже покинули квартиру, остался только Дэлл. Хотелось послать к черту и его тоже. Всё? Все увидели, какая я убогая? Получили подпись? Проваливайте, не унижайте своим «спасибо», дайте зализать раненое эго в одиночестве, которое в избытке присутствовало в моем прошлом и, чувствую, до краев наполнит будущее.

Тот, что с серыми глазами, – проницательный у него был взгляд. Даже сочувствующий. А сочувствие бьет сильнее злого слова, так что лучше бы не надо...

На какой-то момент я совсем забыла, что не одна в комнате, – произошедшее меня сокрушило, я оказалась не готова к нему. А когда

повернулась, увидела, что гость молча смотрит на меня. Тоже с сожалением?

Я сжала кулаки.

Неужели после этого – в бар? Или пиццерию? Увольте. Смотреть, как он мучается, выжидая, пока эти две недели наконец пройдут и он окажется полностью свободен на этот раз от меня? Глупой девчонки, имевшей несчастье что-то почувствовать, глядя на его красивое лицо? Я не первая и не последняя... Просто одна из множества дур, поверившая непонятно во что.

Между нами повисла давящая тишина. Неуютная и глухая.

– Куда бы ты хотела пойти сегодня?

Услышав вопрос, я почувствовала странную боль в груди.

Подписанная бумага испарилась. Вероятно, ее забрал с собой один из его рослых друзей.

Красивые все-таки у него губы. А эти глаза – они затянут меня в иллюзорный рай, а затем безжалостно столкнут с облаков прямо на острые камни вниз. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы предугадать дальнейшее развитие сюжета. Я наивна, но не глупа. Быть может, иногда, но уж точно не сегодня.

– Выбирай место, я отвезу...

Он говорил что-то еще, но я уже не слушала. Не обращая внимания на звучащие позади слова, подошла к стулу и открыла сумочку. Несколько секунд стояла, глядя на нож, чувствуя дрожь в руках, затем крепко зажала в ладони холодную рукоять и вернулась обратно.

Тот, увидев, что именно я держу в руках, замолчал. Как отрубил.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза без слов. Его рот приоткрылся, а в глазах застыла растерянность. Надо же... приятно. Значит, не разучилась я еще удивлять.

– Забирай, – тихо, но твердо сказала я.

Он стоял и смотрел на нож; опущенные руки подрагивали, будто Дэлл старался их удержать на месте.

– Не нужно этих двух недель. Обойдусь. Я передумала.

Лезвие подрагивало в моих дрожащих пальцах, отражая тусклый свет лампы.

Скорее бы уже... Как больно. Но потом будет гораздо больнее.

– Забирай!!! – это слово я выкрикнула зло, вложив в него всю боль, которую чувствовала.

Стоять перед ним с ножом было все равно что дополнительно унижаться. Почему он не берет? Зачем я протягиваю этот нож, словно

собственные ладони за милостыней?

В голубых глазах напротив бушевал ураган, но рука за ножом не тянулась.

Черт бы его подрал!

И когда я уже была готова швырнуть злополучный предмет в стену – пусть сам за ним бежит, если захочет! – Дэлл медленно поднял руку и взял нож.

Мой мир треснул по шву. Всё.

Сейчас захлопнется дверь, и настанет гробовая тишина. И, наблюдая за тем, как маленькая Меган сидит без движения, уставившись сухими глазами в окно, я буду размазывать сопли, глядя на зареванное отражение в купленном сегодня зеркале.

Я на секунду прикрыла глаза, а когда открыла их, увидела, что Дэлл положил нож на край стола, затем вернулся и застыл напротив.

– Ты отдашь мне его через две недели, – произнес он ровно. – Две недели. Как и договаривались.

– К черту две недели! Зачем тебе ждать? – взорвалась я. – Забирай его и проваливай, чтобы духу твоего здесь не было!

– Меган...

– Иди к черту! Не нужны мне подачки. Обойдусь без твоего сочувствия!

– Меган! – вдруг повторил он со сталью в голосе, и я осеклась. Осыпалась. Неожиданно устала. И отвернулась к окну, чтобы не видеть его пронизывающего взгляда.

Что он еще здесь делает? Почему до сих пор не ушел? Ведь пять минут уже как мог быть полностью свободен.

– Иди, Дэлл. Я не буду больше звонить. Живи своей жизнью.

Я развернулась, чтобы уйти, но мое запястье вдруг перехватила рука. Теплая, жесткая. Я с удивлением посмотрела на то место, где вокруг моей кожи сжались мужские пальцы, затем подняла глаза.

– Ты чего? Отпусти.

Прикосновение не порадовало – слишком грубое. Внутри стало гадко, хотелось плакать.

– Я могу пригласить тебя на чашку кофе?

Я едва не рассмеялась ему в лицо.

– Не стоит. Ты мне ничего не должен. Иди, тебя друзья ждут.

– Меган...

– Уходи, Дэлл.

– Одна чашка кофе.

Теперь в его голосе появились незнакомые нотки, а в глазах застыло странное выражение. Он просил... просил сам. Но зачем?

– Пожалуйста, – произнес он тихо, и мне показалось, что огромный мощный зверь, неожиданно получивший свободу и до того бушевавший на вольных просторах, вдруг вернулся к тому, кто открыл засов вольера.

Кофе? Он шутит? Я и он, сидящие за чашкой кофе. Но зачем? Чтобы он все-таки смог сказать «спасибо»? А надо ли оно мне?

– Пожалуйста.

Это было второе «пожалуйста». Почти магическое. На короткую секунду я увидела в его глазах что-то, напоминающее тоску, смешанную с болью, и еще сильнее расстроилась.

Наверное, он действительно не хотел меня обижать этим договором, просто должен был его привезти, должен был знать, что бумага подписана, что свобода уже близка. А пункты... Да мало ли какие бывают люди, ведь сразу не разобрать, кто гад, а кто святой.

А если бы тот бородач в сердцах швырнул в меня шариковой ручкой, не позволив сказать «спасибо», каково бы мне было? Наверное, было бы грустно. Да, хотелось бы поскорее оказаться на свободе, но все равно было бы грустно оттого, что я не смогла уйти как полагается, по-человечески.

Что ж, стоит позволить человеку отблагодарить, если ему так хочется. И уж что-то, а чашку кофе этим вечером я точно заслужила.

– Хорошо. Только у меня нет красивой одежды, и я не успела привести себя в порядок.

Дэлл улыбнулся. И от возникшего в его глазах тепла вдруг стало хорошо. И трещины заросли, и осколки внутри вдруг собрались, и небожители почти запели.

– Мы выберем неприязнательное к внешнему виду место. Я буду ждать в машине.

Только теперь он отпустил мое запястье.

Все еще оглушенная поворотом событий, я смотрела, как он идет к двери, как открывает ее и как выходит во двор. Нож остался лежать на краю кухонного стола.

Я и он – мы едем пить кофе.

Все почти так, как планировала с утра.

Почти.

Окончательно запутавшись в своих ощущениях, я опустила голову и устало потерла лоб.

В кафе было тепло и немногочисленно. Пахло кофе и чем-то сладким.

- Может быть, десерт?
  - Нет, спасибо.
  - Сахар?
  - Я пью черный.
  - Всегда черный? Может, сливки?
- Она замялась.
- Да, было бы хорошо. Спасибо.

Он заказал один капучино и один дарк гранде и на всякий случай придвинул к ней салфетки.

Принесли кофе.

Меган смутилась, увидев нарисованные на пенной шапке сердечки – должно быть, официант по привычке, взглянув на пару «мужчина-женщина», попросил добавить рисунок, – взяла маленькую ложку, быстро размешала пену. Белесая шапка потонула в однородной коричневой массе. Шоколадные сердечки растаяли.

Разговор не ладился.

Дэлл бросил ничего не значащий комментарий об интерьере – она кивнула. Спросил о погоде – ответила коротко. Попытался вспомнить былые времена – удалось: какое-то время развлекал историей из прошлого, когда в подобном кафе официант перепутал заказы и вместо сэндвича поставил перед ним воздушный торт «Клубника со сливками», после чего посетители молча и единогласно решили, что он гей. Меган улыбнулась – коротко, сдержанно. Стараясь не смотреть ему в лицо, отпила капучино, поставила чашку на стол, бросила на нее раздраженный взгляд, будто сетуя, что кофе всё не заканчивается.

Дэлл откинулся на стуле, сцепил руки, задумался.

Почему эта странная девчонка так себя ведет? То просит о близости, то отдаляется в другую галактику. Глядя на кинотеатры, напоминает восторженного щенка, а читая серьезные договоры, улыбается грустно и понимающе, словно застывший на далекой горе памятник божеству, тропинка к которому заросла бурьяном.

В ее глазах ни разу не вспыхнул алчный огонек, а с языка не сорвалось лишней просьбы. Она стала первой и единственной, кто, услышав о его проклятии, пожелал вернуть нож. И вернула бы. Если бы он взял.

Но он не взял.

Почему?

Дэлл и сам не мог ответить на этот вопрос. Вот только неправильно было бы так уходить: прогнанным, выставленным за дверь, неблагодарным, подарившим боль тому, кто подарил свободу.

Да, он бы хотел отблагодарить, но как? Дать денег? Спросить, не нужно ли ей чего, и привезти это? Он был готов дать все, кроме дружбы и того, во что она могла перерасти. Нет, симпатии не рождаются из просьб, не рождаются они даже из чувства благодарности или при взгляде на привлекательное лицо. По крайней мере не у него, Дэлла. Слишком много плохого оставлено позади, и оно еще не отсохло, не отвалилось, не прекратило болезненно жечь разум. Он больной. Психически нездоровый, покореженный, исковерканный. Он не способен адекватно реагировать на мысли о близости. Поэтому – нет. Все что угодно, но только не это.

– А те, что приезжали с тобой, – друзья?

Видимо, затянувшаяся пауза напрягала не только его.

– Да. Коллеги. И друзья.

Меган кивнула. Не стала спрашивать, все ли в отряде Дэлла убийцы. Догадалась сама.

– А кем работаешь ты? – спросил он для приличия, зная ответ.

Взгляд настороженный, как у зверька.

– Секретаршей.

И снова единственное слово в ответ. Не разговорить, не вытянуть сути, не услышать лишнего.

Меган ассоциировалась у Дэлла с покупателем дома, пришедшим посмотреть на убранство, но по какой-то причине вдруг передумавшим заключать сделку. Вот он походил в бахилах по коврам, огляделся, осмотрел зал, но подниматься на второй этаж или оглядывать террасу не стал – сразу же поспешил к выходу, стараясь ничего не задеть, не примять, не наследить. Да, аккуратный такой покупатель. Тихий, вежливый и совершенно непонятный.

Так же и Меган – отвечала коротко, будто опасаясь сказать лишнее, вовлечься, почувствовать интерес. Если отброситься пустыми фразами, кивнуть, а где-то вообще промолчать, то можно уехать домой целой, неизменной, не допустившей внутрь.

В какой-то момент в нем вспыхнул забытый азарт – попробовать разговорить? расслабить?

Его взгляд упал на ее ладони, сжимающие белую фарфоровую чашку, на тонкие пальцы с короткими ногтями.

Такие бы не оставили шрамов...

У Лолы были накладные ногти: длинные, острые, раскрашенные безобразным сочетанием ярких, кричащих цветов, с наклепленными поверх стразами. Вульгарные, почти шлюшечьи. Вероятно, дань моде.

Каждый раз Лагерфельд – врач отряда – качал головой, залечивая отметины на его спине. И молчал, не задавал ненужных вопросов.

Новая встреча – новые шрамы.

Иногда она приводила в дом таких же немолодых, разодетых в дорогие шмотки подруг. Из того же сословия, к которому принадлежала сама, – сливки общества, элита, бомонд. Кучу старух, превращенных хирургическими методами в безобразные нафталиновые куклы, щедро осыпанные пудрой и залитые вызывающими тошноту духами. А когда он недостаточно хорошо, по ее мнению, играл в их присутствии свою роль – «Принеси нам еще чаю... встань на колени... поцелуй мою руку», – была по лицу перчатками. Но это позже, в темном коридоре, когда все расходились. Тогда спесь слетала с нее, обнажая неприкрытую злость.

Дэлл вздрогнул и подумал, что ненавидит накладные ногти. Поднял голову, встретился с ровным взглядом Меган, изучавшей его лицо, и чуть виновато улыбнулся.

– Извини, задумался.

– О чем?

Хороший вопрос. Наверное, о том, что с тех пор как Лола умерла – он узнал об этом от одной из ее подруг, случайно встретив на улице: «А вы еще не слышали? Какой ужас! Вчера она захлебнулась рвотными массами в собственной ванной! Я говорила, не следует пить неразбавленный джин и курить иланский табак одновременно, но она никогда не слушала!», – он ни разу не просыпался по утрам с эрекцией.

А может быть, он задумался о том, что до сих пор не понимал, каким именно образом его рабовладельцы теряли нож? Такой ценный, по их мнению, предмет. Лишь в двух из шести случаев Дэллу это было доподлинно известно: все имущество Лолы после ее смерти было куплено неким Адриано Равом, который отдал большинство ее вещей в центр обслуживания малоимущих. Именно так и получил нож предпоследний владелец – пьянчужка Эд, через неделю проигравший Дэлла в покер местному барному вышибале. Возможно, история с того момента могла бы закрутиться иначе, но вышибале, не поверившему пьяному посетителю, твердящему заплетающимся языком какую-то ерунду о «рабе», хватило одного взгляда на стоящего возле машины бугая-Дэлла, чтобы зло сплюнуть на землю и зашвырнуть нож в кювет.

Тот самый кювет, в котором его и нашла сидящая напротив девушка.

Дэлл понял, что вновь затянул с ответом.

– О разном.

И поймал себя на мысли, что он ничем не лучше нее: отвечает односложно, увертками, лишь бы не спровоцировать новых вопросов.

Меган отвернулась и какое-то время молчала, глядя на взбивающую пену в металлической кружке барменов. Пронзительно свистел под давлением в трубке горячий воздух. Затем повернулась и неуверенно закусила нижнюю губу.

– Скажи, а в эти две недели я имею право тебя о чем-то просить?

Дэлл, начавший расслабляться, вновь непроизвольно напрягся. Заставил себя кивнуть:

– Да. Эти две недели я все еще твой «раб».

Сказал и словно заledenел внутри. Еще две недели.

Зачем? Ведь мог бы уйти уже сегодня. Идиот.

Меган уловила его эмоции; в ее зеленые глаза вернулась усталость. На мгновение кольнул стыд, но тут же пропал. Она не такая, она лучше. Но Дэлл отвык от нормальных людей. Протянуть бы еще четырнадцать дней, а потом – свобода.

– Отвези меня, пожалуйста, домой. Отсюда далеко пешком.

– Конечно.

Наблюдая за ее худощавой, почти хрупкой фигурой, шагающей впереди него вдоль прохода, Дэлл вновь почувствовал странный интерес: почему она не пользуется тем, чем могла бы? Почему выстроила вокруг себя стену еще выше, чем его собственная? Почему не скажет лишнего слова, будто старается не наследить на его полу, не оставить ни единого мазка на холсте его жизни?

Можно, конечно, забыть.

А можно попытаться узнать. Ведь впереди еще четырнадцать дней.

«Тринадцать, – поправил он себя. – Уже тринадцать».

* * *

Если бы не продолговатая лампа над раковиной, кухня бы полностью утонула во мраке, но Дэлл не стал зажигать свет. Прошел к холодильнику, распахнул дверцу, отыскал глазами пачку апельсинового сока и налил его в стакан. Поставил пачку на место, сел за кухонный стол. Задумался.

Интерес, спонтанно возникший к Меган в кафе, не угас – продолжал тлеть, словно уголек, покрытый слоем пепла.

Может, то был вовсе не интерес, а нормальное человеческое желание отблагодарить, и он просто-напросто отвык от человеческих желаний,

начал принимать одно за другое? Как бы то ни было, а воспоминания о сегодняшнем вечере царапали, как царапают кожу щеки перья, торчащие из подушки.

Все, свободен – он до сих пор не мог ни поверить, ни до конца осознать. При любых условиях свободен: Мак забрал договор и надежно его сохранит. Тринадцать дней, и можно будет расправить крылья, взлететь, размять затекшие плечи и устремиться вверх, к небу, к солнцу. Всего лишь тринадцать вечеров в компании девчонки... «...С грустными глазами», – вдруг подумал он и запнулся; прежняя мысль оборвалась.

Дэлл, глядя на темный дверной проем, ведущий в столовую, отпил сок, осторожно, чтобы не стукнуть, поставил стакан на деревянную поверхность стола.

Хорошо. Он не может ей дать близости, но она и не просила о ней. Но что-то человеческое он дать так или иначе может. Например, подарить улыбку, кусочек тепла или какую-то вещь. Ведь у него есть деньги. Почему бы не использовать их? Да, через две недели он уйдет – это придется еще раз объяснить, если понадобится, – но кто сказал, что оставшиеся вечера должны пройти так же тускло и уныло, как сегодняшний?

Уголек в душе, не затоптанный грубой подошвой, разгорелся ярче – задымил, закоптел.

Нужно разговорить Меган, узнать, что ей интересно, что она любит.

Тускло поблескивали в полумраке ряды висящих на стене поварешек, которыми Дэлл никогда не пользовался. Повара он так и не нанял – зачем повар, когда не принадлежишь себе и не знаешь, появишься ли вечером дома? А за кухонную утварь спасибо декоратору, решившему, что уют – неотъемлемая часть любого хорошего дома. И теперь этот самый дом, уютный, но чаще всего пустой, взирал на сидящего на кухне мужчину сонными глазами, не прислушивался к его мыслям, почти спал.

А внутри Дэлла мягко кружила радость. От близкой свободы? От принятого решения? Оттого, что в душе наконец проснулось что-то человеческое? Или от всего вместе?

Он не стал анализировать, просто сполоснул стакан, поставил его на сетчатый поддон, вытер руки полотенцем и вышел из кухни.

...Дэлл бы удивился, если бы узнал, что в этот самый момент лежащая на узкой кровати в тихой полуподвальной комнате Меган пришла к похожим выводам. Да, они – два идиота, решившие, что должны видеть друг друга на протяжении двух недель. Но если уж так вышло, то почему бы не провести время для души, радостно, а не как сегодня?..

Чувствуя непривычное облегчение, Дэлл расправил кровать, скинул

одежду и с наслаждением вытянулся на прохладных простынях.

На тринадцатом, закутавшись в тонкое одеяло, улыбнулась Меган.

Где-то наверху, над тяжелыми облаками, неслышно зазвенели колокольчики.

Глава 5

- Саймон, я не буду это носить!
- Но почему?
- Потому что это три лоскута серебристой ткани и одна бретелька!
- Это платье из новой коллекции!
- Может быть. Но я все равно не буду.
- Вредина!

Зашуршали передвигаемые по металлическому поручню плечики с одеждой.

– А это?

– Леопардовые штаны с блестящими звездами?! – Я нервно сглотнула, представив себя в подобном наряде.

Саймон обиделся. Надул красивые, как у стоящего позади него манекена, губы и откинул со лба длинные темные пряди. Сложил руки на груди.

– Это же с последнего показа! Еще и твой размер.

– Симми, – именно этим ласковым словом я звала друга, когда тот обижался, – они... великолепны. Но это совсем не то, что мне нужно.

– Правда великолепны?

– Конечно! Изумительные цвета, модный фасон, просто шик.

Если что и могло прогнать тучи из настроения молодого дизайнера, так это похвала – в яркие бирюзовые глаза тут же вернулся веселый огонек.

– Слушай, Мег, ну-ка, рассказывай! – Он подсел в соседнее кресло. – Кого ты нашла? Наверное, он большой, красивый, сильный, весь из себя представительный, галантный и... сексуальный?

Я рассмеялась в голос: он, вероятно, только что описал собственную мечту. Ароматный кофе, залитая солнечным светом комната, одновременно примерочная и кабинет, ворох пусть и неподходящей, но все-таки одежды, и улыбающийся напротив друг сумели поднять мое настроение на наивысшую за последнюю неделю отметку. Забылось утро, наполненное телефонными звонками и грызней с коллегами, забылся полдень и часы, проведенные перед монитором. Сегодня пришлось много читать про новый замок – именно такой стоял на следующей двери, которую требовалось открыть; Тони торопил – клиент уезжал в отпуск на выходных, а привычными отмычками и пластинами не обойтись, придется заказывать новые керамические магниты и много практиковаться. Значит, пора бы

заглянуть к старине Чаку... Когда всем этим заниматься, если в ежевечернее расписание теперь включен Дэлл?

Эх, один раз живем. Придется научиться совмещать несовместимое и утрамбовывать все в выданные жизнью на день двадцать четыре часа.

– Так кто он? Твой новый знакомый?

Ухоженные пальцы аккуратно взяли с блюдца ложечку и неторопливо помешали кофе. Ногти с маникюром – не чета моим.

– Просто друг. Ничего особенного.

Сердце при этих словах учащенно забилося.

– И тебе нужна одежда? Какая?

Саймон – манерный, пахнущий приятным одеколоном – на самом деле был пронизательным парнем, и теперь его взгляд сосредоточился на моем лице.

– Одежда и обувь. На пару недель. Все, в чем можно ходить на улице: в кино, кафе, погулять...

– Понял. Упакую, отправлю тебе на дом через час.

– Спасибо.

Ощущая мою неловкость, он тепло улыбнулся.

– Брось. Я рад, что могу что-то для тебя сделать.

– Скажи, сколько...

Он перебил – взгляд сделался серьезным:

– Еще раз услышу разговор о деньгах – будешь носить леопардовые штаны в течение недели. Не снимая!

Мы одновременно расхохотались. Неловкость рассеялась. Отставив кофе, я с наслаждением вытянулась в мягком кресле и посмотрела на друга.

– Шикарные у тебя золотистые пряди в волосах!

– Нравится? Давай тебе такие же сделаем! Это всё Энди, это он предложил, гад...

Ни один другой человек не смог бы наполнить слово «гад» таким количеством тепла и любви, как это только что сделал Саймон.

Я улыбнулась, расслабилась, вытянула ноги и приготовилась слушать очередную байку из жизни под названием «Я и мой стилист». Взяла с блюдца мягкое шоколадное печенье, с удовольствием покатала на языке ягодную начинку и зажмурилась.

Иногда жизнь удивительно хороша!

Через час моя квартира сделалась похожей на вещевой склад.

Три пары новых джинсов, несколько блузок повседневных и праздничных, белая шерстяная кофта крупной вязки, два кардигана, пуловер, костюм-тройка, четыре юбки, элегантные брюки, два стильных плаща, восемь (!) пар различной обуви и чертовы леопардовые штаны со звездами, глядя на которые, я скрипнула зубами.

Саймон превзошел сам себя. Он позаботился не только об одежде, но и об аксессуарах – украшениях, ремнях, шейных платках, – и даже о чулках, упаковки которых громоздились в одном из картонных ящиков. Сверху лежала сложенная вдвое записка: «Если нужно нижнее белье – только свистни! Твой С.».

Я покачала головой. Вот шутник! Если бы кто-то сейчас увидел мою каморку, то решил бы, что сюда свозят краденое: всё новое, хрусткое, свежее, разве что без бирок и ценников. Постарался друг на славу, ничего не скажешь.

Примостившись, словно нищий под зонтом уютного кафе, на уголке собственной кровати, я оторопело разглядывала «богатство», прибывшее для того, чтобы бедная одинокая девушка спешно превратилась в сказочную принцессу и покорила великолепного принца. Что за бред? Куда я пытаюсь втиснуться – в чужие джинсы, в чужую жизнь? Новая одежда не изменит старых принципов, не скроет бедность души, разве что пустит пыль в глаза прохожим.

Зря я все это затеяла.

Нахлынувшая прошлым вечером волна оптимизма тактично схлынула туда, откуда пришла, оставив после себя нарисованную на мокром песке циничную усмешку реализма. Нужен ли мне еще один вечер тягостного молчания и обрывочные разговоры ни о чем, лишь бы замаскировать неловкость? Подписанный накануне договор несколько остудил мой романтический пыл и галькой отрикошетил по стеклам розовых очков – в радужной оправе красиво блестели осколки.

Дэлл – привлекательный мужчина, но чужой и совершенно не желающий сближения. Тогда к чему все это?

Уберу я лучше вещи Саймона в шкаф и не буду никому звонить. Налью себе чаю, почитаю журнал мод за позапрошлый месяц, сделаю вид, что всё по-прежнему. Друг никогда не узнает, что я ни разу не надела присланное, а Дэлл не расстроится, если его телефон этим вечером промолчит.

Зашумел поставленный на плиту чайник; солнечные лучи осветили дальнюю стену и сваленный на кровати ворох вещей. Я принялась

сооружать бутерброд.

А через несколько минут зазвонил мобильник.

На экране высветился знакомый номер без имени. Я вздохнула, несколько секунд слушала звуки мелодии, затем, пересилив себя, нажала «Ответить».

– Алло.

– Здравствуй, Меган.

– Здравствуй, Дэлл.

– Как твои дела?

– Всё в порядке.

Возникла неловкая пауза, живо напомнившая вчерашний вечер.

Зачем звонишь? Из чувства вины?

В трубке вновь заговорили:

– Хотел узнать, ты уже освободилась?

От жизни – пока еще нет.

– Да, освободилась. Вот только... – я замялась, глубоко вдохнула, бросила взгляд на пакеты с одеждой. – ...Я так и не придумала, куда можно пойти, поэтому, может, сделаем перерыв?

Звучало так, будто мы провели вместе по крайней мере года два, просыпаясь и засыпая в одной постели, и надоели друг другу до зубной боли.

Дэлл не смутился и, к моему раздражению, не ответил «отличная мысль», а вместо этого снова удивил:

– У меня есть одна идея. Я подъеду через час, хорошо?

Ответить бы «нет», да вот только кто-то чужой, орудующий моим языком, уже выговорил:

– Хорошо.

Он дал отбой.

Вот черт! Стукнуть бы себя по лбу. Куда меня несет? К новым разочарованиям? Неужели жизнь совсем не учит? Десять минут назад я приняла решение сидеть дома, а теперь почти с восторгом смотрю на обновки!

Но ведь там такие классные джинсы с золотыми пряжками... И ты так хотела попробовать новую тушь.

Я насупилась, пытаюсь сдержать совершенно неуместную, на мой взгляд, радость.

Кто и для кого стал проклятием?

– Ты любишь кино?

Солнце позолотило пластик приборной панели, бросило блик на серебрястые часы на запястье и застыло на щетках-«дворниках». Он притягательно пах; я сидела, словно пес, старающийся не смотреть на жирную мясную кость в чужой тарелке.

– Люблю.

Кино я действительно любила. Экран, чья-то судьба, прочувствованная на себе, вихрь чужих эмоций, пропущенный через каждую клетку. Полтора часа, позволяющие постоять в чужих калошах, поверить, что жизнь не всегда скучна, а иногда – великолепна. Любовь, чей-то взгляд, тоска, волнение, улыбка, радость, новые места, события, лица. И серость бытия исчезает, растворяется, не допущенная внутрь стенами кинотеатра.

Дэлл улыбнулся. Золотистые лучи добавили в его серо-голубые глаза тепла. Я сжала непривычно мягкую кожу белой сумочки, одной из четырех, присланных Саймоном, – она лучше всего гармонировала с белым свитером. Новые черные джинсы непривычно плотно облегли ноги, каблук ботинок казались слишком высокими, неустойчивыми, тушь утяжеляла ресницы. Отвыкла.

– В таком случае как насчет нового киноцентра «Осирис»? Ты когда-нибудь была в нем?

– Нет, только слышала. Это тот, что делает новые 4D-фильмы?

– Да, он самый. Хочешь попробовать?

Я хотела кивнуть, но вдруг спохватилась. В кармане всего двадцать долларов, и те желательно бы сохранить. А билет в сверкающий шикарный киноцентр обойдется не меньше чем в двадцать пять – тридцать.

Дэлл уловил мои сомнения.

– Все расходы на мне. Едем?

Я смущенно кивнула.

Только бы не напоминать щенка, только бы не сорваться на радостные повизгивания и не начать лизать руки.

Я не стала заходить внутрь – ждала на широких ступенях крыльца, подставив лицо теплым лучам солнца. Вокруг ходили люди – группами, парами, поодиночке. В фойе кинотеатра теснился народ, выстаивая очереди к кассам, глядя на экраны со списком фильмов, а снаружи шептала листва. Желтый цвет простреливал в зелени крон золотыми монетами – деревьям недолго осталось носить старые прически, вскоре их парики порыжеют, сохнут и облетят, оставив голые ветви торчать на фоне серого неба. Близилась осень.

Вернулся Дэлл. Обошел меня сзади, остановился напротив.

«Он возвышается надо мной, стоя ступенью ниже», – подумалось некстати.

Ветер трепал воротник его легкой серой ветровки, ерошил светлые волосы.

– Билеты есть только на девять вечера.

– Тогда, может, в другой раз?

– Я уже взял два.

– Но до девяти еще два часа.

– Мы можем где-нибудь посидеть. Поужинать, если хочешь, или выпить кофе.

При мысли о кофе всколыхнулся цинизм: снова молчать? Или два часа жевать где-нибудь салат? Что за проклятие я себе придумала – находиться рядом с красивым мужчиной и не иметь возможности с ним расслабиться...

Хотя... было бы желание, а способ найдется. Мне в голову пришла странная мысль.

– Ты пьешь за рулем?

– Я пью в перерывах между вождением автомобиля, если ты об этом.

Красивый ответ, логичный.

– Да, об этом.

Он прищурился, глядя на меня.

Ветер вновь донес запах его одеколона, действовавший на меня словно афродизиак. Сочетание трезвой головы и непреодолимого влечения к стоящему рядом субъекту никак не способствовало обретению внутренней гармонии. Так точно дальше не пойдет.

Я посмотрела поверх его плеча на утонувший в солнечном свете широкий бульвар, запруженный людьми.

– Знаешь, – я откинула предрассудки, – нам с тобой будет тяжело эти две недели, если мы не сумеем немного расслабиться в присутствии друг друга. Лично мне дискомфортно все время молчать. Я без понятия, о чем с тобой говорить и как себя вести, но мне хотелось бы это исправить. Если тебя подобное пугает, то просто отвези меня домой и не звони больше.

Вот, оказывается, как я умею посреди белого дня, да еще и в уличной толпе. Ужас... Совсем как вредная бабка-отшельница, прожившая последние лет тридцать в лесу. С другой стороны, тратить вечера на притворство и фарс, молчать, не позволять себе лишнего слова – что может быть бессмысленнее? Либо мы станем друзьями (или хотя бы приятелями), либо нужно заканчивать впустую тратить время.

Широкие брови приподнялись, в глазах блеснуло удивление.

Какое-то время Дэлл молча смотрел на меня, будто раздумывая о чем-

то. Я же в очередной раз балансировала на тонкой грани между его «да» и «нет».

– Бар? – коротко спросил он.

– Приглашаешь?

Я становлюсь хитрой.

Он усмехнулся.

– Да. Приглашаю.

– Тогда бар.

* * *

– Я предлагаю нам сыграть в игру: ты задаешь вопрос, я отвечаю честно. Я задаю – отвечаешь ты. А параллельно мы пьем. Таким образом мы узнаем друг друга лучше.

– Пить мы будем столько же, сколько и задавать вопросов? – Глаза Дэлла улыбались. По крайней мере, так казалось в полутемном узком помещении с длинной стойкой, за которой мы расположились.

Я замялась. Если объем спиртного отразит количество вопросов, которые хотелось задать, я усну даже не в кинотеатре, а на его крыльце. Если доползу.

– Э-э-э... не думаю, что у нас друг к другу так уж много вопросов, так? На этот раз он точно усмехнулся.

Наверняка он имел в виду меня, а не себя этой усмешкой.

– Что будем пить?

Запаянное в пластик меню маленького тихого бара на углу не баловало разнообразием предлагаемых напитков: водка, коньяк, виски, пиво, вино, вариации коктейлей, но этого выбора было достаточно для поставленной цели.

– Ратана... – вычитала я незнакомое слово. – Что это?

– Мягкая валлийская водка, не такая крепкая.

– Вот на ней и остановлюсь. Ты?

– Виски.

Мужской выбор.

Дэлл подал знак бармену.

В приземистой стопке дрожала прозрачная жидкость. Я выпила ее залпом – в нос ударил букет незнакомых специй и трав, – поморщилась, выдохнула. В целом приятный вкус. Не противный, мягкий; в желудке

потеплело.

Я пью в баре с мужчиной, пытаюсь узнать его лучше. Через два часа иду с ним в кино, а через две недели он уйдет. Абсурд какой-то.

Бармен негромко говорил по телефону; висели, словно колбы в алхимической лаборатории, перевернутые бокалы. Зал тонул в полумраке, телевизоры не работали, динамики на стенах молчали. Из посетителей – только пожилой мужчина, читающий газету у окна, и трое молодых людей у дальней стены, за душевной беседой методично набирающиеся пивом.

Дэлл пригубил виски, поставил стакан на стойку и вопросительно взглянул на меня.

– Ну что? Сразу со сложных вопросов?

Я замотала головой.

– Ну уж нет. Я еще столько не выпила.

– Тогда с простых?

– Хорошо. Итак, что я о тебе знаю? Тебя зовут Дэлл, ты странный парень, работаешь на Комиссию, твои друзья – накачанные мужчины устрашающего вида, а сам ты однажды где-то оступился, за что и получил тот нож в наказание от собственного начальника. Он, твой начальник, что, бездушный идиот, чтобы наказывать таким образом?

– Хороший первый вопрос. А главное, простой. – В глазах моего спутника появились смешинки. – Хорошо, отвечу. Нет, он не идиот, но наличие души до сих пор под сомнением. А почему ты считаешь меня странным?

Тожe хороший первый вопрос.

– Потому что ты не забрал вчера этот нож.

– Тогда я согласен.

Казалось, я пьянела от его близости куда сильнее, нежели от алкоголя. Серо-голубые глаза таинственно мерцали в полумраке, красивые мужские пальцы лежали слишком близко к моим – протяни, и дотронешься. А эти плечи... боже мой...

Сохраняй разум, Меган.

– Ты ведь не живешь в Соларе, так?

– Так.

– А где?

– Это второй вопрос. Сейчас моя очередь.

Я улыбнулась.

С тобой надо держать ухо востро, друг.

– Спрашивай. Хотя не думаю, что моя жизнь тебе так уж интересна.

– Ну почему же. Должен же я понять, каких сюрпризов от тебя можно

ожидать. Ты давно работаешь секретаршей?

– Почти два года. Так в каком городе ты живешь?

– Сейчас – в Нордейле.

Память попыталась натужно прокрутить географию Уровня – пусто.

– Это ведь не тринадцатый.

– И это не вопрос. А кем ты работала до этого?

Я вздохнула. Интересно, куда он клонит?

– Я работала в отряде спасателей.

– Я спросил «кем», а не «где».

– Ты всегда так точен в вопросах?

Он не ответил, лишь глотнул виски, не отрывая от меня изучающего взгляда. И почему от собственных идей страдаю в первую очередь я сама?

– Хорошо. Я работала спасателем. Может, не будем сохранять очередность, а просто поговорим?

– Согласен. Только если твои вопросы мне не понравятся, я оставляю за собой право хранить молчание.

– Договорились. Но я все равно попытаюсь выудить из тебя все ответы.

– Твое право. Приступай.

Он подлил в мою стопку ратаны и достал из пачки сигарету.

Тридцать минут спустя

– Я тебя раскусила! Ты хитрым образом пытаешься выяснить все, что я люблю. Но зачем?

Мысли заволкло приятной дымкой, время испарилось; голова и тело благодаря алкогольным парам расслабились. Бутылка ратаны наполовину опустела, и я едва сдерживалась от глупого хихиканья. Мир приобрел теплые оттенки, настроение шло на взлет со скоростью стартующей ракеты. Какой приятный бар и какой хороший собеседник...

Бармен в третий раз «повторил» дозу виски для Дэлла, но понять, насколько тот опьянел, не представлялось возможным. Все тот же спокойный прищур, та же мягкая полуулыбка, с которой одинаково легко можно дарить цветы или убивать.

– Должен же я тебя чем-нибудь отблагодарить за доброту.

– О чем ты говоришь? О благодарности за «нормальность»? Прости, но при всем желании мне было бы трудно приказывать тебе всякую ерунду или извлекать выгоду из твоего несчастья. Поверь, смотреть на чужие страдания так же трудно, как и страдать самому.

– В твоём характере есть редкие качества, Меган, хотя ты сама, возможно, не осознаешь этого.

Ой, вот только не нужно... Все мои редкие качества с лихвой компенсируются отсутствием некоторых моральных устоев. Нормальный человек не опустился бы до взламывания замков.

Я покрутила в руках стеклянную стопку, посмотрела на Дэлла и улыбнулась.

– Все равно тебе не повезло, приятель, мне ничего не нужно. А о твоей компании по вечерам я уже попросила.

– Как насчет денег?

– У меня они есть, спасибо.

– Их не бывает достаточно.

– Поверь, бывает.

– Неужели работа секретарши настолько прибыльна?

– Насколько? Ты видел, как я живу.

– Именно поэтому тебе бы не помешала некоторая сумма в подарок.

– Не помешала бы, да. Но от тебя я ее не приму.

– А что ты примешь от меня?

Какой опасный вопрос.

Наши глаза встретились, и на долгие несколько секунд я позволила себе потеряться в глазах красивого мужчины. Шикарного мужчины, от которого мой рассудок мутился.

Тебя бы я приняла целиком. Телом и душой.

– Боюсь, что этого ты мне дать не сможешь.

– Сначала озвучь.

Настойчивый ты парень. И слишком близко. А я пьяна.

– Зачем ты ходишь по тонкой грани? Это в твоём характере? Рисковое занятие, знаешь ли.

– Меган.

Мое имя в его устах прозвучало непривычно мягко, вопросительно и укоризненно одновременно. В сердце что-то дрогнуло. Маленькая Меган тут же понеслась к двери, чтобы впустить дорогого гостя.

Ох, не делала бы ты этого, лапушка...

Какое-то время я смотрела на Дэлла, в его притягивающие магнитом глаза, затем позволила взгляду соскользнуть на губы. Такие бы смяли, вынули бы остатки благоразумия за секунду, разожгли бы внутри столько огня, что гореть и гореть. Пока не сгоришь...

– Ничего мне не нужно, Дэлл.

– Скажи мне. Пожалуйста.

– Даже не думай брать меня на бордаж этим словом! Нет-нет! Второй раз у тебя не выйдет! А то одно «пожалуйста» – и я оплываю как свечка. Нет уж!

– Я хотел бы услышать.

– Нет.

– Попроси всё, о чем хочешь.

– Не буду.

– Любое желание.

Я решительно поджала губы и помотала головой.

– А я уже сам решу, смогу ли я тебе это дать.

– Шантажист. Зачем ты это делаешь? Провоцируешь меня?

– Ты лишаешь меня возможности уйти, отблагодарив.

Уйти. Это слово отозвалось в душе болью.

Да, конечно, меня заносит... Уйти. Всё верно. Почему я позволила себе на секунду забыть?

Я положила локоть на стойку и потерла лоб.

– У тебя наверняка многое просили, Дэлл. Так ведь? Чего они просили? Денег, исполнения прихотей, твоего времени, близости?

Его лицо моментально застыло, а взгляд сделался ровным как зеркало – ни слова не прочесть. Я увидела, как дрожащие пальцы достали из пачки еще одну сигарету. Вспыхнуло пламя зажигалки, отразилось в серо-голубых глазах.

Плохо. Значит, все еще хуже: вероятно, просили всё из вышеперечисленного и в гигантских количествах. Черт, а тут еще я...

Какое-то время он курил молча, глядя вдаль, мимо читающего газету мужчины, в окно. Затем залпом прикончил третью порцию виски и сделал знак бармену налить еще. На секунду – показалось или нет? – в его глазах отразилась боль. Наверное, все-таки опьянел, раз выпустил на поверхность.

Нужно срочно исправлять ситуацию!

– Видишь, а ты предлагаешь мне озвучить свои желания, – произнесла я тихо. Затем добавила нарочито бодро: – Ну, если уж так хочешь отблагодарить, то покрась мне входную дверь или прикрути почтовый ящик, а то на одном гвозде болтается. Видишь ли, мусор я сама всегда выношу, а ковры благодаря твоему скороспешному визиту уже вчера выбила. И даже продуктов купила. Так что всё, прости, но придется тебе отдохнуть.

Под конец моего монолога губы Дэлла дрогнули в улыбке, а в глазах появилась тень благодарности. За что? За то, что не стала давить? Не дала мысленно задержаться на неприятной теме?

Да без проблем, друг. Сама знаю, как тяжело тонуть в гóре в одиночку, так что дай пять.

Когда Мик ушел из жизни, со мной рядом не оказалось того, кто протянул бы руку. Кто сказал бы: «Эй, ты знаешь, жизнь продолжается. Он любил тебя, а это главное. Храни о нем светлое, отпусти горечь и обиду, потому что они сожрут тебя и не подавятся, а Мик бы хотел, чтобы ты жила...» Спасательного круга не было, они погибли все и сразу – друзья и любимый человек. Остался только Чак, да и то потому, что не работал в отряде, а лишь изредка помогал с железками.

Следуя примеру Дэлла, я махнула очередную стопку валлийской водки целиком.

Дай бог забыть о плохом хотя бы на сегодняшний вечер.

К черту! Я мысленно встрепенулась и отпихнула прочь темное облако, накрывшее разум. И впервые за вечер встретила взгляд серо-голубых глаз прямо, не скрываясь и не смущаясь.

– Ты все еще хочешь честного ответа?

– Да.

– Тогда подари мне частичку тепла и помоги наполнить то время, что у нас есть, яркими впечатлениями. Чтобы было что помнить. Это всё, о чем я прошу. Сможешь?

Дэлл помолчал, затем медленно кивнул.

– Я сделаю всё, что в моих силах.

Я улыбнулась.

Всё. С этим разобрались.

– Сколько у нас еще до кино?

В полумраке сверкнул циферблат дорогих часов.

– Еще час двадцать.

– Боже мой!

– Устала от меня?

Я расхохоталась.

– Точно так же, как от торта, который не имею права попробовать!

Боже, еще одна такая теплая улыбка, и мое сердце не выдержит.

Слова изо рта вырвались до того, как успели пройти фейс-контроль мозга.

– Не улыбайся так, а то у меня в голове мутится.

Его улыбка сделалась шире.

– Это водка.

– Хорошо бы.

Наши взгляды снова встретились – слишком глубокие, наполненные

тем тайным, что ни один из нас еще не пропустил на поверхность, – и, чтобы соскользнуть с опасной темы, я спросила:

– Так что, остались у нас друг к другу вопросы?

Час спустя

– Знаешь, «Кину» не был простым отрядом и не состоял из обычных спасателей, как ты пытаешься это представить. Там работали обученные интересным вещам ребята, и просто человек с улицы им был не нужен. А следовательно, у тебя есть пара скрытых талантов, в которых ты не признаёшься.

– Ты тоже много в чем не признаёшься, что же теперь...

– Хорошо, – Дэлл откинулся на высоком табурете и сложил руки на груди. – Я расскажу тебе то, что ты хочешь знать, а взамен ты ответишь на мои вопросы.

– Ты бываешь поразительно настойчив, ты знаешь об этом?

– Знаю.

– Это я обещала выуживать из тебя ответы, а не ты из меня. Неужели мои скрытые таланты тебе настолько интересны, что ты готов поделиться чем-то важным?

– Считаю, что да.

– И что же, по-твоему, я хочу знать?

– Ты хочешь знать, к чему именно меня принуждали бывшие владельцы ножа.

О-о-о! Сколько же виски он выпил? Четыре-пять порций? И это безо льда. Пустая бутылка из-под ратаны стояла рядом – в ней отражался профиль бармена, протирающего стаканы, и вытянутое окно за его спиной. Светлое пятно на темном. Пол потерял твердость некоторое время назад, мир пританцовывал вокруг, бар напоминал палубу фрегата, спешащего по волнам. Пока еще, слава богу, не штормовым.

Внутри меня царил странная комбинация: расслабленность, веселость и капелька злости, которая появлялась всякий раз, стоило кому-то попытаться вытянуть из меня больше информации, чем я желала добровольно озвучить. Но следовало признать, что тип, сидящий напротив, действовал весьма умело и сделку предлагал любопытную.

Я усмехнулась.

Ладно, давай поиграем. Только ты еще не натыкался на стальную составляющую моего характера, парень.

– Так я и поверила, что ты расскажешь.

– Не упускай редкий шанс, Меган. Обычно я менее разговорчив.
– Я заметила. Ну что ж, хорошо! – Я положила ладони на барную стойку и прищурилась. – К чему тебя чаще всего принуждали бывшие владельцы ножа?

– Дать денег.

– И много просили?

– Иногда – всё, что у меня было.

– Тебе приходилось что-то продавать: дом, машину, вещи?

– Да. И еще занимать.

Боже мой...

– Тебя принуждали убивать?

Ведь не ответишь же... зря затеял эту игру.

– Да.

Ох...

Я моргнула и впилась взглядом в его спокойное лицо.

– Это сложно – убивать?

– Убивать – несложно. Сложно причинять боль тому, кому ты не хочешь ее причинять.

– А тебя заставляли кого-то пытаться?

– К сожалению.

Дэлл неторопливо достал из пачки новую сигарету, прикурил, выпустил струйку дыма и вопросительно посмотрел на меня.

– Это всё?

Я почувствовала, как мои ладони вспотели.

Боже, мы ведь не на самом деле об этом говорим?

Мне просто мерещится. Из-за водки.

– А над тобой самим издевались?

– Достаточно извращенно.

– Принуждали к физической близости?

Он холодно улыбнулся.

– Да, Меган.

Внутри меня что-то опустилось.

Господи, только не это! Зачем же ты отвечаешь на эти вопросы? Точно с какой-то целью, но с какой? Показать, насколько ты непригоден для нормальных отношений? Сломан? Чтобы, не дай бог, не остаться, заранее оправдать свой уход? Если так, то очень умно, почти милосердно. Сочувствующая девушка быстро отпустит, еще и счастливого пути пожелает.

Вот только я, похоже, выпила слишком много водки, чтобы

испытывать должное сочувствие. Вместо этого, словно скаковой конь, готовый при звуке пистолетного выстрела сорваться вперед, во мне заржал азарт.

А друг-то, оказывается, хитер. И отменный психолог. Если я сейчас выдам стандартную реакцию, то он победил. Все эти две недели я буду бояться коснуться его руки, лишь бы не потревожить «искореженную» психику.

Ну уж нет. Играть так играть!

Я с заговорщицким видом посмотрела на сидящую рядом «жертву» в виде здорового красивого мужчины.

– А знаешь, это даже хорошо, что тебя принуждали к сексу против воли.

О-о-о! Сумела тебя удивить все-таки! Каким недобрым сделался взгляд, просто прелесть – три секунды, и обледенеешь.

– Это еще почему? – процедил он сквозь зубы.

– Да потому, что я могу сделать вот так... – Я приподнялась на стуле и перегнулась через стойку. Теперь мое лицо находилось лишь в сантиметре от его – непозволительно близко. – ...Приблизить свои губы к твоим, вдохнуть твой запах...

Я медленно втянула воздух, пьянея от аромата его кожи. Боже, какие губы, и как близко...

Что я делаю?

– ...И ты ничего не сделаешь, чтобы сократить эту дистанцию, – прошептала я, почти касаясь его щеки. – Не качнешься вперед, не позволишь себе почувствовать, какая я на вкус. Видишь, с тобой я в полной безопасности.

Теперь в его глазах тлел огонек. Холодный и жаркий, мстительный и опасный. Дэлл не качнулся назад, не отодвинул лицо. О да! Он принял правила игры. Мое сердце стучало как бешеное.

– Зря ты это делаешь.

Я подалась назад и рассмеялась. Отставила бутылку в сторону и оперлась перед ним на локти, все еще вторгаясь в его личное пространство. С вызовом, почти нагло посмотрела в серо-голубые глаза.

– О нет, милый. Я могу делать всё, что захочу, и не бояться, что ты распустишь руки. Ты никогда не будешь настаивать на близости, я могу спать с тобой в одной постели, завернувшись в тебя как в одеяло, и не думать о том, что твои пальцы случайно могут расстегнуть ширинку на моих джинсах. Разве не здорово? Абсолютное спокойствие и защищенность. Ты просто мечта любой девушки!

Он улыбался.

Улыбался так, что моя кожа покрылась мурашками, а внутренности свернулись в узел. Мы смотрели друг на друга, словно хищники, пытающиеся распознать степень опасности друг друга. С одной лишь разницей: он был настоящим хищником – жестоким и беспощадным, а я – плюшевой собачкой с картонными зубами.

– Видел бы ты свои глаза, Дэлл. – Я усмехнулась и отодвинулась на прежнее место. Не спрашивая разрешения, вытащила из его пачки сигарету и прикурила ее дрожащими пальцами. С наслаждением затянулась, чувствуя, как пляшут нервы. – Ах да, я ведь говорила тебе, что иногда курю. Поверь, сейчас тот самый момент, когда мне не мешает. Так вот, в следующий раз, когда тебе покажется, что ты весь такой поломанный-переломанный, я поднесу к твоему лицу зеркало, чтобы ты сам всё увидел. Ничто тебя не убило, поверь мне. Поэтому прости, я не буду тебя жалеть.

От того, как он продолжал на меня смотреть, меня бросало то в жар, то в холод.

М-м-м... Какой вкусный никотин. Не пора ли сбежать куда подальше? В туалет? Чтобы дать ему остыть.

– Ты играешь в опасные игры, Меган.

– Всегда.

– И ты умнее, чем кажешься.

– Сомнительный комплимент.

Он медленно втянул воздух – широкая грудь приподнялась – и так же медленно выдохнул.

Ура! Первый раунд за мной!

Дэлл отпил виски, едва заметно покачал головой и посмотрел на меня.

– Что ж, пришла моя очередь...

– Прижать меня к стене? Валяй.

Какой огонь в глазах... какой огонь!

– Не провоцируй меня, Меган. – Он мягко улыбнулся.

– Почему нет? Ты пока владеешь ножом только теоретически, а я – практически. Мне ведь нечего бояться, правда, друг мой? (Он меня точно линчует. Надо ж было столько выпить...) Я могу разгуливать перед тобой голышом, и ты...

Дэлл качнулся вперед, поднял руку и медленно приложил к моим губам палец, заставляя умолкнуть – мол, тс-с-с, девочка, я понял. Ты свое уже на сегодня уже сказала.

Я закрыла глаза и перестала дышать. Как властно, как чувственно, как сексуально. Теплый палец на моих губах – молчаливый приказ

подчиниться.

Кто из нас раб? И выигран ли первый раунд?

– Теперь мы поговорим о тебе. – Убедившись, что мой словесный поток прерван, Дэлл отнял руку. Я дрожащими пальцами затушила сигарету в керамической пепельнице. – Так какими скрытыми талантами ты обладаешь, помимо умения дразнить?

Я облизнула губы и взглянула в глаза, которые за последний час вытянули из меня остатки благоразумия и превратили тело в кусок вибрирующего желе.

Знал бы ты, насколько притягателен. Зверь, красивый, мощный зверь в человеческом обличье...

– Ладно, это справедливо... раз уж я обещала. В «Кину» я работала с замками, помогала вскрывать их при необходимости.

Брови Дэлла поползли вверх.

– Ты локер?

В этот момент я грешным делом подумала: а не заказать ли еще водки?

– Да, я профессиональный локер. Удивлен?

– Да.

Он помолчал.

– Так вот почему у тебя короткие ногти и часто повреждены пальцы.

– Просто в прошлый раз пилочка для ногтей плохая попалась.

– Ты занимаешься этим и сейчас?

– Не твое дело.

Взгляд напротив сделался серьезным, губы неодобрительно поджались.

Да, вот такая я. Совсем не идеальная: раз в месяц курю, шляюсь по барам не пойми с кем и вскрываю замки.

Осуждение в его глазах царапнуло по больному месту. Какое-то время мы смотрели друг на друга молча.

Раздражение, что взметнулось во мне, перемешалось с обидой.

– Не тебе меня судить.

Нам с тобой вместе не жить, поэтому нечего меня упрекать, – хотела добавить, но не добавила. Какой смысл? А вот подстраховать бы себя не мешало, благо возможность для этого была.

– О том, что ты сегодня от меня узнаешь, ты не расскажешь никому. Ни друзьям, ни приятелям, ни Комиссии под пытками. Как владелец ножа я приказываю тебе это.

Думала, он разозлится или вновь натянет на лицо непроницаемую маску, но Дэлл не сделал ни того, ни другого. Вместо этого он

одобрительно улыбнулся.

– Ты умная девочка. И ты права: не мне тебя судить.

Возникшая секунду назад ледяная стена тут же ссыпалась на землю сверкающими осколками.

Хорошо. Пусть не любит, но и нравоучений пусть не читает.

– Еще таланты?

Я протянула руку и отпила из его стакана виски. Затем вдруг поймала себя на мысли, что этот жест выглядит очень интимным, и тут же вернула стакан на место.

К черту! Гулять так гулять! Буду пить сколько хочу и говорить правду, все равно он меня не выдаст. Бармен далеко, посетители заняты своими разговорами.

– Да, еще я умею работать со взрывчаткой, – добавила гордо и удивилась, когда в серо-голубых глазах вдруг промелькнула насмешка.

– Да что ты?

– Зря ты мне не веришь.

– Петарды делаешь? Или фейерверки на Новый год?

Я холодно прищурилась.

– Подкальываешь? А ведь я могу пустить твою красивую машину на воздух. Умею делать бомбы, срабатывающие при заведении мотора или по таймеру.

– Ух ты! Научишь?

Он откровенно издевался.

– Если будешь хорошим мальчиком, то, может, и научу.

– Да всё отдам за то, чтобы посмотреть.

Дэлл сложил руки на груди, глаза его смеялись.

И чего он надо мной насмехается?

Я надулась.

– Кто бы смеялся! Знаешь, когда бабахает, люди уже не смеются. А ты сам-то что умеешь?

– Будем считать, что я просто плохой мальчик.

– Который работает на Комиссию.

– Да.

– Служит в отряде специального назначения, ты сам говорил.

– Видишь, ты умница.

– У вас ведь тоже должно быть распределение ролей, как в «Кину».

Какая у тебя специализация?

Дэлл загадочно улыбнулся и пригубил виски. Его ответ прозвучал мягко, почти по-доброму:

– Я профессиональный подрывник.

Какое-то время я не решалась пошевелиться: застыла как истукан с глупым выражением лица. А потом расхохоталась. Над собой. Над собственной бравадой и глупостью. Боже, кого я пыталась впечатлить! Профессионального подрывника, скорее всего, лучшего на Уровнях. Конечно, именно поэтому у него телефонный номер со странным кодом, и живет он не на тринадцатом, а в Солар попадает по межуровневому допуску. Я смеялась так долго, что по щекам едва не покатались слезы. А когда сумела немного успокоиться, то тут же вновь попыталась притворно надуться:

– Ни в жизнь не покажу тебе свои петарды!

– Куда ты денешься.

Теперь он смотрел на меня с добродушной иронией, как большой кот на котенка, пытающегося стоять на собственных лапах: шаг – и вот они разъехались в сторону, еще шаг – получилось. Молодец, кроха!

– Ну нет! Не буду я перед тобой позориться.

В его глазах плескалось знание о том, что однажды я соглашусь. Конечно, скажу «да» и с упоением буду набиваться в ученики, чтобы выпытывать профессиональные секреты.

Мое лицо – открытая книга? Он читает по нему наперед?

Я вновь упрекнула себя за недавнее бахвальство и покачала головой.

А вечер все-таки хороший: настроение супер, собеседник что надо, правильная доза алкоголя в крови – достаточная для веселья, но не для перебора. Но куда больше водки пьянило странное ощущение близости, длящееся весь последний час, будто кто-то вдруг протянул мягкую лапу и сказал: «Держи, друг. Все будет хорошо».

И эта игра – тонкая, красивая, чувственная, которая только началась.

Пусть всего две недели, но зато какие! О да, однажды я спровоцирую его на большее. На гораздо большее. Но не сейчас. Сейчас – кино.

– Кино? – повторила я вслух.

– Да. Пора.

* * *

Я обещала себе сжимать зубы, храбриться и молчать, но все равно визжала каждый раз, когда зубастая чешуйчатая тварь кидалась к моему креслу, чтобы сожрать притаившегося за ним солдата. Да, фантома, созданного лучами проекторов героя, но такого живого, такого настоящего.

Иногда, стоило гранате разорваться слишком близко, мягкое сиденье проваливалось в пустоту и уходило в свободный полет, и тогда я снова визжала, цеплялась за теплое плечо сидящего рядом Дэлла, утыкала нос в пахнущую кожей куртку и жмурилась.

Кто же знал, что фильм «Соритеус» – смесь боевика и ужасов, действие которого происходит в фантастическом мире, – окажется таким страшным. Рвущиеся снаряды, крики, даже запах из покрытого слизью зоба – все это ощущалось слишком реалистично, на грани безумия. Если бы не присутствие в соседнем кресле Дэлла, я бы на всех парах рванула к выходу. Если бы отыскала его, конечно...

Вот уже час как я вернулась домой и теперь сидела в темной комнате на кровати. Время от времени я прижималась лбом к холодной стене и приговаривала: «Кто же знал, кто же знал...»

Действительно.

Кто же знал, что этим вечером я настолько напьюсь, что почти перестану контролировать себя. Кто же знал, что фильм окажется настолько ужасным, что почти полтора часа я провишу у чужого человека на шее.

Я, должно быть, облапала его всего.

Кто же знал, что плечо Дэлла окажется таким крепким, горячим и надежным, что его не захочется отпускать? И что через какое-то время я перестану замечать мечущихся вокруг монстров и слышать разговоры и выстрелы, полностью сосредоточившись на тактильных ощущениях? И запахе. Запахе его одеколона и его кожи.

Моя стабильность превратилась в сель, сползающий с горы, и ноги, скользя по рвущимся вниз камешкам, съезжали в пропасть вместе с ним.

Ни сидеть, ни стоять, ни лежать – эмоции душили, хотелось снова увидеть того, кто уехал час назад. Общаться, дышать, слушать или молчать. Просто быть вместе.

Плохо дело.

Я в очередной раз стукнулась лбом об стену и затихла.

Что же будет дальше?

* * *

– Друг, по-моему, ты пьян.

– По-моему, тоже.

– Все так плохо или терпимо?

Дэлл помолчал.

– Все хорошо.

– Хорошо? – Мак на секунду оторопел. – Давненько я не слышал от тебя этого ответа.

– Я знаю.

Он замер у окна и улыбнулся, вспомнив недоверчивый и удивленный взгляд друга.

Нордейл спал. Перемигивались на черном небе звезды, вторили им зажженными окнами небоскребы вдалеке. Спокойствие души мирно вплеталось в тишину ночи.

Этим вечером, стоя на собственной кухне, Дэлл думал о том, что этот странный вечер принес много открытий.

Первое: способность смеяться еще не отжила свое.

Второе: вечер в компании владельца ножа – не всегда пытка.

Третье: перенести прикосновение чужих пальцев оказалось проще, чем он предполагал. Ни отвращения, ни неприязни. Шаг вперед.

Четвертое: он перепил. А это означало, что он расслабился. Расслабился, как делал это только с теми, от кого не ждал подвоха. С друзьями.

Какой непредсказуемой порой бывает жизнь.

Внутри качнулось любопытство и недоверие к собственным ощущениям, потому что Дэлл вдруг поймал себя на совершенно неожиданной мысли: он ждал наступления завтра.

Глава 6

– Нет, не так! Твоя задача – подобрать комбинацию из этих магнитов так, чтобы они оттолкнули магниты в замке. Это универсальная карта-отмычка. Меняй положение рычажков, только делай это осторожно и быстро, пока электронный индикатор не засветится зеленым. У тебя шестьдесят секунд.

Пальцы с грязными ногтями пододвинули ко мне пластиковый прямоугольник.

Застарелый табачный дым настолько глубоко въелся в сероватые обои, что выветрить смрад не помогало даже распахнутое настежь окно, через которое в комнату вливался солнечный свет и шум машин. Приветливо шелестела листва.

Чак привычным движением пригладил кустистую бороду, закурил одну из самокруток, сощурился от попавшего в глаза едкого дыма и отошел к дальнему столу, заваленному железками. Принялся методично стачивать край одной из них напильником.

Обычная будка, потерявшаяся за деревьями в неприметном дворе, обычный замочный мастер – неприглядный мужчина среднего возраста в грязной майке и надетом поверх нее фартуке. Длинные волосы стянуты тесьмой, лоб наморщен, не улыбочивые губы спрятались в усах.

Мало кто знал, что Чак Нортон был одним из лучших специалистов-взломщиков, отошедшим от дел несколько лет назад. Он не брал подмастерьев, советы давал редко, а меня продолжал учить лишь по старой дружбе с «Кину». Денег за это не брал, но иногда принимал в качестве подарка бутылку арканского бурбона – невысокую плату за бесценные знания.

Рукав футболки ходил ходуном от методичных движений. Я оторвала от него взгляд и посмотрела на карту. Пора приниматься. Я должна научиться открывать этот замок и делать это быстро.

Два часа спустя

Магниты, казалось, играли со мной. Загадывали загадки и терпеливо ждали ответа. Сможешь отыскать? Сможешь раскрыть код? О да, один подобран. А второй? А третий? А еще четыре?

– Готово! – в очередной раз произнесла я, глядя на светящийся

индикатор.

– Сколько?

– Минута сорок.

– Долго. – Чак тут же положил передо мной пластину с новой комбинацией. – Должно быть меньше минуты.

– Их трудно почувствовать.

– Один раз обосрешься – загремишь в Комиссию. Это не трудно.

Это было в его духе: ответить беспардонно, без сантиментов и совершенно точно. Для стоящего передо мной человека мир не делился на мужчин и женщин: он делился на тех, кто мог сделать свою работу вовремя, и тех, кто не мог.

Чак вытер покрытые металлической пылью руки о фартук и кивком указал на пластину.

– Давай, поехали! Пять раз сегодня откроешь меньше чем за шестьдесят секунд – и свободна.

Я обвела заваленную хламом комнату тоскливым взглядом и принялась за работу. Один тумблер вверх, другой вправо и вниз, третий в сторону до конца – лампочка-индикатор ожила, но тускло. А если сместить по диагонали?

Пальцы работали автоматически, мысли текли сами по себе. Тони отпустил с работы после обеда: он всегда отпускал, когда дело касалось замковой практики. Платил за эти часы исправно, довольно улыбался – знал, что время потрачено не зря. Инвестиция в будущую прибыль.

Во сколько позвонит Дэлл? Или сегодня моя очередь? До шести вечера еще три часа, успею ли пять раз разгадать комбинацию вовремя? Ведь Чак – мужчина вредный: увидит, что работаю спустя рукава, – в следующий раз на порог не пустит.

Шелест листы, осторожные, аккуратные движения пальцев в попытке нащупать правильную комбинацию, скрытую платиной, плывущий под потолком полупрозрачный дым от самокрутки.

Когда в кармане завибрировал телефон, я победила пластину четыре раза. Из восемнадцати успешных попыток только четыре уложились в отведенное время. Последние две – за пятьдесят три секунды. Чак довольно чмокал губами.

– Во сколько сегодня подъехать?

– Через полтора часа, хорошо?

– Буду.

Взламывая магнитную комбинацию в очередной раз, я почти мурлыкала от удовольствия. Успею, я всё успею: и смыть табачную вонь, и

привести себя в порядок. А потом – целый вечер наедине с тем, кто смыл с моей жизни привычную серость и вернул в нее краски.

Как удалось ему, незнакомому человеку, помочь мне обрести саму себя, себя прежнюю: веселую, целеустремленную, способную смеяться, желающую дышать полной грудью? Благодаря ему я снова слышала, чувствовала, впитывала, жила.

Через полчаса лампочка на электронном ключе триумфально зажглась зеленым, когда таймер отсчитал сорок шесть секунд.

– Все, Чак! Пятый раз вовремя!

– Тьфу, дура! Чего орешь-то так? Я почти оглох...

Ворчи-ворчи, старина Чак, вот тебе бутылка с любимым напитком, вот тебе частичка тепла и благодарности, а я побежала, мне пора – нужно успеть пожить, пока можно. Пока не истекли мои две недели.

Я быстро покидала вещи в сумку, торопливо попрощалась, толкнула скрипучую дверь и вырвалась на свежий воздух.

* * *

Два дня спустя. Суббота

– Я присоединюсь к тебе позже – отвечу на звонок, хорошо? – дождавшись моего кивка, Дэлл положил на капот «Неофара» тонкий планшет, включил его и принялся диктовать в трубку какие-то данные: – Нет, D3F не понадобится. Используйте что-то простое...

Ощущая необычайную легкость, я у машины сбросила с ног туфли и понеслась к воде, туда, где ворчало море, рассказывая о чем-то древнем. Добежала до линии прибоя, постояла, чувствуя, как холодная вода облизывает ступни, раскинула руки в стороны и рванула вдоль берега. Джинсы тут же вымокли от брызг, соленый ветер взъерошил волосы, кардиган за спиной надулся, словно парус.

Свобода. Непонятная пьянящая свобода, радость бытия и блики закатного солнца на пенных гребнях. Я бежала до тех пор, пока «Неофар» за спиной не сделался маленьким, почти игрушечным, пока ступни не заледенели, пока голова не зазвенела от переполнявшего беспричинного счастья. Затем остановилась, выбралась на теплый песок и неторопливо, разглядывая половинки ракушек, побрела обратно.

Море. Как давно я не была на море.

Подрагивали на ветру листья коричневых водорослей, веселились на

волнах солнечные зайчики, шелестели пушистые клочки пробившейся сквозь песок травы. Тишина, свобода, необъятный простор и вечность, застывшая без времени. Здесь жизнь ощущалась как-то иначе.

А может, она ощущалась иначе не здесь, а везде? Последние два вечера слились в одну цветную киноленту, воспроизводящую кадры из жизни счастливого человека. Слайды – ворох разноцветных шуршащих фантиков. Бесценная коллекция воспоминаний.

А все потому, что он – Дэлл.

Вот «Неофар» несется по ночному шоссе, взрезая тьму яркими лучами фар-прожекторов, кусты на обочинах слились в бурую полосу, и я снова визжу – на этот раз от радости, от восторга, от гулко бьющегося сердца.

– Еще быстрее?

– Да!

– Ты уверена?

– Да, покажи мне максимум!

– Что ж, ты сама попросила...

И мир летит навстречу, словно тоннель машины времени, – рвущаяся вперед бесконечность. Все несется мимо, свистит, тонет позади, и неизбежно лишь полотно бесконечной бетонной дороги, ведущей из ниоткуда и в никуда, и лежащие на руле спокойные, уверенные мужские пальцы. Дрожит сиденье, дрожат нервы, и рвутся наружу ликование и адреналин, переходящий в веселый визг, стоит ноге водителя сильнее надавить на педаль газа...

А вот удивленный Дэлл, в руках которого – огромный пук розовой сахарной ваты.

– И что прикажешь с этим делать?

– А то ты не знаешь!

Он смотрит, а в глазах смешинки: «Сумасшедшая. Сумасшедшая чертовка...» Вокруг режут карусели, кружит толпа, мигают сотни разноцветных лампочек и слышатся хлопки, щелчки, радостный гомон. Пахнет пряниками, жареными орехами и весельем.

– Я хочу мягкое солнышко!

– Что?

– Вон то, что под потолком.

На вечерней ярмарке у павильона с желтыми игрушками толпа – сгибаются приклады пневматических винтовок, пальцы кассира жадно сгибают с прилавка мятые деньги и отсчитывают патроны.

– Тебе самое большое?

– Мне любое.

Мое дыхание замирает.

Дэлл почти не целится. Сахарная вата щекочет щеку, пуков на палочке стало два – мой и его, а мишени валяются одна за другой, словно держащие их металлические ножки вдруг сделались бумажными. Выстрел, выстрел, выстрел – народ одобрительно ликует, рябой кассир недовольно морщится. Средний ряд подбит, две верхних – готово! Еще секунда, и три нижних диска покорно склонили головы. А потом я улыбаюсь, сжимая в руках большое, словно круглая подушка, мягкое солнце с вышитым на нем довольным лицом.

Он еще морщился, не хотел ехать в темный тоннель на вагонетках, но одно мое капризное «хочу» – и тесная кабинка летит вниз под водопадом, подсвеченным красными и синими прожекторами. Ух, какая скорость и глубина! Ах, как вдавливают спинку на скоростном подъеме!

И нас двое.

Он бы ни за что не признал, что ему нравится суматоха этого вечера, но я видела это по его сверкающим глазам, по притаившейся на губах скрытной улыбке, по тому, как он наблюдал за визжащими на «Веселом Роджере» людьми, устремляющимися по вертикальному шесту в небо, к звездам...

А теперь вот море.

Как странно: в какой-то момент нам с Дэллом стало комфортно вдвоем, как добрым друзьям, и ни один из нас не спешил нарушить хрупкое равновесие наладившегося общения. Я не давила, не лезла в душу, не нарушала личного пространства, любовалась им вблизи, но все же издалека. Дэлл же оставался спокойным, доброжелательным, почти податливым, но шагов навстречу не делал. Пусть так. Мне хватало лишь его присутствия рядом, чтобы мир распадался на сотни светящихся звездочек, из которых состоит мечта.

Забылось утро, вновь проведенное в конторе Чака над магнитами, забылся Тони, потирающий ладони в предвкушении нового куша, отдалились мысли о предстоящем завтра взломе. Шестой день с Дэллом. Шестой день беззаботной, ставшей неестественно яркой жизни.

Море слизывало с берега песчинки, манило их за собой в глубину, ласкало мелкие скругленные камушки. Ни домов, ни людей – лишь суровая красота природы, застывшей в раздумьях.

Он не заметил, как я вернулась; звук шагов тонул в теплых сухих барханчиках. Ветер донес обрывки слов и фраз – Дэлл все еще говорил по телефону.

– Нет, я не могу сам, Мак. Да, в Соларе... да, я знаю, где этот склад, но

не могу уйти.

Я тихо приблизилась, глядя на то, как ветер треплет короткие платиновые волосы на его затылке, и осторожно постучала по плечу.

– Можешь, – тихо сказала я.

– Я перезвоню.

Коротко пикнул телефон. Дэлл не выказал раздражения на то, что я подкралась незаметно и подслушала часть беседы.

– Это ведь по работе, да? Задание.

Он наклонил голову, но не ответил. В лучах заката кожа на его щеках отливала бронзой.

– Просто возьми меня с собой. Я посижу в машине, тихо. Мешать не буду.

Интенсивную работу шестеренок в его голове, казалось, можно было услышать сквозь завывания ветра. Наверное, важное задание, и наверное, ему хотелось помочь коллегам. Стоило бы просто сказать «иди», дать полную свободу, но так не хотелось лишать себя драгоценных крох – моментов, проведенных вместе. Шестой день. Осталось не так много.

Он размышлял еще несколько секунд, затем сдержанно кивнул.

– Только не устраивай неприятностей.

– Не буду.

Телефон в его руке вновь ожил. Как вовремя.

– Да, Мак. Хорошо, я еду.

Я отряхнула туфли, очистила ноги от налипшего, местами влажного песка и юркнула в салон.

– Пристегнись, – отрезал Дэлл. – Поедем быстро.

– Круто!

В отличие от него, серьезного, собранного, подготовившегося к работе и внимательного, я открыто лучилась довольством и едва не напевала под нос. Только бы скрыть тот факт, что сосредоточенный Дэлл вызывал во мне волну иррационального возбуждения, граничащую с экстазом. Сколько силы, мощи, сдерживаемой в железных тисках энергии. Вот бы сейчас мягко коснуться его виска губами, положить руку на колено, обнять за шею...

Когда машина резко вывернула на дорогу, вильнула и набрала скорость, кровь прилила к неполюженному месту, и пришлось сжать бедра; на моем лице застыло безмятежное выражение.

* * *

Мужские голоса позади автомобиля звучали отрывисто и глухо; хлопнул багажник. Они прошли мимо «Неофара» – Дэлл, несущий в руках тяжелый темный кейс, и двое других, вооруженные автоматами. Одного из них я узнала – он присутствовал при подписании договора и после забрал его с собой, а вот второго, высокого, с длинными черными волосами, в плаще, доходящем ему до икр, видела впервые.

Они остановились у капота. Знакомый брюнет с короткой стрижкой развернул сложенную вчетверо карту, показал что-то Дэллу, пояснил, кивнул – слов я не разобрала, а через секунду наткнулась на пристальный взгляд третьего в плаще и вздрогнула. Холодные цепкие глаза моментально вывернули меня наизнанку, и невидимая ледяная рука коснулась подбородка, приподняла его, мол, смотри на меня. Волосы на затылке моментально встали дыбом.

Да что же это за друзья такие? Отряд... отряд специального назначения.

– *Что, что тебе нужно?*

Длинноволосый, напоминающий демона, прищурился. Прошелся невидимым сканером через душу и потерял интерес. Или прикинулся, что потерял. Демонстративно отвернулся, посмотрел в другую сторону.

Совещание закончилось – группа направилась к бетонному забору, огибающему не то заброшенный завод, не то склад, и скрылась за углом.

Стало тихо.

Пустынную дорогу по обе стороны от строения заливал желтоватый свет овальных ламп, прикрепленных за жгутом из колючей проволоки. Почти стемнело; сгустилась синева, и поднялись тени.

«Сиди здесь», – таким был короткий приказ, и я не собиралась ослушиваться. Не бежать же в самом деле за ними? И не прогуляешься по незнакомому пустырю, раскинувшемуся на одной из окраин Солара, – страшно.

Что в том кейсе? Неужели Дэлл возит взрывчатку с собой?

Не уверенная, что хочу это знать, я полубоком легла на спинку кресла, подтянула к себе босые, просохшие к этому моменту ноги и приготовилась ждать. Взгляд заскользил по притихшей приборной панели с уснувшими лампочками.

Рука сама собой потянулась к рулевому колесу – обтягивающая его кожа оказалась тугой и гладкой на ощупь. Пальцы осторожно коснулись блестящего символа в центре, затем погладили мягкую ткань пустующего рядом кресла. Вот здесь он сидит, здесь его спина касается обшивки, а кожаная куртка трется о темно-серый мелкоузорчатый твид.

Тишина в салоне застыла. И, потеряв ощущение времени, я застыла вместе с ней.

* * *

Весь следующий день Дэлл промаялся в безделье.

Воскресенье. Привычный к постоянным нагрузкам, он с утра погромыхал железками в спортзале, оборудованном на нижнем этаже дома, вымотал тело, но не беснующийся в поисках интересной задачи разум, перекусил тостами и соком, вывел «Неофар» на полупустые улицы и два часа ездил по дорогам. Любовался осенним деньком, бегающими за колесами впереди идущих машин сухими желтыми листьями и солнцем, отражающимся в витринах. Заехал к Маку, посидел, обменялся последними новостями, отшутился по поводу довольного внешнего вида и его взаимосвязи с налаживающейся личной жизнью, после чего поехал домой.

После обеда почитал, пощелкал пультом от телевизора – каналы расслабленно ворчали голосами актеров сериалов, звонко мурлыкали рекламой и исходили музыкальными ритмами различных направлений, под которые крутились на экране загорелые подтянутые тела. Дэлл без сожаления отключил звук, отложил пульт и посмотрел в окно.

Телефон молчал.

Странно. Ему казалось, что сегодня Меган позвонит ни свет ни заря – все-таки выходной, отличный день, отличная погода. Так почему телефон молчит?

Позвонить самому? Неужели он не заметил, как начал наслаждаться временем, проведенным с этой суматошной девчонкой, – то тихой и закрытой, то взрывающейся идеями и потрескивающей теплом, как жареный попкорн? Нет, наверное, все дело в данном обещании раскрасить ее жизнь яркими впечатлениями. Ведь обещал? Обещал. День за окном теплый и ясный, вот рука и тянется к телефонной трубке...

К шести часам вечера Дэлл начал незаметно волноваться. Без аппетита проглотил сооруженный на скорую руку ранний ужин, почитал сводки из Комиссии за последний месяц по правонарушениям в Нордейле, отложил бумаги и решительно достал из нагрудного кармана потерявший голос телефон. Пора звонить, ситуация выглядела странно: не стала бы Меган упускать возможности скоротать вечерок в его компании, даже если днем у нее нашлись дела. Он знал это интуитивно – не стала бы. Но не успел вызвать из списка нужное имя, как мобильник ожил: раздраженно

повибрировал в пальцах и затих. Пришло сообщение.

«Не пиши и не звони пока. Я сама».

Дэлл долго ковырял взглядом буквы на экране, сиюсь расшифровать скрытое между строк послание. Почему не звони? Что такого важного нарушит раздавшийся звонок или сигнал от одного-единственного сообщения?

Волнение усилилось.

Да, она ему никто, она – случайность, удачное стечение фактов, которое позволит вернуть нож через неделю. Недоразумение с большими глазами, живущее на забытой богом окраине тринадцатого.

И все же...

У людей складываются стереотипы поведения, которые после непродолжительного общения можно предугадать. Мало кто способен провести красную линию на холсте, где остальной рисунок выполнен в желтых и зеленых тонах. А вот форс-мажорное обстоятельство – вполне.

Дэлл какое-то время недоволено смотрел на телефон. Его злило внезапно возникшее жгучее желание нарушить просьбу и позвонить. Чтобы не искушать судьбу, он отбросил трубку на мягкое сиденье соседнего кресла, закинул ноги на столик и яростно зашуршал отчетами Комиссии.

* * *

– Просто побудь со мной, ладно? Просто побудь...

Она дрожала всем телом, прижавшись носом к его шее. Капли бились о ветровое стекло – под вечер снова пошел дождь.

Дэлл сжал зубы, не в силах сдержать прилив злости. Нет, не на то, что она без спроса забралась к нему на колени (ее прикосновения он переносил на удивление спокойно), и не на то, что позвонила в десять вечера. Он злился на то, что она снова взялась за старое. Даже в тусклом свете фонарей, проникающем в салон, он сумел разглядеть ее пораненные руки и ссадину над бровью.

Она притихла – дрожала у него на груди и молчала. Провинившаяся шкодница, неуклюжий чертенок, наступивший в дерьмо и теперь протягивающий лапу – мол, оботри... А ведь он чувствовал, вздыбившимся загривком знал, что что-то случилось.

– Ты снова вскрывала чей-то дом, – произнес Дэлл деревянным голосом.

Сила ударившего внутри эмоционального шторма удивила даже его

самого. Погода за окном вторила чувствам: ливень обрушивал на капот ледяные волны. Вот тебе и отличный выходной. Черт, ведь знал же...

Меган продолжала молча дрожать – крохотная, притихшая, почти невесомая.

– Что с руками?

– Там были собаки...

– Собаки? А если бы там была Комиссия? Первая встреча с ними станет для тебя последней, ты это понимаешь?!

Она опустила голову, уткнулась носом в майку. Сдалась, поникла, признала поражение. Высказывать ей сейчас – все равно что пинать вставшего на колени, закованного в кандалы старика. В салоне повисла тяжелая тишина. За окном сверкнула молния, через несколько секунд темные окна близлежащих домов содрогнулись от раскатистого грома.

– Как ты хочешь, чтобы я на это реагировал?

Да он вообще, по идее, не должен реагировать: смотреть сквозь пальцы, радоваться растворяющимся позади минутам и образу сияющего ножа, скользящего в руки.

– Не ругай меня...

– Что с руками?

– Все хорошо. Хорошо. Наверное... Ты только не уходи.

– Чего ты хочешь, Меган? – процедил Дэлл сквозь зубы. – Чтобы я просто приехал, почитал тебе книжку, сидя у кровати? В твоей каморке хоть стул-то для меня найдется?

Она застыла. Будто одеревенела, даже дрожать перестала.

Дэлл тут же пожалел о брошенных словах. Ему бы действительно поспокойней...

Раздался шорох. Меган, стараясь не опираться на окровавленные ладони, осторожно перебралась обратно на соседнее сиденье. Коленям стало холодно, а на душе пусто. Не стоило так говорить – каждый зарабатывает как может. Каждый сам выбирает, как и чем заниматься. И не ему, Дэллу, судить, тем более владелицу ножа. Ему вообще дела быть не должно...

Она схлопнулась, как раковина, как двери вагона, как чугунный заслон сейфовой стенки. И отдалилась. Дэллу показалось, что он остался в машине один.

– Извини, что я позвонила. Не стоило мне...

В голосе ни укора, ни осуждения, лишь обреченное понимание, что ты в этом мире навечно один. Ее рука потянулась к дверной ручке.

– Сиди на месте! – рявкнул Дэлл и зло нажал на кнопку блокировки

дверей, уже не пытаясь разобраться в причинах собственной вспыльчивости. Затем так же резко, как вспыхнул, остыл: выпустил пар, успокоился. Положил руки на руль и какое-то время молчал. Думал.

Меган сидела тихо, положив руки на колени ладонями вверх, чтобы не тревожить раны. Снаружи выл испещренный струями дождя ветер.

Хорошо, побыть с ней он может, тем более что нужно бы осмотреть ее ладони, но ведь не коротать же ночь в ее квартире? Тесно, нужных медикаментов скорее всего нет. Тогда где? В отеле? Дурь. Друзей на тринадцатом нет, никто не приметит в гостевой спальне, да и не дело это.

Дэлл откинулся на спинку кресла и взглянул на девушку. В голову пришла странная идея: а что, если смотаться домой на четырнадцатый? Через портал гостей возить разрешено, конечно, не всем, а только членам спецотряда, и только подозреваемых или виновных, но в ближайшие часы никто не будет разбираться, является ли «гость» виновным. У Комиссии хватает дел, а Дэллу доверяют. Привез – дело твое, главное не попадись, а утром она уже будет в Соларе.

Он просчитал риски: в худшем случае состоится еще один разговор с Дрейком, но наказания не последует. Шеф – человек строгий, но на такие вещи глаза закрывает.

– Два вопроса, Меган.

Она вздрогнула. В небе снова громыхнуло.

– Первый: ты ешь тосты с сыром? У меня холодильник пустой...

– Что?

Серо-зеленые глаза растерянно моргнули.

– Ешь или нет?

– Ем.

– И второй: я предупреждал тебя, что я плохой парень?

Она смотрела настороженно, пытливо.

– Меня ждут сюрпризы?

– Боюсь, что да.

* * *

Горечь провала, боль в израненном теле, опустошенность, упрек в глазах сидящего рядом человека – этот вечер смешал в себе все то, что заставляет время зваться «неудачным». Однако было кое-что еще: за обугливающим дыханием внешней злости проглядывалась забота. Дэлл волновался. Именно волнение и тревога спровоцировали всплеск его

недовольства, даже агрессии. И от скрытой заботы, почти не просматривающейся под коркой напускного возмущения, становилось хорошо. Так хорошо может быть бродячему коту, нашедшему в непогоду щель теплого подвала, куда не задувает ледяной ветер и где на грязную шерсть не льются с неба потоки холодной воды.

Вода с неба все-таки лилась: капли колотились о крышу и стекла, слышалось размеренное поскрипывание дворников, но полоска плотной ткани, которую Дэлл повязал мне на глаза несколько минут назад, погрузила мир в темноту. На вопросы «зачем?» и «куда мы едем?» не ответил – еще не остыл.

Мне не осталось ничего другого, как прислушиваться к звукам вокруг. Какое-то время «Неофар» кружил по городу – шуршали по асфальту шины проходящих мимо автомобилей, – затем, по-видимому, выехал за его пределы, потому что внезапно ускорился. Звуки моторов и шин пропали, остались лишь ливень и редкие раскаты грома. Дворники заскрипели чаще.

Куда едем... Да не все ли равно? Он не ушел, не оставил меня одну, и это главное.

Когда тихий шум двигателя и стук капель по стеклу остались единственными звуками в моем маленьком темном мире, я начала проваливаться в протрацию, тихое забытие, из которого меня через какое-то время, словно со дна застывшего водоема, вытянул голос Дэлла:

– Через минуту ты, возможно, почувствуешь себя странно – это будет внешнее воздействие, а не внутреннее, поняла? Оно быстро пройдет.

– Поняла.

Что он задумал? И о каком внешнем воздействии идет речь?

«Неофар» теперь ехал очень быстро: мелко дрожало сиденье и коврик под подошвами ботинок, спина вжалась в обшивку кресла – машина продолжала ускоряться. Грохот ливня сделался оглушительным. А через несколько секунд случилось странное: мое тело будто встретило на пути преграду – сгустившийся тяжелый воздух, плотную и одновременно мягкую невидимую стену, прошедшую насквозь через каждую клетку. И показалось, будто что-то изменилось: сам мир, реальность, местоположение – дикое чувство, иррациональное. Будто вздрогнул и проснулся, открыл глаза уже в совсем другом месте. Сон... сон...

Сосредоточившись на ощущениях, я не сразу заметила, что шум дождя пропал. Как отрубил: был, и нет. Я медленно выдохнула, почти оглохла от внезапной тишины.

– Ты как, нормально?

– Да...

– Странное чувство, да? – философски заметил Дэлл. – К этому привыкаешь...

А еще через пятнадцать минут, как только он снял повязку с глаз, я прилипла к окнам. Город был другим. Совершенно. Высокие здания, горящие в вышине окна, но небоскребы не белые и округлые, как в Соларе, а квадратные, серые и блестящие. Их крыши уходили в совершенно безоблачное небо. Ливень остался в прошлом.

Уютные кафе, добродушные лица, яркие экраны, изогнутые ножки фонарей. В этом месте пахло чем-то иным – спокойствием, мирной жизнью, возможностями, чудесами. И непонятно, откуда это ощущение исходило. От прохожих? Чистоты, подстриженных клумб? Из воздуха? Та же осень, но другая – сухая, теплая. Пропали вдруг волнение и тревоги – их будто аккуратно слизнуло из головы, мол, оставь за порогом, здесь они не нужны, здесь хорошо...

Мимо проплыли ресторан, несколько магазинов, затем белое каменное здание с колоннами – Банк Нордейла...

Мой язык прилип к небу, а голос сделался хриплым.

– Дэлл... это же...

– Нордейл, да.

– Какой Уровень?

– Четырнадцатый.

Сердце на секунду застыло, а затем забилось радостно и гулко. Вот оно, то самое место – мечта, в которую я рвалась, но куда пока так и не получила пропуска. Нордейл! Четырнадцатый! Сбылось...

– На экскурсии времени нет, извини. Я хочу осмотреть твои раны.

Я чувствовала себя в волшебной стране, в магазине игрушек, где все товары сделаны специально для тебя, в мире грез, где существуют мирные уютные города из снов. Не удержалась – открыла окно и впустила в салон вечерний воздух, наполненный ароматом листвы, асфальта и прохлады, – запах осеннего мегаполиса. Почти вывалилась наружу, как пес, чей язык развевается на ветру, глаза счастливо горят, а в голове – дурман от обилия вкусных незнакомых ароматов. И до всего хочется дотянуться, пощупать, потрогать, обнять. Хотелось плакать...

Благодаря Дэллу я шагнула на запретную территорию – взялась за руку волшебника и перенеслась в мир мечты. И пусть я чужак и потом уйду домой, но ведь еще есть несколько заветных часов до возвращения, есть время вдохнуть, напиться ароматом места, куда так хотелось попасть. Дома, люди, магазины, киоски с газетами, арки скоростных дорог, машины –

другие машины, машины Нордейла! – пусть они плывут по сторонам вечно. Чистые, грязные, маленькие и большие, пусть идут по тротуарам люди, а воздухе пахнет чем-то особенным...

– Мы едем к тебе домой, да?

– Да.

Я притихла. В этот момент я любила Дэлла так сильно, как никого и никогда. Он и не подозревал, что именно в этот вечер подарил мне сказку – капельку заботы и город мечты. Вот сюда я однажды попаду, здесь буду жить... с ним.

Хотелось сказать «спасибо», хотелось растереть счастливые слезы по лицу и обнять его, но я сидела тихо, не желая спугнуть то нежное чувство, которое мягко, словно волны бассейна, плескалось внутри.

– Это ведь незаконно, да?

– А ты думала, ты одна умеешь нарушать закон?

Он коротко взглянул на меня – в уголках его губ притаилась улыбка.

Укрытая благодарностью, я смотрела прямо перед собой. Нордейл. Рядом Дэлл. Чудо...

В счастливых глазах маленькой Меган отражались огни – желтые от высоких, потерявшихся в кронах деревьев фонарей и цветные от плывущих мимо витрин.

Глава 7

Казалось, что этот шикарный трехэтажный дом с просторными богато обставленными комнатами и я – две разные видеопленки, случайным образом наложившиеся друг на друга. Это он, Дэлл, сейчас должен находиться здесь, прохаживаться по коридорам, потягивать чай на кухне, сидеть на вертящемся стуле перед компьютером, смотреть на город за окном – он, а не я. Я вирус, случайно проникший в систему, ошибка, до поры до времени сумевшая избежать зоркого ока верховных наблюдателей, дворняжка, под покровом темноты проскользнувшая в заднюю дверь. Но несовместимое сошлось в одно – я сидела на диване, а Дэлл, присев на корточки, осторожно протирал мои ладони ватой, смоченной в лекарстве.

Мягко светились лампы под потолком, темнел у стены плоский экран телевизора, ступни тонули в ворсе ковра. Едко пахнувший тампон мягко касался ран, кожу жгло; теплые мужские пальцы держали запястье. Перед глазами двигалась – то отклонялась назад, то придвигалась ближе – платиновая макушка; я впервые видела ее так близко, различала волосок к волоску.

Стараясь не смотреть на нахмуренные, сведенные в немом упреке брови, я смущенно разглядывала гостиную. Красиво.

– Пока не сжимай ладони, пусть мазь впитается.

Дэлл поднял голову. Серьезные серо-голубые глаза, тяжелый взгляд.

Я кивнула.

– Покажи локти.

Пришлось дать закатать рукава. Новые синяки. Он поджал губы.

– Где еще повреждения?

– Больше нет.

– Уверена?

– Да.

Только бы не заметил порез на груди, только бы не заметил... Но Дэлл, как чуял, уже уперся взглядом прямо перед собой.

– Это, – он помедлил, констатируя очевидное, – не от собак.

По спине прошел холодок.

– Царапина.

– Это ножевой порез. Откуда?

Я попыталась закрыться рукой – не вышло: Дэлл моментально сжал оба запястья и пригвоздил их к месту, глядя на пропитавшуюся кровью

водолазку.

– Говори, – приказал коротко.

– Нечего говорить. Сработала какая-то неучтенная сигнализация – приехали частные охранники...

– Так, значит, тебя видели еще и охранники?

Голос его звучал тихо и ровно, почти шелестел, как змеиная шкура по прелым листьям.

– Мельком.

– Сколько?

– Что «сколько»?

– Сколько их было?!

– Трое.

Он сжал губы, медленно опустил голову и закрыл глаза. Какое-то время сидел, пытаясь сдержать растущую внутри ярость на бестолковую меня, и молчал. Его контролируемый гнев пугал больше открытого недовольства. Напротив будто сидела бомба замедленного действия: сверху – гладкий пластиковый корпус, приятный на ощупь, внутри – смертоносная начинка.

Затем Дэлл отпустил мои руки, поднялся и принялся закручивать гнутый, как гармошка, тубик с мазью.

– Раздевайся.

– Что?

– Снимай водолазку.

Я растерянно посмотрела на его пальцы, собирающие со стола вату и скидывающие ее в стоящее рядом ведро, но раздеваться не торопилась.

– Я должен посмотреть на порез.

– Я могу сама... дома.

– Дома... – Он холодно улыбнулся, злое в своем спокойствии. – Дома ты теперь будешь не раньше завтрашнего утра, рана может воспалиться. Название охранной организации? Бейджи, логотипы...

– Я не видела.

– Отличительные знаки на их машине или одежде?

– Не успела заметить.

– Адрес.

– Что?

Дэлл повернулся ко мне лицом, застыл, непробиваемый, как гранитный монумент.

– Адрес того дома, который вы пытались вскрыть.

– Нет-нет... зачем, не надо вмешиваться...

Он шагнул навстречу, наклонился и жестко сжал мою челюсть пальцами, заглянул в глаза. Я почувствовала себя темной пещерой, которую осветил вертолетный прожектор.

– Ты неподражаема в своей наивности. Думаешь, они не вернуться за тобой? Не за это им платят? Увидели раз – найдут. Их ведь не убили, так? Тебе удалось уйти сейчас, а завтра в твою дверь постучат. Адрес!

Последнее слово он рыкнул так, что у меня внутри все задрожало.

– Ирбис-драйв, двадцать четыре... – слова вывалились из меня, словно из прохудившегося мешка.

– Молодец. – Пальцы разжались. – А теперь снимай водолазку.

Он это серьезно? В этот момент я думала отнюдь не про водолазку: он что, серьезно собирается нагрянуть к тем охранникам, заставить их отступить от преследования? Неужели они правда могут вернуться за теми, кого упустили этим вечером? Если бы не дымовая граната Рика, у крыльца полегли бы все. Боже, какой постыдный провал, в первый раз за всю карьеру. Кто просчитался – Тони, Фрэнк? А теперь, судя по реакции Дэлла, последствия подобного прокола затянутся вокруг шеи металлическим кольцом. Я, конечно, была готова ко всему, мы все были готовы, но теперь, когда разработанный план впервые пошел наперекосяк, навалился страх.

– Они могут никогда не вернуться.

– Могут. Но скорее всего вернуться. – Дэлл снова приблизил свое лицо к моему: – Ты не на своем месте, Меган. Это жесткий бизнес, в нем нужны ум, смекалка, сила и мозги. Много мозгов. А ты едва ли соображаешь, куда ступила и что за этим последует.

Я напряглась – то ли от его слов, то ли от его близости – и сжалась в комок под пристальным взглядом.

– Ты все еще одета.

– Поразительно, правда?

– А вот язвить не надо. Помочь?

Я стусевалась. Дэлл так или иначе настоит на своем, не позволит распивать на кухне чай с сочащимся кровью порезом. И осмотреть бы надо: здесь, в этих условиях он сможет сделать больше, чем я дома в одиночестве, и он прав – чем быстрее, тем лучше... Но раздеваться при нем?

Как сложно решиться. Я не двигалась с места.

– Меган, в чем дело? Я обещаю не перевозбуждаться.

Ага, теперь ирония с его стороны. Шевельнувшееся раздражение помогло действовать: ну и пусть увидит, что мои формы ничего особенного

из себя не представляют, рано или поздно все равно увидит, не вату ведь в бюстгальтер подкладывать...

– Там не с чего возбуждаться, – процедила я. Поднявшаяся волна злости пришлась как нельзя кстати: я использовала ее в качестве топлива для пытающейся заглухнуть решимости и стянула водолазку через голову.

Дэлл застыл, глядя ниже моего подбородка, – лицо его окаменело, челюсть напряглась. Я медленно вдохнула, выдохнула и отвернулась в сторону. Да, я плоская. К тому же порезанная. Гнать меня надо поганой метлой, срам, да и только...

Через несколько секунд он медленно опустился на корточки, приблизился ко мне и завел свои руки мне за спину, будто приобнял. Я не сразу поняла, что он делает, опешила, а когда сообразила, было слишком поздно: замок оказался расстегнут, бюстгальтер медленно соскользнул вниз. Спокойное лицо Дэлла находилось в нескольких сантиметрах от моего.

Господи, только не голышом...

– Тихо. Тихо, Меган, – он смотрел прямо в глаза, – иначе не промыть.

Я отвернулась и зажмурилась, стораю от его близости и собственного стыда. Сейчас его взгляду предстанут две маленькие пирамидки – такие не ложатся в ладони, не наполняют их, стыд и срам... зачем я позволила, зачем вообще приехала сюда!

Пореза коснулись теплые пальцы – я резко втянула воздух.

– Я постараюсь обезболить. Терпи.

Жидкость с антисептиком потекла вниз, по животу. Мои щеки полыхали.

Он действовал мягко, аккуратно, а я не смела открыть глаз. Старалась не дрожать, не дышать, не быть здесь. Не слышать капающую обратно в миску с отжатого тампона воду, не чувствовать запах его одеколona, холодивший грудь воздух и жгущее касание пальцев.

Спустя какое-то время он закончил: наложил на порез мазь, заклеил пластырем, но вместо того чтобы подать мне водолазку и отвернуться, положил ладонь поверх пластыря и какое-то время молчал. Его прикосновение плавило кожу, а тишина давила.

– Меган, – мягко попросил он, – посмотри на меня.

Шея не гнулась, голова, словно насаженная на заржавевшую конструкцию, провернулась с трудом. Не разлеплять бы веки, но ведь он попросил...

Когда наши глаза встретились, он произнес:

– Я хочу, чтобы ты ушла с этой работы.

В его взгляде смешались тепло, боль и грусть, я перестала дышать.

– Я дам тебе денег. Смени работу, хорошо?

Мне бы промолчать, но его внезапная забота сокрушила благоразумие. Руки маленькой Меган обвили вокруг мощной Дэлловой ноги: «Ты ведь не уйдешь? Никогда-никогда?»

– Если я сменю... ты останешься?

Прошептала – и прокляла себя за слабость.

Он долго и тяжело смотрел – будто в самую душу, – затем отвернулся, отнял пальцы от моей груди и поднялся с ковра. Аккуратно подал прикрытый водолазкой бюстгальтер. Я принялась одеваться, глядя в сторону.

Тишина ответила на оба наши вопроса.

* * *

Открытая дверца морозильника явила миру нагромождение покрытых инеем пакетов и картонных упаковок. Хрустнул заиндеветый полиэтилен.

– Есть пицца. Можно разогреть.

– Меня устроят обещанные тосты с сыром.

– Как скажешь.

Дверца чмокнула, закрываясь. Кутаясь в большое махровое полотенце, накинутое поверх безразмерной майки (его майки), я наблюдала, как Дэлл достал из шкафа хлеб, положил два квадратных ломтя в тостер и сдвинул рычажок вниз, утапливая их в лабиринт нагревающихся спиралей. Застиранная водолазка сохла на батарее в ванной.

Он повернулся и положил обе руки на стол – стальная футболка обтягивала мощный торс, жалась к крепким бицепсам, едва не трещала по швам. Большие руки, большой мужчина и такая домашняя обстановка. Уютная кухня, потерявшаяся в большом незнакомом городе. Сюрреализм.

– Чай, кофе, алкоголь?

– Зависит от темы дальнейшей беседы.

Дэлл улыбнулся. Тикал таймер тостера, стараясь свести секунды обратно к нулю.

– Тогда алкоголь.

– Значит, уже знаешь тему.

– Да, знаю.

Я вздохнула, предчувствуя новые вопросы.

Дэлл вышел в гостиную, где, по всей видимости, хранились запасы

бодрящих огненных жидкостей, способных помочь течению разговора на неприятную тему. Я огляделась. За окном, укрытый темнотой, спал Нордейл. Вот бы посмотреть на него при свете дня, побродить по улицам, вдохнуть осенний воздух незнакомых улиц. Получить бы сюда пропуск, устроиться бы на новую работу, купить дом, не такой большой, как этот, поменьше, зажить нормальной жизнью.

С Дэллом.

Мечты.

Чужая кухня благожелательно молчала, поглядывая на меня дверцами шкафчиков, глазами блестящих поварешек и деревянными панелями, проложенными бежевой плиткой. Прошла всего неделя, а жизнь перевернулась...

Звякнул тостер, подпрыгнули вверх поджаристые куски хлеба.

Мой «рыцарь» вернулся минуту спустя с бутылкой в руках. «Ратана», – пояснил коротко (я хмыкнула, вспомнив бар) и принялся сервировать стол: нашел в холодильнике сыр, масло, ветчину, выложил теплый хлеб на широкую тарелку, загрузил в тостер новую партию. Затем налил водку в стопку, плеснул себе в стакан виски из бутылки, стоявшей рядом с холодильником, и занял место напротив.

Отсалютовал стаканом, наклонил голову – мол, твое здоровье – и пригубил напиток. Я кивнула в ответ, глотнула уже знакомой ратаны и поморщилась. Мы принялись за тосты. Захрустел на зубах хлеб с подтаявшим сыром.

Чтобы пауза не затягивалась, волоча за собой мысли о неловком диалоге в гостиной, я спросила:

– А Нордейл – это столица?

– Нет. Столица – Клэндон-сити. К югу отсюда.

Я кивнула, не имея понятия ни о юге, ни о севере этого Уровня.

– Это большой город?

– Нордейл? Да, большой. Многие оседают здесь надолго.

– Посмотреть бы...

– Ночью многого не увидишь.

Мне показалось, что он хотел добавить «в другой раз», но не добавил. Что-то удержало. Посмотрел на виски, задумавшись о чем-то, затем перевел взгляд на меня. От его изучающих глаз стало трудно жевать, я отвернулась. Что я делаю на его кухне ночью? Он – незнакомец, ставший до боли желанным, я – случайная попутчица на линии его судьбы, которую приходится вытаскивать из дерьма. Дурацкая смесь. Нелогичная.

Чтобы отключить утомительную аналитику ситуации, я выпила еще

раз – водка в рюмке, спасибо Дэллу, пополнялась исправно.

– Откуда на твоих ладонях ожоги, Мег?

Вот и вопросы с подвохом. А я уже «Мег» – знает, куда надавить, чтобы размягчить.

– Там нет ожогов.

– Там шрамы от них.

– Откуда ты знаешь, что они от ожогов?

– Я подрывник.

Один-один. Конечно, кому как не ему знать...

– Они старые. Не важно.

– Важно. Расскажи.

– Если расскажу, ты будешь спать со мной в одной постели.

– Мы всю жизнь будем друг друга шантажировать? – Он улыбнулся, поставил стакан на стол и поднялся, чтобы положить на тарелку новые тосты.

– Но у тебя ведь есть возможность отказаться. Тем более я не прошу о сексе, можешь спать на другом краю постели. (Какой может быть секс после того, как он узрел полное отсутствие моей груди?) Просто не хочу сегодня ночью оставаться в одиночестве.

Я поморщилась, подумав еще и о том, что скоро все ночи, как на подбор, станут одинокими. Что завтра скажет Тони, сумеет ли контора удержаться на плаву? Если нет – снова искать работу, бороться, выживать. Бесконечные неотвратимые изменения в нежелательную сторону.

– Хорошо. Согласен. Рассказывай.

Вот ведь какой. Я вздохнула.

– Ладно, слушай. Эти шрамы – подарок. Подарок на день рождения.

– В каком смысле?

– В прямом.

Мы помолчали. Он выжидательно смотрел на меня, я – на ломтики сыра, лежащие друг на друге, как домино.

– Это было в прошлом году. Коллеги в конторе Тони преподнесли мне сюрприз – торт. Красивый, белый, воздушный, с цветами из глазури и свечками на нем. Я очень обрадовалась, знаешь... Я и забыла, что на дни рождения принято дарить подарки, а тут такое. Он так сладко пах ванилью. Жаль, что я тогда не обратила внимание на повисшую в кабинете тишину и нездоровый блеск в глазах собравшихся. Стоило бы, но я слишком обрадовалась...

Дэлл медленно достал из кармана пачку сигарет, открыл ее, вытащил одну.

– Ты не против, если я покурю у окна?

– Кури.

Он поднялся, всем видом показывая, что слушает меня, подошел к темному окну и открыл форточку. Оперся одной рукой на раму.

– Что было дальше?

Белой тонкой струйкой дым вытягивался наружу – из тесноты кухни на свободу.

– Дальше? Я взяла торт в руки, и почти сразу же сработало вложенное в него детонирующее устройство. Бомба. Куски коржей и крема разлетелись по всему офису – заляпали мое лицо, одежду, стол, даже стены. Мне обожгло руки. Вот и вся история.

Дэлл долго стоял молча. Мне показалась, что тишина, повисшая в кухне, сделалась зловещей. Вился кольцами дым от застывшей в пальцах сигареты.

– А твои коллеги? – спросил он тихо.

– А что коллеги... – Я пожалала плечами. Не рассказывать же о том, сколько я рыдала ночами в подушку от боли, как долго залечивала ладони и еще дольше – раненное людской жестокостью сердце. Кому это интересно? – Они думали, что это смешно. Они смеялись.

– Смеялись, значит, – произнес Дэлл после долгой паузы и кивнул в ответ одному ему известным мыслям. – Хорошо.

Я неопределенно качнула головой – обида того дня уже пережита тысячу раз, незачем себе портить нервы, в который раз воскрешая в памяти стершиеся эмоции.

– Можно я возьму еще один тост?

Он не ответил, курил молча, глядя куда-то вдаль, на ночной город. Мышечный рельеф спины проступал сквозь ткань футболки. Не дождавшись позволения, я протянула руку за остывшим на тарелке жестким хлебом.

* * *

– И ты продолжала после такого ходить на эту работу?

– А у меня был выбор? Они извинились, сказали, что не думали, что обожжет так сильно, Тони выдал денег на лекарства.

– Много?

– Нет... Не много.

– А как он наказал твоих коллег?

Пауза.

– Никак.

Значит, никак...

Пальцы Дэлла быстро стучали по клавишам, на экране одно за другим всплывали окна. Адрес – Уровень тринадцать, Солар, Ирбис-драйв, дом двадцать четыре. Через пять минут он уже знал, что указанное строение было поставлено на учет в частном охранном предприятии «Ящер», а также тех, кто этим вечером выезжал на место по сигналу тревоги. Охранников оказалось четверо, не трое. Одного она просто не заметила.

Меган смотрела телевизор в гостиной – из коридора доносился голос ведущего развлекательного шоу. Дэлл отлучился в кабинет под предлогом «поработать» и теперь набирал телефонный номер Халка Конрада – сенсора спецотряда. Тот ответил почти сразу.

Дэлл крутанулся на стуле, откинулся на спинку и постучал кончиком карандаша по столу.

– Привет, дружище. Не занят этим вечером?

В трубке ответили. Из гостиной долетел дружный хохот аудитории – ведущий бодро шутил в микрофон.

– Да, нужно бы кое-куда съездить.

Он быстро объяснил детали и замолчал, слушая ответ.

– Адреса есть, но они могут быть где угодно. – После паузы улыбнулся и ответил: – Если мы возьмем Мака, то справляться будет не с чем. Хотя ты прав, так будет быстрее. Звони ему. Жду обоих.

Он положил телефон на стол и посмотрел на экран, на фото тех, с кем этим вечером придется поработать. Злости не было, не было даже раздражения – охранники ни при чем, и они не пострадают. План идеален в своей простоте, почти изящен: с помощью Халка он поможет им забыть о Меган и «вспомнить» лица остальных взломщиков, что поспособствует поимке последних и нанесет по конторе Тони решительный удар. Если она наклонится, но выплывет, то Дэлл плавным движением руки поможет ей потонуть. А Меган... у Меган будет достаточно денег, чтобы неторопливо отыскать другое место, более подходящее для девушки с навыками секретаря.

– Они сделали мне одолжение, сами того не зная...

– Какое?

– Теперь у меня нет отпечатков пальцев. Сгорели.

Карандаш с хрустом переломился посередине. На лице Дэлла не дрогнул ни единый мускул, лишь в глазах застыло странное выражение.

Если бы я лежала в центре кровати, то могла было бы раскинуть руки в стороны и все равно не достать до краев – огромный затянутый белой простыней плот, накрытый легким, но теплым одеялом. Взгляд скользил по незнакомым предметам: электронным прямоугольным часам на тумбе, лежащему рядом с ними журналу «ХемиТек», несколькими мелкими монетками, темно-зеленым шторам, круглым ручкам стеновых шкафов, напоминающим грибовые шляпки.

Тишина. Дэлл ушел пятнадцать минут назад. Показал спальню, объяснил, что какое-то дело срочно требует его вмешательства и что вернется позже. Прежде чем уйти, он дождался, пока я заберусь в постель, а потом присел на край и какое-то время смотрел в глаза. Дольше, чем требовалось для отдельного «я» и «он»... И глубже – запутываясь в мягкий клубок слова «мы». Затем мягко улыбнулся и ушел, оставив на губах незапечатленный поцелуй.

Незнакомая спальня незнакомого дома, а за окном – улицы, названий которых я не знаю. Как они выглядят, какие дома на них стоят? Как далеко тянутся в стороны, какие люди живут в обустроенных ячейках этого Уровня? Наверное, хорошие. Ведь отчего-то не пропадает на душе ощущение умиротворения, тихого счастья. Волшебный воздух? Или волшебный Дэлл?

Почему на стене его кабинета (куда я заглянула из любопытства), увешанной различными моделями пистолетов, оставалось пустое место в центре? «Brandt ХТ-5» – что это за зверь и почему до сих пор не появился на положенном месте? Непонятно...

Да, не положено, но, оставшись одна, не удержалась: прошлась по комнатам, вдохнула запах дома. Его дома. Каково было бы жить здесь? Вместе... Гель для бритья на полке в ванной, рубашки в шкафу, ручной эспандер на столе рядом с бумагами... Мужчина. Сильный мужчина. Смогли бы мы однажды дополнить друг друга, сосуществовать рядом, радуясь присутствию друг друга? И даст ли судьба шанс опробовать себя в новой роли, в роли «1 + 1 = 2»?..

А пока тихо... Широкая кровать, незнакомый дом, пластырь на груди, наложенный мужскими руками. И ожидание чего-то трепетного... Его возвращения. А может быть, будущего. Одна минута сладко и незаметно перетекала в другую.

Я закрыла глаза.

Глава 8

Дверцы хлопнули одновременно, заглушая шум дождя.

– Как все прошло? – Мак отложил распечатку, которую читал в машине, ожидая возвращения друзей.

– Отлично. – Дэлл стряхнул с волос капли. – Он был дома, собирался ложиться спать с собственной девчонкой. Ту пришлось отключить, с ним поработали без проблем. Всё по плану.

Халк удовлетворенно раскинулся на заднем сиденье.

– В этом гребаном городе, сколько себя помню, всегда сыро.

– Угу. – Водитель бросил взгляд на скользящие по стеклу дворники. – Значит, остался один.

– Да, последний – Луи Бовега.

– О'кей.

Чейзер взял лист бумаги, коротко взглянул на черно-белое фото и закрыл глаза, мысленно нащупывая объект. В машине сделалось тихо; Дэлл знал – в этот момент незнакомый человек на другом конце города, не подозревающий об опасности, скорее всего, уже лежащий в постели, скорчился от боли.

Бита, вырванная из пальцев, упала на пол коридора и покатилась с равномерным стуком. Пистолет за поясом брюк – скорее достать, но удар в живот заставил Луи сложиться пополам и отхаркнуть кровью из разбитой челюсти. Он не успел ни сориентироваться в том, что происходит, ни защититься. Позор: столько лет подготовки, а его скрутили словно цыпленка. Он едва успел рассмотреть троих, одетых в темное. Теперь один из них стоял, опершись на косяк кухонной двери, безучастно смотрел в окно и пожевывал в зубах спичку, второй – Бовега ощущал мокрую кожу его куртки голой спиной – сжимал шею так, что легкие горели от недостатка воздуха, а третий, со странными светлыми глазами, стоял напротив. Нездорово спокойный, будто киборг.

Не грабители – с теми бы Луи справился в два счета; в его дом нагрянули люди из элитного подразделения, он был уверен в этом. Только они видят спиной, остаются безучастными до последнего момента, а когда попытаешься замахнуться, выламывают руку из плечевого сустава с корнем.

Охранник дернулся – сработала привычка, попытался вывернуться из

захвата, но моментально получил еще один удар в живот и полное отсутствие воздуха: сдавившая шею рука перекрыла доступ к кислороду. Издав хриплый звук, Луи обмяк.

– Всё, успокоился?

Стоящий напротив смотрел терпеливо, без раздражения. Со скучающим видом жевал спичку другой, у двери.

– Вот теперь поговорим.

* * *

Дэлл с наслаждением вдохнул прохладный, но уже совершенно сухой осенний воздух ночного Нордейла и пожал протянутую руку.

– Спасибо.

– Да какие проблемы... Звони, если снова.

– Снова не будет. – Какое-то время мужчины смотрели друг на друга. Без лишних вопросов – за годы работы срослись, изучили друг друга. Темнел дверной проем задней части дома, освещенный луной. – Я обо всем позабочусь.

Они попрощались. Машина Чейзера тихо заурчала мотором и, скрипя мелкими камушками под шинами, выехала за ворота. Дэлл остался один. Какое-то время смотрел на уснувшую дорогу, тянущуюся за садом, затем аккуратно, стараясь не шуметь, открыл дверь и вошел в дом.

Душ принял на первом этаже, хоть и был уверен, что Меган уже спит, но все же подстраховался – незнакомые звуки могли потревожить ее сон; затем вытерся полотенцем, джинсы надевать не стал – пряжка ремня звякнет, если снимать вновь, – и поднялся на второй этаж.

Около минуты стоял в дверях спальни, глядя на притихшую под одеялом девушку – ни посапываний, ни метаний; укрытый почти до макушки затылок и рыжие волосы, разметавшиеся по подушке, – затем осторожно подошел к кровати, приподнял одеяло и прилег, как на плот, который может опрокинуться, если наступить на самый край. Медленно перевернулся, вытянулся на животе и затих.

Часы на тумбе показывались начало третьего. Будильник заведен на семь – с утра нужно забросить ее обратно в Солар к началу рабочего дня. Одного из последних рабочих дней, по крайней мере в конторе Тони.

Закрыв глаза, Дэлл продолжал ощущать ее кожей – присутствие незнакомого человека в личном пространстве. Неопасного, тихого, спящего – не желающего причинять неудобство. Казалось, даже во сне ей было

неловко за собственное присутствие: Меган лежала на самом краю – повернись, и скатится.

Сон не шел. Пятнадцать минут спустя Дэлл все еще лежал с закрытыми глазами и думал о том, что никогда бы добровольно не привел в дом владельца ножа. Может, Райдо Саара, который заставлял его пытаться других, стоя в сторонке и наслаждаясь видом боли на лицах ни в чем не повинных перед Дэллом людей? Или ту Олу Барелиас – молодую, неоперившуюся избалованную девчонку, которую он в избытке возил по ночным клубам и которая боялась его больше, чем тех идиотов, что приставали к ней каждую ночь в дымных залах, сотрясаемых звуками дамб-баса? А она боялась его... пользовала, приказывала, но все время боялась. Да он не привез бы их в собственный дом даже под пытками... А эта – худая, с рыжими волосами, жмущаяся к краю постели, теперь лежит в его спальне. Нонсенс. Больше не владелица ножа, а кто-то еще...

В какой момент она превратилась в кого-то еще? И в кого?

Он не смог ответить на этот вопрос. А еще через полчаса уснул.

В следующий раз он проснулся в пятом часу утра.

Тепло. Слишком тепло... Открыл глаза. Не поверил собственным ощущениям – когда она успела подкатиться и завернуться в него как в одеяло? Дэлл задержал дыхание, ощущая под рукой женское тело. Перед внутренним взоромплыли обрывки сна – маленькие аккуратные груди почти у самого лица, перед глазами... Аппетитные соски – розовые круглые ореолы. Ягодки, которые хочется лизнуть...

«Там не с чего возбуждаться...»

Дура.

Дэлл не смел ни вдохнуть, ни выдохнуть, концентрируясь лишь на одном ощущении – восставшей плоти, компасом указывающей в нужном направлении. Его член стоял. Стоял жестко, налитый пульсирующей кровью, тяжелый, почти свинцовый.

Как такое произошло?.. Почему?

Дэлл, путаясь в обрывках мыслей, осторожно убрал руку с чужого плеча и медленно, словно под прицелом в окопе, отодвинулся назад, чтобы вздыбившийся бугор перестал упираться в ее попку. Не дай господь она проснется... даже просто пошевелится, и он не сдержится – не хватит контроля. Слишком давно такого не было. Хотелось сделать это, взять податливое горячее тело, убедиться, что он все еще может...

Может. Оказывается, может.

Кровь билась тяжелыми волнами не только в паху, но и в висках.

«Ты ведь безобидный... мечта любой девушки...»

Да уж... Безобидный.

К возбуждению примешалось ликование.

Может!

Меган, почувствовав движение, пошевелилась, но не проснулась и через несколько секунд затихла. Дэлл слушал ее размеренное дыхание.

Рассвет еще не забрезжил – спальня была полностью погружена во мрак.

Лежа на спине, Дэлл высвободил твердый горячий тугой орган из плавков – прямое доказательство вернувшейся мужской полноценности – и обхватил его рукой. Крепко сжал, чтобы тот перестал подрагивать. Перед глазами продолжали стоять сводящие с ума груди Меган – небольшие, но такие аппетитные, сексуальные, дерзкие, смотрящие на него вызывающе розовыми сосками...

Большой палец медленно провел по головке – пенис вздрогнул, и Дэлл едва сдержал спазм, грозивший выкинуть сперму прямо на внутреннюю часть пододеяльника.

Вместе с кипящей кровью по телу курсировала бьющая через край радость – ладонь держала не обвисший мягкий насос, а здоровый напрягшийся ствол, твердую плоть, готовую действовать.

Глубокий вдох-выдох, пульсация в паху.

И довольная жесткая улыбка на лице.

* * *

Утро запомнилось странным, по-своему волшебным – утренние лучи, заливающие кухню, деловитый мужчина, сервирующий еду на столе (ведь ты не можешь ехать на работу голодной?), щелчок вскипевшего чайника, дразнящий аромат кофе, блики солнца на дрожащей темно-коричневой поверхности.

Дэлл выглядел иначе, и дело было не во внешнем виде – те же джинсы и майка, что и вчера; но откуда взялось это удовлетворенное выражение лица и прочное спокойствие в глазах? Будто этой ночью он решил долго терзавшую его задачу, собрал воедино куски сложной формулы и остался доволен результатом. И если я все еще была сонная и расслабленная, то его бодрости хватило бы на троих – приготовил завтрак, осмотрел мои руки, ответил на два телефонных звонка, успел бегло пробежать взглядом заголовки свежих газет...

Из ночи в утро протянулось ощущение спокойствия, защищенности,

домашнего уюта. Ложного, но я позволила себе потонуть в нем с головой. Бутерброды с сыром, льющаяся из крана вода, поблескивающий у холодильника графин с виски, ряд блестящих металлических поварешек у стены. Как знакомо.

Разговор легкий, ненавязчивый, ни о чем.

– Как твои ладони?

– Лучше. Ты поздно вчера вернулся?

– Около двух. Старался тебя не разбудить.

Жаль.

– Удачно съездил по работе?

– Вполне.

Вчерашний хлеб, вкус ветчины на языке. Терпкий кофе, крепче, чем я обычно готовлю для себя. Еще один штрих к мужскому характеру, и от этого голова плывет... плывет в прострации, на чужой кухне, в запахе лосьона для бритья, в мельтешении светлых пепельных волос и тугих мускулов на руках.

– У нас пятнадцать минут до выхода. Нужно ехать.

Не хочу.

– Я буду готова.

И близкий конец сказки, который завершится пахнущим кожей салоном, утонувшими в утреннем свете незнакомыми улицами, привычным звуком мотора и словами: «Ну всё. Приехали. Созвонимся позже».

Дурь... Не хочу. Но разве жизнь послушает?

А пока еще – вкус хлеба и терпкого кофе. И серо-голубые глаза напротив. Беспричинно довольные глаза.

Все еще яркие, будто летом, цветы на клумбах, незнакомые названия магазинов и кафе – я смотрела на них с нежностью, как на родного человека, принадлежащего другой: «Я буду помнить, я не забуду, я вернусь. И ты помни...» Через час эти улицы и кафе заполнят совсем другие люди, и на них уже не наткнется взглядом девушка, сидящая в темном автомобиле. Автомобиль довезет ее до места и уедет; совсем другие машины будут стоять под светофором с налипшим на столб сухим желтым листиком. Кто-то зайдет в книжный, кто-то пронесет в руке мороженое, ровно выстукивая каблуками по бульжной мостовой, кто-то назначит встречу у веселого фонтана и будет жаловаться на излишнюю сырость, грозящую испортить прическу.

Бывает, встретишь на улице незнакомца – всего лишь секунда, зацепившиеся взгляды, удивление, радостная растерянность – и оставишь

позади. Сотни непрозвучавших слов, миллионы неслучившихся возможностей, куча спиралей, из которых выберешь лишь одну...

Точно так же я оставляла позади Нордейл – город, где могло произойти многое или не произойти ничего; но колеса «Неофара», уносящие прочь, лишали спираль возможности налиться светом и стать новой дорогой, на которую могла бы ступить подошва.

Город, даже не зная тебя, мне было хорошо с тобой, спасибо.

– Привези меня сюда еще раз.

Дэлл проводил взглядом пешехода в пальто, пересекающего улицу, и посмотрел на меня.

– Привези, ладно? Хочу увидеть это место. И еще раз твой дом... увидеть лабораторию, где ты мастеришь взрывчатку...

– Кто сказал, что в моем доме есть такое место?

Он улыбался прохладно – мол, всё-то ты знаешь. И иногда зря лезешь.

– Не показывай, если не хочешь. Только возьми меня сюда еще раз.

Его глаза внезапно потеплели. Вновь беспричинно – загадка, притаившаяся в них с утра, не исчезла.

Проплыл мимо бок высокого автобуса. Мелькнули белые на желтом буквы: «Norline».

– Возьму.

Я отвернулась и стала смотреть в сторону. А потом вдруг ощутила чувственный шлейф – будто в последнем сказанном слове крылся двойной смысл. Застыла, но посмотреть на водителя не решилась.

Наверное, показалось.

Как же мало времени... Успеть бы впитать этот неповторимый запах незнакомых улиц, обласкать взглядом прохожих, облизнуть вывески шоколадных кофеен, постучать сердцем в такт чужим каблучкам, покачать головой вместе с цветочными бутонами под ласковым ветерком, застыть под синим прозрачным небом осеннего дня.

Его взгляд я почувствовала кожей.

– Тебе здесь нравится.

Не вопрос – утверждение.

Ответить я не смогла из-за возникшего в горле кома: душа вдруг сделалась непривычно чувствительной, уязвимой, без единой защитной заслонки. Голой, и оттого – светлой и легкой, воспарившей к солнечным бликам на стеклах за витиеватыми балконами.

– Мы вернемся.

Глядя в сторону, я благодарно кивнула.

Тони нервничал.

Он то бесцельно расхаживал по тесному офису взад-вперед, то вдруг застывал, погружившись в мысли, то неожиданно выходил из забытья и принимался перебирать бумаги на столе. Следом за его несвежей рубашкой волочился стойкий запах пота.

Вид шефа наводил на неприятные мысли, привычный некогда офис отчего-то сделался непривычным: тихим и, несмотря на яркий солнечный день за окном, почти зловещим. В воздухе витало иррациональное ощущение надвигающейся беды.

Сначала не пришел Фрэнк – обычно он являлся на работу раньше меня, но сегодня безбожно опаздывал. Затем стало ясно, что и Рик Заппа составил ему компанию в прогуле. К обеду не появились ни тот, ни другой.

Я медленно, постоянно забывая, на каком месте остановилась, перечитывала один и тот же договор и краем глаза следила за шефом. Тот, вопреки обыкновению, не просил сбегать ему за кофе, не шутил, не язвил, не командовал и не ворчал. В общем, совершенно не был собой.

Отрывистый звук нажимаемых мной клавиш казался слишком, непристойно громким. Хотелось приглушить его, как хруст обертки от чипсов в притихшем филармоническом зале.

– Где Ларс?.. Почему не приехал Ларс?.. – бубнил Тони себе под нос, глядя на экран мобильного с таким отчаянием, будто тот обязался выдать нужный ответ, но в последний момент отказался. – Почему не позвонил?

В душу закралось нехорошее предчувствие: именно те, кто вчера побывал на неудачном задании, сегодня без объяснений не появились на работе. Был ли Дэлл прав? Неужели охранники выследили всех троих? А если так, то не я ли на очереди?

В позвоночник будто вставили ржавую пружину. Возник ощутимый дискомфорт.

Этим утром Дэлл высадил меня на проспекте неподалеку от офиса – заходить в квартиру не было ни времени, ни необходимости. Может, и хорошо? А если там ждали?

Оттолкнув пугающие мысли, я вновь принялась за договор.

Тони то приходил, то вновь скрывался в коридоре, хлопая дверью. С каждым новым появлением его лицо становилось заметно бледнее.

Через час его мясистые руки легли на мой стол, а взгляд карих глазбусинок впился в мое лицо. Шеф придвинулся и хрипло спросил:

– Ты же говорила, что вчера все успели уйти, никого не взяли?

Из его рта пахло недавно съеденным гамбургером и чем-то еще...
Валерьянкой?

– Насколько я знаю, все.

– Тогда почему ты здесь, а другие не пришли?

– А я что, за ними слежу? – огрызнулась я, стараясь не морщиться от неприятной близости блестящего от пота лица Балато.

– Ты была этой ночью дома?

– Нет.

– А где?

– На свидании.

– Ты еще и на свидания ходишь?

Я удержалась от комментариев.

Тони смотрел долго, будто пытался увидеть на моем лице скрытые ответы на его вопросы, как до этого пытался их прочесть на экране собственного мобильного. Затем отошел, больше ничего не сказав.

Через час его телефон завибрировал, и прежде чем ответить, шеф почти пятнадцать секунд хмуро смотрел на имя вызывающего абонента.

– Алло.

Пауза.

– Кто это? Кто говорит?

Взгляд маленьких карих глаз застыл на окне, за которым покачивались деревья. Впрочем, я могла дать руку на отсечение – Тони не видел их.

– Почему... почему вы мне угрожаете?! Да кто вы такие?! Что??? – Сальные волосы Тони дернулись, будто невидимый собеседник ударил шефа по лицу, – тот побледнел и на какое-то время потерял дар речи. А когда голос вернулся к нему, то сипел, словно спущенная шина. – Кто у вас? Где?! Нет, погодите! Не нужно их никуда сдавать... да, я приеду, поговорим-обсудим... черт! Да всё ведь решаемо!

Собеседник отключился, и крышка мобильного Тони захлопнулась зло, словно крокодилья пасть.

– Вали домой! – зло гаркнул шеф и принялся остервенело натягивать пиджак. – На сегодня всё. Мне нужно закрыть контору.

Не дожидаясь повторного приглашения, я быстро свернула все окна и нажала кнопку выключения компьютера. Поднялась, бросила короткий взгляд на шефа – тот застыл, глядя остекленевшими глазами на стену, – и направилась прочь.

Сердце колотилось быстро и неровно.

Половина третьего.

Еще ни разу я не возвращалась домой так рано. Следуя по залитым солнцем, но сырым и промозглым от холодного ветра улицам, я постоянно оглядывалась через плечо – нет ли преследования? Почему мужик с сигаретой у автобусной остановки проводил меня настороженным взглядом? И как-то подозрительно выглядят те двое, что идут навстречу: вроде бы разговаривают, шутят, только вот улыбки пластиковые, словно наклеенные на театральные маски. Нет... прошли мимо... можно выдохнуть.

Вроде бы не оглядываются...

Отраженные лужами лучи резали глаза, мешали смотреть. Видеть. Холодно и ярко – дурацкое сочетание. Не добавляет комфорта. Зажмуришься и не заметишь того, кто подойдет сзади, возьмет за плечо или толкнет в машину...

С ускорившимися шагами усилилась и мания преследования.

А что, если меня поджидают у двери? Или даже внутри... Дэлл был прав, да, черт возьми, прав: чтобы играть в опасные игры, нужны мозги и умение постоять за себя. А у меня, похоже, ни того, ни другого... Почему я всю жизнь сэкономила на железной двери? Деревянную один раз толкнул – и выпала, словно гнилой зуб, вместе с косяком. Что там сказал Тони? «Не нужно их никуда сдавать»? Значит, мои коллеги уже застряли в цепких вражеских когтях? Как же быстро, и суток не прошло.

Позвонить Дэллу? Попросить защиты, уехать, спрятаться, залечь на дно? Но ведь однажды все равно придется вернуться.

Очередная лужа оказалась глубже – каблук подвернулся, штанина покрылась грязными брызгами.

Черт бы подрал такую жизнь...

Теперь сердце билось медленно и тяжело.

Солнечный свет дробился в щели между пыльными занавесками. Вот уже несколько минут я сидела на кровати в напряженном ожидании; да, пока никого, но в любую минуту в дверь могут постучать.

– Открывайте! А не то выломаем дверь... Мы знаем, что вы вчера пытались проникнуть в чужой дом!

Страшные голоса и страшные удары.

Пусть этого не произойдет. Боженьки, пусть пронесет... Избавь хотя бы один раз. В последний раз...

Где-то там, на другом Уровне, спокойно живет и занимается своими

делами Дэлл. Далеко, почти в другой галактике. Он не боится, не трясется, он уверен в себе и горд за свои поступки. А я? Нет ничего хуже, чем жить в страхе. Что случится с Тони и с ребятами? Что теперь будет с работой?

Устав маяться от ожиданий худшего, я встала с кровати, прошла к шкафу и вытащила завернутый в водолазку нож. Коснулась холодной стали – на душе стало спокойнее. Знакомо и тускло переливался выученный наизусть номер.

Может, Дэлл прав, и пришла пора сменить работу? Наступить на горло собственной гордости, попросить о помощи и сойти с кривой тропинки, выйти на нормальную широкую дорогу, не затененную безобразными кустами и тянущимися со всех сторон кривыми ветками? Зашагать по ней спокойно, зная, что впереди все хорошо?

Я обвела взглядом темную комнату. Дверь молчала: ее не сотрясали тяжелые удары и выкрики с той стороны. Пока.

Зверек. Я загнанный в угол зверек, пожинаящий плоды собственной глупости.

А нож – тяжелый, военный.

Интересно, им когда-нибудь убивали?

* * *

Дэлл пребывал в глубокой задумчивости.

Шорох глянцевої страницы – очередная фотография обнаженной красотки на мотоцикле, из одежды – лишь тонкий лоскут поперх округлой, налитой груди и полоска трусиков, тонкая, словно нить.

И никакой реакции. Ни на волосы, ни на призывный взгляд, ни на просвечивающие сквозь ткань темные соски.

Новая страница – новое фото... Белокурая, рыжая, шатенка. Приоткрытые губы, сексуальные позы, все прелести для обозрения, и никакого отклика ни в штанах, ни в голове.

Странно все это. Ведь если вернулось, то вернулось, не так ли? Значит, не так.

Одриард отложил журнал и закрыл глаза.

Перед мысленным взором вновь возникла аккуратная небольшая грудь и тонкий порез, заклеенный пластырем. Розовые соски... такие аппетитные, напрягшиеся от прикосновения холодного воздуха... Что за наваждение, что за наркотик проник в кровь, стоило представить именно эту картинку?

Тело напряглось. Возбуждение возникало сначала в голове и тут же передавалось в пах. Как йо-йо на веревочке, который тянула вверх ее озорная улыбка, порой такая беззащитная. И это выражение в глазах: «Я сильная. Ты ведь не увидишь, что на самом деле слабая?»

Дэлл потер лоб.

Гостиную заливал солнечный свет. Тихий, мирный, пустой дом, где этим утром была она, пила на кухне кофе, расспрашивала про Нордейл, с удовольствием жевала ветчину. Грустила, когда он сказал, что пора собираться.

Вспомнилось тепло ее кожи под его руками при пробуждении, ее прижатая к его бедрам попка. Совсем не плоская, как оказалось... совсем.

Дэлл терялся в собственных ощущениях и никак не мог решить, что же делать дальше. Что *позволить* себе чувствовать. Предательская мысль прокрадывалась через все барьеры, возведенные рационализмом, – он должен ее взять... Он хотел ее взять. Настоять на близости. Испить, насладиться, доказать, удостовериться. Наконец дать себе почувствовать триумф от вернувшейся полноценности.

Но будет ли это правильным? Не разрежет ли нежные слои кожи при расставании?

Да, он уйдет, они оба знали об этом с самого начала. Но стоит ли отказываться от близости, пусть даже временной, которой хотел не он один – хотели оба? Тот взгляд из-под прикрытых век в баре, губы совсем рядом с его лицом, дразнящий запах духов – женский, мягкий, по-своему требовательный. То, как Меган ласкала взглядом его фигуру, не оставляло сомнений в ее желаниях, которые она тем не менее старалась тщательно скрывать.

Вот только флюиды не скрыть. Когда воздух потрескивает от напряжения, стоит двоим приблизиться на расстояние метра, это всегда говорит об одном и том же...

Дэлл сцепил руки, опустил голову и посмотрел прямо перед собой. Несмотря на то что его взгляд можно было охарактеризовать как спокойный, ровный, даже с примесью прохладцы, в голове с ревом вращались шестеренки.

Да, он должен ее взять. Так или иначе, раньше или позже... И, похоже, лучше раньше.

Всё. Поезд понесло с горы. Не удержать.

Где эта рыжая чертовка?

Он поднялся с кресла.

Со страницы журнала, распахнув накрашенные ярко-красным губы,

молча взывала к утехам застывшая на стоге сена красотка.

Дэлл оставил ее позади.

Накинул на плечи куртку и ушел, не обернувшись.

Глава 9

– Не трясись, за тобой не придут.

– Не придут? Откуда тебе знать?!

– Кому еще, как не мне?

Спокойный ироничный взгляд...

– Так ты... Ты к этому причастен?! Это всё из-за тебя? Из-за тебя я потеряла работу?!

– Работу ты потеряла из-за себя. И если бы не я, ты была бы уже там же, где и твои коллеги. Вот и все мое вмешательство. Так или иначе, тебе давно следовало ее сменить, не находишь?

Теперь трясло не от страха, а от злости.

– Всегда добиваешься поставленных целей, не так ли?

Дэлл улыбнулся шире, однако тепла в глазах не прибавилось.

– Не всегда, лапочка. Но чаще всего да.

Лапочка?!

Что-то изменилось в нем еще этим утром, когда он мурлыкал на кухне, накрывая завтрак. А теперь он стоял посреди моей каморки, напугав до смерти стуком в дверь без предварительного звонка, и улыбался. Улыбался так, будто в него вселился демон – зверь, в чьей голове сформировался хитроумный план, о котором мне предстояло узнать лишь тогда, когда тот окажется приведенным в исполнение.

Здоровый холодно сверкающий глазами мужик со зловещей обманчиво-ласковой улыбкой на губах. С чего такая смена настроения? Уверенность, агрессия, вызов, но пока еще выжидательная позиция... Бой начнется позже.

– Может, мне тебе в ноги упасть? – Бешено стучащее сердце все не желало униматься. Думала, они пришли... Конец. – Избавил бедную девочку от плохой работы и плохих ребят, и настало время отмахиваться от летящих в твою персону цветов?

– Ну, от всех плохих ребят не избавил – один, по крайней мере, еще остался.

Себя имеет в виду. Иронизирует. Хам!

– И чем мне теперь за квартиру платить? На что жить? Продукты покупать?

О да! Он предусмотрел и это – ощущение исполняемого плана усилилось: ленивое движение, и на кухонный стол упала тугая пачка

купюр, перетянутая лентой.

– Вот на это.

Мне бы поблагодарить, ручку облобызать, вот только не получалось – логика хлопнула дверью, оставив вместо себя беснующийся комок иррациональной ярости.

– Ах, да, конечно... – прошептала я с оскалом, похожим на его собственный.

Я – кукла, марионетка, не иначе. Все мои шаги можно предсказать, все реакции – просчитать, доводы – сломить еще до того, как они родятся. Он приехал сюда, зная весь сценарий наперед – каждый жест, каждое слово, – и от подобной пронизательности делалось муторно, адекватность перекрывали волны злости. Кулаки непроизвольно сжались: бой так бой.

– Да я их в унитаз спущу, на снежинки порежу, буду жечь по одной и заклинания читать...

Казалось, от елейной улыбки, прилипшей к моему лицу, треснет кожа.

– Да хоть потопчись сверху, мне плевать. Но испортишь – и будешь дурой.

Почти такая же елейная улыбка напротив и холодный взгляд прищуренных глаз: мол, давай, поперечь мне – выстави себя еще большей идиоткой, покажи свою дурную гордость.

Я сдулась. Обреченно усмехнулась и покачала головой, не в силах поверить, как легко и играючи один человек может повернуть жизнь другого в нужном ему направлении. О да, для этого нужны великолепный ум и упорство, но субъект, стоящий напротив, казалось, состоял исключительно из этих качеств.

В груди kloкотали бессилие и странная радость одновременно: да, осталась без работы, но прожить я смогу, деньги есть – с таким капиталом какое-то время не пропаду даже в Соларе. Вот только как быть с фактом, что мной только что сманипулировали? Расчетливо и красиво. Изящным движением вывернули руки за спину.

Я посмотрела на стоящего передо мной человека в немом восхищении.

– Зачем тебе всё это, Дэлл? Зачем было вмешиваться... зачем помогать?

Его взгляд не поменялся – остался прохладным и чуть ироничным, с примесью тайны.

– Выпьешь со мной кофе?

Ах, какая нежная улыбка расцвела на лице! Заправский ловелас! Уверенный в себе котяра – раньше он таким не был. Захотелось немедленно сбить спесь.

– Нет.

– В уютной кофейне...

– Нет.

– В кабинке, на кожаных диванах. Кремовая шапка и два сердечка на ней...

Он издевается?

– Нет!

– В Нордейле... где за окном желтеет теплая осень...

Ну нельзя же давить на больное... Мое очередное «нет» прозвучало вовсе не так уверенно, как мне бы того хотелось.

– А после кофе я покажу тебе свою лабораторию. Ты ведь хотела посмотреть, где я делаю «петарды»? Там интересно... И я никогда туда никого не приводил.

На последней фразе его губы изогнулись в чувственной улыбке.

Что же он делает, гад? Ведь намеренно плавит там, где тонко. Поглаживает невидимым пальцем по подбородку, подбирается ближе, практически соблазняет.

Провести еще один день в Нордейле? Не беспокоясь о деньгах, о работе, о Тони, вообще ни о чем?.. В удовольствие погулять по незнакомому городу – как же хотелось увидеть его при свете дня. Выпить кофе, а после – проникнуть в святая святых сильного жесткого мужчины... О боже... ведь я сейчас сдамся.

Даже сквозь полумрак комнаты я могла разглядеть победную улыбку, блеснувшую в серо-голубых глазах: «Да, я победил и знаю об этом. Одевайся, лапочка...»

Перед тем как выйти из дома, я спросила, не стоит ли позвонить Тони, предупредить, что завтра я не выйду на работу. На что получила короткий и емкий ответ: «Забудь, что это место вообще когда-либо существовало. Никаких звонков».

Ох, как скажешь, господин раб. Как скажешь.

* * *

И снова шорохом колес вынесло в сказку.

Что-то щелкнуло, и пропало вдруг ощущение дискомфорта; так случается, когда из приостановившихся шестеренок выскакивает застрявший камешек, и смазанные маслом диски возобновляют свой ход – легко и ровно, с ускорением.

На протяжении целого дня мы общались как добрые друзья – ни о чем и обо всем. Тянулся за куском пиццы расплавленный сыр, звенел над входной дверью колокольчик, бегали за каблуками прохожих опавшие листья, привычно дразнил ноздри знакомый парфюм.

Ранний ужин, кофе, улицы Нордейла, утонувшие в закате.

– Хочешь посмотреть город?

– Хочу! Очень хочу...

– Тогда допивай. Прокатимся, пока еще светло.

– Всё, готова.

И знакомая размеренная походка сильного мужчины, шагающего к машине. Теплый осенний ветер, запутавшийся в его волосах.

Слишком легко, слишком хорошо, непривычно здорово – оказывается, жизнь может быть такой.

Пусть сверкающий бок «Неофара» никогда не уйдет в прошлое, пусть каким-то образом я сделаюсь частью всего этого после того, как пройдут оставшиеся шесть дней.

Всего шесть дней до того момента, когда придется отдать нож и отпустить джинна с русо-пепельными волосами на волю.

Что же случится после?

Не думать. Не думать...

* * *

В «Кину» взрывчатку использовали в основном для того, чтобы расчищать вход при завалах или обрушениях. Здесь же, в этой вытянутой по периметру комнате, находящейся глубоко под землей и в отдалении от дома, взрывчатка являлась фетишем. Не просто увлечением – страстью. Тем, с чем имели тонкую связь, красивый роман, к чему относились с уважением и трепетом.

И все, что мне приходилось видеть до этого, не шло ни в какое сравнение с подземной лабораторией Дэлла. Несмотря на новейшую систему вентиляции, не позволяющую парам и газам скапливаться в помещении, воздух почти неуловимо пах воском, химикатами и испарениями аммиака.

Под потолком, заливая комнату комнату-бункер равномерным светом, горели белые лампы.

Вот уже несколько долгих минут я рассматривала ее в молчаливом благоговении: кладовая подрывника, его нора – смертельно опасная

лаборатория современного алхимика-киллера.

– Все так удалено, чтобы при случайном взрыве не пострадал дом? – Мой голос гулко отразился от серых бетонных стен.

– Да.

Я осторожно двинулась вперед, приглядываясь к множеству предметов, лежащих на широком столе, – емкости с поражающими элементами, огнешнуры, капсулы-детонаторы, похожие на алюминиевые губные помады, напильник, отодвинутый в сторону прибор для измерения напряжения, пустые стеклянные колбы, толстодонная ступка с мраморным пестиком, батарейки разных размеров и форм, змейки проводов. Провода-провода-провода... Некоторые предметы казались знакомыми, некоторые – нет.

– А это что?

Я указала на разобранные элементы какого-то устройства в центре стола.

– Мина-ловушка.

Дэлл бесшумно следовал позади. Вероятно, следил, чтобы я не касалась лишнего. У меня же почти ежесекундно замирало дыхание – вот оно, настоящее, не игрушечное, не дилетантское! Настоящее, профессиональное, холодное, жестокое, призванное не пугать хлопком игрушечного пистолета, а бить на поражение.

Мой взгляд соскользнул на коробку, доверху заполненную чем-то, похожим на рубленые гвозди. Не успела я указать на нее, как мой провожатый пояснил:

– Шрапнельные элементы.

Я медленно втянула воздух.

Что же делает с человеком начиненная ими бомба?

Да, это уже не шутки. И не «Кину».

– А это?

– Это устройство для вытапливания тротила из неразорвавшихся снарядов.

Никогда в жизни не видела...

Я медленно обошла стол по периметру. Вдоль стен тянулись металлические полки, на которых аккуратно, рассортированные в понятном одному Дэллу порядке, стояли полиэтиленовые пакеты с порошками и тугие бумажные упаковки – магниевые и алюминиевые порошки, тетрил, тол, аммиачная, калийная селитра...

Немудрено, что он не водит сюда гостей.

Под полками, в углу, злоеще застыли баллоны с газом. Один красный,

второй синеватого оттенка.

– Это пропан, ацетилен? – предположила я.

– Они самые.

Я молча покачала головой, все еще не в силах поверить, что он показал мне это место. Действительно подрывник-профессионал. Не то чтобы я не верила...

Металлические баки с алюминиевой пудрой, мешки с селитрой; на всем – предупреждающие желтые знаки с черными символами: «токсично», «огнеопасно», «легковоспламеняющееся вещество», а то и вовсе черепа с костями без лишних слов.

Дэлл не торопил, не подгонял, а я все никак не могла заставить себя уйти – было страшно и привлекательно, будто я попала на запрещенный секретный объект, который хочется запечатлеть в памяти, чтобы потом говорить себе: «Я там была. Я видела». Запретный плод, недоступный взгляду большинства.

Сколько же здесь шнуров, детонаторов, зажигательных трубок! Залежи, не иначе. Взгляд хаотично соскальзывал со стеклянной сухой посуды на емкости с незнакомыми названиями: гремучая ртуть, азид свинца, тринитрорезорцинат свинца, тетразен – такие даже в трезвом виде не выговорить. Какие там мои петарды? Боже, кого я пыталась впечатлить?!

На короткое мгновение вернулся стыд за тот вечер и за неосмотрительную браваду.

– А это... – Стараясь избавиться от смущения, я протянула руку к первому попавшемуся лежащему на столе продолговатому предмету, покрытому смазкой, но мою ладонь тут же накрыла мужская, а позади раздался вкрадчивый вопрос:

– Меган, какое первое правило подрывника?

Я застыла, чувствуя теплое дыхание на своей шее. Сердце неожиданно гулко ударило о ребра. Казалось, в холодном помещении изо рта скоро пойдет пар, но телу вдруг стало жарко.

– Не трогать того, чего не знаешь.

Мой голос прозвучал хрипло.

– Правильно.

Стоять спиной, когда он так близко, да еще и держит за руку – слишком интимно. Я быстро развернулась и оказалась в не менее интимном положении – к нему лицом. Пальцы Дэлла так и не выпустили мое запястье, лишь позволили ему повернуться в его руке.

От нахлынувшей нервозности – слишком часто за этот день Дэлл оказывался близко (*слишком близко*) – я отступила в сторону, практически

сбежала, и шумно втянула воздух.

Его пальцы позволили моей руке выскользнуть; в глазах застыла ироничная усмешка: *что же ты опасаясь того, чего хочешь сама?*

Но Дэлл не стал озвучивать это. Какое-то время он изучал меня, затем склонил голову вбок и задумчиво произнес:

– Странные у тебя интересы, Меган.

Чтобы избежать прямого взгляда, я смущенно огляделась вокруг и усмехнулась.

– Думаешь, девушка не может быть... *такой?*

Он не торопился с ответом. Стоял, сложив руки на груди, – человек, принадлежащий этому месту, убийца, собирающий чью-то смерть воедино из шнуров и тротила, – серьезный, сильный, по-своему страшный. Сколько людей знали о том, какой он на самом деле? Великолепная физическая оболочка, душа в запекшихся шрамах и смертельно опасная профессия. Зачем он все же решился показать мне лабораторию? Еще один шаг навстречу, на несколько сантиметров приоткрывшаяся дверь.

– Думаю, может быть. Но все равно странно.

Пальцы заледенели, а в ушах стучала кровь.

Почему не уходит ощущение, что этим вечером что-то произойдет? То, чего я так ждала и чего опасалась. Откуда чувство, что остались лишь считанные минуты до того, как Дэлл шагнет навстречу и уже не выпустит мое запястье из рук?

По телу вновь прошла дрожь.

– Все, ты осмотрелась? Выключаю свет?

– Да.

– Хорошо. Выходи. Я верну на место ловушку.

Проходя мимо двери, я боязливо покосилась на агрегат, испускающий в потолок тонкий красный луч.

Весь вечер он наблюдал за мной поверх тонкой кромки стакана с виски. Не запомнилось ничего: ни то, что было съедено или выпито, ни беседа, которая осторожно, словно ручеек вокруг скалы, вилась на безопасную тему, – только глаза. Глаза-глаза-глаза – казалось, они заполнили собой всю центральную фокусную точку моего мира.

Он доликает мне в стакан сока – взгляд. Прикуривает сигарету – взгляд. Слушает мой сбивчивый ответ на вопрос, который я ни услышать, ни осознать не успела, – взгляд. Закрой я глаза – и там опять же останется все тот же изучающий обманчиво-ровный взгляд: прилипший ко мне, проникший внутрь, туда, откуда уже не вытравить.

Странно привычной сделалась чужая кухня и даже незнакомый Нордейл за окном. Где-то очень далеко, на другом Уровне, все равно что в другом мире, осталась старая жизнь – убогая каморка, помятая от долгого сидения кровать с пропитавшимся страхом покрывалом... Где-то там, в шкафу, на темной полке среди вещей покоился нож, а рядом с ним – подоткнутая под старые джинсы тугая пачка выданных на выживание денег. Но все это – обозримое будущее, готовое нагряться через шесть дней, а пока... Пока – мнимый покой и бурлящая от непонятого предвкушения кровь.

Как именно? Когда? И что послужит первым шагом, невидимым сигналом к действию?

К этому времени Дэлл уже успел повторно осмотреть мои ладони и порез на груди; спасибо, не стал в этот раз просить снять кружевной бюстгальтер: все чинно, деловито, почти без интереса. Почти. И теперь, допив виски, он сидел за кухонным столом и крутил в руках оранжевый апельсин, взятый из керамической вазы в центре стола. Кожура легко поддавалась сильным пальцам. Сначала отслоилась там, где остался на коже пупок от стебелька, некогда соединявшего плод с деревом, потом оголились и бока – по кухне расплылся терпкий цитрусовый аромат. Когда Дэлл начал делить фрукт на дольки, я незаметно поморщилась и отвернулась.

– Хочешь?

– Нет.

Ответила слишком поспешно. Он заметил.

– Ты не любишь апельсины?

– Нет.

Соскользнуть бы с темы...

– По вкусу не нравятся?

– Раньше нравились.

– А теперь?

Прицепился... Почему мы говорим об апельсинах? Какая разница – раньше, сейчас? Зачем эта вдумчивость и вкрадчивость?

– А теперь нет.

– Почему?

Солгать? Увильнуть? Или ответить правду? Для него – обычный разговор, для меня – холодная мерзкая лужа, в которую не хочется наступать. Уж лучше правду. С такими, как Дэлл, всегда лучше правду, иначе потом будет хуже...

– Тот торт был украшен апельсинами. С тех пор и не люблю.

Всё. Выдала. Добавлять ничего не стала – и так всё ясно. Избавилась от тайны и от дальнейших назойливых расспросов.

Резкий аромат дразнил ноздри, вызывая рвотные спазмы памяти. Перед глазами всплыли оранжевые дольки, залитые желе: они выглядели такими блестящими, гладкими, аппетитными. Несколько секунд я любовалась ими, предвкушая скорое пиршество для вкусовых рецепторов, пока кремовая конструкция не разлетелась ошметками по всему офису. Обидно. Сколько раз страдали мои бедные ладони? В тот день тяга к цитрусовым потерялась полностью, как отрубил. Отличный день рождения, полный сюрпризов.

Задумавшись, я не заметила, как Дэлл поднялся из-за стола, прихватил с собой тарелку и подошел ко мне. Ровно попросил:

– Сядь на стол. И раздвинь ноги.

– Что?!

Я почти поперхнулась от неожиданности.

– Просто сделай, что я сказал.

– Сесть куда? Прямо на кухонный стол?!

– Да.

Сумасшедший? Зачем просить о таких вещах? Еще и ноги раздвинуть?!.. Дэлл смотрел в мои круглые как блюдца глаза предельно спокойно, словно питон, не распознающий слова, ориентирующийся лишь по жестам, мимике и исходящей от жертвы ауре. Какое-то время мы смотрели друг на друга под тихое жужжание холодильника и тиканье часов: я – подозрительно сощуриив глаза и с гулко бьющимся сердцем, он – ожидая действий.

Сглотнув, я неохотно подчинилась. Поднялась со стула и неуклюже, ощущая себя предельно странно, села на стол. Затем медленно, после длинной неловкой паузы раздвинула колени в стороны. Хорошо, что в джинсах.

– Шире.

Спрашивать «зачем» не имело смысла: не ответит.

Апельсиновый дух, исходящий от тарелки, сделался почти невыносимым. Стол скрипнул. Мои колени разошлись в стороны, и я тут же ощутила себя голой, незащитной и уязвимой. К чему эти странные просьбы, звучащие как мягкие приказы? Какой смысл в сидении одетой на кухонном столе и...

Додумать не получилось: Дэлл одной рукой отодвинул стул и шагнул прямо ко мне. Подошел вплотную, настолько близко, что еще несколько сантиметров – и его бедра прижались бы к моим. Практически устроился

между ног. В полном смятении я смотрела, как он неторопливо взял с тарелки ломтик апельсина и поднес к моему рту.

– Съешь.

Сердце стучало галопом; роем вспугнутых ос заметались мысли. Я помотала головой.

– Так надо. Съешь.

– Не хочу.

Едва удержалась, чтобы не отодвинуться, не заползти с ногами на стол.

– Пожалуйста.

И снова это слово, произнесенное магически мягким голосом, и обволакивающий взгляд. Я перевела взгляд на кусочек фрукта, застывший вблизи от моих губ, на секунду закрыла глаза (зачем я подчиняюсь!), выдохнула и нехотя открыла рот. На язык легла покрытая тонкой кожицей цитрусовая мякоть. Сдерживая дрожь, я жевала ее медленно, стараясь не думать, зачем делаю это.

Зачем позволяю делать с собой это.

Апельсиновый вкус вызвал ворох ненужных воспоминаний – болезненных, неприятных. Куски крема на руках и боль... хохот коллег.

Забыть. Не помнить! Дожевать и сглотнуть!

Всё. Я сделала это. Противно, но пережить можно. Не рассыпалась. Вот только... зачем?

– Молодец.

Теперь Дэлл смотрел тепло, почти ласково, как на дикого звереныша, который наконец-то начал одомашниваться. А затем наклонился – я не успела даже отреагировать – и поцеловал. Секунда, резкий стук собственного сердца, и его губы накрыли мои. Большой палец мягко надавил на подбородок, заставляя мой рот приоткрыться, и дыхание Дэлла смешалось с моим. Нежно, сладко, будто награждая за послушание. В тот момент, когда его язык проник внутрь, я забыла и об апельсинах, и о торте, и о неприятных воспоминаниях. Остался лишь жар его кожи и нежность губ. Голова поплыла... Горячий торс, крепкая мужская шея, короткий ежик волос на затылке. Неужели моя рука уже зарылась в них?..

Когда Дэлл прервал поцелуй, я едва не застонала. Сдержалась, только прикусила губу, сожалея, что ее лишили тепла прикосновений.

– А теперь еще раз...

Голос прозвучал хрипло, хитро блеснули в полумраке глаза. Очередная апельсиновая долька оказалась у губ.

– Что ты делаешь?.. Дэлл, зачем?

– Не спрашивай. Делай.

Он вновь нежно надавил на подбородок, положил дольку на мой язык, дождался, пока прожую, а затем снова поцеловал. Я не успевала опомниться. На этот раз поцелуй – более страстный, более мужской, более требовательный. Но все еще ласкающий, скручивающий мучительно нежные спирали в животе.

– И еще одну.

Я сжевала следующую с такой скоростью, будто от этого зависела моя жизнь. Плевать, сколько будет апельсинов, лишь бы поцелуи не прерывались, лишь бы жар все усиливался, лишь бы не разрывалась в конце эта связь... Я царапала его плечи, таяла от крепости спины под пальцами, зарывалась ими в волосы... Апельсин... и снова его язык, снова мужские губы, твердые бедра, вдавленные в промежность. Еще апельсин, и еще больше страсти – испить, почувствовать его язык внутри, легко прикусить за губу, прижаться к широкой груди, обвить за шею...

– Вот видишь?

Поцелуй вновь оборвался. И сразу стало холодно. Почти болезненно одиноко. Все мое существо тянулось навстречу, не желая разъединиться с ним.

– Что?

Дыхание никак не удавалось выровнять. Горел подбородок, натертый о жесткую щетину.

– Ты всё съела.

Он знал, что я хотела большего, что мне вовсе не до того, съела я всё или нет, и улыбался. Подушечка большого пальца нежно провела по нижней губе.

– Это называется подмена ассоциаций, Мег. Теперь, глядя на апельсины, ты будешь думать о другом.

Я уставилась на пустую тарелку, словно голодный пес. Неужели они правда закончились? А поцеловать еще?.. Неужели всё? Только не всё! Нет! Неужели это была только игра – восстанавливающий психологический тренинг? Впору было заскулить: низ живота пульсировал от прилившей крови, меж моих бедер все еще находились мужские, хотелось следовать за ласкающим губы пальцем хоть на край света...

Как сказать, что я хочу еще? Дальше... больше... глубже, хочу всего! До конца!

– Это всё? Только урок? Мы... мы... не продолжим?

– А ты бы хотела продолжить?

– Да. – (Зачем признаюсь? Унижаюсь... выпрашиваю...) Но не сдержалась и добавила: – Очень...

Вновь почти рабыня, вымаливающая у господина толику ласки.

Серо-голубые глаза напротив плавил жаром, плавил так, что налитый возбуждением воздух почти потрескивал. Казалось, несколько секунд Дэлл боролся с дьяволом внутри себя. Затем прикрыл глаза и прошептал:

– Ты ведь пожалеешь об этом...

В груди на секунду кольнуло, но боль тут же скрылась, оставив после себя тягучий растворяющийся след.

– Да, возможно. Но не сегодня.

И когда глаза напротив распахнулись, я поняла, что в этот вечер Дэлл уже не остановится.

Казалось, дальше существовало две Меган: та, что, прижатая к стене, царапала мужскую спину в порыве страсти и захлебывалась в эмоциях, и другая – неосязаемая оболочка-разум, парившая отдельно, что наблюдала за происходящим с нежной грустью в глазах. Это не шах и не мат, нет, только начало, но уже ничто не станет таким, как прежде.

Весь мир стал Дэллом – его жадными до поцелуев губами, его жесткими и нежными руками, его глазами, будто подернутыми дымкой безумия, прорвавшегося на поверхность желания. Будто гейзер, настойчиво бурливший в глубине, прорубился наконец через скалы и нашел выход наружу – вырвался на волю с шипением и брызгами.

Одежда отлетала в стороны, как ненужный лишний элемент между телами. Руки искали доступ к каждому сантиметру горячей обнаженной кожи, а взгляды – к сердцу. Хочу в тебя... Глубже... Внутрь, в душу, насовсем...

Зубы покусывали шею, клеймили, с неслышным рыком впивались в иллюзорный загривок, пальцы сминали волосы, сжимали, тянули, заставляли склониться в подчинении, уступить сладкому натиску, признать поражение и тем самым обрести большее...

Разум-оболочка наблюдала за мужчиной, перенесшим женщину – нежную, сделавшуюся похотливой, растаявшую под ласками, – от стены на кровать. Наблюдала за тем, как тот нетерпеливо расстегнул молнию на джинсах, лег сверху, какое-то время просто держал ее в объятьях, стараясь не нырнуть в омут с горы, как все же не выдержал и со стоном погрузился туда, куда, сам того не зная, мечтал попасть... Нет, не в сочащееся соками тело – в душу. В разум, в мысли, в чувства...

Вздروгнули, дернулись, как у жертвы, пойманной в капкан, стройные ноги, раздался стон, и полуобнаженные мужские ягодицы со сползшими джинсами задвигались ритмично и глубоко: то застывая, пока тело

пропускало через себя чувство обладания, то вновь бетонной сваей опускаясь на завоеванную женщину...

Ткань простыни трещала под судорожно сжимающимися пальцами, стоны ловились губами, нежно терлись друг о друга щеки – одна небритая, другая мягкая, почти шелковая. Толчок, удар, наполнение, нежность и обреченность в глазах, прижатые к матрасу запястья и ощущение свершающегося факта...

Подрагивала стоящая у кровати тумба, а по ней медленно, будто пытаясь ретироваться от смущающего откровенного зрелища, шаг за шагом скользил назад будильник.

Стал ли Дэлл моим?

На какой-то момент он стал моим больше, чем чьим-либо еще, и пока этого было достаточно. Восьмой час утра, белесый свет, пробивающийся сквозь шторы спальни, тяжелая мужская рука на обнаженном животе и глубокое, размеренное дыхание у самого уха, шевелящее спутавшиеся от пота волоски. Явь, сделавшаяся сказкой.

Вспомнилась гладкая стена, холодившая спину и зад накануне вечером, и натиск горячего тела, ладони, сжимающие лицо, и жадные ищущие губы. А потом – ощущение наполненности... как хорошо, до идиотизма хорошо, когда он внутри...

Я закрыла глаза.

Сегодня будильник не зазвонит – его никто не заводил.

Не нужно на работу, к Тони, не нужно торопиться в Солар. Как странно, но как хорошо. Пусть будет завтрак без спешки, запах кофе, новые разговоры, ощущение тепла, а следом и новый день.

А пока – теплая рука, покрытая светлыми волосками, которую можно погладить, осторожно коснуться, провести сверху вниз...

И он не проснется. Потому что он устал.

Глава 10

Как прошли следующие пять дней?

Как в дымке, в наркотическом тумане, в постоянной эйфории, со знанием, что тропка, по которой ступает нога, находится очень высоко, а рядом – глубокий, смертельно опасный, бездонный провал. Но если смотреть только вперед, то можно на какой-то момент забыть о страхе, не помнить, что соскользнуть – легко, убедить себя в полете, в ощущении крыльев за спиной. Мир для меня! Для нас! И к черту мысли...

Пять дней... Долгие и короткие, состоящие из звонков, его приездов – иногда ожидаемых, иногда застающих врасплох, – из мягких поцелуев в полумраке салона, из слов: «Как ты, девочка? Ждала?» О да... всегда ждала. Находясь в Соларе, мурчала, тщательно накладывая макияж и подбирая одежду, порхала по полутемной каморке, не замечая полумрака, словно та была ярко освещенной гримерной актрисы, нежно любимой и лелеемой одним-единственным зрителем. Хватала телефон, стоило тому ожить, с такой скоростью, что трещал пластиковый корпус...

В эти дни я была Женщиной. Настоящей, прекрасной, мудрой и немного дурной от переизбытка гормонов и счастья в крови. Секс – иногда долгий и трепетный, а иногда дикий, почти животный – настигал нас везде, словно аркан для двоих: в его доме, в машине, даже раз – в гараже... Иногда в прихожей или на кухне, в коридорах, на ковре, устилающем пол, перед телевизором. Но помимо секса было и другое: нежность поцелуев, таящая больше, нежели обычная людская страсть, глубокие взгляды, мягкие полуулыбки, моменты задумчивости, тишина, наполненная двумя.

И никогда мы не говорили о будущем.

Ни слова, ни полслова, ни даже намека на зарождение темы. Хотя каждый из нас помнил...

Солар и Нордейл будто проложили временный мост через барьер Уровней, помирились, подписали договор об отмене границ для того, чтобы маленькая наивная Меган могла быть в любой момент украдена молчаливым Дэллом, чей загадочный взгляд часто прятался под полуопущенными веками.

Мы вместе обедали и ужинали: иногда выбирались в соседнюю кофейню, где готовили артианские десерты, иногда в пиццерию или ресторанчик, расположившийся на углу Сорок Второй и Хайлейн-драйв. Названия улиц постепенно становились знакомыми, привычными,

своими...

Два раза по вечерам, закончив работу, Дэлл разрешал мне спуститься в лабораторию, где учил отличать химикаты на вид и по запаху, показывал, как мастерить простые, но эффективные ловушки из подручных средств, рассказывал о поведении взрывчатых веществ в различных условиях... В такие моменты, когда его голос звучал сдержанно, а глаза становились серьезными, мой живот сводило от желания, а сердце – от нежности. Хотелось шагнуть вперед, коснуться, перебить монолог, согреться мужскими руками в прохладе полуподвала и сказать так много... много того, чего не стоило говорить. И невысказанные слова пузатыми рыбами плавали внутри и смотрели своими выпуклыми глазами сквозь аквариум тела на того, кому были предназначены, но до кого не могли дотянуться.

А когда желание поделиться чувствами становилось настолько безудержным, что сводило пальцы на руках, я из последних сил сжимала зубы и заставляла себя молчать, несмотря на сладкую боль в сердце.

Время покажет. Время всё покажет...

И быть может, он останется.

Надежда продолжала пробиваться солнечным лучом сквозь засыпанный камнями вход в грот сомнений.

В полумраке моей комнаты, так часто пустующей в последнее время, рядом с подушкой лежало ярко-желтое плюшевое солнце, выигранное им на ярмарке, но, возвращаясь домой, я никогда не касалась его, отворачивалась от улыбающегося в пустоту лица. Боялась прижаться и допустить внутрь отчаяние.

А что, если не останется?

Не сейчас, еще слишком рано.

Я уходила из квартиры, а плюшевое солнце оставалось неподвижно лежать рядом с подушкой.

Шефу я больше не звонила, а он не звонил мне. Дэлл оказался прав: единственного похода к офису хватило понять, что контора с тех пор больше не открывалась. Слепо отражали небо наглухо закрытые окна, тихо спали внутри телефоны, факсовый аппарат, принтер и компьютеры на столах. Все так же валялись рядом кипы бумаг.

Что же случилось с Тони и остальными? Не мое дело... Я завязала вовремя.

Пачка денег – одно ее наличие в шкафу на полке давало мнимую иллюзию свободы и беззаботности. Меня поили, кормили, нежили, заботились; да, пусть молча и без обсуждения будущего, но делали это с душой. И ласковые действия показывали больше слов. Против воли росла

все та же пресловутая надежда.

Не хочу уходить... Этот мужчина... Хочу готовить для него завтраки, встречать с работы, хочу улавливать тончайшие оттенки настроения, расстилать для него постель. Хочу жить в этом доме и в этом городе – уютном, несмотря на осень, ставшем родным. Хочу-хочу-хочу!

Но как?..

Ответы пока не приходили. Но все еще оставались теплые пальцы, глубокий взгляд серо-голубых глаз, затаившиеся морщинки раздумий в уголках рта и многозначительная тишина, в которой притаились угрожающее «нет» и шаткое «да».

* * *

Так продолжалось до субботы.

Шел тринадцатый день с момента подписания злосчастного договора. Издыхала временная линейка, отмечающая окончание двух недель; горящий фитиль все ближе подбирался к бомбе, и волны отчаяния начали яростно крушить шаткий островок моего мнимого счастья.

Силы, которых раньше хватало на то, чтобы держать хрупкий каркас душевного спокойствия, вдруг иссякли, и стеклянный купол защитного шарика, ограждающий от бури, треснул, промялся.

Предпоследний завтрак на кухне... Казалось бы, еще не последний, но волосы уже дыбом, и куски застревают в горле. Предпоследняя прогулка по Нордейлу: мои судорожные, ищущие помощи и ответов взгляды на лица прохожих – что делать, как быть? Как остаться здесь, в городе, что полюбился больше, чем проклятый Солар? Проштампуйте мне запястье, вставьте чип в сердце, распишитесь хоть на лбу, но только оставьте жить здесь! Только не назад...

Уже завтра.

Тучи над городом заволокли небо, и пейзаж стал напоминать картину-драму: высотные дома из стекла и войлочные неровные серо-синие разводы поверх крыш. С деревьев летела листва; ковер под ногами становился все толще, скрадывая стук спилек высоких полуботинок, благосклонно выданных мне во временное пользование Саймоном.

Уже завтра надевать их станет незачем и не для кого...

Дэлл шел рядом.

Повернулся, внимательно посмотрел на меня, остановился. Порыв ветра растрепал его волосы и поднял ворот куртки, как бригантинный флаг.

– Ты голодна?

А в глазах тепло, забота и что-то еще... притаившийся огонек близкой свободы?

Хотела ответить, но почему-то не смогла. Лишь забились в голове мысли: «Голодна... До тебя, до этого места, до спокойной размеренной жизни в любви, в твоём доме. Не уходи... Не уходи, слышишь?!»

Стенка шарика промялась сильнее.

– Поцелуй меня... – вдруг хрипло выдохнула совсем не то, что намеревалась.

И он подошел, мягко провел по щеке подушечкой пальца и поцеловал. Так знакомо, сладко, волнующе, что хотелось зарыдать. Зарыдать и начать колотить кулаками по его спине, царапать и рвать куртку, топтать ногами по шуршащим осенним листьям и орать в голос. Орать, как последняя истеричка, как психопат, как больной в период припадка, как отчаявшийся человек, не готовый потерять самое дорогое... И плевать, что это зрелище вызвало бы жалость на лицах у прохожих, плевать... Потому что, когда так больно, уже на все плевать.

Соберись, Меган, соберись, девочка... Ты должна...

Отстранилась первая, выдохнула. Пересилила минутную слабость и заставила себя улыбнуться, выстроив стену в глазах.

– Да, пойдём, пообедаем.

– Куда?

– Не знаю... Выберем что-нибудь новое.

Взяла его под руку, коснулась черной кожи куртки, и мы зашагали вперед.

* * *

Часов в шесть вечера Дэлл ненадолго оставил меня одну – позвонили с работы, – и какое-то время я стояла в его кабинете, слепо глядя на стену, увешанную пистолетами. В центре коллекции все так же зияло свободное место – два зажима-держателя и табличка снизу «Brandt ХТ-5». Матово отражал оконный свет погашенный монитор, рядом лежала черная ручка с эмблемой какого-то ресторана.

Кожаное кресло, ворсистый бежевый ковер на полу, длинный стол у стены...

Зачем я здесь? Некстати всплыли в мозгу когда-то прочитанные строчки:

*Неужели последняя ночь в этом месте?
Утро. В путь. Но за что?
Кто решил – ты, я? Кто?
Мне скажи, мы с тобою теперь... отдельно иль вместе?*

Плотные шторы пропускали в комнату сереющий свет уходящего дня. Потерянная во времени и в собственной жизни – зачем я стою здесь, смотрю на чужие вещи? Тишина дома давила, наполненная тиканьем несуществующих часов. Медленно, стараясь не дышать, я развернулась и вышла из кабинета. Постояла в коридоре (как все знакомо), затем сделала несколько шагов и вошла в спальню.

Посмотрела на тумбу у стены, два светильника, электронный будильник. Перевела взгляд на кровать и едва не согнулась от боли. Безмолвно и бесшумно, будто кто-то перекрыл приток воздуха к легким, опустила вдоль косяка на пол и закрыла глаза.

* * *

Шеф в этот день пребывал в странном настроении – напряженном и задумчивом. Жевал губы, часто умолкал. Прямая спина, серебристая форма и тишина невпопад.

Группу распустили быстро, а Мак шепнул на ухо что-то про «вторженца извне», о котором Дэлл толком ничего не понял. Переспрашивать времени не было, Чейзера отвлек вопросом Аарон Канн – стратег-тактик отряда; Дэлл не стал ждать, просто вышел на улицу, какое-то время постоял на крыльце, вдыхая вечерний воздух, наполненный тяжелым и прощальным запахом прелых листьев, и зашагал к «Неофару».

Сел внутрь, завел машину, какое-то время смотрел перед собой, неспособный ухватить, о чем, собственно, думает. Через секунду тряхнул головой, снялся с нейтральной передачи и вывел машину на прилегающую к главному офису Комиссии улицу.

Вечерело.

Серое небо над головой; легкий ветерок, треплющий ветки пожелтевших деревьев. Обычный вечер: прохожие, машины, знакомые дома вокруг, светофор в конце улицы.

И тревожно на душе.

Не одна она все это время старалась не думать. Дэлл тоже старался.

Привык, расслабился, на какое-то время потонул в размеренном ходе вечеров, в отсутствии проблем и мыслей. Меган скользнула в жизнь незаметно и осторожно, словно пугливая лиса, старающаяся не потревожить деревянный дом хозяев, и тенью схоронилась под лавочкой – тихая, приветливая и неприметная. Слившаяся с миром. Его миром.

А завтра истекают четырнадцать дней. Хороших по-своему дней, и нож будет отдан.

Свобода.

Привычной радости не последовало. Лишь вновь колыхнулись в душе тревога и непонятная тяжесть.

На перекрестке Дэлл притормозил машину. Дожидаясь зеленого сигнала, задумчиво рассматривал стоящий впереди темно-красный седан с наклейкой «Выпьем сегодня вечером?» на заднем стекле и болтающейся под самым потолком игрушкой-присоской в виде вихрастого гномика.

Он не останется. Уйдет, заберет нож. Осторожно поднимет дрожащую лису на руки и покажет, где дверь. Все, обратно в лес...

Свобода должна стать свободой, освобождением. Слишком много лет рабства, жизни в принуждении, в пытках, чтобы вот так запросто променять ее на другую клетку, пусть и менее тесную. И более желанную. Спокойную, уютную.

Как же тяжело выбирать. И что-то решать иногда совсем не хочется.

Дэлл вздохнул.

Машина впереди тронулась – лохматый гном с улыбающейся рожей закачался из стороны в сторону. Поплыли по сторонам дома, зашуршали шины. Бездумно прокручивала в который раз одну и ту же строчку магнитола, поставленная в режим ожидания.

Казалось, в том же режиме находился и Дэлл, застывший в этом бесконечном вечере тринадцатого дня навсегда. Хотел поехать домой, но, повинувшись внезапному порыву, остановился у одного из магазинов на широком проспекте.

Ярко горела в подступающих сумерках бело-оранжевая вывеска «Telia-Nord».

Внутри оказалось тепло, почти душно.

– Хотите посмотреть на новые модели? Какой стиль – бизнес, классика, хай-энд? Поступили только вчера... – вопрошал уверенный молодой парень-продавец, одетый в обтягивающую майку с логотипом.

– Мне не для себя. Для женщины...

– О. – Продавец удивления не выказал, хотя взгляд его привычно скользнул по правой руке и безмянному пальцу без кольца. Дэлл

поморщился. – Вот здесь... Стенд у стены. Выставлены самые красивые, на любой вкус. Белые, розовые, в стразах, в золоте.

Дэлл едва удержался от того, чтобы поморщиться еще раз. В этой части магазина, глядя в наглые глаза продавца, а затем и на стойку с разноцветными чехлами, разукрашенными цветами и сердечками, он чувствовал себя неуютно.

– Что-нибудь хорошее по функционалу, но не броское. Не надо розового.

– Конечно, понял вас. Какой суммой располагаете? Возможен кредит...

– Не нужно кредитов. Сумма любая.

Парень деловито кивнул и достал из кармана маленький ключ от прозрачной стенки. Открыл замок-защелку, привычно распахнул дверцу.

– Давайте посмотрим...

Пятнадцать минут спустя «Неофар» притормозил у другого магазина. На пассажирском сиденье лежал свернутый пакет с небольшой коробкой внутри.

Как объяснять? Зачем? Откуп?

Нет, не откуп.

Хорошая вещь нужна в хозяйстве, сама Меган не разорится.

Мигнули впереди задние стоп-сигналы – с парковки начал сдавать назад белоснежный автомобиль, дорогой, чистый, переливающийся под огнями вывесок. Сдал и едва не уткнулся багажником в бампер застывшей позади машины. Водитель – мужчина средних лет в очках – бросил короткий высокомерный взгляд на «Неофар» и вывернул на дорогу. Парковочное место освободилось.

Очень вовремя.

Зачем спесь, вдруг подумалось Дэллу, когда одно нажатие на курок за секунду сменяет любое выражение лица на предсмертную маску, а мягкое нажатие на кнопку может привести в работу детонатор, и самая дорогая машина взлетит на воздух, превратившись в уродливую грудку металла?

Он проводил взглядом дорогое авто и его водителя. А через секунду забыл о них.

Лился из окон магазина теплый желтый свет, падал на тротуар, смягчая серость, делая ее уютной. Внутри разглядывали товар покупатели.

Дэлл вышел из машины, нащупал в кармане брелок от ключей и нажал блокировку. Затем толкнул стеклянную дверь с золотистой надписью «Выпечка О'Равелли» и вошел внутрь. Закачались под потолком, издавая музыкальный перезвон, стальные трубки.

Тортов было много. Белые, воздушные, кремовые, фруктовые,

покрытые тяжелой глазурью и орехами, с шоколадным декором поверх шапок.

Какой же взять?

Взгляд упал на апельсиновый. Дэлл задумался: внутреннее чутье подсказало, что не стоит. Пока хватит цитрусовых. Хотелось отступления, шага вбок. Пусть этим вечером ее улыбающиеся губы будут другими на вкус... может быть, вишневыми? Или, когда он коснется их вновь, сохранят сладость амаретто? Или нежный ореховый привкус?

Обслужив других покупателей, мистер Равелли терпеливо ждал, пока высокий мужчина с серьезными глазами, стоящий по ту сторону прилавка, определится с заказом, а когда услышал слова «Клубничный чизкейк», довольно улыбнулся.

Хороший вкус. Отменный свежий чизкейк – выбор, достойный лучших. Десерт на все случаи жизни.

Магазин-кондитерскую Дэлл покинул, держа в руках объемную коробку, перевязанную золотистой лентой, и промасленный пакет пончиков, выданных улыбчивым хозяином в подарок.

Вновь звякнули под потолком, прощаясь, трубки.

* * *

Кажется, в этот вечер я накинулась на Дэлла, стоило тому переступить порог собственного дома. Нет, не накинулась – всего лишь шагнула навстречу, чтобы встретиться поцелуем, чтобы показать, как сильно скучала, ждала, еще раз дотронуться до любимых, пахнущих осенним воздухом губ. Но этот поцелуй почему-то не прервался, и из легкого «скучала» он превратился в «Хочу. Сильно. Прямо сейчас» и мужской ответ «Иди ко мне...».

Прошуршала картонным дном отодвинутая ногой коробка. Рядом с ней упал на пол пакет; соскользнула с широких плеч кожаная куртка.

Где мы любили друг друга? На чем? Что это за комната, в которой золотистые обои и то и дело попадает в поле зрения затуманенных глаз часть камина? И почему так быстро, словно солнце тянут за веревочку вниз, растворяется меж занавесками закатный свет?

Сильная шея под пальцами – горячая, напряженная, влажная. И слипшийся от пота на затылке ежик коротких русо-пепельных волос...

А после был чизкейк.

И несмотря на то что зыбкие, уползающие на дно невидимого пруда, оставшиеся часы вместе тоже были, хотелось, чтобы их не было. И чтобы кошмар, принявший четкие очертания в голове, уже воплотился в жизнь, только бы не ждать его наступления. Так молчаливым затравленным взором неизлечимо больной человек просит, умоляет врача о пощаде – об отключении системы искусственного поддержания жизни: «Не тяни. Дай умереть быстро... не открыть глаза навстречу новому дню, которому порадуетса кто-то другой».

Пузатыми сочными боками блестели укутанные в крем глянцевые ягоды.

Съешь меня, порадуйся! Вкусно? Зацени, вкусно ведь?

Наверное. Только вкуса я не чувствовала.

Дэлл заваривал новую порцию чая; звякнула в его руках крышка синего керамического чайника. Заварку ошпарила равномерно журчащая струя кипятка.

Вокруг разливалась псевдо-мирная тишина; каждый из нас опасался неверно сказанного слова, способного отрикошетить по кривой, а оттого мы молчали, залипая всё в той же сахарной вате тишины.

Отменный чизкейк – сочный, мягкий, сделанный кондитером с душой. Наверняка баснословно дорогой.

В голове беспрестанно рождались и умирали десятки неозвученных диалогов, один неприятнее другого.

– Дэлл, я ведь смогу связаться с тобой? Когда ты уйдешь...

«У тебя останется мой номер, – ответит вместо слов его хмурый взгляд, – но ведь ты понимаешь, что права звонить по нему у тебя нет... Ты же понимаешь? Внутри...»

– А... может... ты все-таки думал насчет того, чтобы остаться?

– Остаться? – теперь уже не взгляд. Слова. – Я для того столько лет терпел рабство, чтобы вот так остаться?

И укор в глазах. Искреннее непонимание нездорового женского эгоизма.

«Нет, он так не скажет... ни за что не сказал бы... наверное».

Минуты текли медленно, и желанного облегчения не наступало. Казалось бы, веселись, наслаждайся, выпитывай уходящее мгновение, ведь оно не вернется, – вот только силы иссякли. Их хватило ровно на то, чтобы допить вторую чашку чая, расколупать лежащий на тарелке десерт и надеть на лицо плохо скроенную маску благодарного засидевшегося гостя. Которая, впрочем, никого не обманула.

Одного его проницательного взгляда хватило, чтобы мне захотелось

пулей вылететь из кухни и скрючиться где-нибудь в углу за шторами, но пришлось вынести, вытерпеть глубокий подкожный скан серо-голубых глаз и не дрогнуть.

Слова прорвались наружу сами собой.

– Помоги...

– Что?

Он быстро подошел, встревоженно всмотрелся в мое лицо, нахмурился – между бровей залегла складка.

– В чем дело?

– Помоги мне уснуть этой ночью... – Таким голосом осужденный просит у палача последнюю сигарету. – Я боюсь, что не смогу...

Дэлл медленно выдохнул (с облегчением?), положил ладонь на мое плечо и слегка сжал – рука доктора на лбу прикрывшего от облегчения глаза пациента.

«Спасибо, док, что согласился отключить искусственную вентиляцию легких...»

Я проснулась в поту. Сердце билось где-то в горле, по телу волнами прокатывалась тошнота. Жарко, слишком жарко, какое же душное одеяло. В недрах памяти, словно оглушенные динамитом рыбы, плавали обрывки кошмара: бесконечные диалоги, слова прощания и непроходящая слабость в коленях.

Темнота вокруг. Я медленно повернула голову – 3:07 утра.

Да, я сумела заснуть, вот только сон обернулся фильмом ужасов, проецирующим на внутренний экран сознания кадры всего, что предстоит пережить утром: еще один завтрак, сборы домой, отсутствующее, ровное выражение лица Дэлла, короткое «пора»...

Он так и не произнес заветных слов, не сказал «останься».

И никогда не скажет.

А я, словно пес, выставленный на улицу, буду ждать, что дверь откроется, хозяин передумает и пустит внутрь бедную скотину, сжалится.

Кого я обманываю?!

Сил ждать наступления утра не осталось. Как прогнать мысли, как спать, когда трясет от напряжения, когда хочется убежать и спрятаться? Новые ласки и утешения не помогут – всё ложь. Ложь! То, что еще накануне мое сознание пыталось присвоить, пометить галочкой «мое», вдруг стало чужим, першащим в горле, инородным. Этот дом, этот мужчина, это место... Не мое. Не хочу!

Я резко села на постели; рядом зашевелились. По затылку тек пот.

– Меган?

*Уехать. Я хочу уехать домой. Но как? Такси на другой Уровень не закажешь, пешком не уйдешь. Не выйдешь ведь на дорогу, не поймаешь частника и не скажешь ему: «В Солар, пожалуйста». Да и денег нет...
Ловушка.*

– С тобой все в порядке?

Хриплый, полусонный мужской голос слева.

Я молчала. Сердце продолжало колотиться, сотрясая тело, широко распахнутые глаза смотрели сквозь тьму спальни.

– Поднимайся, – ровно, словно робот, выдавила я. – Вставай.

Рядом приподнялись на локте.

– Я хочу домой. Отвези меня.

– Сейчас?

– Да, сейчас.

Зажегся торшер. Смотреть на Дэлла сил не было; я слышала, как он повернулся, чтобы посмотреть на часы.

– Меган, три утра, что с тобой?

Ничего. Все хорошо.

Слова из горла не шли.

Секундная тишина, затем снова его голос:

– Малыш, это нервы. Все будет в порядке... – *В порядке?! О каком порядке он говорит?! – Ложись...*

– Я сказала, вставай! – проревела я. – Мы едем в Солар!

Не выдержала, метнула на него короткий взгляд, в котором, по-видимому, отразилось безумие. Несколько секунд Дэлл хмуро взирал на меня, затем убрал одеяло, сел. В серо-голубых глазах плескались тревога и решимость уладить возникшую ситуацию «мирным путем».

– Мег... давай спустимся вниз...

– Одевайся.

– ...Поговорим...

Я сжала зубы.

– ...Я плесну тебе коньяка...

– Ты слышал, что я сказала?

– Какая необходимость ехать домой в три ночи?

Тебе не понять.

А мне что, уговаривать, выпрашивать, два часа объяснять, а потом еще столько же препираться? Злость взметнулась вверх бравым фонтаном. Это не ему уходить с утра, не ему, понутив голову и поджав хвост, мириться с положением проигравшего. Он сидит на кровати и в ус не дует, потому что

ему не снятся кошмары. Только я из нас двоих проклята.

– Двигайся, – отрезала я.

Мышцы на его шее напряглись, глаза прищурились.

Ах да, мужчинами не командуют. Настоящие мужчины не любят приказов...

– Не вижу действий, Дэлл.

Я поднялась с постели и принялась методично, с решимостью камикадзе, натягивать на себя одежду.

– Какая оса тебя укусила, Мег, и что за тон? – донеслось сзади.

Вывернутая наизнанку водолазка застыла в моих руках.

Тон не понравился?

– Ты все еще раб, не забыл? – обернулась и произнесла я тихо, едва сдерживая ярость. – Это приказ. Мы едем домой.

Его голова дернулась – почти неуловимо и незаметно, – губы сжались, а взгляд застыл. Несколько секунд Дэлл сидел без движения и смотрел в сторону, затем резко поднялся и принялся порывисто натягивать джинсы.

Плыл за окнами спящий Нордейл: темные дома, пустынные улицы. Я старалась на них не смотреть, не видеть. Сама нашла в бардачке повязку и послушно натянула на глаза, как только машина вышла на трассу.

Пусть не случится сегодняшнего утра, пусть все закончится как можно скорее, сейчас. Этот ставший привычным салон дорогого авто, знакомый запах обивки, руки на руле...

Терпи, Мег, еще час, не больше, и все закончится: выскользнет из носа больного пластиковая трубка, закончится кислород, и перестанут хрипеть легкие, успокоившись. Мертвые не плачут, плачут только живые. А умирать надо быстро, по крайней мере, надо иметь силы умирать быстро, а не растягивать часы дополнительных мучений, надеясь на то, чего никогда не произойдет.

Дэлл молчал. Больше не пытался вразумлять, останавливать или препятствовать. Сделался холодным, замкнутым рабом, исполняющим приказ. Все закончилось тем, с чего начиналось.

Пусть так...

Через долгих тридцать минут напряженного молчания мощные фары высветили бетонную стену, за которой притаилась лестница, ведущая в полуподвал. Бросив «жди здесь» и не глядя на водителя, я вышла из машины. Вышла и почти сразу же продрогла. Ночь выдалась не осеннему холодной. Тихо хрустнула под каблуком галька, сверкнул в отдалении осколок стекла, валяющийся в пыли.

Так, ключи, дверь, замок, теперь закрыть... шкаф, завернутый в одежду нож... Вот он. Какое-то время я смотрела на зажатый в руке предмет, словно в транс. Широкое лезвие, порезавшее палец той ночью в кювете.

Зачем я нашла тебя? Зачем?

Но... не время для мыслей. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я зашагала к двери.

Он не стал ждать внутри, курил возле машины, присев на капот. На мое приближение отреагировал хмурым, почти волчьим взглядом, словно приготовился к чему-то плохому.

Не стоит, это не больно. Ты вообще по сценарию прыгать должен. От радости...

– Всё, Дэлл. Попрощаемся.

Не стала ходить вокруг да около – незачем. Из рта вырывались облачка пара, руки тряслись от холода.

Мужчина напротив меня застыл, замер, и выражение его лица не сулило ничего хорошего. Вот только мне было не до слов.

– Молчи. Не хочу долгих прощаний и красивой лжи напоследок. – Какое-то время я смотрела на тлеющий кончик его сигареты, чувствуя приближение конца. Поезд давно сошел с горы и теперь в замедленном действии приближался ко дну оврага. Глубоко вдохнула обжогший холодом воздух. Кое-как заставила себя продолжить: – Сейчас ты возьмешь нож и уедешь. Как там, ты говорил, должны звучать слова?

Его руки тоже дрожат, или кажется? Я грустно усмехнулась.

– Я отдаю его тебе по доброй воле, без принуждения. Все, ты больше не раб, ты свободен.

Да будет так во веки вечные, аминь, – всплыла из подсознания давно забытая фраза, смысл которой остался неясен.

Аккуратно разжала его пальцы и вложила в них рукоять. Принудительно сомкнула и чуть задержалась, убирая руку, позволила себе напоследок ощутить тепло его кожи. Те самые пальцы, что когда-то показывали мне, как мастерить бомбы...

Снова режешь хвост собаке по чуть-чуть.

– Мне было хорошо. Надеюсь, тебе тоже. Хоть иногда.

Дэлл медленно опустил голову и закрыл глаза, потер лоб, словно его накрыл приступ боли. Затем поднял лицо и посмотрел в сторону. Затянулся так глубоко, что истлело сразу полсигареты. А затем взглянул на меня.

И было в этом взгляде все: и горечь, и немой упрек (за что?), и

нежность, и покрытая привкусом горечи благодарность. И отражение тихого «прости», и миллионы вариантов, которые могли бы случиться, но не случились, потому что для того, чтобы идти по одной дороге, люди должны держаться за руки. А мы все боялись... боялись сблизиться слишком сильно.

Зря боялись.

А теперь поздно.

Меня колотило.

– Езжай. Пусть у тебя всё получится.

Он вздрогнул, разомкнул губы, и я моментально испугалась всего, что они могут исторгнуть. Прижала к ним палец и покачала головой, стараясь сдержать слезы. Улыбнулась. Пусть он видит мою любовь сейчас, когда ее так много, когда она льется через край, несмотря на боль.

– Молчи, милый. Не надо... – Долго смотрела в подернутые дымкой отчаяния глаза. – Слишком быстро, да? Пусть так... Пусть лучше так. У меня всё будет хорошо, ты не переживай. Я сменю работу, я обещала. А ты пообещай, что будешь счастлив, ладно? Кивни... Кивни!

Его лицо застыло, словно каменное. Голова не двигалась, лишь притаился во взгляде глубокий упрек, настолько тяжелый и болезненный, что хотелось за что-то попросить прощения. Неважно за что, лишь бы унять чувство раскаяния за все гипотетические ошибки прошлого и будущего.

– Кивни! – выкрикнула я хрипло, забыв о том, что на дворе глубокая ночь, и о том, что нож уже отдан, а значит, я не вправе приказывать.

И все же он кивнул. Медленно. И очень неохотно.

– Хорошо... – прошептала и отступила на шаг. – Всё, а теперь уезжай.

И развернулась, чтобы не видеть, как хлопнет дверца, как лягут на руль ладони, как «Неофар» навсегда покинет застывший в проклятой ночи двор.

* * *

Он остановил машину у перекрестка и какое-то время просто сидел, глядя на мигающий желтым светофор.

Равномерные вспышки и угасания. Пульс прекратившего биться сердца. Безмолвно застыл на пассажирском сиденье, прижавшись к спинке, тяжелый военный нож. Вспыхивали, отражая бледно-желтый пульс, цифры – телефонный номер над поверхностью. Никто по нему более не

позвонит...

Притих на углу магазинчик. Над светящимися дверьми застыла вывеска: «Островок».

Дэлл посмотрел на нее и не удержался – со всей силы ударил по рулю. Жалобно вскрикнул клаксон, встрепенулись спавшие на крыше голуби, заметались над проводами и антеннами. Отклонился, чтобы посмотреть в окно, заспанный продавец.

Мужчина в машине сжал зубы так, что заныли челюсти. Обхватил кожу руля пальцами, сдавил, смял, будто пытаюсь раскрошить, застонал, позволяя чувствам выйти наружу, затем медленно заставил себя расслабиться. Выдохнул, закрыл глаза. Так же медленно, как успокаивался в груди пульс, исчезали с его лица эмоции.

Секунда... Две... Три...

Непроницаемый взгляд, разгладившийся лоб, жесткая линия губ и выражение, которое нельзя прочитать.

Взвизгнули, словно ошпаренные, шины.

«Неофар», оставив после себя отпечатки протекторов на дороге и неуловимый запах бензина, растворился в предрассветных сумерках Солара.

Глава 11

Синий пикап миновал крайний подъезд и затормозил напротив невысокого бетонного парапета. Водитель – крупный бородатый мужчина – повернулся к пассажиру, чей высокий чистый лоб пересекла тонкая морщина. Саймон шумно втянул воздух, чихнул от скопившейся в кабине пыли и поморщился. Он мог бы отправить грузчика за вещами одного и не присутствовать лично, но по какой-то причине все же решил поехать.

– Здесь? – Бородач с интересом посмотрел на дом. Нечасто его работодатель посещал трущобы, подобные этой.

Послеполуденное солнце дробилось в пыльных окнах и приоткрытых форточках.

– Да. Пойдем со мной, нужно погрузить сумки.

Синхронно хлопнули дверцы; декоративные пряжки блеснули, когда молодой дизайнер стряхнул невидимые пылинки с рукава модной куртки.

На стук открыли сразу же – наверное, ждали.

Рыжие волосы, усталое лицо, темные круги под глазами.

– Эй, Мег! Привет-привет! Кофе не предлагать, уже пил!

– Привет, Симми, заходи.

Сумки, аккуратно упакованные и составленные в ряд, ждали у входа. Чистая комната встретила тишиной, лишь скрипнули за спиной дверные петли.

– Неважно выглядишь, подруга... У тебя всё в порядке?

Одетая в бесформенный свитер девушка лишь неопределенно махнула рукой – мол, не спрашивай.

– Вещи-то хоть пригодились?

– Конечно. Они были великолепны... Я всё упаковала. Носила аккуратно, ничего не испортила.

Какое-то время Саймон смотрел на хозяйку квартиры, чувствуя неясную тревогу. Потухший взгляд и полное отсутствие блеска в глазах, будто из них, как и из комнаты, вынесли всё лишнее, убрались на славу.

– Мег, оставь их себе, если хочешь.

– Не хочу. – Она грустно улыбнулась. – Прости.

Худые плечи дернулись, будто одна лишь мысль о хранении недавно носимых ею же вещей вызывала отвращение. Саймон хотел было пошутить, съязвить о том, что тряпки оказались недостаточно хороши даже для того, чтобы быть принятыми в дар, но почему-то промолчал,

сдержался, полагаясь на интуицию.

Сзади запыхтел, перетаптываясь на пороге, водитель:

– Уносить?

– Да, уноси. Мег, точно не хочешь что-нибудь оставить? Соседи обзавидуются!

Еще одна грустная улыбка из разряда «они уже и так обзавидовались, хватит».

– Не хочу.

– Ладно, понял. Грузи в машину, – бросил Саймон водителю и подвинулся в сторону, освободив тому доступ к сумкам. А после снова удивился неестественной чистоте крохотной комнаты: ни пыли, ни крошек на столе, вымытый пол, идеально ровно застеленная кровать. Взгляд случайно наткнулся на лежащую у подушки мягкую игрушку. – Э-э-эй! Ты тоже ходила на ярмарку? А я так и не смог попасть по мишеням! Всё мазал и мазал, двадцать баксов просадил, представляешь?

Его широкая улыбка угасла, стоило Меган замереть. Не девушка – статуя с рыжими спутанными волосами и застывшими неподвижными глазами. И Саймону сделалось совсем уж не по себе, когда она, поджав губы, подошла к кровати, взяла плюшевое солнце в руки и, не говоря ни слова, заперла его в шкафу. На нижней полке. Там, где хранились старые кроссовки, слишком холодные для осени.

Закрылась дверца, ключ брякнул о дно алюминиевой банки, где покоилась мелочь.

– Хорошие вещи, красивые, – произнесла Меган, и Саймон, ожидавший слов о солнце или о ярмарке, не сразу сообразил, о чем речь. И лишь через секунду, все еще растерянный, небрежно отмахнулся:

– Не стоит благодарности. Ты знаешь, если что, просто приходи ко мне, помогу чем могу.

– Да, знаю.

– В любое время... – Он потоптался на пороге, чувствуя, что пора уходить. – Без причины. Просто приходи.

Она кивнула. Неопределенно, будто и не слышала сказанных слов.

– Да, приходи... – повторил Саймон, покачал головой и, испытывая непонятную тревогу, вышел за дверь, навстречу тяжелому осеннему небу.

* * *

Страшно.

Страшно бывает, когда оступаешься, когда не понимают, когда боишься, когда в чем-то обвиняют, когда не знаешь, в каком направлении двигаться. А еще бывает страшно оставаться наедине с самим собой.

Страшно, когда ложишься и не можешь заснуть, когда из всех углов на тебя укоризненно смотрит тишина, когда одиночество – это не удел героев дешевого романа, а вдруг окружившая тебя реальность. И одиночество, как рак души, тоже делится на стадии.

Казалось, этим вечером я соскользнула на последнюю.

В рюмке с водкой, стоявшей на подоконнике, отражалась луна: плавала и не тонула на прозрачной поверхности. Можно пить, можно пить много, можно угробить тело, но все равно не успокоить душу. Слез не было. Сухо, тихо и темно, одинаково пусто как снаружи, так и внутри. Надо бы просто выжить, как-то продержаться, пережить очередную минуту, час, день. А потом, когда-нибудь... ведь так поют в песнях – потом станет легче...

Только бы не ждать, но как? Как?!

Затерянный в пространстве Уровень тринадцать.

Кто я... где я? И зачем...

Почему всегда одна? Неужели всегда просила слишком многого?

Только бы не сорваться, не начать плакать, только не жалеть, просто жить. Пока как получается. Идти, пока идут ноги, дышать, пока от всхлипов не сведет грудь. Никто и никогда не приходит, чтобы помочь: не протянется рука, не раздастся стук в дверь, не свершится чудо.

Дрожащая в рюмке луна – и тишина.

Пережить еще одну минуту и не заглядывать внутрь – страшно. А что, если она умерла? Та маленькая девочка... Что, если она лежит на полу и не дышит?

Не смотреть внутрь, не смотреть...

Никогда больше не смотреть.

Заколыхалась в стеклянной рюмке, подхваченной трясущимися пальцами, луна.

Он ушел...

Ушел...

Ушел.

Неделей позже

Погода испортилась окончательно.

Тяжелые тучи свили гнездо над Соларом: дождь то начинался – крапал по окнам и подоконнику или бил тугими струями по грязному асфальту, –

то объявлял перемирие и прекращался, уступая место холодному шквалистому ветру. Летели с деревьев оставшиеся в немногочисленном составе сухие листья, их павшие товарищи сырели в непросыхающих лужах. Хлопал терзаемый порывами капюшон тонкой куртки.

Поблескивали на бетонной стене осколки разбитой пивной бутылки, окруженные множеством окурков, – соседи накануне «праздновали» выдачу мизерной зарплаты. Не успела я ступить на ставшую бурой от воды лестницу, как сзади послышались шаги.

– Эй, а что твой дружок на хорошей машине больше не приезжает? Плохо сосала?

Следом раздался вульгарный смех.

Я обернулась, смерила двух оплывших от чрезмерного употребления спиртного девиц из соседнего подъезда презрительным взглядом и отвернулась, оставив комментарий без ответа. Открыла почтовый ящик, достала несколько конвертов – ни одного с гербом Комиссии, – вернула замок на место и толкнула входную дверь.

Комната выстыла. Что же будет с ней зимой?

Я растолкала продукты из магазина по полкам холодильника, не снимая куртки, села на кровать и принялась просматривать корреспонденцию. Несколько счетов и два письма из компаний, куда я накануне подавала заявление об устройстве на работу. Оба – с вежливым приглашением на прохождение дополнительного собеседования.

Ирония судьбы.

Раньше отказывали много и часто, а теперь почти все соглашались принять меня на работу, несмотря на малый опыт и явный недостаток нужных умений. Парадокс. С одной из бумаг смотрели темно-бордовые строчки: просьба срочно позвонить в отдел кадров – во мне, как гласил подписанный секретарем лист, были крайне заинтересованы. Я хмуро посмотрела на лежащий рядом телефон – новый, черный, удобный, присланный курьером на следующий день после того, как Дэлл покинул мою жизнь, – но в руки его брать не стала.

Прощальный подарок.

«Не успел отдать перед отъездом. Это тебе. Д.».

Коротко и лаконично.

Теперь у меня был новый телефон, который было бы непрактично отвергнуть, но на который я старалась не смотреть без лишней необходимости. Телефон с пустой записной книжкой и отсутствием контактов, вечно молчащий, будто обиженный на жизнь гаджет – тяжелое напоминание об ушедших днях. Но не выкидывать же...

Я отложила конверты в сторону и подошла к холодильнику, чтобы достать минералку. Прошла неделя... Почему я тяну? Почему не устроюсь в один из теплых офисов с удобным креслом, гудящим под столом системным блоком и псевдо-улыбчивыми коллегами? Что мешает? Новая спокойная работа, какая-никакая, но все-таки зарплата и стабильность. Глядишь, к лету удалось бы накопить на новый набор одеял или даже кондиционер... Прогреть наконец эту чертову хибару.

Пузырьки газа обожгли горло холодом.

Всегда холодно – в этой дыре, в этой камерке, в этом городе, внутри. Привычная тяжесть на душе. И вот уже не первый день копошилась на краю сознания странная идея, которую всё никак не удавалось ухватить. Нет, не должно быть офисов и этой чертовой размеренности, должно быть что-то другое, хоть сколько-то интересное, позволяющее удержаться на плаву. Что-то свое, приносящее кроху радости, что-то полезное...

Я отставила пустой стакан в сторону, опустила на стул и посмотрела в окно, единственное светло-серое пятно в темном мире. Потерла лоб, пытаюсь сосредоточиться. Колыхались на фоне неба голые верхушки деревьев: тонкие ветки, тонкие пальцы, устремленные ввысь.

На секунду вернулось в памяти знакомое лицо с серо-голубыми глазами, но тут же было усилием воли отброшено прочь. Все, что касалось Дэлла, теперь было отсечено, замуровано внутри и залито сверху бетоном.

Было и прошло.

Да, любила. Но не смела думать об этом.

Теперь бы просто выжить, найти дело и заняться им, чтобы однажды оно окончательно вытеснило из головы воспоминания о чудесном августе. Время не стоит на месте. На дворе промозглый сентябрь и дожди. Если ноги застынут без движения, то подошвы тут же всосут в себя лужи отчаяния. Нельзя, нельзя, нужно идти вперед. А если продолжать путь только в солнечные дни, то никогда не достигнешь цели.

Взгляд упал на притихший телефон, а разум вновь зацепился за неоформившуюся идею, принялся шамкать и жевать зубами ее ореховую скорлупу, пытаюсь добраться до ядра, до сути. Что же такое хитрое я все это время силюсь придумать? И почему так уверена, что лежащие на кровати конверты дополнят те, что уже забили стоящую под столом мусорную корзину?

В который раз за сутки начался дождь.

Над столом колыхалась тусклая лампа в конусообразном закопченном абажуре. Сигаретный дым вился вокруг нее спиралями.

Чак неторопливо точил железку, поглядывая на сидящую на единственном свободном от хлама стуле Меган. По ее волосам и куртке стекала вода. Настукивал в окно дождь; сгустились сумерки.

– Давно ты не заходила. Слышал, закрылась конторка твоя?

Гостья кивнула. Она вот уже несколько минут молчала, наблюдая за его неторопливой работой. Тяжелый взгляд, тонкая линия упрямо сжатых губ. Побила все-таки жизнь, побила.

Замочных дел мастер затянулся сигаретой, отложил ее в пепельницу, выпустил дым и привычным жестом потер усы. Домой бы уже пора, а все никак не мог бросить напильник.

– А я говорил тебе... Опасно. Давно надо было завязать.

– Вот и завязалось. Само.

Нортон кивнул. Вновь взялся за упрямую железку.

– Куда теперь?

Легкое пожатие плечами; с волос упало еще несколько капель.

«Что-то изменилось в ней, – подумал Чак. – Вроде тот же человек, да не тот». Что-то ожесточилось в знакомом лице, появился в глазах стальной отблеск, как бывает у тех, кто держится не «для», а «вопреки». И безбашенность во взгляде, веселая и нервная одновременно, – мол, плевать на все, выплыву из дерьма и спляшу на вашей могиле.

Чак покачал головой. Хорошая девка; жаль, если сорвется.

Меган тем временем взяла со стола одну из отмычек и теперь задумчиво крутила ее в руках. Чака не покидало ощущение, что цель визита припозднившейся гостьи выяснится очень скоро – не высказанный вслух вопрос уже витал в воздухе.

– Говори уже, не тяни, – поторопил он, не желая ходить вокруг да около. – Денег тебе дать?

– Нет.

– Тогда зачем пришла?

Меган помолчала, затем взглянула ему в глаза – холодно и прямо, как питон.

– Ты говорил, что можешь делать замки, которые никто не смог бы открыть.

Нортон удивленно поднял голову. Докурил обуглившуюся до фильтра сигарету и задавил ее двумя пальцами в пепельнице.

– А чего вдруг вспомнила?

– Ведь говорил, что даже чертежи есть, но дорого...

– Там детали сложные нужны. Магниты новые, схемы. Конечно, дорого.

– А если бы денег хватило, как думаешь, их бы покупали?

Замочник оскалил желтоватые зубы в ухмылке и прищурился.

– Да богачи бы за такие удавились. Потому что их никто не смог бы открыть. Даже я сам. Это если без ключа-то.

Меган выглядела странно удовлетворенной.

«Вот ведь, сама себе на уме...»

– Так чего спрашиваешь-то? Пришла уже в ночь, сидишь, хитришь не пойми чего...

Она снова подняла на него зеленые глаза – ясные, как у безумца, убежденного в собственной гениальности.

– А давай сделаем несколько. Попробуем продать. А там поставим на поток, если пойдет.

– На что сделаем-то?

– Есть деньги.

– Много?

– На первую партию хватит.

– Где взяла?

– Что?

– Деньги.

– Не важно.

Ее лицо снова сделалось непривычно упрямым. Не тем мирным, спокойным, каким оно было еще пару недель назад. Чак удивленно отложил напильник в сторону.

– Ты это серьезно? А бабки откуда? Ворованные?

– Нет. Мои собственные.

Ответ прозвучал холодно и коротко. Нортон поверил. Помолчал, пристально глядя на гостью, пожевал губами, пытаясь замаскировать растерянность. Собирался ведь уже домой, как обычно, а тут пришла, с толку сбила и, черт возьми, признаться, заинтриговала... А ведь хотел выпить пива, спокойно посидеть перед телевизором, мозги отключить до утра. Видно, не судьба. Хотя пива можно и вместе выпить. А заодно и поговорить.

Он снял с головы повязку, стягивающую волосы, бросил на стол. Сгреб пачку сигарет, сунул в карман.

– Пойдем-ка, закинемся какой-нибудь дрянью.

– Что? – Солдатский сленг заставил тонкие брови удивленно поползти вверх. – Какой еще дрянью?

– Пивком хоть, что ли. А то устал я, мозги не работают.
– А-а-а... – Меган расслабленно откинулась на стуле и впервые за все это время улыбнулась. – Я-то думаю: что такое «закинемся»? Ну пойдём, «закинемся».
– Угу. Заодно и расскажешь мне все.
– Договорились.
Чак стянул с вешалки мятую куртку, накинул ее на плечи, кивнул – мол, давай на выход – и погасил в мастерской свет.

* * *

– Странный он какой-то. Потерянный. Весь вечер на эту певичку смотрит и виски глотает. – Аарон Канн, стратег отряда специального назначения, кивнул в сторону сидящего чуть поодаль, на углу барной стойки, друга. – Устал, что ли? Вроде не больше чем обычно тренировались.

– Дэлл-то? – Мак Аллертон выбрал из прозрачной тарелочки самый пузатый орешек и закинул его в рот. – Может, и устал. У меня точно мышцы болят – Дрейк зверствует.

Певица на сцене плавно двигалась в такт исполняемой песне – приятный голос, чуть хриловатый и низкий, округлая грудь под коротким платьем, длинные ноги, уверенно стоящие на высоких золотистых шпильках.

– Я бы и сам такую... – Канн многозначительно усмехнулся. – Хороша.

Чейзер, сложив руки на груди, тоже наблюдал за Дэллом. Аарон верно подметил: интерес Одриарда был странным и слишком пристальным; тяжелый взгляд подрывника неотрывно следил за барной певичкой.

– Увлёкся он, что ли?

Сидящий рядом с коллегами Халк покачал головой.

– Вот уж не думаю.

– С чего бы тогда так себя вести? Сидит один целый вечер, молчит, надирается. Еще недавно он радовался свободе. Вспомни, как праздновали! Та еще вечеринка была; веселились так, что, думал, дом рухнет. А теперь вон, смотри, притих. Не прижилась внутри свобода?

Аллертон комментировать не стал, Халк тоже. Внимательные глаза сенсора следили то за девушкой на сцене, то за медленно потягивающим виски Дэллом.

– Симпатичная, но не более.

– Он смотрит не на нее.

– А на кого?

– На кого там еще смотреть – она одна на сцене? – не унимался сделавшийся беспокойным Канн.

Халк Конрад улыбнулся краешками губ.

– Он смотрит на ее рыжие волосы.

Кружка с пивом в руке Чейзера застыла, так и осталась не донесенной до рта. Бросив многозначительный взгляд на все подмечающего сенсора, он вновь промолчал.

Часть вторая

Глава 1

Четыре месяца спустя. Январь

Солар укрылся снегом.

Запорошенные улицы бороздили машины, переливались в окна разноцветные дождики и гирлянды – свидетельство недавнего праздника, – кутались в пуховые куртки и меховые шапки прохожие. Висели в стылом воздухе выхлопные газы, скрипел под подошвами ледяной настил – на пару дней подымавшаяся температура вдруг следующим вечером обернулась лютым морозом. Все выше становились сугробы у обочин, все большей популярностью пользовался горячий сладкий кофе, продаваемый с лотка закутаным в одежду, словно многослойная капуста в листья, продавцом.

Высокие небоскребы то тонули в тяжелых серых облаках, то отражали прозрачную, режущую глаз синеву потрескивающего от мороза неба.

Переминались на автобусной остановке в ожидании транспорта люди, кутали носы в теплые заиндеветшие шарфы и выдыхали клубящиеся облачка пара.

Всё то же, всё те же.

Уровень тринадцать.

– Мне, пожалуйста, «Солар сегодня» и свежую по акциям.

В окно киоска просунулись свернутые вчетверо газеты.

– Да, есть без сдачи.

Из застывших на морозе пальцев выскользнула монетка и тут же закатилась в ледяную щель под будкой с периодикой, заставив бизнесмена в дорогом пальто выругаться. Трясущиеся руки вынуждали мелочь на ладони танцевать.

Зима.

Я двигалась по широкому проспекту по направлению к супермаркету, где продавали самую свежую нарезку и хороший шоколад; да, отъелась, сделалась более привередливой, избирательной, а всё потому, что наши с Чаком дела за последние четыре месяца пошли на лад. Нет, они не стремительно взлетели в гору, но все же уверенно, со скоростью маленького упорного трактора, ползли на ее вершину.

Покупателя на первый, кропотливо смастеренный Нортоном замок искали долго, почти три недели, а вот последующие два продали гораздо быстрее, всего лишь за несколько дней. После решили заказать

дорогостоящих частей на новую партию, почуяв, что интерес к уникальным изделиям начал пробуждаться, и не ошиблись: за последний оставшийся на складе замок дрались уже сразу три богатых клиента.

Чак воспрял духом, сделался бодрее.

Он вообще оказался неплохим партнером – спокойным, трудолюбивым и упорным. Часами пропадал в старой мастерской, не желая менять привычный интерьер на более свободное и пригодное для работы помещение, все время паял, точил, собирал, подгонял и тестировал. Чтобы рекламировать готовый товар, мы арендовали один из стендов в удачно расположенном на одной из главных улиц центрального Солара магазине «Lock&Roll». Заказали в типографии полноцветные брошюры и детальные инструкции, исправно доплачивали молодому продавцу за привлечение внимания покупателей к нашим изделиям, а выручку делили с Чаком пополам.

Через три месяца мой партнер уже мог себе позволить старенький, но исправный автомобиль, плазменную панель, купленную на распродаже за полцены, и более дорогое пиво в баре по вечерам.

А я... Я почти ничего не покупала. Запасы отложенных денег росли, а вот желания куда-то их потратить не появлялось. Разве что добавился в мою каморку дорогой обогреватель, да холодильник больше не пустовал. Еще пришлось докупить кое-что из зимней одежды, но на этом траты закончились.

Много ли нужно одинокому человеку? Не много. Тепло и внимание, капелька заботы и пригоршня любви, но их за деньги не купишь. Деньги не помогают скрасить одиночество, они лишь акцентируют его наличие. Одиночество не разделишь, не подаришь, не выкинешь в окно; если уж есть, то всё твое – полностью и безраздельно.

Хорошо мне было, плохо? Когда как. Иногда настроение беспричинно взлетало до небес, иногда падало так низко, что впору было лезть в петлю, но в целом большую часть времени желание жить присутствовало, и я держалась.

Дэлл.

Дэлл...

Что здесь сказать?

Тосковала ли по нему? О да. Но тосковала, как пес, выгнанный в лес и сделавшийся волком, – молча, тихо, стараясь не доходить до отчаяния. Он часто приходил ко мне во снах, стучал в старенькую дверь, звонил, иногда неожиданно, но оттого не менее приятно, выворачивал на улице из-за угла, чтобы пойти навстречу, чтобы подойти и обнять. Мое сердце в такие

моменты оживало, билось радостно и часто – вот оно, свершилось! Чудеса случаются, мы наконец-то вместе!

А под утро видения таяли, сменяясь одиноким скрипом подошв за окном и тихо жужжащим в центре комнаты радиатором.

На следующую ночь сны возвращались: другие, те, в которых Дэлл держал меня в объятиях или нежно целовал. Такие рвали душу на части особенно сильно, так как отличались потрясающей реалистичностью. Казалось, все ощущения в них были умножены на десять, и на десять же умножалась тоска, стоило открыть глаза в предрассветных сумерках. В такие моменты я старалась не поддаваться наваливающейся депрессии, отвлечься, составляя список дел на день, напоминая себе, что если я сама не смогу двигаться вперед, то меня никто за руку не потянет. Не поможет сделать следующий шаг.

Да, иногда приходилось тяжело. Но я справлялась.

И лишь однажды сорвалась.

На Новый год.

Когда нашла в почтовом ящике оставленный анонимным отправителем конверт, внутри которого обнаружился золотой кулон на цепочке. Подарок.

От него.

Без подписей, без поздравлений, без следов на запорошенном крыльце – просто подарок. Тихий и безмолвный – мол, на, возьми...

Вот тогда впервые за все это время сделалось по-настоящему тяжело. Потому что помнил, потому что подвигло его что-то пойти в магазин, выбрать, упаковать, доставить. Потому что не увидела его, потому что не дождался, потому что ничего не могла подарить взамен, просто коснуться. Пусть даже на секунду...

В ту ночь я была раненым зверем. Пила и выла. Достала из шкафа забытое плюшевое солнце и, глядя в его безмятежно улыбающееся лицо, рыдала так громко, что через пару часов охрипла. Ползала по квартире, цеплялась за стулья, рвала и метала оттого, что не могу попасть в Нордейл, не могу увидеть его уютные, но теперь снежные, украшенные к празднику улицы. Не могу подойти к знакомому крыльцу, у которого стоит «Неофар», не могу сказать «привет».

Соседи не колотили в стены, наверное, только потому, что мое горе с легкостью перекрикивала их музыка. Оно и к лучшему. К лучшему.

Кулон я надела. Как сектант, с безумными глазами носящий знак отличия собственного господа, как фанатик, знающий, что на теле есть символичное тату, помогающее жить. Солнце, мое собственное маленькое солнце, освещающее путь. Иногда, не замечая того, держалась за него,

сжимала в пальцах, грела или грелась, поглаживала, теребила, прикладывала к губам и так подолгу сидела, закрыв глаза.

Дэлл выбрал его в одном из магазинов где-то там, на далеком четырнадцатом, в другом измерении, куда не ведут обычные дороги. Чем он руководствовался, что подвигло его? Хотел оставить о себе память? Так у меня и без того совместно проведенные дни отпечатались с фотографической точностью. Хотел напомнить о своем существовании? Да дай бог бы мне хоть на секунду об этом забыть. Хотел, чтобы в моей жизни существовал оставленный им предмет? Но ведь уже подарил телефон. И деньги.

Так или иначе, но один тот факт, что он помнил, заставлял мои внутренности скручиваться кольцом, сердце – сжиматься, а голову – наполняться предположениями и вопросами.

Помнил.

Какими эти четыре месяца стали для него? Растянулись ли, как для меня, в долгие отдельные часы с застревающей между ними стрелкой, или же пролетели как один день, наполненные суетой и заботами? Радовался ли он, веселился? Работал? Приводил ли в дом женщин?..

Не думать. Об этом не думать...

Но что бы он ни делал там, в Нордейле, он не забыл про свою маленькую рыжеволосую Меган, и мысль об этом настолько же грела, насколько и болезненно терзала.

Если помнил, почему не пришел? А если не пришел, зачем подарил подарок?

Нет нам, женщинам, покоя. Что ни (не?) сделай, всё плохо.

Так, грустно улыбаясь собственным мыслям, я не заметила, как дошла до магазина.

* * *

– Прямо в середине процесса, можешь себе представить?! Только что было – и на тебе, кончилось!

Дэлл, тяжело покачиваясь, пьяный и злой, медленно поднялся с кресла и подошел к темному оконному проему, оперся рукой о стену. Взгляд Мака Аллертона следил за ним, словно приклеенный.

В углу кабинета бесшумно мельтешил кадрами из вечерних новостей телевизор.

Дэлл шумно втянул воздух.

– Сукин кот... Мак... За что? Дрейк проклял меня.

Чейзер поморщился:

– Не проклял. Просто ты еще не восстановился.

– Четыре месяца спустя? Ведь всё уже было в порядке... – тихо прошептал подрывник, глядя куда-то на заснеженную улицу. – Ведьма...

– Не ведьма, – сдержанно возразил друг. – Просто с ней ты расслабился. Доверился. С другими, вероятно, тяжелее...

– Да уж! Не тот цвет волос, не те духи, не тот голос. Первой я даже вставить не смог – просто не встал. Второй вставил, но не смог довести до конца. Они думают, что я хренов импотент, и знаешь, что хуже всего? Что так на самом деле и есть!

Последнюю фразу он проревел и с размаху впечатал штору кулаком в стену. Поморщился от боли, опустил голову и обреченно выдохнул:

– Мой дом разрушен, «Неофар» давно превратился в грудку железа, я живу у тебя. Мы каждый день ходим на этот чертов Уровень «F», который скоро нас всех доконает, а я даже не могу расслабиться. Не могу просто взять в охапку чьи-то волосы, наклонить и... Каждый раз что-то не срабатывает. Клик, и всё! Колесо спустило. А перед глазами стоит то лицо... После нее я стал более зависимым, чем до нее.

– Дэлл...

– Но ведь это так! Ножа уже нет, а я все еще раб.

– Дай себе время.

– Сколько, Мак, сколько?

– Сколько нужно.

– Ненавижу ее.

Глядя на плотно сжатые, почти белые от напряжения губы Одриарда и судорожно стиснутую в его пальцах штору, Чейзер медленно отвернулся. Слова нужны тогда, когда они способны что-то поменять. А пока они не нужны.

* * *

Он запал на нее сразу же: смеющиеся карие глаза, вьющиеся волосы, нежная линия шеи – и Чак растаял. Сделался мягче, почти перестал материться и даже снизил количество выкуриваемых в день сигарет. Лия Шаталь, невысокая брюнетка, смотрела на него с неизменно мягким восторгом.

Когда они встретились? Где? Кем она была? Этот момент я упустила,

но день рождения Нортона мы праздновали уже втроем. Крохотная квартирка, манящий запах жаркого, искрящийся в бокалах пунш. Даже январь перестал казаться колючим, несмотря на ударивший за окном под конец месяца мороз. Эти двое излучали столько внутреннего тепла, что даже я сумела неожиданно для себя отогреться, вспомнить, каково это бывает, когда внутри прогуливается теплый ветер любви.

Чудесный вечер, чудесное настроение.

Сытый желудок, приличная сумма на счету, теплые зимние ботинки у порога. Новая сумочка без потертостей на сгибах и ждущая в полуподвале комнатка, хоть все еще пустая, но уже не такая тоскливая, как в былые времена. По крайней мере, не в этот вечер.

Я не стала их смущать длительным присутствием – двоим не нужен третий, пусть даже друг. Двоим нужен собственный мир, предназначенный для нее и для него, и поэтому, облизнув оставшийся на языке вкус пунша и мандаринов, я оделась, попрощалась и выскользнула за дверь.

Пусть наслаждаются друг другом. Как хорошо, что у моего партнера налаживается не только финансовое состояние, но и личная жизнь, – значит, сверху все же кто-то смотрит и раздает подарки тем, кто их заслужил. А Чак заслужил.

Мой грустный вздох осел замерзшими кристалликами инея на меховой оторочке капюшона. Под подошвами резко и звонко поскрипывал снег. Укрытые драгоценной белой шалью, блестели под фонарями сугробы.

А в комнате должно быть тепло – радиатор возле кровати остался включенным. Приду, заварю свежий чай, посижу у окна, посмотрю, как переливаются под лунной застывшие на стекле узоры, подумаю в тишине. И – спать. Желательно без снов, тихо и спокойно.

Знакомая бетонная лестница молчаливо наблюдала за притихшим двором. Скорее бы уже в тепло...

Сбежав вниз по ступенькам, я нащупала в сумочке ключ, изъела его на свет и вставила в стылую замочную скважину. Как же мерзнут руки. Скорее бы пришла весна, чтобы не опасаться обморожения, стоит лишь снять перчатки. Всё, уже почти дома! Проверить ли почту? Скорее всего, ящик снова пуст.

Я ввалилась в комнату и закрыла за собой дверь, блаженно вдыхая привычный, прогретый старательным радиатором воздух, когда что-то вдруг подвигло меня открыть ее снова. Щеки тут же опять зацепил мороз.

Пуст ли ящик? Да нет, вроде бы что-то есть. Очередной счет? Или глянцевая рекламная листовка, которых в последнее время стало до неприличия много? Скидки на продукты, верхнюю одежду, дешевую

электронику из соседнего супермаркета... На что обещают суперцены в этот раз?

Извлеченный из прорези снизу конверт оказался шире тех, в которые обычно прятали узкие полоски счетов за воду и электричество. И не реклама. Бумага белая, слишком плотная. Тогда что?

Обратная сторона без надписей и адреса, а вот на лицевой...

На лицевой обнаружился герб Комиссии и голографическая печать, защищающая некое важное вложение.

Неужели...

Не устояв на ногах, все еще держа конверт в руках, я медленно опустилась на пол у порога и принялась трясущимися руками отрывать боковину.

Неужели?..

Теплый воздух стремительно вытягивался из комнаты наружу, в промозглую зимнюю ночь, пальцы немели от холода, но я не замечала этого. Не закрою дверь – буду мерзнуть во сне... К черту... нагреется снова.

Из конверта показался плотный лист бумаги, испещренный бледными серо-золотыми водяными знаками, и вверху, возглавляя написанный мелкий шрифтом текст, стояла надпись: «Разрешение на Переход».

Лист выскользнул из трясущихся пальцев и упал на пол.

Я судорожно втянула воздух и закрыла глаза, не в силах поверить в произошедшее.

Разрешение на переход.

На четырнадцатый Уровень.

Оно пришло.

Через секунду, не в силах сдержать нахлынувшие эмоции, я резко подскочила с пола, воздела руки к небу и, подпрыгивая на месте в нелепом танце, заорала не своим, срывающимся от волнения голосом:

– ОНО ПРИШЛО!!!

Мой сумасшедший рев вылетел за дверь, раздробился о низкую ограду, обогнул деревья и улетел за дома, прочь.

Сверху хлопнуло окно, а на заметенный парашют приземлилась пустая стеклянная бутылка.

Не разбилась – помешала толстая шапка снега.

Чувствуя себя странно свободной и сумасшедшей, я рассмеялась.

Гулкое помещение, один-единственный стол, стоящий перед ним стул и окно во всю стену. Странная комната. Казалось бы, вошла в неприметное здание в одном из офисных строений в центре города, а теперь сижу вне времени и пространства. Где? Всё еще в Соларе? Или уже на четырнадцатом?

За окном сгустились сумерки, падал тяжелый пушистый снег. Пейзаж внизу будто перестал существовать, размылся.

Я видела этих людей раньше, но вспомнила об этом только теперь: серебристая одежда, неприметные лица, ровные взгляды. Видела во время предыдущих переходов, но отчего-то благополучно забывала об этом почти сразу же.

Сразу же после чего?

Мысли метались и путались. Я нервничала.

Мужчина – не молодой и не старый – сидел за единственным столом и неторопливо проглядывал лист бумаги, который держал в руках.

– ...Проницаемость – плюс два, восприимчивость – десять «Б»... Хорошо. Восприятие себя действительно ушло по кривой вверх, внутренний резерв возрос, – негромко, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания, монотонно зачитывал человек в форме.

О чем шла речь? Обо мне? Моих параметрах?

Понять бы хоть слово. Глядя в незнакомое лицо, я думала совсем о других вещах: с Чаком и Саймоном попрощалась, честно объяснила, что ухожу дальше. Перехожу. Оба и погрустили, и порадовались одновременно. Квартиру закрыла. Жаль оставлять нажитые вещи? Не жаль. Ничего ценного там не осталось, к Солару я так и не привыкла, хоть и научилась в нем жить. А как только научилась, сразу же зажегся зеленый свет... Ирония судьбы.

– Показатели хорошие, – продолжил говорить представитель Комиссии, которого я втихаря рассматривала вот уже несколько долгих минут, – вас допустили дальше, поздравляю.

Эмоции в его голосе отсутствовали – таким тоном можно было соболезновать об утрате или же сообщать о повышении в должности. Одинаково сухо, сдержанно, ровно.

В голове гулко билась и пульсировала единственная мысль, которую я должна – обязана была – облечь в слова как можно скорее, но пока открыть рот не представлялось возможности. Не перебивать же...

– ...Четырнадцатый – один из самых благоустроенных Уровней, языковые барьеры между жителями в центральной части материка отсутствуют, при переселении полагаются бонусы. Вам будет дан выбор:

либо получить стартовый капитал наличными средствами, либо выбрать желаемое обучение и дальнейшее трудоустройство по выбранной профессии. У вас есть предпочтения?

– Предпочтения? – переспросила я глупо, силясь следовать за темой разговора, но постоянно упуская ее.

– Предпочтения в выборе будущей профессии?

Я прочистила горло. Скрипнула ножка стула – эхо гулко отдалось от углов пустой комнаты.

– Пока нет.

– В таком случае наличные средства.

Мужчина что-то пометил на бумаге.

Стоило ему замолчать, как не вопрос даже, просьба, кружившая в голове уже несколько часов, вырвалась наружу в виде хриплой фразы:

– Пожалуйста, оставьте мне память.

Серые глаза оторвались от листа бумаги и посмотрели в упор: на плечи будто легли тяжелые ладони – мол, не шевелись, дай посмотреть внимательнее. В горле снова запершило. Я заставила себя продолжить – ведь если не объясню сейчас, то не объясню уже никогда, а это слишком критично. Слишком многое поставлено на карту.

– Я знаю, что память о прежнем Уровне постепенно сотрется из моей головы, так всегда было. Но, пожалуйста, оставьте мне ее. Это очень важно. Слишком важно.

Последние слова я уже прошептала, едва не склоняясь под пристальным взглядом человека в форме. До чего же странная у них манера смотреть, не смотреть даже – сканировать, ввинчиваться, проникать.

– Хотите ли объяснить причины подобной просьбы?

Глухо стукнуло сердце.

– Не хочу. – И добавила смущенно: – Извините. Личные причины.

Мужчина какое-то время смотрел на меня, затем неопределенно кивнул и вновь уткнулся в бумагу.

«Посмотрим», – показалось, произнес он. Но уверенности не было. Лишь надежда, слепая и обжигающая надежда на лучшее.

Я не должна ничего забыть. Не имею права.

В памяти всплыл знакомый образ – Дэлл.

Перед тем как уйти, он оставил мне альбом.

«Посмотрите», – бросил через плечо и был таков. В комнате сделалось неестественно тихо. Падающий за огромным окном снег лишь подчеркнул отсутствие звуков – осталось лишь собственное дыхание и оглушающая

нервозность. Напротив желтела абсолютно чистая поверхность стола, за которым недавно сидел человек в форме, – и на ней ни единого предмета: ни ручки, ни бумага, ни даже скрепки.

Оставят ли память? Пойдут ли на уступки?

Я открыла лежащую на коленях папку на первой странице и сразу же уткнулась взглядом в фотографию центральной площади незнакомого города. «Клэндон-Сити. Столица» – гласило пояснение снизу.

Сердце вновь предательски громко ударилось о ребра.

Они позволяют мне выбрать город...

Под дрожащими вспотевшими пальцами тут же зашелестели страницы. Где же, где же, где... Тот самый, единственный, нужный...

Да успокойся, ты доберешься из любого. Купишь билет и доедешь. Самолетом, поездом, самокатом, на своих двоих...

Мысль осталась незавершенной, потому что в этот момент я увидела изображенный на площади театр, широкий проспект и фонари вдоль дороги – знакомое место, некогда отпечатавшееся в памяти. Нордейл.

Когда пять минут спустя представитель Комиссии вернулся и спросил: «Выбрали?», я кивнула с таким энтузиазмом, что хрустнули шейные позвонки.

Выбрала, конечно. И кто бы сомневался, что именно.

* * *

Нордейл не изменился – остался всё тем же сказочно-волшебным. Укрылись снегом улицы, укрылись по-особенному, мягко, чисто, пушисто. Даже мороз здесь ощущался ласковым, и в первые недели жизни на новом месте я полной грудью вдыхала запахи города, в которые долгие месяцы стремилась попасть. Города из прошлого, города из снов. Города, вдруг сделавшегося настоящим.

Небольшая двухкомнатная квартира, любезно и совершенно неожиданно предоставленная мне Комиссией в качестве бонуса за «восприимчивость 10 „Б“» (кто бы знал, что это такое), располагалась в западной части города, в двадцати минутах от центра, и являлась теперь моей собственностью, чему я радовалась по-щенячьи бурно. Две просторные комнаты на втором этаже десятиэтажного дома, меблированные и светлые, – хоромы по сравнению с каморкой в Соларе. Чего еще можно было желать для полного счастья? На счету лежала приличная сумма, выданная в соответствии с финансовой программой по

поддержке новичков, въехавших в Нордейл, а впереди расстилались необъятные горизонты неисследованных возможностей. Сотни дорог, тысячи тропинок, по которым можно пойти, осталось лишь выбрать...

Память осталась при мне, но будто не вся. Нет, я помнила события, произошедшие в Соларе, помнила работу, друзей, Дэлла, вот только боль ушла, словно кто-то изъясил ее из сердца. Воспоминания больше не тяготили – они, словно легкий теплый сквозняк, касались сознания легко и ненавязчиво. А отсутствие при этом боли в сердце явилось неожиданным изменением, радостно воспринятым мной. Не иначе как работники Комиссии все же поколдовали при переходе, а может, так действовал чудотворный воздух самого Нордейла – не разобрать.

Так или иначе, сидя на мягком диване в гостиной с чашкой чая в руках, я часто думала о новой жизни: куда теперь податься, на что бросить силы, в чем заново обрести себя? Просматривала газеты, что покупала в киоске у дороги, пыталась нащупать что-то свое, способное увлечь, вдохновить, придать новый смысл существованию.

Новый Уровень. Новая эпоха.

Связь с Дэллом сохранилась. Та тонкая нить, что соединила нас, рваться не спешила. Он здесь. Ходит по этим улицам, ездит по этим дорогам, возвращается в знакомый особняк. Чем-то занимается, о чем-то думает. Рядом. Почти осязаемо близко. И несмотря на то и дело возникающие порывы вдруг сорваться и во что бы то ни стало отыскать его, я сдерживалась. Прибивала себя невидимыми гвоздями к месту, закрывала глаза и старалась успокоиться. Зачем искать того, кто не ищет тебя?

Любила. Да. Любила так, что распирало грудь, мутилось в голове, так, что иногда сгибалось пополам, – но от поисков все равно удерживалась.

Время всё расставит по местам. Не твое не удержать, как ни старайся. Твое найдет тебя само.

Я в Нордейле, а это уже много.

Глава 2

Казалось бы, в чем разница? Но он так и не смог привыкнуть.

Тот же руль, тот же символ в центре, тот же цвет и салон, но все-таки новый «Неофар» неощутимо отличался от старого. С той, старой машиной Дэлл ощущал единство, был на короткой ноге, как со старым другом, а эта, пусть и носила по дорогам вот уже не первую неделю, все равно была иной. Пока еще чужой.

Фронтальную часть особняка отреставрировали. Два дня назад рабочие забрали ведра, сняли стропила и унесли лестницы.

Дэлл припарковался у крыльца и какое-то время тихо сидел в салоне, рассматривая собственный дом.

Война тоже кончилась. Сложное задание, что занимало все свободное время больше месяца, выполнено: враги уничтожены, шеф успокоился, можно расслабиться и остальным, вот только почему-то не выходило.

Пусто и темно. На улице, в городе и на душе.

С чего бы?

Большую часть времени выходило думать о делах, и образ рыжей девчонки надежно покоился на задворках сознания, не отвлекал, не беспокоил, но иногда нет-нет да выскакивал вперед, будь он неладен. Покажется перед глазами знакомое лицо с зелеными глазами – и застрянет там накрепко, не избавишься. Почему в последнее время Дэлл ощущал ее близкое присутствие, будто точки на невидимой карте сдвинулись, притянулись и начали взаимодействовать, как когда-то? Словно тянуло их невидимое поле навстречу друг другу.

Странно, да и только.

Наверное, она так и живет в Соларе. Не стоит беречь душу, выяснять, вынюхивать, узнавать. Один взгляд способен вызвать эмоции, которые едва ли поддавались контролю. Нет, не стоит трогать там, где ноет.

Одриард вытащил ключи из замка зажигания, снова подивился тому, что новая машина никак не желала становиться «своей», и вышел наружу.

Хлопнула дверца.

Заскрипели по устилавшему дорожку снегу жесткие прорезиненные подошвы.

Это объявление попало на глаза случайно, когда в ожидании заказа я начала листать оставленный кем-то на подоконнике кофейни журнал, посвященный последним достижениям в области военных технологий.

«Курсы повышения квалификации специалистов по электромагнитной криптографии. Диплом специалиста. Набор в группы ограничен».

И что-то отозвалось.

Будто невидимый ветер донес издалека звуки чего-то тягуче-родного; всколыхнулась тоска и надежда. Не забыть, не потерять навыки, сдержать слово чести, пронести и развить те знания, что когда-то оставили в наследство профессионалы из «Кину», – вот это было бы здорово. Более того, это было бы правильно.

Глядя на глянцевую страницу журнала, пестреющую фотографиями современных магнитных замков и радиоуправляемых чипов, я не услышала ни как принесли кофе, ни вопроса официантки. Девушка ушла, так и не дождавшись ответа; обо всем этом я подумала позже, вынырнув из размышлений. О чем был вопрос? Наверное, о десертах... в памяти остался лишь вежливый голос, но не смысл слов.

Если меня возьмут... Если меня возьмут, то я займусь тем, что по-настоящему люблю и ценю. Секретарши, административные должности, продавцы – боже, какое все чужое! А тут свое... знакомое, нужное. А потом смогу устроиться в уважаемую компанию специалистом, и тогда ни Чак, ни то, чему научила меня работа в «Кину», не будут забыты.

Кофе смочил пересохшее горло вкусом молока и корицы. Я облизнула пену с губ и впервые за все время, проведенное в Нордейле, почувствовала себя дома.

* * *

Спустя две с половиной недели

Хэнк Гришем работал уборщиком вот уже много лет.

Привычная серо-голубая униформа с бездонными карманами, тележка с моющими средствами, подоткнутые в поддон тряпки и два совка: один побольше, пластиковый желтый, второй поменьше, железный синий. Изученные вдоль и поперек коридоры офисного здания, куда он, после того как съедал завтрак и выпивал кофе в квартире на углу Тридцать Седьмой, шаркал каждое утро. И в дождь, и в снег, и в сухую погоду. Здесь не было ничего, чего бы Хэнк не знал. Спроси старика, какое количество ступеней

на каждом пролете восточной лестницы, и он ответит. Спроси, с каким звуком закрывается дверь кабинета управляющего – да, та самая, с пятнышком у самого пола, что не оттирается никаким чистящим порошком, – и он тоже ответит, узнает этот звук из тысячи других. Спроси, о чем вчера говорили вахтер и клерк с пятого этажа, стоя у лифта, и Гришем воспроизведет каждое слово их разговора.

И все потому, что уборщик – это не просто неприметный человек, выполняющий грязную работу; это в первую очередь уши. А уши – это знание. Великий котел, куда сливаются все струйки информационных потоков со всех двадцати этажей офисного здания. Помимо ушей это еще и ключи. Ключи от всех дверей – ведь кто-то должен скрести и чистить полы, что за ними скрываются?

Да, у всякой работы свои плюсы. И они особенно полезны тогда, когда знаешь, как их использовать.

Сейчас уборщик сидел за дальним столиком в общественной столовой и делал вид, что тщательно колупается вилкой в говяжьей котлете, обложенной по краям толченой. На самом же деле он наблюдал за группой людей, разместившихся слева от него. Пятеро мужчин и одна девушка. Едят, общаются, смеются над чем-то.

Так который из них?

Сегодня позвонил лысый. Гришем видел его всего лишь раз в жизни, но звонки получал довольно часто. Просьбы всегда были разными, а вот оплата – всегда хорошей. Неизменно хорошей, достойной выдачи нужной информации. В этот раз лысый поинтересовался, кто из новичков, записавшихся на курсы криптографии, что ведутся в кабинете номер триста восемь, лучший. Узнай, Хэнки... И сообщи мне. Всего лишь имя лучшего студента, пошерсти там по папкам, послушай...

После этих слов старик подумал: «Не учи меня дела делать», но вслух лишь вежливо заверил, что узнает все, что требуется, уже к завтрашнему вечеру. И теперь Гришем вновь превратился в уши, из уборщика в тайного агента, шпиона, лазутчика. От интриги волнительно щекотало сердце: так который из них? Вот тот, рыжий, с большим ртом и кучей веснушек? Или же похожий на вышибалу, коротко подстриженный и чернявый? Кто наиболее талантлив?

А может, это тихий ботаник, который, как только взял у стойки поднос с едой, ушел в собственные мысли, чтобы не вылезать из них до конца обеда? Или же тощий парнишка в безразмерной кофте, усиленно налегающий на кофе?

А-а-а... Что толку гадать? Вот появится шанс заглянуть в записи и

результаты тестов, тогда и можно будет утверждать наверняка. А то ведь внешность обманчива, еще как обманчива.

Спустя девять часов Гришем вернулся в квартиру, набрал знакомый номер и удивленным голосом сообщил, что лучший студент... студентка, поправился он, – это некая Меган Райз... да-да, баба. Та самая, единственная из шести человек, обучаемых Гордоном Кригом.

Лысый помолчал, и была доля странного довольства в его молчании.

«Тем лучше», – обронил он неопределенно, сказал, что оплату доставят по месту назначения, и отключился.

Хэнк вытер ладонью усы и положил трубку.

* * *

Быстро я прижилась в незнакомом месте. Да, быстро.

Постепенно незнакомые улицы стали знакомыми: теперь я помнила, что если при выходе из здания, где вот уже три недели я проходила обучение, повернуть за угол направо, то найдешь магазинчик сувениров. А сразу за ним находится винная лавка. А за винной лавкой – длинный и светлый салон мебели, центр мобильной связи и большой супермаркет, куда я часто заходила за продуктами, чтобы после перейти дорогу и направиться через сквер к дому. Тридцать минут ходьбы неспешным шагом, пятьдесят – если посидеть на лавочке в заснеженном сквере, глядя на желтые, покрытые пушистыми снежными шапками фонари.

Вот и в этот раз я зачем-то присела на деревянную лавочку.

Конец февраля, еще холодно. Но не настолько, чтобы лишиться себя удовольствия понаблюдать за проезжающими по проспекту машинами, прислушаться к городскому шуму и тишине внутри себя. Снежинки неспешно падали с темного неба, а я ловила их ртом. По-глупому, как щенок, пытающийся ухватить кусочек чуда, почувствовать вкус уходящей зимы, растворить на языке маленький кристаллик – кристаллик-послание о будущем, которое я все никак не могла ни прочитать, ни расшифровать. И никакая криптография не поможет распознать, что скрыто за поворотом на линии судьбы. Хорошо ли будет, плохо ли? Грядут ли изменения, или неспешный нерасторопный ритм, в который вошла моя жизнь в последнее время, еще пока сохранится?

День рождения. Через неделю. Второе марта – день моего попадания на Уровни. Давно это было. Почему и зачем – кого теперь спрашивать...

Я вздохнула.

Как праздновать, с кем? Неужели снова в одиночестве?

Новое место, новая квартира, новые знакомые, но никого из них нельзя назвать друзьями. Друзья – это те, кого ты рад видеть в любое время суток, кто принесет бутылку вина без предупреждения и ввалится в квартиру с вопросом «Ну, как оно?», и ты с удовольствием поделишься, насколько бы хорошим или плохим это самое «оно» ни было в данную минуту.

Полезный курс, приятные ребята – верные и нужные товарищи в будущем, но не друзья, нет. К сожалению. А значит, видит бог мою грусть, праздновать снова буду в одиночестве.

Вспомнился прошлый год.

И торт, будь он неладен. А следом всплыли запах апельсинов и вкус последовавших за ним поцелуев. Хорошо было, ох как хорошо. Тепло, нежно, трепетно. Тогда была в душе наполненность и ощущение нужности – единство двоих, которым следовало разглядеть собственное предназначение.

Не разглядели.

Шумели по проспекту машины. Переливались под фонарями их гладкие блестящие бока, отражали огни ночных витрин окна.

Я открыла рот и поймала в плен очередную снежинку. Еще несколько осели на ресницах и почти сразу же растаяли от выдоха.

Как он переживал по поводу шрамов на моих ладонях... Тихо кипел, злился, негодовал. Просто не знал, что последовало сразу после, а так бы негодовал куда больше. Не заметил одной детали: маленького круглого шрама на спине – входного пулевого отверстия. А если бы заметил, на сколько еще вопросов мне предстояло бы ответить? И стала ли бы я ворошить те воспоминания?

Спина зажила, а душа – нет. Больно. Очень больно.

До сих пор.

Холодный ветер рвался в лицо, хлестал по щекам, и земля дрожала от тех, кто бежал впереди, и тех, кто настигал позади. Хрип из собственных легких: «Ну подождите же, подождите!» Стылая земля под подошвами, скользкая и шипастая, полная ловушек для обессиленных ног, и уносящиеся на полной скорости спины впереди. Собственная рука, протянувшаяся вперед в поисках опоры, в поисках того, кто подхватит, поддержит, поможет рвануть из последних сил. Но никто не обернулся. Пустота под пальцами.

«Вернитесь же, вернитесь!» – беззвучно хрипело горло.

Еще один рывок вперед, еще один шаг к спасению...

А потом последовал выстрел.

Он обжег спину, заставил рухнуть прямо на землю, лицом в застывшую от мороза грязь, – и боль. Много боли, рвущий на части алый цветок в теле и пропитывающаяся кровью куртка. Горячо и холодно. Страшно и спокойно. Распоротая камнем щека и нездоровый сип из горла.

Всё. Конец.

Но вдруг впереди послышались шаги – кто-то вернулся. Вернулся! Я до сих пор помнила, как в опаленном болью сознании фениксом взметнулась надежда, вспыхнула ярким пламенем, почти ослепила от нахлынувшего на секунду счастья.

Они помогут мне, возьмут с собой, вылечат, залатают... Команда, боже, моя команда... ведь мы команда! Спасибо, господи, значит, ты всё еще слышишь!

И следом – выскальзывающий из пальцев пистолет.

Поднять голову сил не хватило.

Кто-то вернулся за тем, чтобы забрать оружие. Присел на корточки, грубо и жестко разжал мои сжимающие рукоять окоченевшие пальцы и бросился наутек.

Вернулись, да.

Но не за мной. За оружием.

Тот случай меня многому научил. Лучше бы не учил. Лучше бы тогда помереть.

Очередная снежинка приземлилась на рукав, и какое-то время я рассматривала ее крохотные ножки в свете фонаря. Блестящая, тонкая, красивая. Очередное чудо для того, кто когда-то остался жив. Зачем-то остался.

Нордейл. Спокойные уютные улицы – новая жизнь, новые места, новые дела. Только душа старая и круглый шрам на спине. И как его пропустил Дэлл?

Я горько усмехнулась.

Пусть этот день рождения я проведу в одиночестве, но зато без торта, без ложных друзей, без пули в спине и без последующей больницы. Одиночество – не самое худшее, что может случиться с человеком. Нет, далеко не худшее.

Гораздо хуже, когда ждешь и не дожидаясь. Когда за тобой не возвращается тот, на кого ты очень надеялся. Когда за тобой, мать его, вообще никто не приходит.

Я зло выплюнула изо рта обломанную веточку, которую непонятно когда успела туда засунуть и вот уже какое-то время жевала. Почти

изгрызла от горечи, заполнившей ум.

Если кто-то за тобой не возвращается, значит, он тебе не нужен. Значит, в очередной раз сама. Всегда сама.

Подумаешь. Не в первый и не в последний раз.

Бросив взгляд на выплюнутую на землю изжеванную веточку, я подхватила стоящий у лавочки припорошенный снегом пакет с продуктами, поднялась и быстро зашагала домой.

А позже той же ночью не удержалась... попросила, чтобы второе марта я провела не одна. Да, тогда небесный отец не услышал. Но, может быть, он услышит в этот раз?

* * *

– Отпустите! Что вы делаете!!!

– Заткнись!

Грубые руки запихнули меня в салон автомобиля. Что это? Черный джип? SUV? Не успела разглядеть ни знаков, ни лиц напавших – лишь сумбурное мельтешение курток и обжигающе холодный воздух, ворвавшийся в легкие, приготовившиеся исторгнуть душераздирающий визг.

– Не смей орать, сука! Тихо!

Затянутые кожей перчатки сжали горло поверх шарфа. Вместо крика вырвался беспомощный сип. Звуки вокруг на мгновение заглушил грохот бешено бьющегося сердца.

– Эй, ты, не повреди ей башку. И пальцы тоже!

Вот и всё. Стиснутая на заднем сиденье в чужой машине между незнакомыми мужчинами, я не смела пошевелиться, лишь дрожала, словно маленькая стянутая одеялом птичка.

Их было четверо – двое по бокам, водитель и один на пассажирском сиденье, в пальто и меховой шапке, вероятно, главный. Потому что сразу после того как он бросил водителю «Поехали», повернулся ко мне и неприятно улыбнулся. На меня уставились маленькие цепкие глаза. Плохие глаза. Умные глаза.

– Не дергайся, девочка, целее будешь.

– Что происходит? Что вам нужно?!

Несмотря на предупреждение, я все же дернулась – больше по инерции, нежели из желания воспротивиться его словам. Не слишком-то

подергаешься, когда вокруг ни сантиметра свободного пространства, а машина мчится во весь опор. Разум лихорадочно пытался найти объяснение случившемуся: как так, ни друзей, ни врагов, всего месяц в Нордейле, и тут такое? Куда едем, зачем? Клейкий страх слепил внутренности в комок.

По меховой шапке плыл свет вечерних фонарей, раз за разом высвечивая жесткий профиль с орлиным носом, острым подбородком и тонкими губами.

Сердце продолжало грохотать, вталкивая в кровь ощущение беспомощности.

– Не много нужно. Сделаешь одну работенку, там задачка-то от силы на пару минут, а мы достойно наградим и отпустим. Делов-то.

– Какую еще «работенку»?

Что-то внутри екнуло в нехорошем предчувствии.

– Увидишь, расслабься. Ведь уже едем, видишь? Значит, скоро.

Он снова улыбнулся, и мои волосы, казалось, встали дыбом прямо под шапкой.

Позвонить. Нужно незаметно позвонить Дэллу, единственному, кого я знала в этом городе и кто был способен помочь. Но как достать из сумочки телефон? Как успеть если не поговорить, то хотя бы набрать выгравированный в памяти номер?.. Дэлл всё поймет без слов... он такой... он почувствует и отследит мое местонахождение. Но как позвонить?!

Нужно потихоньку расстегнуть замок, отвлечь внимание пустым разговором, незаметно просунуть ладонь внутрь и на ощупь...

– Забери у нее сумку! – раздалась отрывистая команда с переднего сиденья, и вожделенный предмет был тут же выдеран из моих пальцев. В лицо впился взгляд злых глаз-бусин. – Думаешь, умная? А я ведь могу сделать очень больно. Хочешь проверить?

Я не стала отвечать. Подбородок дрожал, сердце тоже.

Встряла. Seriously встряла. Но почему, за что?

Три дня до дня рождения. Твою мать, история повторяется. За что ты со мной так, жизнь?

– Открывай.

– Не буду.

– Будешь!

– Нет.

Знакомый магнитный замок – с таким я научилась работать еще месяц назад – мигал перед глазами единственной лампочкой. Красный

прерывистый свет то вспыхивал, то гас, будто предупреждая: «Не делай этого, не надо...»

Конечно, не надо. Больная я, что ли? Вокруг – информационный центр военной базы, а замок держит код блокировки на специальной сенсорной клавиатуре, позволяющей получить доступ к чему-то важному. Потухшие экраны на стенах, темные мониторы на столах – бункер под землей.

– Не трати время, его и так мало. Приступай.

Теперь, когда он снял шапку, лысина – гладкая, как кегельбанный шар, – блестела в свете единственной зажженной под потолком лампочки, такой тусклой, что требовались фонари, чтобы разглядеть больше, нежели смутные очертания предметов.

Я не отрывала по-волчьи холодного взгляда от замка.

Нет.

Маленькая Меган внутри сжалась в комок; в ее широко распахнутых глазах, словно расплавленная лава, плескался страх. Казалось, взгляд умолял: «Сделай, как они говорят, и уйдем. Ведь страшно... Очень страшно!»

Нет, малышка. Нет. Я не для того попала в Нордейл, город-сказку, чтобы предать его. История не повторится.

Она медленно подняла руки и накрыла ими голову, будто защищаясь от грядущего удара, уже предчувствуя его, хотя вокруг меня никто не двигался. Все ждали.

Извини.

– Приступай! – Лысый начал терять терпение. – Я не для того тебя припер сюда, чтобы уговаривать. Слышишь, ты?!

– Не умею, – процедила я.

Раздался каркающий смех, отразившийся от холодных стен. Водитель курил, сидя на отодвинутом от стола стуле. Мои провожатые стояли где-то позади, за спиной.

– Не умеет она! Кому ты ...ишь?! Знаешь, сколько я отдал, чтобы выяснить, кто лучший на ваших гребаных курсах? Ты! Поэтому не мотай мне нервы, я и так зол. Открывай!

Красная маленькая лампочка равномерно мигала. Нетронутая схема, нетронутые магниты, сохраненный невзломанный код, который и останется таковым. Внутри медленно разливалось холодное студенистое чувство неизбежности.

– Ну?! – рыкнул лысый. – Начинай, слышишь?! Мое терпение на исходе. Не сделаешь сама – я заставлю. Зачем тебе это, скажи, ну зачем? Испортишь прическу, личико, кожу... Разве ты этого хочешь?

Где-то там, внутри замка, застыли магниты – между ними поле и взаимодействие частиц. Оно не нарушится потому, что мои пальцы прикоснутся к поверхности. Проклятые пальцы. Проклятое знание.

Лучше бы на бухгалтера...

Поздно.

– Я не буду этого делать.

– Будешь...

Теперь его голос зловеще свистел.

– Будешь и сделаешь. Терпеть не могу строптивых, и кое-кого покрепче ломал. Алан?

Кто-то подошел сзади, резко развернул меня на сто восемьдесят градусов и ударил в лицо. Лязгнули зубы, а вместе с ними покачнулось что-то внутри – треснуло и едва не осыпалось в центре головы.

Плохо дело... Труба...

Но решимость стоять на своем лишь возросла. Не буду преступать черту, не в этот раз...

– Открой этот гребаный замок – и свободна! Неужели не ясно?! – долетел сбоку хрипящий противный голос, и боль усилилась.

Язык потонул во вкусе собственной крови, густой и липкой. Алан, держащий меня за грудки, смотрел холодно и пусто. Ему было все равно, кого бить: женщину, старика, собаку...

– Давай...

Ударили еще раз.

Внутри сделалось гулко, как в колоколе; сквозь сознание поплыли шумовые волны.

Только не снова... Три дня до дня рождения...

– Научи ее!!!

Следующий удар пришелся в живот, от него тело сложилось пополам, ноги подкосились. Надсадный кашель вырвался изо рта с хрипом, осев на куртке громилы капельками кровавой слюны. Тот зарычал. От резкого тычка в ребра я отлетела к стене и ударилась затылком о бетон – мир в очередной раз вспыхнул красным и покачнулся, теряя привычные очертания. Шум в висках сделался нестерпимым.

– Ты сделаешь это! – шипел лысый. – Сделаешь... или не выйдешь отсюда никогда. Мне нечего терять, у меня одна попытка, а у тебя одна жизнь. Неужели не ценишь?

Ценю, старый козел, ценю... Вот только свободную. И честную...

Железный Алан давил на шею стальным захватом.

Маленькая Меган внутри сжала голову дрожащими руками, упала на

пол и теперь скулила от страха.

Прости, малышка. Если выберемся, куплю тебе... нам... гору мороженого...

– Так будешь открывать, в последний раз спрашиваю?!

И шоколада...

Теперь он ревел, начиная осознавать, что проиграл. Да, женщина, да, маленькая, вот только не сломать, и не такие пытались...

Я разлепила пульсирующие от боли веки и посмотрела на него. Глаза слезились.

– Испортил мне день рождения... – просипела со смесью грустной ненависти и разочарования.

– Что?! – Лысый, вероятно, ожидал услышать что-то другое, например: «Да, мистер. Конечно, мистер. Как скажете, мистер... показывайте замок». А когда понял, что услышал совсем не это, сорвался. Посерел лицом, осунулся, постарел, словно одеревеневшая маска, пролежавшая на полке десятки лет и вдруг попавшая под дождь.

– Дай ей, дай ей! Дай этой суке как следует... – завизжал он, но конец фразы потонул во мраке, когда мой затылок в очередной раз встретился со стеной.

Ускользя из бытия, я успела подумать о мигающей красным лампочке и о том, что в жизни никто никогда за тобой не приходит. Никто и никогда. Просто забирают оружие из обессиленной руки лежащего на земле человека и уходят. Оставляют его позади, как отработанный материал. Это жизнь.

Сознание затухало.

Конвульсивно дернулась на полу маленькая Меган.

Глава 3

Когда в кабинет ворвался Дэлл Одриард – именно ворвался, а не вошел, тактично, со стуком, после приглашения, как это было принято, – Джон Сиблинг как раз просматривал последние отчеты о происшествиях в Нордейле и совершенно не был готов к энергетическому напору, который вплыл в помещение вместе с подрывником.

– Джон, почему она здесь?! Почему на четырнадцатом и почему у нас в здании?!

– Эй-эй-эй! – предостерегающим жестом взмахнул рукой человек в форме. – Что за манеры? С каких пор ты врываешься ко мне в кабинет с вопросами?

– Та девушка, – Дэлл отыскал глазами нужный экран, транслирующий изображение допросной комнаты и двух человек, находящихся в ней, – она давно попала сюда? Почему в крови, почему допрашивают? Что она натворила?

– Одриард... – раздраженно рыкнул оторванный от дел Сиблинг.

– Ее обвиняют в чем-то?

– Я что, превратился в справочную? Ты не ошибся дверью?

– В Комиссии нет справочной.

– Вот именно.

– Ответь мне. Это важно.

Джон, все еще удивленный нервозностью и взметнувшейся внутренней нестабильностью Дэлла, нехотя перевел взгляд на экран. Отчитать наемника или же ответить? Судя по бешеным глазам, лучше ответить – тот не успокоится, пока не вытряхнет правду из кого-нибудь другого.

– Так сюда, по-твоему, можно врваться без приглашения?

Одриард сдержал рвущиеся наружу раздражение и беспокойство и на секунду опустил голову. Прикрыл глаза, немного остыл, собрался.

– Нет.

– Хорошо, что ты это помнишь. – Сиблинг удовлетворенно кивнул. – А что до этой девушки...

Серо-зеленые глаза скользнули по экрану, и напротив него в воздухе моментально поплыла зашифрованная информация – по крайней мере, Дэлл не смог ее ни распознать, ни прочитать (чертовы символы!). Джон же без труда уловил смысл текста и изрек:

– Попала сюда час назад. Доставлена вместе с преступной группировкой, предпринявшей попытку взломать серверный центр военной базы к северу от Нордейла...

Одриард застыл на месте и едва заметно побледнел. «Только не это... – читалось в его глазах. – Черт возьми, только не это!»

– ...Однако допрос показал ее непричастность к преступным действиям. Девушка, обучающаяся на курсах криптографии, была похищена прямо с улицы и доставлена на базу насильно. Там ее навыки попытались использовать для взламывания магнитного устройства, но безрезультатно, так как указанная дама отказалась содействовать, за что и была избита. Собственно, именно поэтому она в крови. Так как законов она не нарушала, Комиссия окажет ей посильную помощь и поддержку.

Теперь Дэлл выглядел иначе – ошарашенным и злым. Джон мог бы даже использовать слово «в ярости». Люди... что с них взять. Любят они сильные эмоции.

– Что тебе до нее? Знакомая?

Подрывник прочистил горло. Волны облегчения сочились прямо через его одежду и, наверное, были ощутимы даже в коридоре.

– Да, знакомая.

– С ней всё будет в порядке. Ребята с ней еще немного побеседуют и отпустят домой. Можешь расслабиться.

– Давно?

– Что давно?

– Давно она здесь?

Сиблинг раздраженно качнул головой – сколько вопросов, а еще дел невпроворот. Нет, точно справочная. Информационное бюро, мать его.

– Около четырех недель.

– Понял.

Что-то неуловимое мелькнуло на лице стоящего перед экраном наемника, но Сиблинг не стал вдаваться в детали. Его жизнь, его дело, сам разберется.

– А теперь свободен.

Дэлл едва заметно вздрогнул, словно очнулся или вспомнил что-то важное, затем быстро поблагодарил представителя Комиссии и вышел из кабинета. На том месте, где он стоял, в воздухе остались сгустки обрывочной информации.

«Засорять пространство эмоциями они умеют, а вот чистить – нет».

Джон покачал головой, еще раз взглянул на экран и снова погрузился в чтение.

Он стоял, прислонившись к косяку, и слушал, как непривычно медленно и глухо колотится собственное сердце. Вдох-выдох; за дверью – приглушенные голоса, один из которых – ее. Ее.

Дэлл медленно закрыл глаза.

То удивление, растерянность, а следом и негодование, что хлынули в душу, стоило увидеть Меган (Меган в крови!), запомнятся ему надолго. Да, если она здесь, значит, остальные пойманы и наказаны. Наверняка сильно наказаны: Комиссия не прощает, попросту не умеет, что в данном случае к лучшему – только потому, что рыжеволосая бестия, на собственное счастье, в этот раз оказалась невиновной. Видит бог, он переживал. Грехи прежнего Уровня прощены, так бывает почти всегда, за исключением сложных случаев, но, если бы она оступилась здесь, на четырнадцатом, – все, дно глубокого колодца с жирным чавканьем приняло бы новую душу. Но Меган не соскользнула, удержалась. Молодец.

В груди по-прежнему kloкотала ярость, не желала униматься, несмотря на все попытки расслабить сделавшиеся стальными внутренности.

Он бы убивал. Долго, жестоко, со вкусом, убивал бы качественно, со знанием дела и с расстановкой. Но уже не требуется. Лучше бойцов из отряда специального назначения могла карать только Комиссия, и карали они не только тело, но и душу. Вот уж к черту такое, и во веки веков...

Дэлл медленно втянул воздух и открыл глаза.

Готов ли он увидеть ее? Да, готов. Хотя бы на минуту, чтобы задать пару вопросов, чтобы узнать, не требуется ли помощь, чтобы еще раз заглянуть в глубокие зеленые глаза.

Скучал, оказывается. Скучал. И мир вдруг сделался шире, а его краски – насыщеннее. Вот ведь ирония.

– Нет, мне ничего не нужно.

Они стояли и молча смотрели друг на друга, так долго, как могут смотреть только те, чьи жизни глубоко и сложно переплелись, на чьих судьбах волшебным пером оставила росчерк тайна предназначения. Со смесью притяжения и отторжения, с желанием приблизиться, бьющимся о внутреннюю стену сопротивления.

Дэллу казалось, что печаль, застывшая в ее глазах, снимает тонкие полоски кожи с его сердца, пласт за пластом, оставляет его оголенным и болезненно чувствительным.

Синяк на скуле, разбитый висок и кровь, запекшаяся в уголке губ.

Он едва не рычал вслух.

– Тебе нужен доктор.

– Меня уже осмотрели в лаборатории.

– Что сказали?

– Ничего. Они... – Меган запнулась, – ...не особенно разговорчивые.

«Это точно», – Дэлл неслышно выдохнул.

Она стояла рядом, близко, такая потерянная, что щемило в груди. Разочаровавшаяся, тихая, одинокая, с пустотой на дне зеленых глаз, а Дэлл едва сдерживал желание дотронуться до разбитой щеки. Коснется – и что скажет? Что? Что ему жаль, что хотел бы он помочь, и не только ей, но и себе? Им обоим? Дурак...

Меган почувствовала его взгляд, смущенно улыбнулась и осторожно дотронулась до синяка на скуле.

– Не заживет до дня рождения.

Сказала это так просто, что Дэлл сразу понял: не было в этой фразе ни скрытого смысла, ни приглашения, ни хитрого замысла передать что-то большее, чем то, что было сказано. Просто «не заживет», и всё.

На секунду стало больно дышать.

– Когда? – спросил он тихо.

– Через три дня.

Нахлынула новая порция растерянности.

– Уже придумала, как будешь праздновать?

Спросил, лишь бы отвлечься от странно сосущего чувства внутри, которое вот уже несколько минут не был способен распознать.

– Нет.

Еще одна короткая фраза, в которой сказано больше, чем в длинных параграфах текста.

– А как бы ты хотела?

Она посмотрела на него так странно, будто Дэлл этим вопросом затронул нечто большее, чем предполагал. Губы приоткрылись и дрогнули, словно слова прорвались сквозь них быстрее, чем мозг успел выстроить очередную преграду.

– Как? – В ее глазах внезапно проснулась надежда, вспыхнула, как грань невидимого кристалла. – Принеси... подари... мне, пожалуйста, нож на сутки, и тогда мы придумаем, как...

Стоило этой фразе прозвучать вслух, как надежда в ее глазах погасла, словно накрытая крылом ворона. А ведь он не успел даже отреагировать – ни внутри, ни снаружи, – как Меган уже шагала прочь по коридору. И в который раз за этот день, неспособный сориентироваться в водовороте

чувств, он просто стоял и смотрел, как она уходит.

Как такое возможно, чтобы события, которым стоило бы растянуться во времени если не на недели, то хотя бы на дни, всем скопом упаковались в последние несколько часов? Сошлись, слепились в клубок, ворвались в жизнь неожиданным штормом. Градом размером с гусиное яйцо. Чертово похищение, замок, побои, отключка, Комиссия, сенсорный допрос, лабораторное обследование, а затем еще и Дэлл... Вот уж кого я совсем не ожидала увидеть. Не в этот день и не в таком состоянии.

Щека пульсировала, затылок – тоже.

Если врачи из Комиссии не выявили сложных повреждений головы, значит, их нет, и можно успокоиться и перетерпеть. Зарастет, заживет и затянется, как и многое другое. Вот только была внутри еще одна растущая пульсация, ухода которой ждать, увы, как я понимала с каждой минутой, бесполезно.

Дэлл.

Конечно. Он же связан с Комиссией, он работает на них, и стоило сразу предположить, что существовал шанс натолкнуться на него в тех длинных коридорах. Вот только большой ли шанс? Или мизерный? Но судьба пошутила вновь: хотела – получай.

Хотела, да.

Оказывается, и сама не подозревала, насколько сильно хотела, а как только увидела знакомую фигуру, лицо и серьезный, такой родной взгляд серо-голубых глаз, как все, пропала вновь. От того, насколько сильно скрутило что-то внутри – наверное, исстрадавшуюся в разлуке душу, – пришлось присесть на диван.

Как близко... Тот же запах, те же короткие волоски на висках, те же брови и едва опущенные вниз, как бывало всегда, когда он был раздосадован, уголки губ.

Стало трудно дышать.

Мой мужчина. С самого первого дня глубинная часть меня признала в Дэлле моего мужчину – нутро тянуло к нему так, что становилось больно. Хотелось не просто обнять тело – хотелось погладить душу, слиться воедино, расформироваться на крохотные искры и поселиться у него внутри. Чтобы уже не смог вытащить, чтобы принял и полюбил всем сердцем, так же, как и я. Одного взгляда хватило, чтобы осознать: вся борьба против собственных инстинктов последние месяцы была напрасной, и главная битва, так называемый экзамен по усвоенному материалу, оказалась проиграна еще до того, как прозвучало первое слово.

Забылся замок и красная лампочка, забылись даже лысый и его головорезы; осталась только ноющая глухая тоска и чувство, зовущее туда, где мне стоило находиться. Дома. Рядом с ним.

Висели, замерев, кофейные портьеры и кружевной тюль. За окном опустилась на город февральская ночь.

Нордейл – город-сказка... Сказки, оказывается, тоже бывают разными.

Хотелось горячего чая; горло пересохло, но вместо того, чтобы идти на кухню, я все сидела и размышляла над тем, что сказала сегодня в коридоре в последний момент...

«Принеси... подари мне нож на сутки, и тогда мы придумаем, как...»

Что же я наделала? Неужели не учусь? Захотела еще раз увидеть, как в самый нужный момент никто не приходит, и остаешься одна, оголенная, ранимая, умирая вместе с надеждой, которую приходится душить собственными руками. Чтобы она умерла до того, как умрешь ты.

Зачем...

Я закрыла лицо руками, не обращая внимания на саднящую щеку. Не боли, душа, уймись, да уймись же, мать твою!

Черт!.. Я испортила грядущий день рождения гораздо сильнее, чем это сделал лысый. Теперь я боялась просыпаться второго марта. Проснешься – и никого...

Так, всё, хватит! Не раскисать! Если уж придет время это делать, то зачем начинать сегодня?

Не успела я подняться с дивана, как прозвучал дверной звонок.

Кого могло принести в этот час?.. Кого вообще могло принести... ко мне? Снова Комиссию с проверкой? Дэлл? Только не это.... (Да-да-да!)

Но за дверью, к моему одновременному облегчению и разочарованию, обнаружился не Дэлл, а незнакомый мужчина приятной, впрочем, наружности: высокий, с рыжеватыми волосами, глазами цвета выдержанного виски и мягкой располагающей улыбкой.

Не успела я поздороваться и спросить о цели его визита, как тот уже браво представился:

– Доктор Лагерфельд к вашим услугам, мадам. На что жалуетесь?

От удивления я запрокинула голову и приоткрыла рот. Затем опомнилась, приняла должный вид, захлопнула рот и только после этого довольно прохладно ответила:

– Я никогда ни на что не жалуюсь.

– Хорошо. Тогда пока я вас осматриваю, – незнакомец, не спрашивая разрешения, шагнул в квартиру, – вы подробно расскажете мне, на что вы «не жалуетесь».

К моей челюсти будто привязали грузик – так сильно ей хотелось снова отвиснуть, – а через секунду губы непроизвольно растянулись в улыбке. Ну и наглец! Но обаятельный, в этом не откажешь.

Удивленная, я покачала головой, закрыла входную дверь и настороженно отправилась искать место, где успел разместиться в глубине моей квартиры незванный доктор.

* * *

Дэлл ждал этого звонка. Когда мобильник наконец ожил, он схватил его так быстро, что наверняка бы выиграл приз по скоростному хватанию мобильных, если бы решил поучаствовать в подобном соревновании.

– Да!

– Ну всё, здорова твоя подопечная; залечил, залатал, исцелил.

– С меня виски.

– Да к черту твой виски. Принесешь хороших сигар, а то у меня закончились.

– Лучше Бернарду попроси, пусть достанет своих, заморских, вместе попробуем.

– А это мысль!

– Тогда с меня все-таки виски.

– Умеешь ты уговаривать.

Они помолчали, оба довольные результатом: Лагерфельд – осмотром, а Дэлл – собственной просьбой этот осмотр произвести. А еще через минуту, пожелав друг другу хорошего вечера, попрощались.

Желтел в полумраке приклеенный к монитору клейкий листочек со списком дел. Дэлл поднес к нему черную шариковую ручку и вычеркнул последний пункт. Затем медленно откинулся на спинку, повернулся на стуле и уперся рассеянным взглядом в стену, увешанную оружием. Подумал, не стоит ли к пистолетам добавить холодное оружие и не будет ли подобная смесь смотреться моветоном? А затем незаметно для себя переключился на другой, куда более важный вопрос, нежели размещение клинков на стене собственного кабинета: правильным ли будет позволить некому ножу с выгравированным на лезвии номером снова вступить в игру судьбы? Ведь сегодня прозвучала просьба...

Да или нет? Нет или да?

Какой из вариантов выбрать?

Одриард замер в нерешительности.

В течение следующих двух дней, что бы я ни делала – корпела ли над кодированием цифровых сигналов микросхем, слушала ли монотонное бубнение преподавателя, обедала ли в окружении гомонящих сокурсников или же лениво прогуливалась между уставленными товарами рядами супермаркета, – я непрерывно, словно заколдованная, думала о двух вещах. Даже о трех, если быть точным: о неумолимо приближающемся дне рождения, Дэлле и еще о докторе, сумевшем в процессе пустой болтовни не только залечить синяки от ударов, но и срастить края рваных ран так, что не осталось даже шрамов. Часами в последующие дни я рассматривала места ссадин, которые по всем законам должны были адски саднить после любых чудодейственных мазей, но кожа была совершенно гладкой – новой. Ни намек на повреждения.

Вот тебе и доктор.

Какие шаманские методы он использовал и кем был прислан? Комиссией? Очень щедро.

Ну а при мысли о дне рождения я неизменно покрывалась испариной, и если раньше едва не выла с тоски от предстоящего одиночества, то теперь же почти мечтала о нем, потому как присутствовала в этом некая понятность и определенность – пусть плохая определенность, но она все же была. А теперь эта самая вредная определенность проскользнула сквозь пальцы влажной прохладной медузой и ушла в глубинные воды несбывшихся вероятностей, оставив после себя тихий «бульк» и прощальный взгляд «дальше как-нибудь без меня».

Взглянув на ряд стеклянных банок с огурцами, я вздохнула. Нет, в маринованных продуктах необходимость отсутствовала, но она присутствовала в том, чтобы либо убить время, либо непостижимым образом окончательно остановить его, и поэтому я продолжала праздно глазеть на товары, которые не собиралась покупать.

Завтра.

Уже завтра утром наступит мой чертов день рождения.

Глава 4

День рождения Меган

Свет уже вовсю заливал крохотную уютную спальню, а я все еще лежала под одеялом и ощущала себя партизаном, огонь по которому откроют сразу же, стоит кончику носа показаться наружу. Под прицелом держало не что иное, как сюрпризы – но плохие или хорошие? Ведь без них сегодня точно не обойдется. Либо они обрушатся ворохом счастливых эмоций и закружат в радостных теплых объятьях, либо проводят холодными глазами, а после сделают контрольный в голову.

Мда. А вылезать все равно придется.

Спустя несколько минут я набралась сил и выскользнула из постели. Укуталась в домашний халат, сунула ноги в тапочки и крадучись прошла на кухню. Выглянула в окно – никого. Под окнами ни «Неофара», ни красных лент, ни воздушных шаров. Тэ-э-экс.

Осторожно высунула нос в коридор – под дверью ни корзины с цветами, ни очереди из посыльных с тортами, приготовленными на заказ. Хм, неприятно. Однако нет и торчащей из двери записки с каким-нибудь скабрёзным содержанием: «Сегодня не смогу, извини, много работы. Дэлл». И на том спасибо. Учимся искать положительные стороны.

Несмотря на ранний час и плещущую изнутри браваду, внутри открылся и другой источник, примешивающий к радости долю горечи.

А что, если не придет?..

Чтобы унять беспокойный мозг, я приняла душ, приготовила завтрак, поела, убралась в квартире (негоже встречать гостей в бедламе) – минус полтора часа ожидания; тщательным образом нанесла макияж и соорудила причёску (негоже представлять перед всеми нечесаной) – еще минус час двадцать. И почти полдень.

Тихо.

В третий раз расчесала волосы, подправила блеск на губах, отложила тюбик с парфюмом, которым, казалось, пропах уже весь дом, включая нижние этажи, и только тогда начала по-настоящему осознавать происходящее.

Полдень. Телефон молчит. Никого.

За окнами ходят люди, весело щебечут, несмотря на ночные заморозки и заволоченное тучами небо, птицы. Как приятно... Как светло и радостно

должно быть на душе. Должно быть...

Внезапно в квартире сделалось темнее. Или то стало темнее у меня внутри?

Одиноко, тихо, пусто.

Часы беспощадно отсчитывали уходящие минуты дня – праздника, который все никак не приносил праздничную атмосферу.

Неужели Дэлл не придет? К черту нож, но пришел бы сам, хоть на пару часов, хоть ненадолго, на пять минут... И не нужно подарков, только капелюшку внимания.

Фонтан горечи усилился, вливая нежеланное озарение: я вновь занимаюсь тем же самым – жду того, кто не желает прийти. Жду, что за мной вернутся, поднимут с земли, помогут. Что просто не забудут.

Как глупо.

С чего бы человеку, не желающему появляться все эти месяцы в Соларе, внезапно возжелать посетить мою квартиру в Нордейле? Потому что ближе ехать? Бред. Или, может, потому что у меня в момент нашей встречи на лице были отпечатки чьих-то кулаков и кровавые разводы? Да уж, зайдите, пожалейте бедную девочку. Еще и нож ей принесите в качестве утешительного приза. Да-да, тот самый, который служил символом рабства последние годы и заставлял прислуживать всяким мудакам. И обернуть его не забудьте подарочной бумагой, чтобы всё чин чинном, а не абы как...

Телефон продолжал молчать.

Наманикюренные ногти впились в ладони.

Один родился – один и умрешь, и день рождения – самый верный момент, чтобы это осознать. Впитывая отравляющую и одновременно отрезвляющую тишину, я мысленно сняла розовые очки и сложила их в бархатный футляр.

Ну и дерьмо. Обидно-то как...

Нутро планомерно продолжала разъедать едкая желчь.

Нет, не смотри, маленькая Мэгги, в окно, забравшись на крохотную табуретку с коленями, – по дорожке к твоему дому никто не придет. Не принесет мешок с конфетами, не обнимет, источая с рукавов куртки запах мороза, теплыми руками и не скажет, как сильно скучал и ждал встречи. Не верь тому, чего нет.

Маленькая Меган обиженно поджала губы и покосилась на меня с неприязнью. Мол, ты страдай, а я еще подожду.

Ну жди-жди...

Все эти месяцы... во что я верила? В чудо, которому не суждено

произойти? Страдала, терпела, пыталась пережить, забыть, истереть чувства в порошок, и все равно верила. Интересно, учатся ли такие, как я, или же так и помирают дураками?

Наверное, второе.

Казалось, очередной вздох наполнил тяжестью бытия всю комнату и тяжелым одеялом укрыл сердце.

Что же делать? Продолжать сидеть в пустой квартире, которая через час превратится в камеру страдающего узника? Да какой там час... через несколько минут. Хватит еще пары мыслей и нового вздоха, чтобы утонуть, уйти на дно, лечь лицом в подушку и больше не подниматься. Ни сегодня, ни завтра, а еще лучше – совсем никогда.

Ну уж нет! Все, хватит. Приехали.

А ну-ка встали, взяли себя за шкирку, заткнули фонтан горечи кляпом, натянули на лицо довольную маску – и гулять. Куда глаза глядят. Хоть к черту, лишь бы не думать, не смотреть на телефон и не слышать съедающей тишины.

Колени не желали держать, а сердце – держаться, но я заставила себя встать, одеться, сложить в сумочку ключи и выйти за дверь.

Толпа безжалостна к изгою – именно она лучше всего со всей грубой прямолинейностью заставляет ощутить собственное одиночество. Ничто не вынуждает так остро жаждать общения, как взгляд, брошенный на смеющуюся компанию, или стонать от отсутствия тепла, как то делает вид целующейся на улице пары. Сплетенные варежки, пар изо рта и бездонный колодец счастья в глазах.

Прочь. Прочь от тех, кто всем своим видом заявляет: «А наша жизнь удалась. Как насчет тебя? Почему ты бредешь, не разбирая дороги, когда все могло быть иначе?»

В кафе? Нет. Пройтись по базарчику? Нет. Куда ни ступи, везде на тебя натываются люди – много людей, – ни один из которых не имеет понятия, что сегодня тебе полагался праздник, который так и не случился.

Куда же? Куда? Прочь от шума и людей, прочь от дорог и суеты, прочь от радостного гомона разношерстной толпы.

Ноги, против всякой логики, сами свернули в заснеженный парк.

* * *

Прежде чем выйти из машины, он какое-то время сидел и смотрел на

приборную панель. Просто смотрел, почти бездумно, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Все. Намерение сформировано, решение принято, осталось исполнить.

Внутренний карман оттягивал тяжелый – не столько по весу, сколько по судьбоносности – военный нож. О чем думал Великий Дрейк, награждая им в тот знаменательный день? Знал ли Начальник обо всех поворотах, что эта железка с острым лезвием внесет в жизнь подрывника? Знал, наверное, гад... Он о многом знал наперед. Только жестокий и по-своему мудрый оракул мог руководить Комиссией – странной и одновременно страшной организацией, состоящей из представителей высшей расы, одетых в серебристую форму.

Дэлл медленно выдохнул и посмотрел за окно, где неслышно падал ватными сгустками снег.

Наверное, к двум часам дня Меган совсем разуверилась в его приходе. Сначала ждала, затем загрустила, расстроилась, разочаровалась и ушла из дома. Ее можно понять. Вот только желающий найти найдет везде: город, материк, Уровень, даже мир не важен – теперь Одриард знал это наверняка.

Минуту спустя спрессованный настил заскрипел под подошвами.

Высились с обеих сторон высокие и темные пики парковых ворот; покачивались, уходя в небо, запорошенные стволы многолетних деревьев. Как хорошо и как тихо.

– *Неужели ты снова дашь ей нож?*

– *Дам.*

– *Ты просчитал вероятные исходы?*

– *Да, Мак, просчитал. Риск неадекватного поведения меньше одного процента, сутки продержусь. Не думаю, что стоит ждать сюрпризов. Думаю, выживу.*

– *Что ж, ты лучше знаешь...*

Хотя этим утром Чейзер пожал ему руку, взгляд его выражал тревогу. Дэлл, признаться, тревожился тоже, хотя и не так сильно, как Аллертон. В конце концов, именно эта женщина когда-то вернула ему нож – от нее ли ждать подвоха?

А вот хороший день рождения она заслужила точно. Чтобы не как в прошлом году, а лучше. Много лучше.

То ли долетел аромат одеколona, то ли скрип подошв – Дэлл не знал, что было первым, – но Меган встрепенулась, почувствовала его. Очнувшись, подняла голову, до того опущенную на руки, сложенные на коленях, и распахнула глаза. Во взгляде среди недоверия всколыхнулась радость –

взметнулась, подобно фениксу, среди груды обугленных каменистых обломков, – и тут же снова пропала, заволоклась тревогой, чтобы еще через мгновение вновь вспыхнуть ярче факела.

Вот это смена эмоций!

Сердце билось глухо и почему-то неровно.

Дэлл подошел к лавочке и остановился, глубоко вдохнул холодный воздух и выдохнул назад в виде клубка пара. Помолчал.

Меган молчала тоже. Опутывающие ее возбуждение и страх чувствовались даже сквозь толстый слой зимней одежды; крохотные ладошки под шерстяным покрывалом варежек нервно сжались в кулачки. На длинные ресницы налипли снежинки.

Откуда страх? Боится, что он сейчас поздравит и уйдет? Что не принес нож, а лишь пришел извиниться и сообщить, что празднество не состоится? По крайней мере, не в его компании? Тогда она ошиблась, и на этот раз в хорошую сторону, потому что день – тот самый, ожидаемый и радостный – только начался, и самое время имениннице об этом узнать.

– Привет.

Она не ответила – попросту не смогла. Дэлл видел это по перемешавшимся в глазах эмоциям – тихому счастью, неверию, ожиданию, волнению и попыткам оградиться от веры в свершившееся чудо.

– Праздник заказывала? – Он медленно расстегнул куртку и достал из внутреннего кармана нож. – Что ж, получай.

И передал ей вожделенный предмет рукоятью вперед.

Так, как Меган взяла нож, наверное, принцесса принимает полученный по наследству королевский бриллиант, а бизнесмен – ключи от первого роскошного автомобиля: с трепетом, нежностью, волнением и бесконечной любовью.

Какие же тонкие пальчики по сравнению со стальным лезвием; мягкость и жесткость – почти аллегоричное сочетание.

Дэлл медленно таял, глядя, как дрожат ее приоткрытые губы, а тихое «спасибо» вообще вымыло прочь остатки тревог – пусть владеет, пусть тешится, пусть распоряжается и заказывает. Это ее день, и этот день ей должен. Чьими руками – не важно.

– Придумала, с чего начнем?

Его мягкая полуулыбка – и ее рыжие кудри, торчащие из-под вязаной шапочки, мелко затряслись в отрицании.

– Не придумала? – Зеленые глаза, налившиеся радостью, растерянно моргнули. – Тогда придумал я. Пойдем, машина у ворот.

И Дэлл мягко подхватил сидящую на лавочке и едва способную

говорить девушку под руку.

* * *

Начиная с двух часов дня и до самого вечера мне казалось, что я плыву. Плыву в странной и местами зыбкой неге счастья – в иллюзии, в сказочной реальности, не существующей на самом деле. Жизнь разделилась на то, что было «до», и то, что происходило «сейчас».

Мысль о том, что Дэлл находится рядом, беспрестанно кружила в ритме мягкого танца, а в сумочке словно пульсировал от частых невидимых прикосновений сознания нож.

Дэлл и нож. Оба мои – здесь и сейчас. Дэлл рядом – только протяни руку, а нож в сумочке – расстегни, и тускло блеснет в глубине знакомое лезвие.

Ненадолго, всего лишь на миг, но сказка вернулась, распушила волшебные крылья, впорхнула в унылый день и заставила все мерцать таинственным золотистым светом.

Знакомый рокот «Неофара» и мужские руки на руле, мягкая улыбка в глубине глаз, скрывающая задумчивое выражение. Через полчаса – галерея «Дриада», зона для обслуживания особо важных клиентов, ассистенты, помогающие выбрать красивый наряд, и стилисты, колдующие над лицом и прической.

Что я запомнила из тех минут? Собственный ошарашенный, пьяный от осознания факта «он пришел» вид, мечтательный, словно у наркомана, взгляд, множество людей, зачем-то суетящихся вокруг моей совсем не важной персоны, и мысль: «Я выйду, и он будет там. Он ждет».

Ждет. Ждет! ЖДЕТ!!!

Макияж, новый наряд... зачем? Скорее бы туда, за двери, чтобы провести эти бесценные минуты вместе. И вот он, долгожданный момент – мой торопливый бег наружу, прочь из душной комнаты, заполненной людьми, светом искусственных ламп и смотавшимися в клубок запахами множества духов, счастливый восторженный визг и руки, оторвавшие от пола и закружившие в воздухе.

Нравится ли мне собственный вид? Конечно! *А еще больше мне нравится твой вид, Дэлл... как же я соскучилась по твоим глазам. Куда дальше? Хоть на край света, лишь бы с тобой.* Нет, я не буду выбирать, лучше ты сам. Да, у меня нож, но решать все равно будешь ты, я так хочу, потому что это так чудесно, когда выбираешь ты...

Согласна ли я пойти в Пантеон Миражей? Согласна – мне все едино: что заснеженная улица, что парк, что полутемная квартира, что пропахшее кофейными зернами кафе. Пантеон грандиознее? Ну что ж... Пусть будет он.

Пусть будет что угодно, лишь бы день не заканчивался.

Далее все соткалось в единый ковер восторженных эмоций: великолепное сияющее здание в виде стеклянной сферы, шикарный ресторан, превосходный обед, конференсье – загадки, конкурсы, пазлы.

И его глаза напротив...

Хочу ли я поучаствовать в шоу? Нет, пусть даже там такая странная сцена, на которой изменяется пространство и из ниоткуда возникают предметы и декорации, но я определенно хочу, чтобы поучаствовал ты... В каком именно? Вот как раз в следующем – в бою гладиаторов.

Нет? Ну как же, милый, ведь у меня нож и я хозяйка бала. Придется идти...

Боже, что же я наделала! Как хорошо ты, однако, смотришься почти обнаженный, в одной лишь набедренной повязке и высоких сапогах, со стягивающей короткие светлые волосы тесьмой. А этот меч... Господи, Дэлл, только не дай себя ранить, только не дай... Ах! Один из противников уже лежит на земле? Когда... когда ты успел?.. Еще двое?! Используй щит! Я что, кричу это вслух? Ловкий разворот, удар, блок и новый замах, совсем не игрушечный звон сошедшихся клинков. Как это страшно, лучше зажмуриться... Нет, нельзя зажмуриться... ну, если только на секундочку... Что? Они снова лежат поверженные?

Ура-а-а! Битва выиграна! Вот это скорость, вот это талант!

Мастер. Ты у меня, оказывается, мастер боя на мечах. И такой красивый... слишком красивый, чтобы быть правдой. Со сталью в руке и сталью в глазах – воин.

Мой воин.

Как же быстро колотится сердце.

Что мы ели в тот день, что пили? О чем говорили, кто придумывал все новые планы и забавы? Кто был зачинщиком, а кто лишь отзывался, счастливо ведомый теплой рукой?

Все смешалось, перепуталось, заплелось на узорном полотне происходящих событий, в центре которого бился жаркий пульс и светились таинственным светом горячо любимые серо-голубые глаза.

– Я больше не могу!

– Надо. Хотя бы еще кусочек.

– Нет, даже за твой поцелуй, все равно больше не могу.

Казалось, если в горло скользнет еще хоть одна порция воздушного крема с апельсиновой начинкой, тело навсегда приобретет стойкую аллергию не только на цитрусовые, но еще и на сладкое. Но вечер определенно сложился из правильных составляющих: столика с апельсиновым тортом прямо поверх одеяла и Дэлла в той же постели.

Любовь плыла по комнате и наполняла собой все сущее, видоизменялась, трансформировалась, но не уходила, а лишь усиливалась. В одни моменты жаркие и влажные от выброса энергии тела скользили друг по другу, жадно взаимодействовали, проникали, наполнялись, сливались, провоцируя всё новые вспышки возбуждения и новые волны страсти; в другие – оставались лишь нежные касания, дарящие не менее глубокое чувство единения. Взгляд – и душа теряется, тонет, с радостью запутывается в ласке, что течет из глаз напротив; сплетение пальцев – и хочется одного: никогда не расплестать их вновь. Хочется срастись, стать единым, неделимым целым, а главное, насовсем.

Дэлл в этот вечер стал иным: отпустил контроль, отбросил извечную привычку анализировать происходящее и позволил себе погрузиться в атмосферу счастья, которую сам же и создал. От настороженного, вечно все просчитывающего наперед человека не осталось и следа; впервые в жизни мужчина, лежавший рядом, просто тонул, покачивался на волнах, нежился, ласкал и позволял ласкать себя всего, изнутри и снаружи, в каждом уголке, без утайки. Пусть всего лишь до завтра, но он допустил до себя, и логика была отброшена, вышвырнута за борт, как пучок мясистых водорослей, налипших на рыболовную сеть; не время осквернять драгоценные моменты вопросами «зачем» и «что последует дальше», и мы оба чувствовали это.

Его рука лежала на моей груди, лежала спокойно, без попыток вновь возбудить и без того сделавшееся крайне чувствительным к малейшему прикосновению тело, но будто впитывая кончиками пальцем пульс, бьющийся под кожей. А я, ласково перебирая слипшиеся влажные волосы, слушала его размеренное дыхание, наполнившее тишину моего мира.

Стоял на полу у кровати столик с остатками праздничного торта на тарелке; в брюхе зеленой бутылки лениво всплывали на поверхность крохотные пузырьки – остатки игристого вина выдыхались.

Лучший день рождения в моей жизни; да, лучший, без сомнения. И благодаря не событиям, что наполнили его, а нахлынувшему чувству единения, что изгнало одиночество без остатка. В этот момент нас было не двое, не мужчина и женщина, лежащие в одной постели, а одно целое. Сломались барьеры, растворились рвы и окопы, исчезла колючая

провода, распахнулись двери, и свет, золотой искрящийся свет наконец-то залил ставшее единым пространство.

И в этот самый момент – четко, как никогда ранее – я не просто поняла, а кристально ясно осознала, что будет неправильным наутро расстаться. Попросту нечестно по отношению друг к другу и к тому чувству, что объединило нас. Нельзя после случившегося просто сказать «пока» и разъехаться по разным квартирам, вновь притворившись, что ничего особенного не случилось.

Когда две половины среди хитросплетения тысяч дорог находят друг друга, слишком глупо натягивать вожжи, вежливо приподнимать шляпу, надевать равнодушную маску и со словами «вам тоже доброго дня» направлять колесницу мимо.

Бившийся под кожей пульс впитывался кончиками его пальцев и проникал сразу в два сердца, соединяя их.

Перемигивались за окном звезды на темном небе; отбрасывала под светом лампы на тумбе округлую тень деревянная пробка с остатками рваной темно-зеленой фольги.

Понимал ли этот мужчина, что я уже не смогу отпустить его?

Понимал ли, что пойду на все, лишь бы однажды он признал, что данный сверху дар нельзя так просто выбросить в мусорную корзину? Либо мы найдем способ однажды принять единственную существующую правду, либо погибнем, угаснем, единожды позволив просочиться сквозь пальцы тому, что ни за какие ценности мира нельзя было упускать.

Дыхание Дэлла давно выровнялось, а я все еще лежала с широко распахнутыми глазами, пропитанная ощущениями ночи, любви, усталости и смешавшимся на теле потом двух тел, не способная ни шелохнуться, ни заснуть.

И чем ближе делался рассвет, тем интенсивней становились размышления.

Это утро многое изменит, но придется быть осторожной, чтобы судьба после моих действий вывернула события в правильное русло. И мысль, кружившая где-то в районе лба – рискованная и почти сумасшедшая, – в который раз послала волну холода вдоль позвоночника.

Что ж, как известно, кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Дэлл остался верен себе, заказав утром на дом шикарный завтрак из соседнего кафе – лирийские тосты с ванилью и корицей и блинчики с джемом, – вероятно, считая, что, так как нож был вручен в два пополудни прошлого дня, то мой день рождения еще не закончился.

Похвально. Точность – вежливость королей.

Свежевыжатый сок скользил в горло с трудом, а все потому, что напряжение весьма ощутимо нарастало. Двенадцать дня, осталось лишь два часа до возвращения судьбоносного предмета обратно в руки владельцу, и если упустить момент, то впереди выстроится череда новых тоскливых вечеров, проведенных в одиночестве, когда никто почему-то не хочет постучать в твою дверь. Была ли я готова к новым испытаниям подобного рода? Не совсем. Точнее, совсем нет, а значит, лучше рискнуть.

Напускная веселость разговоров на кухне казалась пластиковой и щекотала нервы; запах кофе вставал поперек горла, от сладкого джема тошнило.

Это тошнит не от джема, а от того, что ты собираешься сделать...

Надевая куртку, Дэлл смотрел на мое безмятежное выражение лица с подозрением.

Он не чувствует. Не может чувствовать. Не должен.

– Домой?

– Да, домой.

Конечно, милый. Ненадолго.

Мои пальцы судорожно сжали сумочку, в недрах которой покоился не подозревающий о грядущем вмешательстве в нашу жизнь нож.

* * *

Когда пассажирская дверца услужливо распахнулась, от Дэлла веяло расслабленностью и благодарностью; скверно разрушать подобную комбинацию, но придется. Наверное, можно было произнести «последнее желание» и раньше, не уезжая из его особняка, но сил не хватило. Смелость в самый последний момент схлынула и начала концентрироваться где-то на задворках сознания только теперь, едва ли не в последние минуты владения бесценным предметом.

Я бодро ступила на снег, вынырнула из машины и с тем же, казалось, прилипшим навечно ненатуральным безмятежным выражением на лице огляделась вокруг.

Свежо, хорошо, почти тепло.

Скоро весна; ею уже неощутимо запахло в воздухе, хоть бока высоких сугробов еще не начинали проваливаться. Почти два часа дня; знакомый район, Нордейл, выданная Комиссией квартира, кое-как устоявшаяся за

последние недели новая жизнь – все это совсем скоро снова изменится.

Господи, страшно-то как...

Лучше бы я попросила последнюю сигарету, нежели это, но негоже вести себя ветрено и изменять принятые решения.

Будто чувствуя мое настроение, Дэлл боком оперся о «Неофар», достал из кармана пачку сигарет и закурил. Какая расслабленная поза, благодушный медлительный вид – конечно, день рождения удался, ночь получилась волшебной, и вскоре желанный предмет будет возвращен. Зачем нервничать, куда торопиться? Серо-голубые глаза лучились довольством.

Я задумалась: что именно принесло ему, Дэллу, ощущение покоя? Наличие меня рядом или же что-то иное? Как прочесть чужой разум, как пробраться в потемки, именуемые чужой душой?

Какое-то время мы смотрели друг на друга. Он – мягко и ласково, я – с хитринкой, предчувствуя грядущую бурю эмоций. Готовил ли Дэлл прощальные слова и что планировал сказать, предполагал ли вновь уехать навсегда? Если так, то в этот раз наши планы кардинально различались.

– Тебе понравился вчерашний день?

Я оторвалась от созерцания окон собственной квартиры и улыбнулась.

– И вчерашний. И сегодняшний. Торт был великолепен, Пантеон – умопомрачителен, а ты... ты, надо признать, здорово смотришься в набедренной повязке.

Он хрипло рассмеялся. Стряхнул пепел, провел рукой по волосам и довольно блеснул глазами.

– Давно я не дрался на мечах. А ты, однако, знаешь, как получить от жизни удовольствие.

Я едва не хрюкнула.

Скоро проверим...

Очередная затяжка. Мимо прошла грузная дама, ведущая на поводке поджарого кобеля. Тот на секунду приостановился у выкрашенного серой краской уличного фонаря и с деловым видом помочился на пожелтевшее от схожих жестов четвероногих сородичей основание. Дама недовольно дернула за поводок, пес укоризненно взглянул на хозяйку, и процессия неторопливо, намеренно не обращая друга на друга внимание, направилась дальше.

– Какие планы на сегодня?

Что это, вопрос с намеком или же обычная вежливость? Наверное, второе.

– Грандиозные.

- Правда?
- Правдивее некуда.
- Что собираешься делать?
- Желаеть присоединиться?
- Не могу дать ответ, не зная, о чем идет речь.

Теперь глаза Дэлла сканировали меня с особой тщательностью. Так программа-защитник пытается предположить возможные пути проникновения в систему вируса. Атаки еще нет, но отсутствие эксплойтов не гарантировано, и поэтому лучше подготовиться заранее и на всякий случай перезарядить пушки.

Ну что ж... давай-давай...

Любопытно, что именно заставило его насторожиться? Не иначе мой зеркальный взгляд и отсутствие тоски в глазах. Ведь полагается же... платочки, там, бегущие в три ручья слезы и безмолвная мольба «не уходи».

Не в этот раз.

Через минуту затушенный окурок упал в ближайшую урну; нетерпеливо скрипнул под подошвами ботинок снег. Пора прощаться, вижу, не дура.

Рука нащупала в сумочке остывшую на холоде сталь; пальцы сомкнулись вокруг рукояти отчаянно сильно. Ну всё, пора.

Я улыбнулась. И хотя день не был морозным, мои щеки едва не треснули – карнавальная маска шута, а не лицо.

– Что ж, пора отдать тебе нож. – Знакомый предмет появился из недр сумки. – И поблагодарить тебя за чудесный день и за все то, что ты мне подарил. А это, поверь, больше, чем просто поход по магазинам или торт, – это внимание.

В груди, несмотря на опутавший страх, шевельнулось тепло. Дэлл терпеливо ждал продолжения.

– Но... прежде чем отдать тебе нож, я бы хотела озвучить еще одно желание, последнее.

В глазах мужчины на секунду мелькнула растерянность, после чего светлые брови подползли на миллиметр ближе к переносице, а в позе появилось напряжение.

– Говори.

Ответил нехотя, почти через силу.

Ну что же ты, Дэлл, расслабься, будет не больно.

Собралась с мыслями, медленно вдохнула и выговорила:

– Я бы хотела получить кольцо.

Новый всплеск замешательства и почти слышный скрип мозговых

шестеренок: мол, какое такое кольцо?

– Твое кольцо, Дэлл. Сроком на месяц.

И только теперь на поверхность начали просачиваться эмоции, слишком сильные и внезапные, чтобы удержать их, успеть скрыть внутри: растерянность, удивление, медленное осознание, снова удивление, недоверие и, наконец, что-то похожее на гнев.

Что ж, ожидаемо.

Знаю, я перешла все границы дозволенного: еще ни одна женщина на Уровнях, наверное, не приказывала мужчине подобного – просто не имела права, потому что выбор всегда был дозволен Ему, а не Ей.

Но у меня в руке нож, и терять практически нечего. Если Дэлл сейчас уедет, то с ним ускользнет и последний шанс что-то наладить. Конечно, можно верить в чудо и ждать у моря погоды, вот только плавали, знаем. Корабли не всегда заходят к пустынным островам – иногда их маршруты пролегают далеко за пределами видимости того, кто ждет на берегу.

И даже я сочла бы свой поступок безумным, если бы не одно «но»: я любила. По-настоящему любила того, кто стоял напротив. Исчезни он вновь из моей жизни, и из нее уйдет что-то важное. Да, тормоз, да, идиот, но именно тот, кто мне нужен. Придется учить и использовать для этого любые возможности. Придется рисковать.

Глядя на сжавшиеся в линию губы и сузившиеся от негодования глаза, я быстро добавила:

– Тридцать дней я проживу с тобой, как твоя Женщина. С твоим кольцом на пальце, в твоём доме. Если по истечении этого срока мы решим, что такой расклад вещей нам не нравится, я верну твое кольцо и покину твою жизнь. Всё просто.

Дэлл молчал. Если бы можно было приоткрыть дверцу в его груди, я бы воочию увидела, как в нем клокочет ярость. Однако чтобы почувствовать ее, никакую дверцу открывать не требовалось: напрягшиеся челюсти и подрагивающие крылья носа отражали эмоции куда лучше слов.

– Просто... значит...

Он медленно прикрыл глаза и опустил голову – ни дать ни взять заарканенный жеребец, желающий подняться на дыбы и дать обидчику в лоб копытом, но осознающий, что не имеет права это сделать.

Прости... но так надо. Я должна была...

Тяжелый вдох и застывшее непроницаемой маской лицо. Клубы пара, вырывающиеся изо рта, и засунутые в карманы руки.

– Что-нибудь еще?

Тихий ровный голос температуры жидкого азота.

– Нет, это всё.

И я нарочито бодро, почти радостно, протянула законному владельцу нож – мол, держи, теперь это твое. Ведь правда было не больно?

Какое-то время Дэлл стоял без движения, застыл грозной статуей обиженного бога, а затем улыбнулся – и еще никогда в жизни я не видела на его лице настолько холодной улыбки, словно говорящей: «Ну что ж, хорошо, ты сама выбрала то, что выбрала, и теперь не пеняй... Поздно».

А дальше произошло то, что отпечаталось в моей памяти навсегда: Дэлл взял в руки нож – взял плавно и ласково, будто за секунду до этого и не злился вовсе (хотя я знала, что это не так), – подкинул его над головой, молниеносно выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил.

Барабанные перепонки дернулись от резкого звука, а взгляд застыл на падающих с неба – падающих странно медленно, то, вероятно, была игра оглушенного сознания – осколках знакомого лезвия. Того самого, с телефонным номером, теперь разлетевшегося вдребезги.

Дэлл не стал смотреть, как и куда они приземлятся, сухо заткнул пистолет обратно за пояс, шагнул к машине, открыл водительскую дверцу и гаркнул:

– Садись!

Непривычно жесткий тон приказа ударил словно пощечина – я непроизвольно вздрогнула.

Хотела? Получай.

И уже в «Неофаре», несущемся по улицам Нордейла назад к особняку, я подумала о том, не совершила ли ошибку, лишив мужчину законного выбора, по сути, привязав бывшего раба к себе еще на месяц.

Но эта мысль, противная, словно обрывок липкой пау тины, была с отвращением отброшена прочь.

Ведь всего лишь на месяц.

И кто не рискует, тот не пьет шампанское. Так?

Глава 5

Совершала ли я в жизни более безумный поступок, нежели этот? Казалось бы, не ограбила банк, не убила двадцать заложников, пытаясь вынести из хранилища золота и бриллиантов миллионов эдак на десять – ан нет, трясло так, будто я угнала самолет, приставила к виску пилота дуло пистолета и приказала лететь на райские острова.

Неужели это я, Меган, приказала мужчине стать моим сроком на тридцать дней? Куда подевались мозги, и откуда взялся принцип «играть – так на всё, ставить – так по-крупному, рисковать – так ва-банк»? Вот теперь и держись.

Ага, держись, если сможешь...

Следуя за собственным «заложником» по комнатам трехэтажного особняка, я чувствовала себя так, будто выпила литра полтора водки, а закусить, вот беда, забыла. Хотелось не просто смеяться, а хохотать подобно безумцу, которому уже нечего терять, так как к фильму уже написан плачевный финал.

Уймись, дура, к твоему фильму финал еще не написан. У тебя еще тридцать дней впереди...

Ключи от входной двери приземлились на деревянную поверхность стола по-злобному громко, вторя настроению хозяина. Брелок со знаком «Неофара» неодобрительно блеснул буквой «N»; гостиная уставилась на вторгнувшуюся без приглашения сожительницу прямоугольными рамами картин, мол, дайте-ка погляжу... кто это здесь? Опять ты?

Нет, так не пойдет. Это не его дом, это теперь Наш дом. Мой дом. Плохо или хорошо, а именно в этом месте придется куковать следующие четыре недели, и единственный человек, от которого будет зависеть атмосфера, – это я сама. Дэлл может быть грубым, злым или же приторно-сладким, но только я и никто иной теперь в ответе за собственную гармонию. Решу быть побитой собакой – значит, ей и стану; решу быть королевой – и никто меня не сгонит с трона.

Однако вся моя мгновенно возвращенная бодрими мыслями «королевская» спесь враз испарилась, стоило Дэллу повернуться ко мне.

– Что ж, раздевайся, чувствуй себя как дома.

Надо же, сколько яда может быть в, казалось бы, безобидных, простых словах. Мой саркастичный ответ не заставил себя долго ждать:

– Да я уже, уже... Сейчас только куртку брошу куда-нибудь и чай

поставлю, печенья напеку.

Тот взгляд, которым меня наградили, заставил искренне пожалеть, что выпитая водка, на мгновение подарившая сознанию эйфорию, оказалась виртуальной. Теперь бы действительно пару стопок, а еще лучше – бревном по голове сразу после, чтобы забыться.

Дэлл не стал комментировать, просто ушел, оставив меня стоять посреди гостиной. Навалилась растерянность: что дальше? Куда теперь идти и что делать? Сесть на диван? Пойти следом и попробовать объясниться? Найти выход на террасу и сделать пару затяжек? Сигарет вот только все равно нет.

Сумочка выскользнула из уставших пальцев и с глухим звуком приземлилась на ковер.

Я закрыла глаза.

Что за жизнь? И что за проклятие постоянно попадать в сложные ситуации?

– Нет, ты не будешь спать в моей спальне.

Тихий решительный голос за спиной заставил мою руку с зажатой в ней расческой, которую я хотела положить на тумбочку, застыть на месте.

– Нет? А где я буду спать?

– Где хочешь. Выбери себе любую другую комнату, их здесь достаточно.

В позвоночник будто вставили кол; ощущая себя деревянным солдатиком, я положила расческу обратно в сумочку и проследовала вон из спальни. Дэлл стоял в дверях; я не стала на него смотреть, лишь задержала дыхание, вдохнув терпкий мужской аромат одеколona.

Вон – так вон.

Действительно, есть и другие комнаты.

Спальня напротив мне не понравилась – слишком близко к заветной комнате, наполненной воспоминаниями; вторая по коридору – тоже: кто придумал этот красно-коричневый дизайн, давящий темными оттенками, типично мужской? Комнаты для гостей на первом этаже казались тусклыми и неуютными, откровенно говоря, никакими, впору только для тех, кому все равно, где перекантоваться денек-другой.

Мне же нужна была не просто комната – угол, свой угол, в котором можно спастись от бед, уединиться и зализать душевные раны, количество которых, судя по всему, будет расти с каждым часом.

Куда же пойти? На диванах перед плазменными панелями не уснуть – проходные места, на полу в бильярдной – тоже. Опершись на спинку

одного из стульев, я какое-то время простояла в задумчивости, а после решила исследовать третий этаж.

Что у нас здесь?

Преодолев лестничный пролет, я повернула направо и принялась открывать одну дверь за другой.

Так, кладовая, заполненная вениками и щетками; дальше – уставленный кожаными креслами полутемный домашний кинотеатр: в таком спать все равно что в аэропорту. Следующая дверь – унылый пустой офис с пустым мусорным ведром, сиротливо стоящим под голой поверхностью бежевого стола, а направо – мастерская, похожая на ту, что я видела в подземном бункере: куча инструментов, шкафов и ящиков. Чак бы здесь развернулся...

Я задумчиво крикнула, оглядела помещение, полное рубанков, напильников и разнообразного металлического хлама, и с тоской закрыла дверь. Всё не то. Очередной тяжелый вздох и предчувствие свершившейся беды.

Ну нет, не сдаваться. Есть ведь еще пара дверей от лестницы налево. Вдруг повезет и за одной из них окажется что-то подходящее?

Удивительно, но мне действительно повезло, стоило повернуть очередную дверную ручку. Я поняла это сразу, как только увидела крохотную комнатку со скошенным потолком, маленькой тумбочкой и матрасом на полу, поверх которого лежали подушка, свернутое одеяло и стопка чистого постельного белья. Единственное окно, отсутствие лишних предметов и тишина – именно то, что нужно.

Да, тесно, да, почти будка, но уютная будка, именно то, что я искала: собственный угол, где тихо и не тревожно. А что маленький и без изысков, так плевать. Не за роскошью, в конце концов, я сюда пришла.

Чтобы избавиться от неведения, я проверила и крайнюю по коридору дверь – за ней оказался туалет, совмещенный с крохотной ванной. Отлично, не придется шмыгать перед носом грозного хозяина всякий раз, когда захочется по нужде. Хотя почему «шмыгать», если я здесь вроде как полноправная хозяйка?

Вернувшись в комнату со скошенным потолком, я бросила сумочку на матрас и устало опустилась рядом. Всё, нашла свой закуток, можно и передохнуть. Веки опустились сами собой; из ниоткуда нахлынуло ощущение липкой безнадеги. Зачем я устроила себе очередную пытку? Неужели действительно поверила, что у этой дороги может быть хороший достойный финал?

Медленно втянула воздух и приказала себе расслабиться.

Поживем – увидим.

* * *

– Что ты здесь делаешь?

Я вздрогнула и открыла глаза.

Когда я успела заснуть?

Дэлл стоял на пороге: серо-голубые глаза льдисто сверкали недовольством, губы вновь сжались в линию.

И зачем ты их поджимаешь? Такие красивые...

– Решила проявить характер и показать собственную гордость?

Я напряглась.

– Иди и займи нормальную спальню, человеческую, а не эту затхлую камеру, она предназначена для складирования белья.

Так вот почему в углу лежат пододеяльники и простыни. Теперь понятно.

– Мне здесь нравится.

– Ты надо мной издеваешься?

Еще нет.

– А в чем, собственно, дело? Ты сказал, я могу занять любую комнату в этом доме. Те спальни, что я видела, мне не понравились. А здесь хорошо.

То, с какой силой запульсировала жилка на шее стоящего в дверях мужчины, заставило мои ладони взмокнуть от напряжения. Волны злости целиком заполнили тесное помещение и теперь отражались от стен. В какой-то момент я испугалась, что сейчас меня выволокут отсюда за шкуру и научат уму-разуму, впечатав носом в «нормальную», человеческую постель где-нибудь в «кофейной» спальне, аккуратно напротив хозяйских покоев, и плакала тогда моя уютная «будка» на веки вечные.

Но этого не случилось. Дэлл, перетерев злость скрипом зубов, лишь процедил:

– Иди за мной, я покажу тебе дом.

Отказываться под предлогом того, что я и сама уже неплохо изучила интерьер всех трех этажей, не стоило – недальновидно и глупо щелкать по носу того, кто уже оскалил оба ряда зубов, – поэтому я покорно поднялась с матраса и последовала по коридору за провожатым.

– ...Ключ от входной двери ты ни с чем не перепутаешь – он самый

длинный. Сигнализация отключается кодом, который я для тебя запишу, выучишь его наизусть, бумагу вернешь. Дверь на террасу тоже открывается с помощью последовательности цифр, она простая: шесть-три-восемь-ноль. Не сможешь запомнить – вскрыешь замок. Для тебя не проблема, ведь так?...

Шпильку в свой адрес я пропустила мимо ушей.

Широкая спина и затылок наводили совсем на другие мысли: еще этим утром мы улыбались, пили на кухне кофе, делились глубокими взглядами, наслаждались кружащей в воздухе нежностью и каким-то странным молчаливым покоем. Тогда я была гостьей, а теперь – вроде как хозяйкой...

Мда. Не смешно.

– ...Двери балкона на втором этаже открывать не стоит: на них из-за оттепели много льда, не сможешь потом закрыть. Туалеты есть на всех этажах, а туалетные принадлежности найдешь в кладовке, что справа от входа в спортзал, в подвале...

Может быть, попробовать вызвать Дэлла на откровенный разговор? Объяснить ему причины собственного поведения, попытаться донести то, что он сам никак не хочет ни увидеть, ни осознать? Вот только что именно сказать? «Дорогой, я так поступила только потому, что люблю тебя. Неужели не видишь? Нет? Тогда просто поверь мне...»

Плыл по комнатам сухой и деловитый голос Дэлла, плыли в моей голове отвлеченные мысли. Нет, еще не время и не место начинать подобные диалоги. Ничего кроме новых вспышек негодования они не вызовут, а поднявшаяся между нами стена и без того глуха, как кирпичная кладка старой крепости. Значит, только ждать и терпеть. Действовать осторожно и правильно, пробовать всё, что можно пробовать, лишь бы переломить сложившееся положение вещей и наметить хотя бы призрачную положительную тенденцию.

В какой-то момент мы остановились. Я продолжала тонуть в размышлениях, а Дэлл – говорить. На стол легла вторая пара ключей – моя – и вырванная из спирального блокнота страница с цифрами. Затем голос стих, а рука Дэлла потянулась ко внутреннему карману.

– Ах да... чуть не забыл.

И по столу покатился небольшой металлический предмет. Небрежно брошенный, он уткнулся в ключи, повращался на месте и затих.

Дэлл не стал ничего ни добавлять, ни пояснять, просто развернулся и вышел из комнаты, а я, все еще скованная и застывшая, словно вывешенная на морозном дворе простынь, какое-то время стояла и смотрела туда, где только что растворилась его фигура.

Вот и всё, мне выдали ключи, живи и радуйся.

Радуйся, да...

Я тяжело вздохнула и повернулась к столу: взгляд уткнулся сначала в страницу, затем скользнул по ключам, и, когда сфокусировался на третьем предмете, внутри что-то екнуло, а дыхание прервалось.

Кольцо.

На столе лежало кольцо с инициалами Дэлла, золотое, аккуратное – женский вариант.

Теперь ладони дрожали, а сердце билось неровно и быстро, будто пытаюсь сбежать из груди со словами: «За что ты так со мной? За что? Не хочу, надоело, устала...»

Против воли взметнулась обида и негодование.

Он даже не надел его мне на палец. Не потрудился протянуть руку, взять мою ладонь и сделать так, чтобы священный ритуал выглядел правомерно совершенным. Бросил символ любви, словно гнутый медяк: мол, выпросила – получи. А дальше сама.

Сама...

Как всегда, сама. Сама борись за жизнь, за счастье, за место под солнцем, за кусочек любви, которая никому кроме тебя, оказывается, и не нужна.

Был момент слабости, мне вдруг захотелось уйти. Не любят, не ждут, так зачем все это? Зачем?..

Но я не позволила себе.

Дрожащими руками взяла со стола выпрошенное, выскуленное, почти насильно отобранное украшение и медленно, чувствуя боль в сердце, надела себе на палец.

Что ж, ты получила то, что хотела, – мужчину мечты на целый месяц.

От этой мысли и появившегося следом привкуса горечи во рту сделалось тошно.

Искусно выплавленные буквы «D» и «O» изящно переплелись друг с другом, символизируя союз и гармонию – все то, за что я так отчаянно боролась, и то, чего у меня никогда не было.

Хотелось плакать.

Но я лишь плотнее сжала зубы, взяла со стола ключи и записку и отправилась наверх.

- Не будь дураком, не причиняй девчонке вреда!
- Ты у нас самый мудрый, Халк, не так ли?
- А ты бесконечно тянешь за собой этот гребаный багаж из воспоминаний, лижешь собственные раны и лелеешь обиды. Для чего? Сколько раз я предлагал тебе затереть память? Живи свободно, дыши, радуйся!
- Я хочу помнить! – взревел Одриард так громко, что Мак Аллертон, развалившийся в кресле со стаканом виски, поморщился. – Хочу помнить, как ты не понимаешь?!
- Для чего? – Сенсор отряда, опершийся на захламленный бумагами стол в кабинете Чейзера, где они этим вечером собрались, сузил серые глаза. – Твое проклятье закончилось, ножа больше нет, но ты все равно считаешь себя вечно проклятым. Почему? Ведь это твой сознательный выбор – оставаться раненым внутри.
- Это часть моей жизни, моего прошлого – да, поганая, дерьмовая часть, но она очень многое дала мне! – Дэлл залпом осушил очередной стакан, но не почувствовал ничего, кроме горечи на языке. Четвертый стакан – и никакого опьянения, что за хрень...
- Твоя злость нейтрализует алкоголь.
- Да шел бы ты... За...л уже!
- Халк поморщился от неоправданно жесткого ругательства, неопределенно передернул плечами и посмотрел на Мака, который пока не спешил вмешиваться в сложный диалог, считая, что специалист по психофизическим вмешательствам справится с задачей по успокоению разбушевавшегося товарища куда лучше. Но как оказалось, у них обоих получалось плохо.
- Ты изводишь мое спиртное напрасно, – усмехнулся Аллертон, и Дэлл метнул в ответ грозный взгляд.
- Если бы оно помогало забыться, я изводил бы его куда интенсивнее.
- Ты ведь сам только что сказал, что не хочешь забываться...
- Забывать.
- И забываться тоже. Ты сам дал ей этот нож, и она сделала вполне предсказуемую вещь – использовала единственный шанс побыть с тобой какое-то время.
- Она насильно приказала стать ее Мужчиной.
- И что, ты теперь сотрешься?
- Дэлл скрипнул зубами и едва снова не выругался. Им не понять. Никогда не понять.
- Знаете, вы, оба... – Он опустил и наклонил голову, напоминая

раненого быка, из чьего бока до сих пор торчит шпага. – Когда я выполнял чьи-то прихоти, я терпел. Терпел и тогда, когда вставал против воли на колени, когда ложился в постель с тем, кого не хотел. Когда смотрел в глаза невинных людей, избивая их, когда выполнял грязную неблагодарную работу, когда по локти пачкался в чужой крови, которую не хотел пускать. Но единственное, во что я верил, – что однажды наступит момент, когда я сам, повторяю, САМ смогу выбрать свою Женщину, и что этот выбор останется моим. Без принуждения. Понимаете? МОИМ! Но она пришла и сказала: «Теперь ей буду я», – и я ничего не смог сделать, потому что сам дал ей нож...

– Скажи спасибо, что она попросила всего месяц...

– ...И лишила меня права выбора. Свободного выбора, честного выбора. Выбора по любви, мать ее! – Последняя фраза прозвучала так громко, что на низком столике задрожала бутылка. – И теперь я не намерен ни прощать, ни быть снисходительным.

– Дэлл...

– Я укрою ее по всем фронтам...

– Дэлл...

– Нет, успокойся, Мак, я сделаю это без физической силы. Даже словами бить не буду... Но ни разу, ни разу она не получит от меня поблажки. Я изотру в порошок и пресеку любые попытки сближения, красивые слова объяснений, потому что я не верю в добрые намерения того, кто не смог отступить и ждать. Если нам было суждено сойтись, мы бы сошлись...

– Но она достаточно долго ждала, пока ты нагуляешься и подумаешь.

– Значит, не нагулялся.

– А может, ты просто слеп? – Халк всерьез рисковал, продолжая давить на больные точки, однако он видел больше, чем опаленный обидой друг, а потому не имел права молчать. – Эта девушка оказалась единственной, кто когда-то вернул тебе нож. Она ни разу ни к чему тебя не принуждала и ничего не просила. И сделала она это только потому...

– Почему?! – проорал Дэлл с такой яростью, что Конрад попросту не решился закончить фразу. Произнеси он слова «потому что любит тебя» – и Одриард вошел бы в неконтролируемый стресс, спровоцированный битвой его собственных логических и эмоциональных заключений, а в таком состоянии люди не просто опасны – крайне опасны. Непредсказуемы.

Халк вдохнул так глубоко, что воздух, казалось, достиг самого паха, и замолчал. Отступился.

Дэлл – идиот. Он пока не увидел того, что уже соединен с женщиной,

вошедшей в его дом, прочной нитью, тянущейся от сердца и через расстояние. Сенсору же было достаточно и взгляда, чтобы определить под толстой коркой из спекшегося гнева отголоски чувств, наличие которых Одриард не признал бы даже под пытками.

– Всё. Заканчиваем балаган, – отрезал он жестко. – Сейчас придет Эльконто, а нам еще помогать ему с переездом склада. И ты сегодня, друг, не за рулем. Хватит мне твоих гневных вспышек, не хватало еще на дороге...

Дэлл обжег Конрада очередным злым взглядом, но промолчал.

В этот момент телефон Чейзера зазвонил. Тот, коротко ответив, поднялся с кресла.

– Все, пора. Эльконто ждет внизу.

* * *

Вот она сидит на матрасе и хмуро смотрит на оставленную им на тумбе кредитную карту. Руки сложены на подтянутых к груди коленях, а взгляд настороженный и затравленный, словно у бездомного щенка.

– *Здесь десять тысяч. Потратишь – придешь и скажешь, я обновлю баланс. И, конечно же, не стесняйся в средствах, теперь у тебя на поводке богатый мужчина.*

Собственный голос в записи кажется чужим – надтреснутым и едким, словно принадлежит гнусному ворчливому старику, отчитывающему слугу за бесконтрольные траты. Хлопок двери, вздрагивание плеч, и она всё сидит, сидит, сидит... Кажется, что лежащий на тумбе кусок пластика вызывает у нее стойкую неприязнь, жжет и причиняет дискомфорт даже на расстоянии.

А тот взгляд, смешавший в себе ненависть и боль, которым она наградила его сразу после этих слов, он помнит даже теперь.

– Что же ты... бери, иди, развлекайся. Наслаждайся жизнью.

Но девушка на пленке не слышит едких слов и не меняет позу еще добрых тридцать минут.

Проматывая на ускоренном просмотре однотипные кадры, Дэлл наконец почувствовал, что опьянел. Злость, метавшаяся в теле жаркими молниями с самого полудня, не утихла, но видоизменилась, превратилась в застывшую на безветрии кислотную лужу, готовую отожрать ногу любому, кто посмеет в нее ступить. Горло саднило. Надо было меньше курить...

А вот и другая картинка – Меган идет по коридору, идет осторожно,

словно не до конца уверенная, что хозяин покинул особняк, и готовая при первых звуках сорваться с места, галопом унести наверх...

В конуру.

...Входит в зал, осматривается, какое-то время стоит без движения, затем направляется прочь, и теперь оживает и начинает транслировать запись камера, закрепленная в вентиляционном отверстии на стене кабинета.

– Эй, я не разрешал тебе заходить туда!

Дэлл почувствовал, как в груди снова заклокотала ярость. Не разрешал, да, но забыл сказать об этом вслух. Черт, это его упущение.

Тем временем Меган стоит у стены, рассматривая коллекцию оружия (неподдельный интерес в ее глазах заставил Дэлла на какое-то время забыть о неприязни), наклоняется к табличкам и с упоением читает названия пистолетов, затем долго и задумчиво смотрит на пустое место в центре, будто размышляя, какой «зверь» может скрываться под названием «Brandt ХТ-5». В эту секунду хлопает на ветру открытая форточка, и от этого звука девчонка почти подскакивает на месте (Дэлл не замечает, что улыбается), после чего быстро ретируется прочь, назад в коридор. В его спальню не заходит, на кухню – тоже. Вероятно, испуг отбивает у нее желание продолжать осмотр комнат, и она уходит наверх, где скрывается за дверью.

Конец перемещениям. Свет погашен, движения нет. Далее камера фиксирует лишь тишину и темноту, а тепловые и датчики ночного видения он не активировал. Раньше было незачем, гостей в доме не было.

А теперь...

Дэлл устало откинулся в кресле и, чтобы яркий свет экранов посреди темной комнаты перестал резать глаза, прикрыл веки.

Теперь по его комнатам шастает гостья, и неплохо бы включить всевозможные системы слежения. Нет, не то чтобы существовал серьезный риск, что Меган может что-то натворить, испортить или украсть, но может быть... – Странная и непонятная мысль мягким хвостом невидимой птицы скользнула в сознание. – ... Может быть, однажды эти записи помогут что-то понять? Что-то, что он, по словам Халка, постоянно упускает из виду? Ведь если этот умник прав, то он, Дэлл, пока не способен уловить все эмоциональные грани кристалла чувств, что сформировался под крышей этого дома.

«Отпусти гнев, Дэлл, и тогда ты увидишь, что вещи не являются такими, какими они пока тебе кажутся...»

Чертов сенсор. Всегда лезет не туда, куда ему следует. Пусть на

жертвах оттачивает свое умение, а не на друзьях! Хотя... на то он и специалист, чтобы видеть наперед. А от того, друг перед ним или враг, зависит лишь метод подачи информации, не более.

Свет снова лег на сетчатку слепящими волнами, стоило открыть глаза, и Дэлл с раздражением выключил экраны. На сегодня хватит.

Принять душ, отключить мозг и спать.

* * *

Наверное, должно было быть плохо. Одиноко, тревожно и незащищено. Наверное, следовало тоскливо горевать, мучиться чувством вины и пропускать через сердце волны бесконечного страдания. Но страдание почему-то не приходило.

Лежа на жестком матрасе в непривычной маленькой комнате со скошенным потолком, я смотрела, как сквозь единственное окно льется внутрь мягкий лунный свет, и тихо радовалась. Он здесь, рядом. Пусть злой и неприступный, не желающий общения и вредный, но всё же, стоит лишь потянуться сознанием – и мысленно коснешься крупного мужского тела, которое ворочается в постели этажом ниже.

Я закрыла глаза и улыбнулась.

Может, этот дом и не станет моим. Может быть, я покину его через месяц или даже через неделю, но пока... Пока я могу улыбнуться, увидев знакомые глаза утром на кухне, подарить им частичку тепла, проводить взглядом знакомую фигуру. Услышать шорох его одежды и звук его голоса. Могу, пусть он даже и не примет меня, осветить его сердце изнутри – тихонько, ласково и незаметно, могу погладить невидимым пальцем небритую щеку и сказать: «Я здесь, и ты больше не один...»

И пусть тот, кому направлен луч, не отзовется, я все равно могу наполнить эти стены любовью, потому что ее много – то мягкой, нежной и трепетной, то ревущей, словно океанские волны, – могу выкрасить невидимым золотым светом воздух, могу пропитать его гармонией, потому что она осталась, она никуда не ушла.

Гармония никогда не покидает того, кто любит.

А я любила.

Глава 6

В очередной раз подвинув пустую тарелку так, чтобы она стояла точно по центру декоративной салфетки и выровняв ножи и вилки, я придирчиво оглядела накрытый стол.

Итак, восемь вечера. Дэлл вернется через полчаса. По крайней мере, именно так он написал в ответ на мое отправленное в полдень короткое и наглое сообщение: «Любимый, во сколько ты сегодня вернешься?».

Я долго колебалась, прежде чем отослать его, но в конце концов сочла подобный текст правомерным – писать сухо и деловито не хотелось, а надетое на палец кольцо позволяло применить некоторые вольности в выражениях. Хотя «любимый» – не такая уж и вольность, скорее правда...

Высились витыми столбиками незажженные свечи, матово поблескивали пузатые стенки пустых и натертых до блеска бокалов. Закуски в вазочках, столовое серебро разложено в идеальной последовательности, пустые тарелки ожидают наполнения главным блюдом вечера – фаршированным ананасами фазаном, – чей запах плыл по комнатам с тех самых пор, как птица оказалась в духовке.

Во время сидения на очередной лекции по криптографии пришлось втихаря искать рецепт для изысканного ужина – ну и что? Пришлось брать такси, чтобы перевезти из дома вещи и заодно заехать в магазин, чтобы вернуться нагруженной пакетами со снедью, – ну и что? Зато мой мужчина вернется не в пустой и тихий особняк, как привык делать до того, а в наполненный запахами домашней еды и уюта Дом. Да, Дом. Где его любят и ждут.

Ведь это очень важно...

В который раз нервно оглядев безукоризненно сервированный стол, я кинула взгляд на часы и опрометью бросилась наверх, чтобы переодеться и привести себя в порядок. Готов ли рис с овощами? Успею ли выложить его на тарелки до прихода Дэлла? Что надеть: брюки или юбку? Хорошо ли будет смотреться моя прическа с новой красной блузкой, что я купила специально для этого вечера?

Лишь бы поговорил... Лишь бы он со мной просто поговорил, пусть даже о погоде, съел несколько кусочков фазана, запил вином и сказал «спасибо». Большого не нужно. Пусть бы провел минуту-другую в моей компании, немного расслабился и осознал, что я не кусаюсь. Не будет провокаций на большее, не будет глубокомысленных бесед, ни одна

болезненная тема не будет затронута.

Просто тихий вечер, хорошая еда и спокойствие.

Когда длинные полосы лучей высветили подъездную дорожку, сердце екнуло от радости. Проскрипел под колесами снег; «Неофар» остановился напротив входа. Через несколько секунд фары погасли.

Я подлетела к зеркалу, судорожно поправила прическу, расправила складки на юбке и бросилась к входной двери, но на полпути к ней заставила себя притормозить. Как встретить? Что сказать? Не завизжишь ведь от радости и не повиснешь на шее – не поймет.

В этот момент в замке провернулся ключ и Дэлл, с запорошенными снегом волосами, вошел в прихожую. Собранный, чуть усталый, отчужденный. Поставил рядом с порогом сумку, снятую с плеча, расстегнул куртку и потянул носом воздух.

Наблюдая за его лицом, я с улыбкой провозгласила:

– Привет! А я приготовила ужин!

Взгляд серо-голубых глаз скользнул сквозь меня, будто я была привидением, – ни ответного приветствия, ни реакции.

От нервозности я, казалось, примерзла к месту и, не находя слов для продолжения разговора, лишь наблюдала за тем, как он аккуратно вешает куртку на плечики, а шарф складывает на полку.

Дэлл прошел мимо, не удостоив меня взглядом. Не добрый и не злой, едва поморщившийся оттого, что незримый дух какого-то полтергейста встретился ему на пути. Уязвленная подобным поведением, я неуверенно пошла следом.

– Любимый...

Секундная пауза, и Дэлл встал как вкопанный. Застыл на месте, заиндевел. Медленно развернулся и впервые за этот вечер посмотрел на меня. Мечтала о взгляде? Уже не мечтаю... Не о том взгляде железного голема, которым меня пронзили, словно холодным металлическим прутом.

– Не называй. Меня. Любимым, – произнес спокойно и глухо, глядя не на меня, а уже куда-то сквозь. – Поняла?

Я нервно сжала вспотевшие пальцы.

– Поняла.

И не дала той боли, что прострелила внутри, отразиться на лице.

– Я приготовила ужин. Фазана с ананасами и...

– Я не голоден.

И он ушел. Не добавив ни слова и не удостоив накрытый стол ни единого взгляда, просто ушел.

Стыдно признать, но я пала духом. И моя вера в успех, и без того хлипкая, как чахлый ствол побитого ураганом дерева, накренилась еще сильнее. Не состоявшийся накануне ужин стал лишь первым камнем, ударившим по затылку, и после него удалось бы подняться, если бы ни ряд других, следовавших после.

Нет, внешне я продолжала храбриться: тщательно накладывала макияж, который никто не замечал, надевала самые лучшие вещи, до которых никому не было дела. Казалось, прогуляйся я по комнатам, обернутая кухонной занавеской, – реакция будет всё той же, то есть полнейшее ее отсутствие.

Два раза попыталась принести в кабинет кофе – Дэлл в этот день работал дома, – но оба раза была отослана из-за двери, один раз попыталась открыть эту самую дверь, и тогда на меня гаркнули, чтобы я не смела входить без приглашения.

Приглашение... ага... Его я не дождусь от радушного хозяина даже на собственные похороны. Случайные встречи на кухне всегда сопровождались гробовым молчанием, а короткие фразы повисали в воздухе, и в конце концов, несмотря на все попытки быть сильной, я сдулась. Стала большую часть времени проводить в комнате наверху, где меня, на счастье или на беду, никто не беспокоил.

Сидя на жестком матрасе, я слушала, как по вечерам со второго этажа доносятся звуки телевизора, который иногда смотрел Дэлл, но спускаться в гостиную больше не решалась – хватило единожды предпринятой попытки подсесть с краю на диван, после которой хозяин дома тут же покинул комнату.

Неприятно. Бьет по нервам.

Говорят, если тебя однажды обидел человек, то виноват он. Если тот же человек обидел во второй раз – виноват ты сам.

Я вздохнула.

Да, так оно и было. Сама вторглась, сама же получила по голове. Наверное, иногда мечты должны оставаться мечтами.

Застыл на краю тумбы матовый темно-синий прямоугольник – кредитная карта. Банк Нордейла, десять тысяч наличными. Для кого, для чего?

Зачем я здесь?..

Карты я не касалась из принципа: то были чужие деньги, заработанные не мной. И если кольцо, что сейчас поблескивало на моем пальце, было выдано против воли, то и все остальное тоже. Своих хватит, проживу.

Именно так и прошли следующие три дня: в хождении по дому на цыпочках, в попытках не попадаться на глаза, в редких выходах на улицу до соседнего кафе, чтобы перекусить – одна только мысль об очередном равнодушном взгляде отбивала всякое желание появляться на кухне, – и в мучительных попытках придумать новый план, который помог бы воспрянуть духом.

Продолжай я закрываться наверху, и конечный результат от проведенных в этом доме тридцати дней будет предсказуемо плачевный. Значит, следовало срочно что-то придумать, но что?

Как заставить кого-то тебя полюбить? Бр-р-р... неверная формулировка. Как доказать кому-то, что любишь ты?

«Отпустить...» – всякий раз приходила на ум дельная мысль, и всякий раз я отворачивалась от нее, чувствуя грусть. Да, все верно, отпустить. Вот только отпустить Дэлла я еще успею (невелика задача, не требует большого ума, хотя требует множество душевных сил), но всерьез думать об этом значило бы, что я уже смирилась с неизбежным без попыток добиться того, зачем пришла.

Ночь приходила за ночью, а новые идеи посещать мою голову не спешили.

Застывал в тишине дом, закрывались двери спален, делалась толще и глуше стена недопонимания. Отчаяние – тяжелое, неподъемное, словно мешок, набитый камнями, – все сильнее давило на плечи. Росло чувство, что неверная дорожка, на которую я ступила, вскоре окончательно заведет во мрак. И каждый раз, засыпая, я боролась с мыслями о том, что любящий человек не станет мешать другому жить, а попытается каким-либо образом зажечь в душе и глазах своего избранника свет.

Но неужели единственный вариант зажечь этот самый пресловутый счет – покинуть его дом? Уйти?

Очередной вздох. Очередной отголосок боли. И очередное утро, прихода которого ждешь с тоской.

Теперь я не боялась засыпать. Теперь я боялась просыпаться.

* * *

– Я слышала, у тебя появилась Женщина. Как чудесно! Представь меня ей!

Бернарда, изысканная, одетая по последней моде и благоухающая тонким ароматом дорогих духов вперемешку с весельем, едва не хлопала в

ладоши от радости.

Дэлл скрипнул зубами. С некоторых пор он совершенно перестал жаловать гостей.

Но если тому же Маку или Халку можно отказать в визите по телефону, объяснив нежелание общаться никчемным настроением или занятостью, то отказать телепортеру спецотряда, который возник в центре комнаты практически из ниоткуда, из воздуха, было проблематично. Тем более что этот телепортер заглянул на огонек не просто так, а с целью озвучить персональное приглашение от босса на намечающуюся послезавтра вечеринку, куда, оказывается, придут все. Причем, мать его так, со своими вторыми половинками.

Одриард потер отчего-то враз затекшую шею и нехотя ответил:

– Ди, сейчас для этого не самое лучшее время.

– Но почему? Ведь все верно, у тебя кольцо на пальце, значит, в твоей жизни появилась вторая половинка.

Заметит ли она, как исказилось его лицо? Наверное, заметит, но вежливая, ничего не скажет.

Бернарда заметила. В ее серовато-синих глазах промелькнуло удивление, которое она, как Дэлл и предполагал, успела замаскировать до того, как оно в полной мере отразилось на лице. Да, Дрейк не выбрал бы себе в пару глупую женщину.

Хотелось грустно усмехнуться.

– Не хочешь ее никому показывать?

Иногда понимание – совсем не то, что требуется, чтобы почувствовать себя лучше.

Очередной тяжелый вздох. Господи, она совсем как Халк...

– Не хочу.

– Потому что...

– Потому что это всего лишь кольцо. И всего лишь женщина. Но не моя Женщина... это ошибка.

В кабинете на неопределенное время повисла тишина. Мерно гонял воздух по системному блоку вентилятор; чуть слышно поскрипывали запылившиеся лопасти.

Гостья подыскивала правильные слова – разговор повернулся в неожиданное для нее русло. Наконец она произнесла:

– Но, Дэлл... будет правильно прийти на вечеринку с ней. Если уж... она пока присутствует в твоей жизни. Мы с Дрейком хотели бы видеть ребят с их парами. Всех, у кого они есть.

Одриард почувствовал, что устал. Утомился от бесконечных мыслей,

переживаний и дискомфорта, поселившихся внутри него за последние дни. Уехать бы... к черту на кулички. Или проснуться спустя месяц, когда все непонятное станет понятным. Когда дом вновь опустеет. Когда можно будет перестать думать, кто прав, кто виноват, куда все это придет и почему ничто – ни один вариант, ни одно решение – не кажется правильным.

– Хорошо, мы придем, – выдохнул он. – Послезавтра в семь будем у вас.

Мягко качнулись в одобрительном кивке русые волосы. Да, Ди стала другой: цельной, сильной, гораздо более уверенной в себе и чуть более властной, но осталась всё той же мягкой и понимающей. Повезло Начальнику. Действительно повезло. Он за свою вторую половину боролся так, как ни один из них. Потому что был уверен в собственном выборе, потому что хотел его. И хотел Ее.

Дэлл тоже хотел бы бороться, хотел бы завоевывать, осаждать, побеждать, хотел знать, что то, на что он готов положить все силы, того стоит. Хотел знать, что между ним и избранным человеком будут царить уважение, любовь и доверие.

Доверие, да.

Как это важно...

Дэлл продолжал тонуть в тягостных мыслях до того момента, пока вдруг не осознал, что остался в кабинете один; Бернарда ушла так же тихо, как и появилась. Он огляделся и покачал головой: как удобно, не надо ни встречать, ни провожать... секунда – и человек растворился в воздухе. Дар или проклятие – обладать способностью к перемещению? Уж точно проклятие, если появишься где-нибудь не в то время и не в том месте; интересно, как ей удастся избегать подобных казусов? И удастся ли...

Ответить на этот вопрос он не успел; неуловимое движение на одном из мониторов, транслирующих изображение с камер, моментально переключило внимание на себя.

Меган... Прямо за дверью его кабинета... с подносом и двумя чашками кофе. Как долго она стояла там?

Застывшая напряженная фигура и опущенная голова. Впившиеся в поднос пальцы. Секунда, и она деревянной походкой двинулась прочь, так и не постучав.

«Потому что это всего лишь кольцо. И всего лишь женщина. Но не моя Женщина... это ошибка...»

Она ведь не слышала этих слов, нет? Ведь говорили тихо... Не должна была, не могла...

Черт!

Наблюдая за удаляющейся фигурой, Дэлл смачно и витиевато выругался.

* * *

Аккуратно одетая и тактичная продавщица средних лет обладала воистину ангельским терпением: покупатели вот уже сорок минут мурыжили ее разнообразными просьбами и никак не могли определиться с окончательным выбором; но теперь сквозь вежливую улыбку начинало сквозить раздражение. Длинный ноготок, покрытый бордовым лаком, нетерпеливо постукивал по пластмассовым плечикам, зажатым в пальцах.

– Тот костюм, что ты мерила первым? Или серебристое платье? Что тебе понравилось больше?

Дэлл вопросительно посмотрел на застывшую посреди стеллажей с одеждой Меган. Ее отсутствующий взгляд отнюдь не цеплялся за собственное отражение в возвышающемся позади зеркале, а был направлен в окно, туда, где в этот момент ярко светило весеннее солнце. Тоскливый, почти пустой взгляд, говорящий: мне бы прочь отсюда... от всех и всего, на свободу...

Дэлл раздраженно вздохнул: это не он поставил их обоих в дурацкое положение, он всего лишь пытается помочь выбрать ей наряд для вечеринки у Дрейка. Всего лишь пытается помочь!

– Может быть, черное на бретельках? Оно тебе шло.

Взгляд зеленоватых глаз оторвался от созерцания окна и на секунду сфокусировался на его лице. Сарказм прочитался в нем без дополнительных слов: «Шло? Мне, ошибке? Какая разница, что мне шло...»

Она точно слышала вчерашний разговор с Бернадой, теперь он был в этом уверен – иначе откуда бы взяться полной отчужденности и скривившей ее губы горечи?

Внезапно возникшее чувство вины пришлось оттолкнуть. Этого только не хватало...

– Мы забираем всё, что мерили, – бросил он продавщице. – Выберем дома.

Зависть, с которой та было взглянула на девушку при этих словах, быстро сменилась озабоченностью и даже сочувствием. Наверняка решила, что кавалер сильно проштрафился, раз не смог загладить вину даже таким количеством обновок, а значит, и завидовать нечему.

Дэлл с трудом подавил новую волну раздражения, сдержал едкий комментарий по поводу продавщиц, которые не умеют держать мысли под замком, подошел к кассе и положил на прилавок кредитную карту.

– Добрый день, мистер! – Кассир заученно улыбнулся, пододвигая к себе товар и ловко отыскивая в ткани магниты. – Отличный выбор. Есть ли у вас наша накопительная карта?

– Нет.

– Желаете заполнить анкету? Через неделю придет новая коллекция, уверен, многие вещи обязательно понравятся вашей спутнице...

Неприкрыто злой взгляд заставил кассира оборвать речь на полуслове и сделать вид, что в мире нет ничего более интересного, нежели сканирование ценников красным лазером ручного сканера.

Дэлл реакцией остался доволен.

* * *

Позор.

Как унизительно... быть здесь, смотреть на них, на тех, кто глядит на тебя и наверняка думает: «Самозванка».

Хотелось сделаться стеклянной.

А еще лучше – бестелесной, полностью невидимой, или же закрыться в зеркальной сфере, отражающей чужие взгляды и мысли. Хотелось перестать думать, чувствовать и даже дышать, перестать быть. Провалиться бы сквозь землю, укрыться бы под столом или схорониться за шторой, стать бы одной из этих колонн, которая находится на своем месте и выполняет правильную роль.

Рыжая морковка! Доска, одетая по последней моде на чужие деньги. Кудлатая вешалка... Не чета той изящной блондинке с длинными ресницами, на высоких каблуках и в юбке с широким ремнем, или той кудрявой с зелеными глазами, которую не выпускает из рук светловолосый мужчина, – это ведь он однажды приезжал в Солар с Дэллом, выступал свидетелем при подписании договора...

Черт, позор... позор... позор...

В одной руке – трясущаяся ножка бокала с шампанским, другую жжет прикосновение к локтю Дэлла. Жжет так, что не помогают ни свитер, ни попытки смотреть в сторону. Куда ни глянь – везде укоризна; казалось, она исходит ото всего: от стен, от людей, от глазастых креветок на серебряных подносах, от шпажек с нанизанной колбасой, сыром и оливками...

Самозванка! Да расплавишься ты от стыда, как вампир от света солнца... Да сделается тебе не по себе от чувства вины, да согнешься ты под гнетом собственных деяний, да отторгнет тебя мир, гадкую и чужую, да станет невыносимо на душе твоей, подлой и мелочной...

Я пошатнулась.

– С тобой все в порядке?

Голос Дэлла. Вежливый, обеспокоенный.

– Да, – как же трудно говорить, и еще труднее улыбаться, – всё хорошо, спасибо.

Его пальцы заботливо похлопали мои.

Лучше бы не трогал. Внутри что-то содрогнулось.

Лучше бы не притворялся, не играл, не раздаривал вежливые жесты на публике, а во всеуслышание заявил: «Господа, вы все знаете, что эта дура прилепилась ко мне насильно, поэтому давайте просто представим, что ее здесь нет. Она не заслужила ни вежливых бесед, ни потраченного времени...»

Мир вновь пошатнулся.

Теплые пальцы сжали мои.

– Меган?

Беспокойство усилилось.

– Не надо, Дэлл... всё в порядке. Мне просто... надо побыть на свежем воздухе, я сама найду, не провожай.

И я кинулась туда, где за широкими портьерами скрывался выход на балкон.

Лучшая часть города, роскошный особняк – элегантный, изысканный, дорогой. Веселая компания... хорошие, наверное, люди. Красивые, утонченные женщины, статные представительные мужчины. Едят, пьют, празднуют, общаются.

Вот только не войти мне в этот круг. Да и Бог с ним, и не надо...

Тело дрожало от холода. Отсюда, с холма, на котором расположился дом, открывался удивительно чудесный вид на Нордейл: мерцали вдали огоньки, раскинулись сетью дороги; далекий город ласкал пахнувший близкой весной ветер. Казалось, пространство здесь застыло, замерло, а время перестало течь.

Отдалились журчащие за балконной дверью голоса, осталось лишь поскрипывание веток да подтаявший снег, что всю зиму укрывал этот холм и согревал землю. А над далекими городскими очертаниями высыпали мерцающей россыпью звезды, и темное небо приобрело удивительную, непостижимую глубину.

Горько. Отчего же так горько?

Ответь мне, Вселенная, почему я везде чужая? За что? Неужели в этом мире нет такого места, где мне было бы тепло? Не надо многого, не надо богатства, не надо денег, но пусть где-нибудь найдется место и для меня. Слышишь? Крохотный уголок, где я буду своей.

Тяжесть с души не уходила. Я с грустью взглянула на молчаливое небо.

Я много прошу, да? Я все время о чем-то прошу, ты прости меня за это...

Почему же все время так стыдно?.. За собственную слабость, за просьбы, за мысли, за себя. Всю жизнь стыдно. Кто-то умеет быть сильным, а кто-то, наверное, не умеет.

Чужие вещи, чужая жизнь, чужая компания. Нечестно присвоенное кольцо на пальце.

Захотелось разрыдаться. И к черту тушь, к черту потеки, к черту их всех... Почему мне вообще должно быть дело до тех, кто остался за спиной, в теплых комнатах?

Полноценно разрыдаться я не успела, успела только всхлипнуть, а потом быстро утереть скатившуюся по щеке слезинку кулаком – на балкон кто-то вышел.

Я обернулась – девушка. Русоволосая, с большими красивыми глазами, в идеально сидящем по фигуре костюме, на высоких каблуках. До того я видела ее лишь издали – вероятно, это хозяйка дома. Подошла, остановилась рядом, протянула руку. Я протянула свою. Она пожала ее – теплая ладонь, ласковое, странно успокаивающее прикосновение.

– Бернарда.

– Меган.

На ее пальце я заметила кольцо со странным вращающимся символом в центре – эдакая видоизменяющаяся спираль бесконечности. Завораживающе красиво. Значит, это действительно она, избранница самого Начальника, которого я так и не успела увидеть – слишком быстро убежала прочь...

Не знаю, о чем обычно говорят незнакомые люди. О погоде? Делятся впечатлениями о празднике? Поддерживают вежливую беседу ни о чем?

Мне не хотелось пустословия. Бернарде, видимо, тоже. И потому мы молчали, глядя на далекий ночной город, слушали звон бокалов, чей-то громкий бас, провозглашающий бесконечные тосты, и смотрели на звезды. Вместе. Странно, но именно вместе.

Когда я осознала этот факт молчаливого единения, то бросила

короткий осторожный взгляд на стоящую рядом девушку – откуда возникло это неосознанное щемящее чувство невидимой поддержки, дружбы, ласкового касания? Неужели тишина на двоих может быть такой уютной? И почему тоска, до этого грызшая душу, вдруг притупилась, отступила, оставила после себя лишь отголосок прошлой боли?

Странно все это. Странно. Но думать не хотелось. Хотелось просто молчать, вдыхать наполненный свежестью ночной воздух, ощущать щекочущие лоб волосы, слушать звуки застывшего пространства. Особняк и все происходящее в нем отступило на задний план; остались лишь тихий вечер, балкон, стоящая рядом Бернарда и звездное небо над головой.

Когда мир успел видоизмениться? Почему вдруг стал добрым и почти родным? Откуда взялось ощущение игривого любящего щенка, лижущего твою щеку теплым языком, – щекотно и хочется смеяться... Как нежно, тихо и хорошо. Как здорово и как просто, оказывается, жить...

– Видишь, ты не чужая, – вдруг раздался мягкий голос со стороны. – В этом мире невозможно быть чужим. Ты ведь чувствуешь... Ты это знаешь.

И я заплакала. Вот так просто, хватило нескольких слов.

Слезы сами потекли по щекам, а я не стала их сдерживать. Смотрела вдаль сквозь ветерок.

– Мир любит тебя... Очень любит.

Голос что-то будил, тревожил и успокаивал одновременно, касался глубокого и сокровенного, проникал сквозь давние заслоны.

Уходи, грусть, уходи, тяжесть; грудь начало сводить судорогой. Плачь, девочка, плачь...

– ...И он всегда отзывается. Ты только погладь, только протяни руку... всегда отзовется. Здесь не бывает чужих.

Хотелось рыдать в голос. Что-то тяжелое и темное выворачивалось наизнанку и уходило. Словно вросший в землю, опутанный корнями растений камень медленно отсоединялся от поверхности, чтобы скатиться вниз, чтобы избавить душу от опухоли.

– Любовь вокруг тебя, Меган. И любовь в тебе. Она всегда поможет тебе в трудные моменты. Ты всё сможешь.

И я зарыдала. В первый раз легко и свободно зарыдала. Позволила себе, что-то отпустила. Вот так, оказывается, бывает: незнакомый человек выходит на балкон и находит нужные слова. И ты веришь ему, просто веришь. Я плакала и плакала, и вместе со слезами уходили накопленное горе, невысказанные слова, обиды, тяжесть. Бернарда будто прощала меня, а вместе с ней я прощала себя. Прощала за слабость, за ошибки, за неумение сделать правильно, за скопившуюся тоску и усталость, за все, что

когда-то было сделано не так.

– Все будет хорошо, Меган. Раньше или позже, так или иначе... Я знаю, что будет.

Уткнувшись носом ей в плечо, я промочила слезами пиджак; теплые руки, что теперь поглаживали мою спину, дарили странное успокоение и тишину, стабильность и покой. Дарили веру.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я выплакала ту боль, что накопилась внутри за последние недели, и перестала всхлипывать.

– Прости... я запачкала твою одежду...

– Какая ерунда.

– И как теперь идти назад? В таком виде?

Ее глаза улыбались.

– Сейчас пойдем в ванную, у меня там куча косметики. Ты будешь еще красивее, чем прежде.

Теперь улыбалась и я, а в душе плескалась благодарность за тот миг спокойствия, что она так неожиданно и так вовремя мне подарила.

– Спасибо тебе. Спасибо...

– Не стоит. – На короткий миг Бернарда вновь сделалась серьезной – спокойной и мудрой, как оракул. – Нам всем встречаются препятствия, и иногда кажется, что у нас нет сил их обойти; но силы есть, Меган. Всегда есть. Иногда ты делаешь шаги в темноте – сложно, да, но продолжай верить и продолжай идти вперед. Дорога ждет твоего движения, и она поможет тебе.

Я так и не смогла облечь в слова ту волну признательности, что накрыла меня, но этот короткий разговор на балконе что-то изменил внутри, помог вернуть утраченную силу и вновь поверить. Просто поверить. Вот так... казалось бы, тот же балкон, да не тот. И мир, провернувшийся вокруг своей оси. Несколько фраз, наполненных любовью, – и ты уже другой: более спокойный, цельный, чистый.

Еще один благодарный взгляд, еще один глубокий вдох – какой же вкусный ночной воздух... Странный вечер, март, пахнувший подтаявшими лужами, и так тепло внутри, как давно не было.

– Всё, пойдем назад?

– Пойдем.

– И никого не бойся.

– Не буду.

«У тебя есть я, – сказали ее глаза. – Помни об этом».

«Знаю. Помню. Спасибо», – немой ответ из глубины сердца.

И она пожала мою руку.

За следующие два часа мои впечатления от вечеринки настолько изменились, что под конец вечера стало казаться, что я принята в «семью».

Помогла ли тому Бернарда – я часто видела ее стоящей рядом с жилистым мужчиной, что носил на пальце парное кольцо с символом бесконечности; его взгляд настолько сильно давил, что приходилось отворачиваться, – казалось, он знал обо мне всё, включая прошлые тайны и будущие замыслы. А может, мое собственное изменившееся отношение к окружающим позволило вдруг разглядеть в них обычных людей, а не группу врагов, зубоскалящих за моей спиной. Так или иначе, теперь я общалась гораздо свободнее: смеялась над перепалкой здорового гиганта с белой косичкой и некоего субъекта с рыжеватыми волосами и глазами редкого медового цвета (имена я запомнила), позволила вовлечь себя в диалог о дизайне помещений веселой голубоглазой и удивительно красивой блондинке Эллион, что сопровождала совершенно не подходящего ей по уровню «веселости» типа с холодными глазами и жесткой линией подбородка (губы у него, что ли, противоморщинным препаратом обколоты?).

Облегчение, пришедшее ко мне после балконного разговора, позволило не просто пить шампанское и есть закуски, но даже в какой-то мере наслаждаться ими, несмотря на близкое присутствие все того же Дэлла; хвала Всевышнему, его постоянно кто-то отвлекал, и нам не приходилось вести псевдовежливые диалоги друг с другом.

Единственным человеком среди собравшейся компании, который мне совершенно не понравился, был высокий темноглазый брюнет с длинными волосами цвета воронова крыла, ниспадавшими чуть ниже лопаток. Что за сканер встроен в его взгляд? И откуда каждый раз, когда он на тебя смотрит, берется ощущение, что тебя... нет, не тестируют даже, но определяют на пригодность к чему-то? Анализируют, просвечивают и достают нужные детали прямо из головы, несмотря на отсутствие согласия на это.

Хм... Странный тип. Опасный. Только слепой и глухой бы не заметил, что все собравшиеся сегодня под одной крышей мужчины опасны, но брюнет будто выставлял это напоказ: «Бойся, смертный. Я ведь могу и прийти за тобой». Фух... холод по позвоночнику. Лучше на него не смотреть...

А вот Халк, с которым я встретила еще в Соларе, наоборот, оказался просто душкой – вежливый, тактичный, доброжелательный, неуловимо теплый в обращении. Рядом с ним хотелось расслабиться: сесть на пол и

раскрыть книжку на красочной странице приключенческой саги, зная, что ты в безопасности и, пока он рядом, всё всегда будет в полном порядке. Повезло ей, этой Шерин... Хотя и она сама удивительно приятная девушка, искренняя и лучистая. Красивая пара. Правильная.

Вились за столом речи, провозглашались тосты, в большинстве своем, насколько я могла судить, за какое-то недавно успешно выполненное задание и за хозяев дома. Дрейк – начальник Дэлла и остальных – снисходительно кивал и с завуалированной нежностью поглядывал на свою спутницу, Бернарду, которая с бесконечной теплотой смотрела на остальных. В ней вообще было много этой самой теплоты... Богиня, а не человек, дарившая каждому частичку Любви, той самой, истинной, первородной, исходящей не из души, а с неба... Удивительная женщина, способная гладить сердца без слов.

Казалось, под конец вечера даже Дэлл перестал стесняться моего присутствия и вновь немного оттаял. Разгладились складки на лбу, исчезла напряженность в движениях, а на губах время от времени играла улыбка.

Что ж, хорошо. Пусть не идеальная для него ситуация и не любимая женщина рядом, но все же не полнейший стресс. Уже хлеб.

А перед нашим уходом из дома гостеприимных хозяев я умудрилась ухватить конец диалога между Бернардой, которую почему-то часто называли «Ди», и мужчиной, с которым я за весь вечер вряд ли перекинулась словом, – высоким красивым брюнетом с зеленовато-коричневыми глазами, Маком, – в котором обсуждался чей-то грядущий день рождения.

– ...Уже нашел подарок?

– Нашел. Но тебе пока говорить не буду.

– Почему? – Бернарда смешно надула губы, превратившись в очаровательную куколку с большими глазами, в которых посверкивали хитрые искорки. – Я вот тебе сказала, что закажу ему доставку нового бильярдного зала – полный набор из трех столов и шаров, на которых вместо цифр будут написаны наши имена. Вот вы будете умирать со смеху, приговаривая: «Закати Чейзера в шестую... ага, пробей его через Канна...»

Оба весело рассмеялись.

– Хорошая идея, не спорю... Ладно, поделюсь: я уже нашел новую плазму для его гостиной, ту, что вышла несколько дней назад. Дэлл еще в прошлом месяце говорил о ней...

Дэлл?!

Я застыла на месте, не дойдя до туалета, куда направилась, чтобы не ерзать в машине по дороге домой. Так они говорят о дне рождения Дэлла?

Боже мой... а ведь я ничего о нем не знаю!

Когда?..

И, не спрашивая приглашения и отбросив тактичность, ступила ближе.

– Простите, что вмешиваюсь, но вы ведь говорите о дне рождения Дэлла?

– Точно, – ничуть не расстроившаяся нарушенным уединением Бернарда улыбнулась. – Его.

Мужчина, стоявший рядом, едва заметно нахмурился. Плевать. Информация нужнее.

– А когда? Когда у него день рождения?

– В среду, на следующей неделе.

Мой рот распахнулся.

Так близко, так скоро, а я в полном неведении!

– Ох, – только и сумела выдохнуть я, пытаюсь скрыть волнение, – спасибо, что сказали.

И отправилась прочь, нервозно потирая щеки. Хорошо, что я узнала об этом не в «тот-самый-день» и не пришла без подарка. Теперь хотя бы есть время что-нибудь придумать. Вот была бы засада, пропусти я этот разговор...

Полная засада.

* * *

Цифры на микроволновке показывали без пятнадцати двенадцать.

Кухня мирно гудела холодильником и привычно тикала настенными часами, невидимыми в темноте. Грела пальцы кружка с чаем; скукожился на блюде выжатый о ложку чайный пакетик. Тихо, темно и спокойно. Только оставленный включенным торшер в углу высвечивал стоящую рядом с раковиной чистую посуду.

Дэлл, наверное, уже спит. Или читает перед сном. Или сидит за компьютером в кабинете; телевизор в гостиной молчал. Скоро его заменят новым – модной и дорогой плазмой, а старый отнесут наверх или выкинут. В любом случае Дэлл будет рад подарку – его темноволосый коллега хорошо разбирается во вкусах и предпочтениях друга. В отличие от меня.

Я в который раз оглядела кухню, куда в последнее время заходила редко, опасаясь спровоцировать очередную вспышку недовольства при случайной встрече, но сейчас позволила себе спуститься. Хотелось чая. И подумать.

Свитер? Нет... не выбрать мне то, что оценят по достоинству. Стиль в одежде нужно чувствовать, знать наверняка. Глупо выбирать вещь наобум или под себя. Ремень? Бумажник? Ботинки? Ужас... куда только не заведут бредовые идеи. Книгу о холодном оружии? Наверное, он сам способен такую написать. Набор подрывника?... Ага, конструктор «Дафи» – «Создай свою лабораторию, маленький алхимик...». Тогда уж мешок селитры, перевязанный подарочной лентой...

Я хрюкнула и едва не подавилась чаем.

Надо бы осторожнее. И почему мы всегда сильны идиотскими мыслями?

Ну что, что можно подарить мужчине?

Украшения не носит, гардероб выбирает сам, работает в спецотряде, в средствах не стеснен – сам может купить все, что пожелает душа. Бернарда – и та придумала, весело и от души. Даже она изучила его лучше, чем я. Вот незадача...

Я вздохнула.

Часы, запонки, галстук? Ворох галстуков на все случаи жизни? А в довесок еще носков, трусов и пену для бритья? Воистину нет ничего хуже стереотипности. Плакат, на котором написать сто причин, по которым я его люблю? Дэлл не потратит и минуты, чтобы его прочитать. Глупо. Связать сердечко? В жизни не вязала... Залепить монитор лепестками роз, а потом быть загнанной в кабинет, чтобы все это отдирать и выметать? Да еще и получить по заду, что вообще туда заходила...

Бред какой.

И чай уже совсем остыл.

Не успела я выбрать, долить кипятка в кружку или заварить новый чай, как в коридоре послышались шаги.

Вот черт!

К тому времени, когда в кухню вошел Дэлл, я успела дернуться, чтобы попытаться улизнуть незамеченной, секундой позже осадить себя, внутренне напрячься и наспех прилепить на лицо маску: «Просто пью чай. Жить не мешаю. И вообще, уже иду наверх...».

Он остановился, заметив меня.

Окно... какой чудесный вид за окном. Ночь, и не видно ни зги, зато какой замечательный у меня профиль, говорящий: я тебя не трогаю, просто люблюсь полночным пейзажем, так что просто мимо, мимо... желательно без сарказма.

Пауза. Прошлепали по паркетному полу босые ноги; зашумел включенный чайник. Повисла тишина, наполненная равномерным

гудением разогреваемой воды. С любопытством тикали часы.

Оборачиваться не хотелось – очередной равнодушный взгляд сквозь мою персону точно не поспособствует скорому засыпанию, а так останется шанс... Не видишь – значит, и не было.

Через какое-то время щелкнул чайник, отключившись. В кружку полилась вода. От беспрестанного смотрения в окно затекла шея. Скорее бы уже...

Несколько раз затылок щекотал чужой взгляд; открылась дверца под раковиной, чайный пакетик упал в мусорное ведро, дверца закрылась, а потом шаги зашлепали в обратном направлении. Но не ушли совсем, а остановились где-то на пороге. И снова взгляд.

– Спасибо за то, что пошла со мной сегодня, Меган.

Обернулась с такой скоростью, что застывшую шею прострелило болью.

Дэлл стоял у выхода из кухни; в его руках дымилась любимая кружка с чаем – черная, с переплетением из синих квадратов. Плечи обтянуты стального цвета футболкой, джинсы он так и не сменил широкими спортивными штанами, в которых иногда ходил по дому.

– Не за что.

Удивление от того, что он ко мне вообще обратился первым, едва не заставило добавить: «Мне было приятно. Такие хорошие люди и вечер. Замечательные хозяева и атмосфера, не говоря уже про еду...»

Но я промолчала. Завязала язык узлом и прикусила его всеми зубами. Не хватало еще сделаться глупой болтушкой, восторженно повизгивающей при упоминании собственного имени.

– Спокойной ночи, – попрощался Дэлл, развернулся и скрылся на лестнице, ведущей наверх.

– Спокойной ночи, – ответила я пустой кухне, силясь понять, что это было – дань вежливости или попытка сказать, что вечер, пусть даже в моей компании, оказался не так уж и плох.

«Спасибо так спасибо. Все лучше, чем ничего...»

Я удивленно пожала плечами, хлебнула чаю, поставила кружку в раковину и тоже вышла из кухни. А проходя мимо двери кабинета, осторожно вывела на ней пальцем символ сердца и тихо прошептала: «Вкусных снов тебе, любимый...»

Глава 7

Дэлл чувствовал, что привыкает к присутствию Меган в доме.

Так медленно и неохотно, порой через силу и сжав зубы, привыкает к присутствию нового, случайно прибившегося питомца много лет живущий в прихожей особняком пес. Испытывая то недовольство, то раздражительность, то любопытство, то тягу узнать больше, а то и всё сразу... Куда бы ни пошел мелкий шкода, всюду стелется его запах: вещи сдвинуты с мест, еда в миске надгрызена...

Сколько раз всё через те же пресловутые камеры он наблюдал за ее перемещениями? То втихаря нальет чай на кухне, то, как тень, проскользнет в туалет по коридору, то бесцельно покружит по комнатам, то вдруг примется протирать пыль с полок, то – Дэлл никогда бы не подумал – затеет генеральную уборку всех помещений с тряпками, пеной и басовитым гудением пылесоса. А иногда примется изучать висящие на стене в бильярдной кии или присядет минут на пять в кожаное кресло кинозала, отдохнет, расслабится. Интересно, какой бы фильм она предпочла, если бы хоть раз нажала на кнопку включения видеосистемы? Комедию? Про любовь? Боевик?..

Но Меган ни разу не нажала. Не решилась.

Вот уже второе утро подряд Дэлл находил на кухне сервированный завтрак, оставленный специально для него. Причем оставленный с точным расчетом: блюда, выпечка и кофе всё еще горячие, а повара и след простыл.

А те символы сердца, что она рисует вечером, проходя мимо его спальни... Думает, никто не видит, не слышит, не чувствует, а все равно не сдается. Вот ведь упертая... Ощутить бы привычное раздражение, вот только нет-нет да примешается крохотная доля уважения за стойкость духа. Ее стукнешь, а она в ответ погладит.

Плюс ко всему каким-то образом прознала про грядущий праздник и теперь как из рога изобилия сыпала вопросами: будут ли отмечать дома? сколько человек? как украсить помещения? что приготовить? А ведь он даже не упоминал, что хотел бы помощи или содействия. Приходилось молча качать головой и наблюдать, как Меган пытается выяснить детали самостоятельно: осматривает комнаты, что-то прикидывает, делает звонки и заметки, размышляет, планирует. И не прикажешь ведь прекратить – уж совсем по-скотски получится.

Вчера она весь вечер что-то писала: нашла лист бумаги, ручку и

несколько часов корпела над каким-то текстом. То сосредоточенно выводила буквы, то фыркала, то улыбалась, то с загадочным видом перечитывала написанное. Хоть бы слово разглядеть, вот только камера оказалась точно за спиной. Или спина точно перед камерой. Совпадение?..

И все чаще не способный и уже, признаться, не желающий уходить от мыслей Одриард принимался размышлять над тем, почему когда-то просто не забрал нож. Ведь мог бы... Почти так и сделал в Соларе, просто исчез по истечении двух недель, на которые, опять же, сам согласился, но после вновь пошел на уступку – принес запрошенный предмет на день рождения, когда узнал, что она в Нордейле.

Зачем?

Прав бы Мак, не говоря уже о Халке, – Дэлл сам выбирал то, что получал. Причем всякий раз. Всегда ли то происходило против воли? Или иногда всё же по зову сердца?

Почему иногда вид покачивающихся над бумагой волос вызывал желание дотронуться до них, убрать выбившуюся прядь за ухо? Почему на вопрос, любит ли он воздушные шары, хотелось улыбнуться? Очень хотелось, почти нестерпимо. А после горячего завтрака хотелось подняться наверх и поблагодарить. Пусть не заказывал, но все равно приятно, а простое «спасибо» ни к чему не обяжет.

Можно ли подобные позывы рассматривать как измену самому себе? Зарекался, что не даст спуску, обещал держать каменную маску на лице и сердце, а сам думает о той, кто ночами лежит наверху, в крохотной комнате на жестком матрасе. Позвать ближе – гордость взвояет, а в очередной раз оттолкнуть – самому больно. Да и за что отталкивать, собственно... За идиотскую просьбу о кольце, которая другими словами должна была прозвучать «просто хочу побыть рядом»? Лучше бы обошлась без последнего приказа, просто попросила. Ведь понял бы, черт ее дери, понял бы...

А так... одно неверное слово, и два умных человека враз сделались дураками. И вместо того чтобы вдвоем готовить на кухне попкорн и после вдвоем же его поесть в кинозале, обмениваясь шутками и комментариями, сидят каждый в своем углу, мечтая о шаге навстречу, который ни один так и не сделал и, возможно, не сделает.

А могли бы... Да много чего могли бы, если уж отбросить предрассудки и отпустить кусающуюся обиду. Могли бы, например, сидеть по вечерам в гостиной, наслаждаться совместными завтраками и ужинами, выходить на улицу, чтобы пройтись по магазинам, гулять в парке, даже, если уж на то пошло, мастерить в лаборатории взрывчатку. Интересы

схожие, и у каждого есть свой багаж знаний, которым можно поделиться. Дэлл вот, например, до сих пор о магнитных замках и криптографии знал лишь поверхностно и с удовольствием послушал бы пару лекций на данную тему. Пусть даже не лекций, но просто историй из жизни: грустных, забавных, поучительных – любых. С удовольствием послушал бы.

А если еще и скрытую тягу к сближению выпустить на волю, тогда в сценарий могли бы добавиться совместные ночи, жаркие поцелуи в течение дня, взрывные порывы страсти там, где нахлынет, и заполняющая каждый уголок души нежность.

Стоит ли врать, что он ничуть не наслаждался подобными моментами в прошлом? Кому врать, для чего? Наслаждался, и очень. Нежные руки, поглаживающие спину, ласковые пальцы, перебирающие волосы, любящий взгляд и океан тепла – один на двоих. Моменты близости тел и душ, моменты счастья...

Всё потеряли.

Обидно.

От подобных мыслей делалось тошно.

Да, много что могло бы быть, если бы не мелкие ошибки, которые копятся и которые потом так трудно простить.

Дураки. Дураки.

Идиоты. Оба. И еще нестерпимо жаль, что осознание ситуации не несет за собой облегчения.

* * *

Той ночью, уставшая от бесконечной череды дел, лежа в постели, я долго размышляла над разными вещами. И основной животрепещущей темой был подарок для Дэлла, идея которого наконец сформировалась в сознании – им должен стать отсутствующий в коллекции на стене пистолет. Конечно! Не могло быть лучше подарка, чем тот, указание на который все это время находилось у меня перед носом.

Однако первый с легкостью найденный ответ неожиданно подтолкнул к новым препятствиям – ниточки, ведущие к загадочному «Brandt ХТ-5», оказалось на удивление трудно отыскать. Чем больше я задавала вопросов – владельцам магазинов, торговцам оружием, частным коллекционерам, – тем более мутными делались сведения. Да, пистолет существует, он уникален и дорог, но в каком направлении двигаться дальше, никто

подсказать не мог. «Ищите через аукционы, хотя подобный экземпляр вряд ли станут афишировать и уж тем более продавать. Но, возможно, вам повезет, и вы наткнетесь на сведения о том, кто стал его последним владельцем».

Легко сказать, трудно сделать.

Держатели аукционов оказались на редкость неразговорчивыми людьми, но это касалось только телефонных переговоров. При личном же контакте и за заранее озвученную сумму они легко делились информацией, вот только пока, к сожалению, бесполезной. «Нет, эта редкая модель не присутствовала среди когда-либо выставленных лотов, попробуйте обратиться в общий регистрационный отдел. В их архиве могут быть сведения о том, что вы ищете...»

Не смешно. «Брандт» самостоятельно в руки плыть не желал, а кошелек медленно пустел. Если тенденция в скором времени не изменится, то к моменту нахождения подарка мне будет попросту не на что его купить. Сколько в моем распоряжении? Около восьми тысяч – остатки выданных на проживание Комиссией денег; финансы Дэлла не в счет. А сколько может стоить редкая коллекционная модель пистолета, о котором едва ли кто слышал? Десять, двадцать, тридцать тысяч? А если все сто?

Я вздохнула.

Где-то я слышала о том, что жадность – источник всех человеческих бед, но чем дольше над этим размышляла, тем больше склонялась к тому, что на самом деле пресловутым источником является не жадность, а жалость. Да, именно она, жалость к себе. Преждевременный страх проиграть, тормозящий всякое действие.

Сложно ли отдать всю наличность за ценный и нужный тебе предмет? Нет. Легко ли ты расстанешься с чем угодно, лишь бы на любимом лице появилась улыбка? Конечно. Тогда при чем здесь жадность? Счастливым можно быть и с пустым кошельком. А вот можно ли быть счастливым, жалея себя? Нет.

Когда тебя кто-то не любит – обидно. Когда кто-то отворачивается к стене и засыпает, не сказав ни слова, не обняв, – жаль себя. Не сказали по телефону ласкового слова или вообще не позвонили – тяжело на душе, потому что вновь жаль именно себя. Скуксились при виде выбранного тобой подарка? Не оценили заботу? Не улыбнулись в ответ на шутку? Эффект один и тот же... извечная противная липкая и вязкая жалость к себе.

Именно она заставляет опустить руки: ведь впереди будет трудно, впереди, возможно, снова придется сносить унижения и обиды,

вызывающие всё ту же извечную жалость, – тогда зачем вообще двигаться вперед? Не лучше ли попробовать избежать? Переждать, побездействовать... Если упаду – коленка будет болеть, споткнусь – лицо будет в грязи, обидят – заночует душа...

Тьфу!

Так всю жизнь можно просидеть, ничего не попробовав. Ну и пусть молчат в ответ, пусть обижаются и обижают, пусть коленки в синяках, пусть хоть все пальцы стертые до крови от усилий, все равно буду пробовать. А поскулить, забившись в нору, смогу и позже.

Я поворочалась на матрасе – философские размышления прогнали подступающий сон, – прислушалась к тишине вокруг, уперлась взглядом в темный потолок и переключилась на обдумывание более насущных вопросов.

Скоро экзамен по криптографии – не завалить бы. Последние лекции слушались вполуха. А тут еще этот праздник, поиски ускользающего, словно призрак, пистолета, грядущий прием гостей, украшение комнат, составление меню... И почему всё всегда наваливается разом? Да, меня ни о чем не просили, но это не значит, что не стоит пытаться помочь.

Погрызнув в заботах, можно не заметить, как бежит время. А оно ведь бежит... Восемь дней уже пролетели. Так пролетят и остальные двадцать два, проскользнут сквозь пальцы, обойдут тихонечко и останутся за спиной, помахивая на прощание ладошкой. И протянется рука, требуя вернуть несправедливо присвоенное колечко...

Я шумно вдохнула и накрылась с головой одеялом.

Только не жалеть себя. Только не жалеть!

* * *

Одиннадцатое марта.

И девятый день с тех пор, как я переехала из собственной квартиры в особняк Дэлла. Так мало и так много – целая жизнь.

Этим утром позвонила Бернарда, и я, обрадовавшись, как проживший десятки лет в одиночестве отшельник, битый час не могла положить трубку, рассказывая обо всем подряд: да, готовлюсь к экзамену, думаю над тем, как украсить комнаты к следующей среде, волнуясь, не разозлится ли Дэлл на присутствие поваров в доме. Но ведь кто-то должен готовить, я одна за месяц не управлюсь... Нашла ли подарок? Идею нашла, да, а вот сам подарок не могу... обидно. Назвать модель? Без проблем, сейчас, у

меня где-то записано... Уверена ли, что ему понравится? Да как можно быть хоть в чем-то уверенной, когда дело касается меня и его? (Вздых.) Не хочу ли встретиться в шесть, чтобы выпить кофе? А вот это с превеликим удовольствием, спасибо за приглашение, приду обязательно!

И теперь я шагала по талым лужам к одному из кафе в центре.

Город постепенно оттаивал, расслаблялся после зимы, начинал вдыхать полной грудью. Подрагивала вода в снежных рывинах на дорогах, пусть холодная, но уже вода, а не лед; постепенно темнели и проседали сугробы. Присутствие близкой весны ощущалось не столько в любующихся небом лужах, сколько в едва уловимом запахе земли и растений в воздухе, запахе надвигающихся перемен, и в более воодушевленных лицах прохожих. А еще в птицах, которые, несмотря на пасмурную погоду, радостно голосили с деревьев громче своры напившихся портовых моряков. Надо ж так верещать, птахи, одна другой громче...

Время от времени каблучки ботинок не проседали в рыхлом снегу, а стучали по небольшим участкам открывшегося асфальта – таких пока было не много, – и от этого на душе делалось хорошо. Эх, забросить бы шапку в пакет, распушить бы волосы, пусть размечутся рыжим облаком вокруг головы, размотать бы шарф да подставить шею не холодному уже ветерку, а чтобы тот ласково коснулся... Хочется, да. Но рановато. Придется еще пару недель потерпеть обвившегося вокруг шеи шерстяного питона и головной убор ему под стать. Зато потом...

Я втянула свежий воздух носом, перескочила через обширную лужу и осторожно запретила себе думать, что случится потом. Время для меня стало иным и теперь измерялось в счете от одного до тридцати.

А что будет после – известно одному лишь Создателю.

* * *

Неслышно лопались молочные пузырьки на кофейной шапке, смотрели на декоративный потолок спиральные завитки из клубничного соуса, нарисованные поваром на плоской тарелке вокруг куска сметанного торта. Поблескивал желтым камень, висящий на цепочке поверх белого свитера Бернарды.

Тепло, уютно, без гомона.

Я погладила гладкую стальную спинку десертной ложки.

– Не нужно помогать с поварами. Я уже нашла агентство, они пришлют троих...

Отказывать в предложенной помощи неудобно, но Бернарда поняла. Почувствовала, что я хотела бы все сделать сама, и не стала ни настаивать, ни комментировать. Лишь покрутила в руках листок бумаги, вырванный из блокнота, с записанным на нем названием. Медленно вращался над ее кольцом знак бесконечности. Холеные пальцы, идеальные ногти. Идеальным, наверное, был и мужчина, подаривший такой символ.

– Дай мне несколько часов. Я пробью этот пистолет по тем каналам, до которых тебе не добраться. Хорошо?

– Конечно. И спасибо за это.

– Только пообещай, – она на секунду замялась, но постаралась скрыть смущение, – что... если владелец не захочет его продавать, то ты не... пойдешь против его воли.

Я усмехнулась. Поняла, куда она клонит.

– Обещаю. Не буду ни красть, ни настаивать, ни избивать бедолагу, чтобы он сам мне его подарил.

Бернарда прыснула со смеху, не удержалась. Вероятно, представила меня, трясущего кого-то за шею своими тонкими руками-прутиками.

– А если цена будет слишком высокой, мы придумаем что-нибудь еще.

Вздых скрыть не удалось.

Согласиться на словах – совсем не то же, что согласиться внутри. Если не «Брандт», то что? Снова вернуться к мыслям о мешке с селитрой? Внутри потяжелело.

– Ладно. Хорошо. Попробуем в любом случае. Ты только, если что-то узнаешь, дай детали мне, чтобы я сама...

– Да, я знаю. – Ее серо-синие глаза блеснули пониманием. – Сама-сама.

Глава 8

Звонок раздался около девяти вечера.

Трясущиеся от волнения руки, лист бумаги, ручка, сказанное шепотом «спасибо», а после – долгое разглядывание заветного телефонного номера. Рихарт Грант, значит... Вот кто владел заветным «Брандтом». Восьмая авеню на восточной стороне города, дом двадцать шесть.

Набрать сейчас? Поздно, может спать. Лучше утром.

Я еще раз мысленно поблагодарила Бернарду, заткнула листок во внутренний кармашек сумки и принялась ходить взад-вперед вдоль лежащего на полу матраса, раздумывая, как представиться владельцу заветного пистолета таким образом, чтобы сразу же не получить отказ во встрече.

Судьба. Тут только полагаться на судьбу: захочет продать – продаст, не захочет – как ни представляйся, отправит подальше. Правильный диалог, цена, скрещенные на удачу пальцы – только бы получилось!

Радостное возбуждение мешало на чем-либо сосредоточиться, мысли прыгали, словно горстка цирковых вшей – попытайся отследить траекторию полета одной, и другие тут же отвлекут внимание на себя хаотичным движением.

Черт, дождаться бы утра! А пока срочно отвлекься: чай, кофе, книга, рисование на стенах узоров – все что угодно, лишь бы оставшиеся до рассвета часы пролетели как можно скорее.

Телевизор в гостиной работал – из комнаты доносился хорошо поставленный голос ведущего вечерних новостей; изредка поскрипывал диван, на котором расположился Дэлл.

Я выложила порезанные на аккуратные кубики бутерброды с тунцом на блюдо, подхватила стакан с соком и выскользнула из кухни. Привычно щекотало нервы волнение. Просто войти, поставить на стол и уйти – вот и вся задача; мужчина не должен быть голодным (пусть даже это крайне вредный мужчина), и, пока я в этом доме, *мой* мужчина будет окружен заботой.

Над спинкой дивана неподвижно застыла русоволосая макушка; голос ведущего стал громче.

Наблюдая за сидящей на диване фигурой, я осторожно обогнула раскрытые двери, приблизилась к табурету, придвинутому к подлокотнику,

и аккуратно поставила на него тарелку. Затем сок.

Как только дно стакана коснулось деревянной поверхности, Дэлл повернулся. Наши глаза встретились.

Как нехорошо трясутся пальцы, не пролить бы... Не способная оторваться от приковавшего к себе взгляда, я осторожно переместила блюдо ближе к центру, туда же пододвинула стакан и медленно выпрямилась.

– Ужин.

Дэлл молча посмотрел на тарелку, затем снова на меня. Какой странный взгляд: не раздраженный, без привычного огонька укоризны, внимательный – и только. Не зная, что еще добавить, я нервно переплела пальцы, затем указала на тарелку и добавила:

– Тунец, майонез. Может... сделать другие?

Боже, я до сих пор не знаю вкусовых пристрастий того, с кем живу... Но ведь все учатся постепенно?

– Не нужно. Эти подойдут. Спасибо.

Я облегченно кивнула и, чтобы не провоцировать новых пауз, быстро покинула гостиную.

Очередная задача завершена успешно! На меня не гавкнули и не отправили прочь. Поставим еще одну галочку в списке крохотных побед.

Наверх я поднималась с улыбкой.

* * *

Рихарт Грант погладил пальцами гладкий бок полированной деревянной коробки и медленно открыл крышку. Затем долго, лаская взглядом, осмотрел два утопленных в плотный черный поролон эксклюзивных пистолета, после чего откинулся в кресле, расправил халат и взял со стола толстую сигару. Не спеша, глядя на пламя спички, прикурил, выпустил из уголков рта белый дым и бросил спичку в пепельницу. Перевел взгляд на висящую на стене фотографию.

Доброе утро, Тильда. Как ты? Я сам ничего, спал хорошо, спасибо, родная.

Гостье, сидящей в кресле напротив, он не сказал ни слова.

Странная девчонка: молодая и рыжеволосая, одетая неброско, но аккуратно, приятная лицом, приятная по внутренним ощущениям. Пришла ни свет ни заря, вежливо поздоровалась, представилась.

Зачем ей пистолеты?

Этим утром, услышав по телефону просьбу о встрече, связанную с желанием купить у него «Брандт», Рихарт едва не ответил привычным отказом – в этот момент он завтракал жареным яйцом и беконом, читал «Ежедневный Нордейл» и не желал отвлекаться по пустякам, – однако что-то заставило его притормозить с ответом.

Эти пистолеты пытались купить уже трижды, но еще никогда покупателем не выступала женщина.

Странно, Тильда, да?

Грант потер щетину, разглядывая посетительницу.

Свет, льющийся из высоких окон просторного зала, не позволял деталям укрыться: не богатая, но и не бедная, с чувством внутреннего достоинства и некоторой долей упертости, но при этом нервная и взвинченная, хоть и тщательно пытается последнее скрывать. Руки сложены на коленях, коленочки вместе, подбородок поднят, взгляд напряжен. Важна ей эта покупка, ой важна...

– Так вы стрелок, мисс...

Девушка на секунду замешкалась. Затем уверенным голосом помогла Рихарту вспомнить свое имя:

– Миссис Одриард. Или просто Меган, если вам угодно.

Грант откашлялся.

– Хорошо, как скажете. Так вы стрелок, Меган? – повторил он свой вопрос.

Очередная заминка и мелькнувшее в глазах отчаяние, борющееся с паникой, – так боится разозлить профессора студент, не выучивший материал для экзамена. Но ответ последовал честный, хоть и дался, судя по всему, нелегко:

– Нет, мистер Грант, я не стрелок.

– Тогда зачем же вам пистолеты?

– Пистолеты?.. А разве... он не один?

– Нет, миссис Одриард, не один. Это сет – два пистолета для левой и правой руки. «Брандты» всегда идут в паре. Вы не знали?

– Нет.

Рихарт хмыкнул и прищурил глаза.

– Получается, вы даже не знаете товара, за которым пришли.

Гостья смутилась, и ей потребовалось какое-то время, чтобы побороть неловкость. Хозяин дома наблюдал молча; в его последней фразе не было ни осуждения, ни сарказма, скорее любопытство, и это придало рыжеволосой смелости продолжать диалог.

– Видите ли, я хотела бы купить эти пистолеты в качестве подарка на

день рождения для своего Мужчины. У него обширная коллекция огнестрельного оружия, но одно место на стене пусто, там стоит лишь подпись. И на ней сказано «Brandt X-5»...

– «ХТ-5», – машинально поправил Рихарт.

– Да, верно. Очевидно, что лучшим подарком, которому бы он обрадовался, стал бы недостающий экземпляр... экземпляры, которые есть только у вас. Именно поэтому я осмелилась потревожить вас сегодня утром и спросить, не пожелаете ли вы...

Видишь, Тильда? Она совсем как ты... Как ты, любовь моя. Вьющийся дымок не мешал Гранту смотреть на знакомый овал лица на фото. Я помню, как ты преподнесла мне эту коробку в качестве сюрприза, помню, да... Много лет прошло, а я не забыл.

Женщина на фото улыбалась, и по ее глазам можно было прочесть многое: иногда одобрение, иногда мягкую укоризну, а иногда бесконечную любовь – именно ее Рихарту нравилось ощущать более всего.

Где ты достала их? Сколько я ни спрашивал, ты так и не призналась, лапушка... Неужели так же пыталась купить их у какого-то коллекционера? Всё когда-то повторяется, всё уходит на круги и возвращается. Сначала ты, потом она... а может, кто-то и до тебя... Но я радовался, видит Бог, очень радовался подарку, ты помнишь.

– ...И я осознаю, что цена этой уникальной модели может оказаться достаточно высокой, но, пожалуйста, озвучьте ее. Быть может, я смогу себе позволить...

Мужчина в кресле вновь откашлялся.

– Сможете. И знаете почему?

Сидящая напротив Меган моментально умолкла; в ее зеленоватых глазах смешались надежда и недоверие.

– Почему?

– По трем причинам. Первая: я пришел к мысли, что готов их продать. Вам. Скажите, ваш Мужчина – хороший стрелок?

Ответ последовал с гордостью и без задержек:

– Отменный.

– Отлично, я в этом и не сомневался. Причина номер два: когда-то я сам получил их в подарок от своей Женщины и знаю, как это ценно. Ему повезло, вашему избраннику; надеюсь, он поймет это. И третьей причиной является то, что я все равно не смогу забрать коллекцию с собой, а если так, то какой смысл?

– Забрать куда? Вы переезжаете?

На секунду сигарный дым скрыл лицо Тильды, и Рихарт так и не

понял, одобрила бы она выбор рубашек, которые он уже упаковал в сумку.

Может, взять еще ту клетчатую? Ты говорила, она мне идет...

Дым пришлось развеять ладонью.

– Вот, Меган... – Грант победоносно улыбнулся и дотронулся пальцем до белого конверта на столе, что лежал рядом с деревянной коробкой. – Вчера я получил вот это...

Глаза гостьи сфокусировались на бумажном прямоугольнике, и через несколько секунд выражение ее лица сменилось с задумчивого на понимающее.

– Это же... разрешение...

– А вы проникательны.

– На Переход.

– Вы сами недавно пришли?

– Около двух месяцев назад.

– Понятно. Да, это бумага о Переходе на пятнадцатый. И несмотря на то что Комиссия могла бы – хотя я в этом не уверен – пересчитать стоимость моего имущества и выдать его в денежном эквиваленте, я согласен продать вам пистолеты. Так или иначе, они кому-то достанутся, так почему бы не вам? Пусть будет символическая сумма – пять тысяч за оба, это в разы меньше того, что мне предлагали предыдущие покупатели, но счастье, как известно, не всегда в деньгах. Цена вас устроит?

Меган закивала так быстро, что Рихарт улыбнулся.

Пусть забирает, да, Тильда? Ты ведь не обидишься?

Темные глаза смотрели ласково, по-доброму.

Вот и я так подумал... Пусть забирает.

– Хорошо. Тогда давайте оформим сделку и платеж, а то кофе на кухне уже давно остыл, а я всё еще хотел бы закончить свой завтрак.

* * *

– Сегодня мы рассмотрим еще один метод дешифровки цифрового сигнала, а после кратко пробежимся по всем темам, которые изучили. Все это будет до обеда.

Профессор Ирвин Клод, лысоватый затылок которого последние четыре недели привычно маячил перед широким экраном с формулами и графиками, потер мясистые руки, повернулся к классу и посмотрел на студентов поверх круглых очков.

– После обеда я расскажу вам о структуре завтрашнего экзамена,

который будет состоять из четырех этапов, включающих различные задачи. На решение каждой у вас будет от тридцати до сорока пяти минут...

Слушая преподавателя, я бесцельно выводила ручкой в тетради линии и загогулины. Экзамен в девять утра, нужно будет подготовиться: пробежаться по конспектам, посидеть в лаборатории, поработать с замками-ловушками, сложные микрочипы которых давались для понимания особенно тяжело. Если смогу разобраться с ними, сдам и все остальное. Хотя... сдам, не сдам... кому оно всё надо?

Глаза слипались; мозг после практически бессонной ночи никак не желал включаться в работу. Кто-то, глядя на круги под моими глазами, позавидовал бы: мол, повезло девке, ей есть чем заняться по ночам.

Да уж...

С грустью вспомнилась радость от удачной покупки – прижатая к груди деревянная коробка с двумя редкими пистолетами внутри, похрустывающие по подтаявшему снегу каблуки, поющее сердце и желание воспарить к небу. Удалось! Я нашла их! Не просто нашла – купила! Какой ценный и одновременно бесценный подарок! А главное, у меня в руках...

Это было вчера.

Вчера утром я радовалась, как одуванчик, впервые за долгие месяцы увидевший солнце, а вечером...

Кто, спрашивается, тянул меня за язык? Зачем я ступила на порог его кабинета? Босая, в шелковом халате, специально припасенном для особого случая, снова поверившая в чудо.

Память моментально воспроизвела случившееся накануне с тошнотворной четкостью. Широкоплечая фигура, расположившаяся в кожаном кресле; синеватые отсветы от монитора, вычерчивающие профиль; поставленные на стол локти, задумчивый вид...

– Дэлл?..

Скрипнуло сиденье; он повернулся на голос.

– Что?

Слова из приготовленных сформированных комков раскрошились, сделались кашей, заставляя мямлить.

– Скажи... я... – Подол халата скользил в ладони; от этого ощущения почему-то делалось неприятно. – Я могу спать с тобой в одной спальне?

Нам пора что-то изменить, разве ты не чувствуешь?

– Хотя бы сегодня...

Застывший стеклянный взгляд лишь усугубил мою нервозность.

– Или время от времени...

– Я бы пока этого не хотел, Меган.

Сердце пропустило удар, а после налилось свинцовой тяжестью. Сделалось стыдно за себя, за то, что пришла. Ткань противного халата продолжала ускользать сквозь пальцы – пытаешься нащупать, а она утекает, бесформенная, бесхребетная, слишком скользкая.

– Но ведь у меня есть право...

Право спать с тобой в одной постели...

Последняя часть фразы вслух не прозвучала, но того и не требовалось. Его взгляд сделался холодным и презрительным; губы сжались в жесткую линию.

– Право? – Теперь его голос звучал по-ласковому ядовито, напоминая липкие лепестки растения-ловушки – бархатная кожица, а сверху сладкие капли смертельного химического вещества. – Право настаивать на близости? Конечно, ты имеешь право, ведь на твоём пальце мое кольцо. Я, знаешь ли, и раньше делал это без желания – пришлось научиться, – поэтому смогу и в этот раз. И, конечно же, у тебя есть право требовать любовь, раз ни у кого не возникает желания давать ее тебе добровольно...

Вновь вспомнилась прижатая к груди деревянная коробка, ныне спрятанная у стены за матрасом. Вспомнилась собственная радость. А ведь послезавтра придут уборщики, повара, декораторы...

Зачем? Зачем всё это?

Сердце заныло; скомканная ткань выскользнула из пальцев, я больше не стала ее ловить. На душе сделалось одновременно гадко и тихо. Неестественно пусто.

– ...Я еще поработаю, если ты не против, мне понадобится где-то пара часов, а потом приходи, я исполню свой долг.

Дэлл отвернулся. Всё тот же ровный взгляд, скрывающий бешенство, и застывший на фоне монитора профиль.

Требовать любовь... Не возникает желания... Приходи через пару часов...

Я не пришла.

* * *

Комковатое пюре с безвкусной подливой от переваренных котлет в горло не лезло – ни аппетита, ни настроения. Перед глазами плыли строчки формул, сложные алгоритмические построения, бесконечная череда символов, не желающих усваиваться мозгом. А ведь профессор считал, что

у меня хорошие шансы, что я могу стать одним из лучших специалистов... Жаль подводить, поэтому придется провести не один час за практикой с анализатором в руках.

Столовая щебетала голосами, звоном ложек, скрипом отодвигаемых стульев и бряцаньем пустых подносов. За окнами сквозь серовато-белую дымку, накрывшую город с утра, неярко светило солнце.

Что ж, посижу до вечера, торопиться некуда, а завтра с утра (выспаться бы ночью) на экзамен. Главное – не дурить, не делать резких движений, не провоцировать конфликты, не переступить порог его кабинета.

Наваливалась усталость, дурная усталость, нездоровая, слишком тяжелая, чтобы удалось стряхнуть ее улыбкой или всплеском хорошего настроения. Слишком долго всё шло не так и не туда, слишком давно я запуталась в себе и собственных действиях. Но теперь либо идти вперед, либо сдаваться. Странно, но я начала приходить к мысли, что больше не хочется ни того, ни другого; хотелось просто жить, и жить как-то иначе.

Однажды я пойму... и всё изменю.

Когда-нибудь.

Кольцо на пальце больше не вызывало прежних чувств – ни радости, ни даже грусти. Просто кольцо; оно пока есть, потом не будет. Я посмотрела на него и отвернулась.

– ...Я звоню, а он трубку не берет, представляешь? На кой черт я мечу бисер перед свиньей?

Голос принадлежал одной из двух девушек, сидящих за соседним столиком. Блондинка: длинные волосы, прямой аккуратный нос, упрямо поджатые губы; хорошенькая, если бы не наморщенный лоб и тоскливый взгляд.

Ее подруга – темноволосая и коротко стриженная – недовольно покачала головой.

Наверное, с экономических курсов...

– Мы им становимся нужны только тогда, когда кладем на них болт. – Ее напояженный рот презрительно скривился; качнулись над тарелкой с блинчиками громоздкие красные бусы. – Вот когда он станет не нужен тебе, тогда ты станешь нужна ему...

Я медленно отвернулась от случайных соседок и уставилась на остатки комковатого пюре.

Тишина внутри собственного сердца пугала.

Удивительно, как иногда вагонетка, плетущаяся внутри бесконечного темного туннеля, вдруг срывается куда-то вниз, а после берет невидимый, но ощутимый разгон и стремительно вырывается на поверхность горы. И болтается от непривычной скорости голова, цепляются за металлический край уставшие пыльные руки, слезятся от яркого света глаза, а ты счастлив, полностью счастлив, потому что наконец свободен!

– Девяносто два из ста баллов!!!

И я взлетаю к потолку, размахивая конечностями, как ошалевший плюшевый медведь.

– А-а-а!!! Вы чего!..

– Ты молодец!

– Ура! Меган! Ура-а-а!!!

Руки одnogруппников ловят лишь для того, чтобы вновь подбросить вверх.

– Отпустите меня! Я же упаду-у-у!

Сердце колотится в бешеном ритме, радость застилает сознание, хочется парить, смеяться, хочется летать. Они будто чувствуют это и хохочут, но хохочут счастливо, беззлобно, разделяя мой собственный восторг, и снова подбрасывают. Гип-гип ура победителю экзамена!

Когда только успели забыться вечера зубрежки, долгие часы, проведенные перед крошечными детальками, ворох исписанных страниц мятого конспекта и надоевший до зубной боли монотонный голос профессора Клода? Когда улетучилась тоска? Когда я вдруг осознала, что смеюсь сама? Четыре долгих, почти бесконечных экзаменационных часа отсижены... четыре сложнейшие задачи решены. Неужели это правда?

– Вот ты даешь! Никто не выбил больше семидесяти, а ты – целых девяносто два! Ты гений, рыжая!

Казалось, прежде чем меня поставили на землю, потолок отдалился и приблизился еще не менее десятка раз.

– Дурачки! Делать вам больше нечего, кроме как людей подбрасывать!

Они так радостно смеются, а я даже толком не помню их имен. Ушастый в свитере – Жорж, да, Жорж... Рыжий с веснушками – Питер, а здоровяка зовут вроде бы Лиам. Профессор тоже не сразу смог запомнить – почему-то он редко обращался к нам по именам.

– Мег, сегодня празднуем! Идем в бар на углу Сорок Восьмой!

– Я...

Секундное замешательство – бар, какой бар? Ведь завтра день рождения Дэлла, подготовиться бы надо.

– Ты тоже идешь! Как без этого?

– Не-е-е, ребят...

Надо спросить у Дэлла...

– Никаких отмазок! Ты лучшая на курсе, ты точно должна быть. Мег, расслабься, мы все сдали, можем отметить! Блин, больше месяца мучений...

– И Ирвин там будет. Говорит, мы лучший выпуск за последний год.

– Ага, всей толпой отметим...

Они были настойчивы. Возбуждены и радостны, как стая отъевшихся после голодной зимы пингвинов, и я вдруг неожиданно для себя сдалась. Слишком долго сидела на берегу, когда хотелось нырнуть в нежную зелено-голубую волну радости, слишком долго тосковала по ощущению соленых брызг на лице, слишком давно хотела почувствовать телом прохладное обтекание влаги, дарующее свежесть и бодрость. И тогда я нырнула – поднялась с песка, побежала вперед и бросилась в столь желанное море, поддалась всеобщему веселью. Прочь тревоги, прочь заботы – сегодня мой день, могу себе позволить бокал-другой вина в хорошей компании. В конце концов, кому и что я должна? Подарок найден и куплен, все организовано заранее, так почему бы мне не отдохнуть и не отпраздновать собственную победу, коих было так мало за последнее время? А девяносто два балла – это и правда лучший результат среди учеников за год. Мне есть чем гордиться. Ну ведь есть!

Всего два часа. Кому будет хуже?

– Ну хорошо. Я с вами.

Однoгруппники одобрительно загудели.

* * *

Бар на углу Сорок Восьмой оказался тесным, шумным и прокуренным, как портовый кабаk. Спины теснились плечом к плечу, хриловатым альтoм невидимой певицы звучала музыка, изо всех углов доносился звон толстостенных пивных кружек. Плотный, как ватное одеяло, стелился под потолком сигаретный дым, выдуваемый десятками ртов. Бубнила множеством голосов льющаяся непрерывным потоком речь.

– ...Да за этими замками будущее! Скоро такие чипы будут встраивать в автомобили, бытовую технику, душевые кабины, письменные столы. Они

завоюют пространство! Люди всегда были двинутыми на безопасности, а безопасней этих еще не придумали...

Похожий на вышибалу Лиам, чья кружка с пивом опустела в третий раз, соорудил важное и напыщенное лицо; его голова качалась между массивных плеч то вверх, то вниз, вызывая ассоциации с собачкой, которую водители автобусов иногда крепят на приборную панель. Профессор, к которому обращался Лиам, рассеянно кивал, занятый отрыванием сухого кусочка табачного листа от кончика сигары, которую держал в руках. За те сорок минут, что мы провели в баре, начиная с восьми вечера, глаза обоих собеседников успели порядочно остекленеть.

Не много же людям надо... даже тем, что с учеными степенями.

Зажатая с одной стороны веснушчатым Жоржем и Габби – тонкошеим парнем с большими глазами и редкой челкой – и Питером и Джемом с другой (обе пары о чем-то увлеченно общались), я размышляла о том удручающем факте, что так и не оставила Дэллу записку.

Время без двадцати девять. Дома ли он?

Днем, когда я вернулась в особняк, чтобы отдохнуть и переодеться, комнаты были пусты – ни шагов, ни звуков, ни голосов. Дэлл отсутствовал. Не появился он и к тому моменту, когда я стояла в дверях, готовая к выходу. Его приход избавил бы меня от необходимости выбора: оставить в офисе записку, позвонить или же вообще ничего не делать?

Брошенные днем ранее слова о том, что я постоянно чего-то «требую» или «выпрашиваю», болезненно царапали мозг, лишая всякого желания продолжать общение. Хватило одной мысли о том, как презрительно скривятся его губы, наткнись он на послание в офисе или услышь по телефону мой голос, чтобы остановиться на третьем варианте – не буду ни писать, ни звонить. Когда Дэллу вообще было дело до того, где и как я провожу время, появляюсь ли дома к ужину и с кем веду душевные беседы, когда хочется выплакаться?

Никогда.

И если не беспокоится он, тогда зачем беспокоюсь я?

Ближе к десяти часам вечер потек веселее.

Вино ли сделало свое дело или же тот факт, что я наконец начала позволять себе вовлекаться в диалоги с соседями по столу, но хмурые облака моего настроения рассеялись. Как вкусно, однако, жевать сыр, оливки или жареные сухарики, запивая все это красным. И новая песня, льющаяся из колонок, очень даже ничего – цепляет за живое, заставляя головы присутствующих покачиваться в такт. Какие разные и интересные

лица вокруг – другие люди, другие интересы, другие цели в жизни и темы для бесед. И при том, что ни один из них не подозревает о существовании некоего Дэлла Одриарда, все они прекрасно живут и в ус не дуют...

Мда, есть над чем подумать.

Пока я философствовала и прислушивалась к словам незнакомой песни, ко мне повернулся веснушчатый Жорж – настолько безбашенно веселый, насколько же и пьяный. Шарф на его шее сбился набок, рыжеватые волосы, взмокшие от пота, завивались колечками.

– Куришь?

Я дожевала очередной сухарик, глотнула вина, которое начало казаться небесной амброзией с ярко выраженным эффектом панацеи, и кивнула.

– Курю.

– Тогда угощаю.

Он постучал по дну пачки указательным пальцем – в квадратную дырочку выскользнуло сразу три сигареты с белым фильтром, одна из них упала на стол и скатилась на пол.

– А, ну и черт с ней... держи.

Я с долей непонятого наслаждения (так, вероятно, чувствует себя тигр, наконец-то съевший дрессировщика: расслабился, позволил себе пожить, а дальше будь что будет...) зажала фильтр зубами и поднесла кончик сигареты к пламени. Затянулась. Медленно выдохнула дым к потолку и посмотрела на улыбающегося соседа.

– Хорошо, а? – подмигнул тот.

– Ага.

– Ничто не доставляет такого кайфа, как расхлебаться с чем-либо и стать свободным. Оно понятно, что день-два отдыха, и мозги примутся пилить тебя на тему, что же в жизни делать дальше, но все равно хорошо. По крайней мере сегодня.

– Хорошо, да. Сегодня – точно.

Наверное, мы оба были похожи на желе: вялые кивки, заторможенные движения и прилипшая к лицам глуповатая улыбка кретинов из сумасшедшего дома, которым удалось на вечер избавиться от докторов и охранников. Момент триумфа, радости и свободы, пусть даже краткосрочной.

Мой одноклассник был прав, завтра будет уже иначе: подсохнет эйфория от удачного дня, полученный диплом сделается бумажкой, которую нужно как-то применить, на горизонте появятся новые вершины, которые потребуются покорять... работа-работа-работа... Бесконечный бег белки в колесе из точки «ниоткуда» в точку «никуда».

– Кореш мой... – Жорж, фамилии которого я до сих пор не знала (да, честно говоря, и не желала знать), повозил пустую пивную кружку толстым дном по деревянному столу, а после стряхнул в нее же пепел. – У него компания своя, электронные приборы выпускает, он давно звал меня на работу, но без диплома взять не мог. А теперь сможет... Я даже еще не звонил ему. Вот он порадуетя...

Я непроизвольно вздохнула. Еще раз затянулась – голова поплыла от непривычно большой дозы алкоголя, смешанной с никотином.

А за меня никто не порадуетя. Принеси я диплом, допрыгни до неба или нарисуй себе на лбу третий глаз. Посмотрят равнодушно, в лучшем случае вежливо кивнут и отправят восвояси, чтобы не мешалась под ногами. Не «выпрашивала» любви, которой никто не хочет добровольно дать.

Я скривилась – не то от дыма, попавшего в глаз, не то от горечи, – а после провернула кольцо Дэлла на пальце таким образом, чтобы символы «DO» оказались внизу и не смотрели на меня.

Стало легче. Опять же, как тому тигру... но все равно легче.

* * *

На первое сообщение с текстом: «Все в порядке?», отправленное в половине одиннадцатого, ответ пришел: «Всё отлично». А вот на второе, гласившее: «Где ты находишься?», посланное тридцатью минутами позже, ответа не последовало.

Дэлл хмурился. Смотрел на часы в правом нижнем углу монитора и хмурился.

23:21.

Ни ответа, ни привета, ни адреса того места, где она пропадает.

Непривычная тишина давила. Пусть он не слышал того, как она сидела вечерами в своей комнате наверху (видеосистемы транслировали изображение, но не звук), но он знал, что она там находится. Теперь же каморка на третьем этаже была погружена во мрак, а последняя видеозапись, запечатлевшая Меган, датировалась девятнадцатью часами и пятью минутами. Именно в это время она покинула дом и до сих пор не вернулась.

Странно все это. Непривычно.

Внутри клубились противоречивые чувства: раздражение, тревога, любопытство и растерянность. Еще не было случая, чтобы Меган

возвращалась так поздно. Если на то пошло, она вообще никогда не уходила по вечерам.

Одриард откинулся в кресле и выдохнул.

Остаться дома? Поработать, почитать и лечь спать, позволив «своей» даме провести этот вечер (где и с кем она бы его ни проводила) в одиночестве, или все же попробовать ее отыскать? А если что-то случилось, сообщила бы она о проблемах? Скорее всего нет. Не после того, как очередной диалог на пороге его кабинета вышел крайне неудачным.

Что за жизнь? Что ни слово, то упрек самому себе; что ни жест, то очередная присоска сложной ситуации-спрута, засасывающей в себя всё глубже. А как еще он должен был реагировать на фразу «Но у меня ведь есть право...»? Кто бы знал, как за... ли все эти права, обязанности и долг быть должным каждому...

Но Меган тянулась ближе без намерения его обидеть, Дэлл понимал это. Понимал – и все равно взъедался всякий раз, когда кто-то пытался настаивать на том, чего он не был готов делать, насчет чего не пришел к осознанному и добровольному решению осуществить. Вот только подготовка к этой самой «готовности» занимала порой больше времени, чем нормальная ситуация могла вытерпеть, – отсюда и проблемы, новые обиды и шрамы, каждый раз всё более глубокие и кровоточащие.

Дерьмо. Дерьмо-дерьмо-дерьмо.

Дэлл прикрыл лицо руками и потер лоб. Снова устало взглянул на часы.

23:24.

Как тихо вокруг.

Хорошо ей или плохо, а ему следовало бы знать, где эта лиса коротает почти уже ночные часы. Хоть бы предупредила, выказала кроху уважения.

Раздражение всколыхнулось с новой силой.

Привлечь Чейзера, чтобы отыскал «пропажу»? Мак отыщет Меган в считанные минуты, пусть для последней это обернется несколькими вспышками боли – так уж работала внутренняя система Аллертона: «жертва» всегда корчилась в судорогах, когда охотник нападал на след. Или же не отвлекать друга и отправиться на поиски самому?

Куда она могла провалиться, черт побери?

Какое-то время Дэлл перебирал в голове оброненные Меган слова, фразы, заданные вопросы, пытался припомнить, на какой день был назначен экзамен по курсам, которые она посещала. Вчера или сегодня? Вроде бы сегодня. А если так, то не нажила ли она после этого приключений на свой зад, заседа в каком-либо питейном заведении?

И сдала ли вообще этот экзамен?

Как мало он знал о той, с кем жил... И смех, и грех.

Как мало спрашивал...

Дэлл решительно прервал бесполезный для текущего момента поток мыслей, в последний раз бросил взгляд на часы, резко поднялся с кресла и сгреб лежащие на столе ключи от машины. Через компьютер «Неофара» он отыщет сначала сигнал от ее сотового, а затем и то место, где запропастилась сама хозяйка телефона. И если он желает выспаться до завтрашнего утра, нужно поторопиться.

* * *

– Да как ты посмела...

Тридцать две минуты спустя Дэлл пребывал в таком бешенстве, что едва контролировал себя. Да, он нашел ее, нашел пьяную вдрабадан и поющую песни; ее обнимал за плечи какой-то рыжий хлыщ, и это на глазах у хмельной толпы, сплошь состоявшей из сомнительного вида мужланов в непонятно где расположенном треклятом баре.

– ...Перевернуть мое кольцо?!

– А ты?! Как ты посмел ударить Жоржа?! Совсем рехнулся?!

Дэлл чувствовал, что еще секунда – и он распустит руки вновь, о чем будет сожалеть до конца жизни. Меган, пошатываясь, стояла напротив, глаза ее горели гневом.

– Да знаешь ли ты, дура, – прошипел он, – что нет лучшего способа выразить презрение мужчине, нежели перевернуть его кольцо?! Перевернуть демонстративно, перед всеми...

– А тебе есть дело до того, презираю ли я тебя?

– Не смей...

– Не смей что? Находиться рядом, путаться под ногами, вечно мешать и портить твою жизнь? Да я и так уже почти не смею! Осталось-то всего чуть-чуть...

Дэлл сжал и разжал кулаки.

– Заткнись, Меган. Просто заткнись.

– Как предсказуемо...

Холодный мартовский ветер обдувал ее раскрасневшееся лицо. Ночь, бар, улица. Внутри кипела злость, Одриард даже не мог осознать, на что именно. На нее? На себя? На то, что выставил себя перед всеми идиотом, впечатав в лицо тому, кто не мог осознать, за что именно его побили? Ведь

на ее кольце не было символов... она перевернула его. Перевернула, чем выразила всё, что хотела, – ни одно слово не могло быть красноречивее этого жеста.

Легкомысленная дура, пытающаяся убедить его в своей любви.

Какой же прогорклый вкус у сценария этой пьесы. Подняться бы да уйти, но нельзя... это всё они – невидимые оковы не существующего более ножа. Железки нет, а обещание осталось.

Да будь оно всё проклято...

– Садись в машину, – произнес он глухо. – И не вздумай раскрывать рот. Пока на твоём пальце мое кольцо, перевернутое или нет, ты будешь мне подчиняться.

Рыжеволосая бестия стояла не шелохнувшись; в ее глазах застыла обида.

– В машину!!! – рявкнул Дэлл так громко, что курившая у входа в бар компания умолкла, смех оборвался, все головы повернулись в их сторону.

Раздался неуверенный хруст каблуков по подмерзшему снегу – Меган подошла к «Неофару», открыла дверцу и молча села внутрь.

Глава 9

День рождения Дэлла

Этим знаменательным утром – утром после бара – я проснулась с пульсирующей головной болью, тошнотворным привкусом во рту и ощущением, что моя жизнь прошла точку невозврата.

Хотела повеселиться? Повеселилась. Так повеселилась, что разрушила все иллюзии касательно дальнейшего яркого и светлого будущего. Каким-то оно точно будет, это будущее, но теперь уж точно не совместным.

Разношерстные эмоции слепились в плотный комок – не разобрать, где заканчивается горечь и начинается обида... Какая шикарная жизнь – сплошной триумф, состоящий из боли и желчной иронии. Наслаждайся, черпай полной ложкой из бочки, где мед давно превратился в помой...

Доброе утро, Меган!

Чувства чувствами, а будильник прозвонил. Значит, нужно встать, умыться, привести себя в порядок и как-то пережить этот день.

Как? Хоть на карачках, но с приклеенной к лицу улыбкой, со смотанными в клубок нервами и желательно с полным отсутствием мыслей. Потому что начни я думать, начни себя жалеть – и что-то треснет, а подобного нельзя допустить, по крайней мере, не сегодня: ведь к одиннадцати придут повара, к часу – уборщики, а к трем – декораторы. Нет, сегодня точно не подходящий день, чтобы треснуть. Может, завтра...

Я хмуро посмотрела на кольцо, скривилась от нахлынувших воспоминаний, перевернула его буквами вверх и с тяжелым вздохом поднялась с матраса.

Почти до шести вечера я командовала парадом: раздавала поручения поварам, руководила стайкой одетых в голубую униформу уборщиц и придирчиво оглядывала гирлянды из живых цветов, развешанные и расставленные в столовой, гостиной, прихожей и на заснеженной террасе. В общем, размахивала волшебной палочкой, создавая сказку, в которой мне не было места. Навалившиеся хлопоты спасали от мыслей, но не от поселившейся внутри отчаянной тоски. Еще никогда я не чувствовала себя настолько нужной и одновременно чужой. Да, поставьте вот эти тарелки сюда... Воздушные шары прикрепите лентой над дверью; нет, в вазах на столе должны стоять гарцинии, а не эти странные белые цветы... Что? Нет,

я вас слышу... да, сейчас придумаю, как лучше всего оформить угол для подарков... дайте передохнуть. Нет, я не администратор... Я... да не важно, кто я...

К половине седьмого ноги дрожали от усталости.

Дэлл вернулся с работы час назад, вошел, застыл, окинул удивленным взглядом прихожую, и я, чтобы не встречаться с ним глазами, моментально юркнула в столовую, спрятавшись за хлопочущими вокруг стола оформителями. Знакомая фигура промелькнула в коридоре и скрылась на лестнице, ведущей наверх. Со вчерашнего дня мы не сказали друг другу ни слова. Может, оно и к лучшему.

К без пятнадцати семь все было готово. Всё, хорош командовать, пора переодеваться – совсем скоро начнут собираться гости. Даже в неудачный день надо выглядеть на все сто, а что говорить о, возможно, самом хреновом дне в жизни.

Да, именно так: выглядеть нужно на все двести.

* * *

*Поддержите меня кто-нибудь, ведь всё не по плану,
В чьих руках теперь моя судьба – гадать не стану.
Я не хочу обидеть, нет, но я пока слаба,
Протяните руку... поддержите, чтобы не сама...*

Чертова песня... Кто нашел ее и включил?

Поразительно: иногда кажется, что поют именно про тебя – будто в душу заглядывают и выворачивают оттуда все сокровенное, превращая в строчки.

Они не слышали песню, нет, собравшиеся в комнате гости слышали лишь друг друга, до музыкального фона им не было дела; одна лишь я, стоя в углу у портьеры с бокалом шампанского в руках, вслушивалась в слова.

Протяните руку... чтобы не сама...

Да уж...

Этот вечер вновь провел невидимую грань между мной и остальными. Я разговаривала, отвечала на чьи-то вопросы, смеялась над общими шутками и параллельно плыла в собственном мире, тихом и пустом. Они галдели, пили, ели и не замечали, что среди них снова затесался «чужак»,

наблюдающий за происходящим издалека.

Каждый глоток шампанского, скользнувший в горло, увлекал меня все дальше от всеобщего веселья. Глаза выхватывали разрозненные детали: чей-то браслет на запястье, коротко стриженный затылок, руку, держащую вилку с куском ветчины, ногти квадратной формы... Но из всего, на что натыкался взгляд, только один образ будоражил сознание – образ человека, сидящего во главе стола.

Время от времени я поглядывала на него, одетого в голубую рубашку и синие джинсы, с блестящими дорогими часами, чисто выбритого и причесанного, и грустила.

Когда и где всё пошло не так? Почему нельзя просто подойти и обнять, прижаться к груди и почувствовать ответное пожатие рук? Почему до сих пор так хочется услышать голос у уха, шепчущий ласковые слова? Почему так нестерпимо и болезненно хочется вернуться назад, в прошлое, где его глаза лучились теплом, а надежда на что-то хорошее грела сердце?

Выгнать бы всех из дома... нет, они неплохие ребята, но выгнать бы их всех, остаться бы вдвоем и танцевать до рассвета. Смеяться над шутками, понятными лишь нам, обмениваться долгими взглядами, держать друг друга, не выпуская из рук, пьянеть от близости и родного запаха сильнее, чем от любого шампанского, и бесконечно признаваться в любви...

Я проиграла.

Где-то, как-то и когда-то.

Нет, я не ошиблась в человеке, но ошиблась в каком-то из своих поступков. Если не сегодня, то очень скоро мне придется признать поражение – слишком много дров наломано, слишком сухим сделался цементный раствор, соединяющий кирпичи в стене между нами.

И я признаю, черт с ним...

Приду и положу кольцо с символами «DO» ему на стол, а после – покину дом; но пока, пусть только пока, я могу повернуть голову и увидеть знакомое лицо, разворот плеч, широкие ладони и длинные пальцы, русые пряди, спадающие на лоб. Могу пропитаться его близким присутствием и тяжестью несбывшегося.

Пусть будет как будет.

Да поднимем же еще один тост за именинника и пожелаем ему счастья и крепкого здоровья. Гип-гип ура!

Позже дарили подарки: смешные, полезные, крохотные, громоздкие. Каждый – исключений не было – радовал Дэлла. Вызывал смесь удивления и восторга на его лице – какая редкая и ценная комбинация, какие

прекрасные воспоминания для коллекции. Новая коробка, обертка, сорванные ленты – и по комнате летит вздох восхищения, дружеской зависти или взрыв хохота.

Наверное, пора сходить наверх за своим.
Как страшно и волнительно... примет ли?

* * *

Весь вечер Халк Конрад неотрывно наблюдал за тремя людьми: за фонтанирующим пластиковым весельем Дэллом, за рыжеволосой девушкой, сидящей в дальнем углу, и за коллегой – Баалом Регносциросом, слишком часто уделявшим последней молчаливое внимание.

С Дэллом все ясно: полный разброд эмоций внутри. Не может определить, как помочь желанием ужиться с собственными принципами, чтобы не вытеснить ни то, ни другое. Ситуация неприятная, но решаемая.

С его подругой всё не так просто: на лице – отпечаток усталости, глаза потухшие, но сердце еще горит, держится на последних эмоциональных искрах. Однако энергетический запас невелик – пламя в любой момент дойдет до основания фитиля и потухнет. Восстановить будет сложно.

А вот Баал... Каратель... с чего он сверлит глазами Меган?

Не успела мысль оформиться, как Шерин, сидящая справа, попросила передать ей канapé. Халк автоматически выполнил просьбу, нежно потрепал свою возлюбленную по руке, извинился и поднялся из-за стола. Подошел к Регносциросу сзади, тронул его за плечо:

– Пойдем поговорим.

Тот обернулся, уловил просьбу в глазах и отложил вилку.

– Иду.

Дым от сигары привычно вился спиралью; в стакане с виски медленно таяли кубики льда. Мужчина, сидящий в кресле напротив, смотрел поверх плеча Халка, смотрел рассеянно и одновременно хмуро. Сюда, до второго этажа, звуки снизу почти не долетали.

– Жизнь уходит из нее, как вода из треснувшего сосуда. Если тенденция продолжится...

Баал прервался. Пригубил алкоголь и поставил стакан на подлокотник. Через какое-то время заговорил вновь:

– Она заиклилась, потеряла другие источники подпитки, сосредоточилась на одном – том, что забирает из нее, а не дает.

На сердце Халка потяжелело. Недооценил он ситуацию, да, недооценил.

– Сколько осталось, Баал?

– Максимум несколько дней. Если всё сохранится как прежде, я должен буду прийти за ней, понимаешь? – Их взгляды встретились, оба тяжелые, напряженные. – Прийти и забрать. У меня есть работа, и я должен ее выполнять, должен убирать с Уровней тех, кто не имеет моральных сил жить дальше.

У Конрада внутри похолодело при мысли о заглянувшем «на чай» Баале... Заглянувшем не в чужой дом, а к Дэллу, чтобы увести у него женщину. Одриард не дурак, но он запутался, запутался сильно и глубоко; успеет ли он одуматься за столь короткий промежуток времени? Осознай он, кого именно у него забрали, уже после визита Карателя, а не до того – случится непоправимое...

– Черт! – выругался Халк и залпом допил виски.

Баал кивнул; его темные тяжелые волосы качнулись.

– Вот и я о том же...

– Идиоты!

Каратель молча согласился и с этим.

У сенсора отряда специального назначения редко портилось настроение, но сейчас был именно такой момент. Слова, что он услышал наверху, не шли из головы.

«Я должен буду прийти за ней...»

Халк непрерывно сверлил взглядом стакан, который держал в руке.

Дрейк отобрал и обучил каждого из них, дал идеальный набор знаний для того, чтобы служить инструментом, орудием Комиссии в выполнении нужных ей задач. Но как именно происходил процесс? Из всех умений каждый член отряда отлично овладел лишь своим, но не чужим. Он, сенсор, знал, как работать с памятью, но не умел мысленно преследовать врага, как это делал Чейзер. Канн, стратег-тактик, был способен разрабатывать хитроумнейшие планы, основываясь на крохах информации, но навряд ли и за сутки смастерил бы сложную мину-ловушку, на которую Дэллу понадобились бы минуты. Логан чувствовал компьютерные сети на металлическом уровне, Лагерфельд лечил руками...

А Баал... куда он уводил тех, кто попадал в список «на очистку»? На скотобойню? В отдельное помещение для убийства? Карал на месте, а после увозил хладный труп в багажнике собственной машины в здание Комиссии, чтобы там сжечь?

Неужели Меган – следующая в списке?

Одно дело – знать об умениях коллег, другое – видеть, как они применяются на друзьях. И пусть эта рыжеволосая девчонка им не друг, но она и не чужая, не незнакомый человек с улицы и не преступница. Единственный ее прокол – безответная любовь, которая уже через несколько дней вытащит из ее сознания остатки жизненных сил. Да уж, виновна – заходи в грузовик, вставай на колени и наклони голову так, чтобы кузов после выстрела не пришлось отмывать от мозгов...

Бред какой-то.

Неизвестно, сколько еще времени Халк бы потратил на обдумывание сложившейся ситуации, если бы не голос Шерин, прошептавший: «Смотри, Меган несет подарок...»

Размышления тут же прервались; Конрад моментально переключил внимание на присутствующих и за несколько секунд оценил ситуацию: гости притихли, ждут, Меган волнуется – на лице написаны робость и гордость, значит, подарок хороший, в этом она уверена. Не уверена лишь в том, примет ли его Дэлл...

Халк перевел взгляд на Одриарда и сжал челюсти: вновь этот закрытый взгляд и напускной равнодушный вид. Ведь он сейчас всё испортит и ускорит визит Баала, мать его...

Тем временем Меган приблизилась к имениннику – опасный момент, критически важный момент! – и протянула ему коробку, завернутую в подарочную бумагу. Руки Дэлла остались на месте, не протянулись навстречу.

Вот черт бы тебя подрал...

Халк едва не крикнул, чтобы тот взял коробку, но в последний момент сдержался. Слава Создателю, в этот момент Дэлл прозрел – то ли сам осознал, что ведет себя неподобающим образом, то ли обратил внимание на повисшую в комнате тишину, – протянул руку и с легким вежливым кивком принял подарок.

Конрад мысленно заплодировал. Но не успел он выдохнуть с облегчением, как увидел, что Дэлл собирается отложить врученное без просмотра – тот уже повернулся, чтобы отставить коробку в угол (а ведь до этого все подарки разворачивались публично), – и вновь едва не застонал.

Ситуацию, опередив Халка всего на долю секунды, спасла Бернарда, выкрикнув: «Эй, Дэлл! А нам показать? Ну-ка хвались, что там?» Присутствующие дружно заворчали в поддержку: мол, ага, чего убираешь? При нас разворачивай!

Меган, бледная как тень, быстро стрельнула глазами туда, где стояла

Бернарда, – та едва заметно отсалютовала в ответ бокалом с шампанским. Халк моментально почувствовал связывающую этих двоих нить понимания и какой-то тайны. Хм, интересно...

Зашуршала бумага – все с любопытством уставились на открывшийся их взглядам лакированный деревянный ящик.

– Открывай! – нетерпеливо пробасил Эльконто. – Я тоже хочу посмотреть.

Пальцы Шерин взволнованно сжали локоть, Халк накрыл их своей ладонью.

Щелчок открываемого замка; крышка откинулась – Дэлл замер. Его зрачки удивленно расширились (Конрад мог голову дать на отсечение, что тот совершенно не ожидал увидеть то, что находилось внутри), а руки застыли в сантиметре от коробки.

– Что там?

Самым любопытным оказался Дэйн: не выдержав, первым шагнул навстречу, а приблизившись к подарку, выдал одно-единственное слово, которое употреблял только в исключительных случаях:

– Херассе!

– Что? Что там такое?!

– Вот бы мне так повезло!

Остальные тут же облепили Дэлла со всех сторон.

– Ох ты!

– Глазам не верю! Двуручный «Брандт»!

При этих словах спокойный обычно Рен Декстер, до того неторопливо доедавший кусок бутерброда с икрой, отбросил хлеб в сторону и сорвался с места. Халк едва не хрюкнул от смеха.

Молодец, девчонка! Вот так подарок ты нашла – не в бровь, а в глаз...

– Эксклюзивная модель! Блин... Существует в единственном экземпляре...

– Где она ее достала? – жалобно проныл Дэйн. – А мне такую?

– «Брандт»? – Декстер нагло оттеснил потерявшего дар речи Дэлла в сторону. – Ёпрст, точно «Брандт»... дай хоть в руках подержать.

– Эй, мужики! Может, в сад? Постреляем...

Снайпер смотрел на уникальные стволы с таким вождением, с каким не смотрел ни на одну женщину.

Кому что – голому баня...

Халк отвернулся от сгрудившейся вокруг Дэлла толпы и отыскал глазами Меган. Та стояла в дальнем углу; в глазах ее читалось невыразимое облегчение, а шампанское в бокале подпрыгивало – так сильно дрожали

сжимающие его пальцы.

* * *

Посуду я мыла в одиночку.

Время за полночь. Гости еще не разошлись по домам, но разбрелись кто куда: часть играла на третьем этаже в бильярд, часть расположилась с сигарами и виски за столом на террасе, часть галдела в гостиной – там установили новый плазменный телевизор с частичным голографическим эффектом. Должно быть, красиво.

К этому времени я не просто валилась с ног, а была готова рухнуть на пол за первой попавшейся шторой.

Дэлл выглядел довольным, и это всё, что имело значение. Его день рождения удался. Пусть отрывается сколько захочет, гоняет кием шары с нарисованными физиономиями и веселится с друзьями.

Я потерла подбородок о плечо и снова погрузила руки в мыльную воду; загрохотали друг о друга тарелки.

Часом ранее я нашла и поблагодарила Бернарду; кто знает, как бы всё повернулось, если бы не она. А так полюбовались пистолетами все вместе, повздыхали, повосхищались имениннику на радость, даже опробовали на улице. Крайне удачно всё вышло – дважды спасибо ей за помощь.

Осталось вымести и вычистить бардак...

Кольцо Дэлла лежало рядом с раковиной – от мыльной воды оно сделалось скользким и начало спадать. Я изредка поглядывала на него, как на собственные остриженные волосы или выпавший зуб, – вроде твое и уже не твое. Уже чужое.

Сил не хватало даже на грусть – слишком велика была усталость, – и росло стойкое убеждение, что моя миссия закончена. Нужно просто продержаться еще час-два, может, день, и всё.

Через сорок минут чистые стаканы и тарелки выстроились в ряд, я вытерла руки, надела кольцо и отправилась искать спальню, куда менее всего доносился смачный мужской хохот. Как только таковая была найдена, я заперла дверь, скинула одежду и рухнула на кровать.

Боже мой... Всё. Спать.

* * *

Проснулась я оттого, что хотела в туалет. В доме тихо, за окном темно.

Который час, определить не удалось – в незнакомой спальне не нашлось часов. Чтобы не надевать вечерний наряд, я отыскала в шкафу первый попавшийся халат, натянула его и выскользнула в коридор. Шатаясь, добрела до нужного помещения, справила нужду и пошла назад, на ходу раздумывая, доспать на втором этаже, на кровати, или же вернуться на третий, к ставшему привычным матрасу на полу.

В гостиной, где накануне установили новую плазму, горел свет. Я автоматически завернула туда, щелкнула выключателем и уже собиралась выйти, когда вдруг услышала голос:

– Ну вот... Один, да теперь еще и в темноте.

– Ой!

Свет моментально зажегся вновь.

– Не надо, ты права, в темноте лучше.

– Что... выключить?

– Да.

Я погасила свет и замялась на пороге.

– Извини, я не думала, что ты здесь...

Дэлл сидел на диване перед неработающим телевизором. Ничего не пил, не ел, просто сидел. Наверное, лучше уйти, не мешать, пусть подумает, о чем ему хочется.

– Спокойной ночи тебе. Только не сиди долго, а то уснешь здесь, шея устанет.

Он промолчал. Затем голова качнулась в мою сторону.

– Посиди со мной, Мег.

Мое дыхание замерло.

Как же давно он не называл меня Мег... Как же давно.

Не веря собственным ушам, я какое-то время стояла у порога, затем решила – осторожно обогнула диван и присела на край.

Гостиная вновь погрузилась в тишину.

Невозможно было судить наверняка, но мне показалось, что Дэлл пьян – не просто под хмельком, а именно пьян. Может, поэтому он хотел избежать одиночества. Говорят, пьяному в тягость быть одному... Мне так и не довелось это проверить на собственном опыте: обычно я засыпала раньше, чем доходила «до ручки».

Какое-то время мы молчали; чтобы не мерзли босые ступни, я осторожно забралась на диван с ногами и откинулась на спинку. Короткий сон не прогнал усталость, скорее, усилил ее. Виски пульсировали слабой болью, глаза закрывались.

Хочет посидеть? Что ж, посидим... почему нет. Ночь длинная, выспаться успею.

В воздухе плавал невидимый отголосок грусти – его или моей? Не разобрать. Слишком много всего мы оставили позади себя.

Чернел перед глазами темный экран новомодной плазменной панели.

– Где ты достала их?

В прозвучавшем вопросе слышалось неподдельное любопытство; мне не нужно было объяснять, о чем шла речь.

– Купила.

– Но как? Я несколько раз пытался это сделать, предлагал баснословные деньги.

Я улыбнулась в темноту. Кто бы и мне объяснил, почему Рихарт продал их. Ведь не только из-за Перехода.

– Не важно. Важно то, что они тебя порадовали.

– Очень. – Это слово прозвучало так мягко, что пальцы на моих ногах непроизвольно поджались. – Спасибо тебе.

– Пожалуйста, – ответила я просто и не стала больше ничего добавлять, смакуя возникшее в душе тепло, такое редкое и такое ценное.

Мы снова замолчали.

Ему хорошо, и он одновременно грустит – странная смесь. Когда я так хорошо научилась чувствовать этого человека? И зачем мне это умение? Скоро этот вопрос навсегда уйдет в разряд риторических.

Часов в поле зрения снова не нашлось. Сколько сейчас? Три? Четыре утра? Ночь; два человека на разных концах дивана; комната, погруженная во мрак; и не предскажешь, какое слово прозвучит следующим. Какой странной порой бывает жизнь.

– Ты очень много сегодня сделала: украсила всё, пригласила поваров... Я благодарен за это.

Я молча кивнула.

– И ты была отличной хозяйкой вечера.

Никем я не была. Просидела молча в углу.

Но озвучивать свое мнение вслух не стала.

– Цветы, воздушные шары, шикарный стол... – Ему явно хотелось поговорить, а мне было приятно. Пусть говорит. – Еда – просто слов нет...

– Понравилась? Я столько раздумывала над меню.

В душе всколыхнулась гордость и немножко радости.

– Очень. И я нашел листок...

Дэлл повернулся ко мне; на его губах играла улыбка.

– Какой листок?

– Тот, что ты положила на дно коробки...

– Ой... – Я совсем забыла про него. А теперь, когда вспомнила, начала нехотя давиться от смеха. – Ну как же, я ведь обещала тебя однажды научить.

– Точно. Такой точной пошаговой инструкции по изготовлению петард я еще не видел.

Теперь рассмеялся и он, и этот смех что-то всколыхнул во мне, что-то очень важное. Дэлл впервые с тех пор, как я переехала в этот особняк, смеялся. Смеялся как свободный, не скованный ничем человек. Радовался, находясь со мной в одной комнате.

Я застыла, впитывая непривычные ощущения.

Как невероятно... как трепетно... как чудесно...

И в этот момент я с кристальной ясностью осознала, что именно должна сделать дальше. Без раздумий, без времени на анализ, именно так, в порыве чувств. Осознала – и замерла, предчувствуя шаг вперед, который совсем скоро сделаю, уже не смогу не сделать. Вот только дам себе еще минуту, всего одну-единственную минуту – возможность побыть с ним вдвоем, когда нам обоим так хорошо.

С меня будто свалились оковы, и на сердце вдруг стало легко. Ну конечно. Как давно следовало это сделать...

– Я могу еще научить тебя изготовлению водяных бомбочек...

– Да ну?

– И делать дымовые завесы.

– О-о-о! Это уже серьезно.

– А могу перепортить все часы в доме, потому что постоянно забываю, как их припаять проводами...

– Тебе и не надо это помнить.

Он улыбался. Улыбался так тепло, что мне становилось всё яснее: только свободный человек может быть счастлив. И никто, ни единая душа в мире не вправе отбирать у него эту свободу. И тем более прикрывать свои деяния «любовью».

Даже я.

Тем более я.

Ведь не любовь заставила меня привязать к себе Дэлла, а страх. Страх потери. Но приобрела ли я хоть что-нибудь помимо горя, разделенного надвое, принудив дать мне кольцо? Не нужно было с самого начала совершать подобной ошибки. Именно их – ошибки – больно делать. А принимать правильные решения, как ни странно, не больно.

Какое-то время я смотрела прямо перед собой, а затем произнесла то,

что нужно было произнести, прежде чем... Просто «прежде».

– Ты прости меня, что я перевернула твое кольцо. Тогда, в баре... Я не хотела тебя обидеть.

– Я знаю, – отозвался Дэлл просто, и еще один тяжелый булыжник соскользнул с моего сердца. Стало еще свободней. Стало почти хорошо.

– И спасибо, что слушаешь меня сейчас. И слышишь. Это очень важно.

Он не отозвался. Просто смотрел на мой профиль, я чувствовала это.

– Я зря когда-то сделала это... зря...

– Что сделала?

– Ты веришь мне? В то, что я сожалею?

– Сожалеешь о чем, Меган?

– Я сожалею, правда. Я не должна была... ты только прости меня, ладно?..

– Простить?..

Он напрягся. Замолчал. Начал понимать.

– Прости, что я привязала тебя к себе, – прошептала я. – Если сможешь. Я была неправа.

Теперь мой подбородок дрожал. Не обращая внимания на трясущиеся внутренности, я медленно стянула с пальца его кольцо.

– Вот он, твой настоящий подарок, Дэлл.

Он сидел не шелохнувшись. Застыл – только что был теплым, и вновь застыл. Нет, не будет больше прежних ошибок. Хватит... между нами и так все эти дни стояли морозы, пора уже перестать понижать температуру. Пусть хоть один раз я смогу сделать что-то правильное.

– Возьми его, пожалуйста, – попросила я мягко, но настойчиво.

Он медленно протянул руку; кольцо легло на теплую ладонь.

– Вот. Оно твое, а не мое. Пусть всё вернется, как должно было быть.

Я улыбнулась и стерла готовую соскользнуть на щеку слезинку.

Глава 10

Пусто.

Оказывается, на душе может быть не просто пусто, а совершенно глухо.

Радоваться.

Ведь нужно радоваться? Или уже не нужно? Почему здесь, в темной комнате, среди горы подарков, с бутылкой в руке может быть так странно, так непонятно одиноко? Когда и зачем стерлась тонкая грань между «плохо» и «хорошо», почему шаг вперед может отшвырнуть на милю назад, а сидение на месте волоком тащит в неизвестном направлении? Куда двигаться, если потерялся?

День рождения...

Дэлл не помнил, где и когда родился на самом деле, – жители Уровней отмечали не что иное, как день попадания в этот мир, день «перерождения», день изменения судьбы. Осталось лишь название, что притянулось из чужого теперь уже прошлого. Притянулось и прижилось, сделавшись новой причиной для праздника. Того самого, который Дэлл сейчас не ощущал.

Развешанные на стенах шары в темноте казались нанизанным на нитку белесым мутным виноградом. Опустевшая комната всё еще хранила неосязаемые голоса и звуки музыки, доносящиеся из недавнего прошлого.

Иногда в жизни все просто и понятно, а иногда ты сидишь вне места и пространства – потерянный, обессиленный, избитый противоречиями и более не знающий, что предпринять. Мысли имеют тенденцию утомлять, утомлять так, что иногда хочется кануть в небытие.

Свобода... Рабство от самого себя и собственного бессилия.

Дэлл облокотился о картонный ящик, накрытый бархатной тряпкой, – угол для подарков; ненадежная конструкция промялась под локтем, ткань обвисла. Хлебнул джина прямо из горла и закрыл глаза.

Не хотелось видеть ни комнату, ни этот дом. Хотелось только одного – наконец понять, почему сбывшееся желание не принесло ни радости, ни удовлетворения, а долгожданная «победа» столь ощутимо пахла тиной.

Он проснулся уже под утро, под перестук дождевых капель за окном – первая весенняя оттепель повисла над городом мокрой серой пеленой, – и огляделся. Пол, под ногами – бархат, в спину врезался угол коробки, в руке

– пустая бутылка джина. Остатки пролившегося алкоголя блестели на полу полувисокой луже; часть тряпки пропиталась кислым ароматом.

На лестнице раздались шаги; что-то зашуршало.

Дэлл поднялся – от резкой смены позы на мгновение потемнело в глазах, – потряс головой и, шатаясь, направился прочь из комнаты, где проспал на полу всю ночь.

* * *

Нехитрый багаж, состоящий из двух сумок, был упакован – вещей не много, добра не нажили, денег не скопили. Я в последний раз оглядела комнату со скошенным потолком: матрас заправлен, всё чисто, прибрано, аккуратно, всё точно в том состоянии, как и было до моего прихода.

Кредитка с логотипом Банка Нордейла осталась лежать на тумбе. Рядом с ней теперь покоились и ключи от дома; тихо стучался в единственное стекло под потолком дождь.

Всё. Пора в путь. Прочь из чужого особняка в собственную квартиру.

Он стоял в дверях – небритый, лохматый – и очевидно не знал, что сказать; мятая рубашка, взъерошенные пятерней пряди и скрытая растерянность в глазах.

Я молча покачала головой.

Хватит нам неуверенности, милый. Пора уже расставить всё по местам. Не получилось – значит, не получилось.

Менее всего я желала услышать слова, произнесенные под давлением момента. Тот, кто хотел что-то изменить, наверное, уже изменил бы.

– Такси уже у дверей. Меня не нужно подвозить, спасибо. Ключи я оставила наверху, твоя кредитная карта там же.

Дэлл молчал. Я позволила себе напоследок полюбоваться каждой черточкой его лица. Всё те же красивые губы, красивые глаза. Каждый раз, глядя в них, на душе теплело; странная, незыблемая и необъяснимая взаимосвязь.

– На углу, за твоим домом, находится кофейня, они пекут круассаны с корицей, те, что ты любишь на завтрак. Здесь недалеко, всего два шага. Ходи иногда, ладно?

Грусть, возникшая в его глазах, кольнула сердце иглой. Пытаясь ее развеять, я предложила:

– Хочешь, я закажу тебе доставку на каждое утро?

Он медленно покачал головой.

Я смутилась.

Конечно, зачем я снова лезу... Уходя – уходи.

Шагнула навстречу – не удержалась, коснулась небритой щеки, почувствовала тепло кожи подушечками пальцев.

– Береги себя, ладно? Всё будет хорошо. Ты... когда ты улыбаешься... – произнося это, я ощутила прилив нежности, от которой что-то перевернулось внутри, а мои глаза наполнила вся любовь, которую я чувствовала к этому мужчине. – ...За это можно мир отдать. Так чудесно...

Я погладила его щеку и грустно улыбнулась.

– Всё. Ушла.

Вернулась к двери, обулась. Каждое движение теперь будто отсекало друг от друга наши реальности. Сейчас я возьму сумки, выйду на улицу, сяду в такси, и два мира, пытавшиеся срастись, разъединятся навсегда. Они уже распадаются, расходятся в стороны, отдаляются друг от друга, и каждая клетка тела трещит по швам. Надо просто пережить еще несколько секунд...

Там, впереди, – мутные очертания будущего, а позади – не дорисованный цветными карандашами набросок счастливой жизни. Видимо, художнику не хватило сил, и теперь чья-то рука сомнет не нужный более листок – сложатся пополам домик, солнце, цветы на клумбе и два человечка, держащиеся за руку. Они какое-то время еще будут смотреть на мир из мусорной корзины, скомканные и застывшие не воплотившейся в жизнь мечтой, но художник уже забыл о них, решил, что картинка того не стоит. Теперь он, наверное, будет рисовать что-то еще.

Привычно щелкнул замок – эта дверь много раз впускала меня внутрь, но так до конца и не впустила. Застучали по капюшону холодные дождевые капли; выкинул недокуренную сигарету через приоткрытое окно таксист.

* * *

Весь день Дэлл провел в лаборатории: отмерял порошки, осторожно ссыпал их в емкости, смешивал химикаты, нагревал, переливал, заполнял ими капсулы. И весь день он думал о Меган. Не столько думал, сколько ощущал ее отсутствие, словно не каменное строение позади бункера, а он сам вдруг стал домом, в комнатах которого больше не слышалось ее шагов.

«Когда ты улыбаешься, за это можно мир отдать...» Красный провод припать сюда, синий – рядом...

Рос на столе длинный ряд из взрывчатых боеприпасов. Всего должно быть двадцать мин, готово семнадцать. На задание выдвигаться в половине второго, Аллертон с Декстером заедут в час ночи. Цель: обезвредить вооруженную группировку на десятом Уровне, готовящую атаку на торговый центр, отыскать глав террористов, поставщиков оружия и проверить, нет ли других формирований, действующих по той же схеме. Всего на выполнение – три дня.

Значит, этой ночью он покинет дом. И хорошо. Находиться в нем становилось всё тяжелее: слишком много мыслей, оброненных фраз и воспоминаний, к которым то и дело возвращалось сознание. Бродило по осколкам разговоров, пыталось брать в руки острые куски и складывать их вместе, грустило от хруста битого стекла под ногами.

Руки автоматически мастерили очередную мину.

Дэлл усилием воли унимал мысли, затем вновь принимался думать, снова унимал и опять ловил себя на чувстве тоски.

«Я могу спать с тобой в одной спальне?»

Что случилось бы, ответь он положительно? Тогда не ответил, не смог.

А сейчас?..

Чертов матрас, на котором она ночевала, чертова маленькая комната...

Одриард почувствовал, что его заносит – чувства, словно взрывная смесь в неправильном составе, грозили разнести душевную склянку, в которой закипали. Если сейчас туда добавить еще пару щепоток горечи, раскаяния, самобичевания и сожаления, месиво рванет так, что не спасет никакой бункер.

Хватит.

Это просто день, когда что-то изменилось. Она ушла, он сам хотел этого. Человек привыкает к определенному укладу вещей, даже если этот уклад ему неприятен. Привычка – это комфорт определенности, уверенности в том, что будет дальше, через минуту, час, день, а терять этот комфорт, пусть даже мнимый, не любит никто.

Дэлл придирчиво осмотрел последний экземпляр, приставил его в конец очереди на столе и потер бровь – на коже остался темный развод.

Она не истратила ни доллара с той карты, что он ей дал.

На что в таком случае она жила, покупала подарки и устраивала вчерашний банкет? Ни единой транзакции – девственно чистая выписка. Во сколько обошелся ей «Брандт» и на что ей пришлось пойти, чтобы заполучить эту игрушку? Сколько усилий приложить?

«Не важно, – ответила она, – важно то, что они тебя порадовали...»

Хитрая лиса! Почему обнять тебя захотелось только после того, как ты

ушла?

В дом он вернулся только к половине одиннадцатого.

Принял душ, переоделся, проверил сумки, стоящие у двери, – всё готово к погрузке, – и поднялся наверх, в кабинет. Какое-то время читал информацию, присланную Комиссией, запоминал, анализировал, делал пометки. Закончив с этим, поднялся с кресла, подошел к стене и долго смотрел на коллекцию оружия, куда так гармонично влились два новых пистолета, заполнив собой пустое место в центре. Коллекция обрела завершенность. Заполнилась одна брешь, оголилась другая...

На столе поверх папок лежал сложенный вдвое листок – «Инструкция по изготовлению петард». Дэлл взял его в руки. Ровные строчки, выведенные синей пастой; колышущиеся над бумагой рыжие пряди, хитрый вид, колпачок ручки, закушенный в задумчивости...

Пальцы погладили угол бумаги.

Пусть будет с собой. Может, как талисман, а может, безо всякой причины – просто будет.

Листок отправился в нагрудный карман.

* * *

Следующие двое суток без сна смешались в комок стальных нервов, отработанных рефлексов и путаных картинок: шершавая поверхность стены – пальцы ощупывают место для закрепления взрывчатки, пикнувший таймер, протянувшийся по коридору луч, звук взрыва, крики, автоматная очередь. Сосредоточенный взгляд молчаливого Чейзера, сконцентрированный на очередной жертве; летящая по шоссе сквозь сумерки машина; Рен, сжимающий окурок большим и указательным пальцами...

Иногда на час или около того удавалось прислониться головой к стеклу и провалиться в беспокойную дрему, чтобы вынырнуть из нее в неясное время суток, принудительно очистить голову и приготовиться к новому бою. Комната отеля, разложенный на столе чертеж незнакомых помещений, голос Аллертон, повторяющий шаги предстоящего плана. Задернутая пыльная занавеска, темный выпуклый экран телевизора, стопка жестких белых полотенец... А после – снова запах дыма, гарь и трупы. После Декстера их всегда оставалось много.

Одни жизни обменивались на другие. Спасая – убиваешь, и убивая – спасаешь... Четкие грани давно стерлись – белое превратилось в серое, а

чернота разбавилась мутными всполохами.

В те же часы, когда требовалось просто сидеть и ждать, Дэлл позволял себе вспоминать. Ситуации, разговоры, ощущение, что она там, рядом с ним... то взбалмошная, то притихшая, то загрустившая, то с блеском в глазах от очередной сумасшедшей идеи. Сколько их было, этих идей? Каким образом ей всегда удавалось удивлять, заставить врасплох, будоражить?

Внутри постепенно формировалось новое чувство; ему пока не было названия, но с каждой минутой, не занятой перебежками, установкой мин или отстрелом того, кто стреляет в тебя, Дэлл всё сильнее ощущал его. Что это было? Отголосок решимости?.. Именно ее он потерял некоторое время назад, а теперь, стоило покинуть тихую гавань, стал потихоньку обретать вновь – так стенки пересохшего колодца наслаждаются прикосновением вновь появившейся из земли влаги, жадно тонут в ней, позволяя облизывать каждую впадинку. Каждая свистящая у уха пуля словно прочищала сознание и помогала приоритетам встать на свои места.

Еще чуть-чуть... еще немного. Главное – не давить, не форсировать, и тогда кусочки пазла наконец сложатся. Нужно просто дать время...

* * *

– Мисс Райз, это снова Келли Наваши из «Норд-Электроникс». Мы хотели бы поговорить с вами о работе. Вчера я оставила вам сообщение, но вы не перезвонили. Пожалуйста, наберите мой номер, когда вам будет удобно...

Я наберу. Наберу... вот только отдохну еще чуть-чуть. Мне нужно отдохнуть, неужели вы не понимаете?

В холодильнике закончилась еда. Полки в гостиной покрылись пылью; квартира давила плотным тяжелым коконом тишины. Равномерно мигала на телефоне лампочка.

«Позвоните нам... позвоните нам... позвоните нам...»

Очередное голосовое сообщение, очередная просьба, которую нужно бы выполнить.

Я отложила телефон и закрыла глаза. Подушка примялась, приняла форму головы; не хотелось ни вставать, ни выглядывать в окно, ни выходить на улицу. Кровать обнимала, как саван, одеяло превратилось в белую пещеру, в которой хотелось хорониться как можно дольше. Урчание пустого желудка, бессилие и апатия; бесконечные часы в попытках

собраться, встать и сделаться снова живой.

Дайте мне немного времени. Я перезвоню завтра... Завтра.

* * *

– Держи тряпку, я сказал! Прижимай! – Декстер рычал, пытаясь остановить кровотечение. – И не закрывай глаза! Вот доедешь до Лагерфельда, там расслабишься!.. Одриард, мать твою!

Боль жарко пульсировала, пожирала внутренности, чавкала и расползлась по всему телу. Дэлл хрипел. Пуля, засевшая в животе, агонией травила пульсирующее на грани затухания сознание.

– Дави на газ!

– Давлю, – процедил Чейзер. – Не видно? Мы скоро взлетим.

– У него мало времени!

Аллертон сжал зубы.

Сука... Тот гад выстрелил за долю секунды до того, как Рен снес ему башку. Дрейк уже поставлен в известность – медик отряда ждет у портала, до которого не больше пары минут пути.

Лучше бы Начальник отыскал телепортера – возможно, это ускорило бы процесс доставки на минуту или около того. Значит, Бернарда временно недоступна... черт бы побрал подобные совпадения.

– Держись, друг... – произнес Мак, глядя на дорогу.

Как только машина с визгом вошла в поворот, педаль газа вжалась в пол.

– Эй, малыш, завтрак готов. Вставать будем?

– Не хочу. Лучше иди сюда...

Звонкий смех колокольчиками разносится в воздухе; теплое податливое тело прижимается к нему; нежные руки гладят лоб, виски, подбородок. Пахнет свежесваренным кофе, корицей и имбирем. Колышутся от теплого ветра тонкие шторы.

Ее кожа сладка и пахнет ванильным сахаром. Душа мурчит и ширится от счастья... всё хорошо, всё хорошо, всё хорошо... Но где-то на задворках сознания темным пятном брезжит тревога.

– Ты ведь здесь, со мной?

«Зачем этот вопрос? Ведь всё хорошо... зачем вопрос?»

Рыжая лиса ласково смеется, ее глаза лучатся невидимым светом.

– С тобой...

– На самом деле?

– Конечно.

– Но...

– Что?

– Ты ведь ушла...

– Я?.. – На лице мелькает растерянность. – Почему?..

Моя. Она здесь, со мной... она моя. Нужно нащупать, убедиться, почувствовать. Локоть, запястье, ладонь...

На пальце нет кольца.

Как только это замечает он, замечает и она. Свет в зеленых глазах затухает, улыбка медленно исчезает с губ. Образ Меган в его объятьях начинает таять. Нет! Но секунда – и под руками лишь пустота и холод. За окном темно, по комнатам гуляет промозглый сквозняк. Стена пустая: на ней всего два пистолета – двуручные «Брандты», они покрыты ржавчиной, а на столе – сложенный вдвое листок со словами «Я ушла».

– Нет!!!

Дэлл резко открыл глаза, согнулся пополам и захрипел; кровь с края тряпки закапала на сиденье.

– Лежи, мать твою... Сейчас... Скоро... Портал через пять секунд...

Когда упругая волна прошла через внутренности, сознание схлопнулось. Рук Лагерфельда, что помогали вытягивать его из машины двадцать секунд спустя, Одриард уже не почувствовал.

Глава 11

Сигареты тлели слишком быстро – только прикурил одну, и она уже истлела до фильтра. Прикуришь новую, и случится то же самое. Что это – иллюзия слишком быстрого текущего времени, или же он опять задумался, завис из-за отсутствия мыслей?

Улица пустовала.

Типичный дом, подъезд со стороны двора. Туда Баал заезжать не стал – нет смысла. Смотреть в окна – тоже: его темная сущность чувствовала присутствие жертвы сквозь стены; не мешало ни расстояние, ни наличие физических препятствий.

Страх, слабость, апатия, погасший светильник – невидимые нити, клубящиеся в его теле, ощущали это так же хорошо, как паук ощущает запутавшуюся в паутине муху. Всё, твои ножки увязли, крылышки залипли, пора на покой, баю-бай...

Очередной чадающий фильтр сморщился в пепельнице под давлением пальцев, рассыпался ворохом искр и угас, умер. Это нормально. Потому что всё раньше или позже умирает, это лишь вопрос времени – кого-то хватает на дольше, кого-то на меньше...

Вчера он уехал. Дал ей еще один шанс.

Но сегодня уже не уедет. Сегодня он ее заберет.

Баал на секунду прикрыл глаза и втянул носом воздух, концентрируясь на ощущениях: она там, в квартире, без движения, без желаний, уже почти без жизни.

Пора.

Подъезд встретил тишиной и эхом собственных шагов.

Пролет, еще один, деревянная дверь; запах угасания, ощутимый лишь для Карателя, усилился. Выпуклая кнопка звонка находилась справа, под номером квартиры; Баал нажал на нее.

Тишина. Долгие секунды тишины. Та, что не ждет гостей, сначала поднимется с кровати, нехотя натянет что-нибудь на обнаженное тело, удивляясь позднему визиту, пройдет по коридору, застынет в нерешительности; это последние секунды ее жизни без осознания, как близко подступила смерть. Пусть они растянутся в бесконечность – ее блаженное неведение, – он подождет. Торопиться поздно.

Когда за дверью послышались шаги, Баал-человек испытал секундное

сожаление, а Баал-Каратель сосредоточился – темные нити растянулись в стороны, оплели стены и дверь, свились вокруг невидимыми древними символами.

– Кто там?

Там тот, кому лучше не открывать. Кому бесполезно не открывать.

– Баал.

Секундное замешательство; она попыталась вспомнить его имя, сначала не смогла, потом вспомнила – замок открылся. Закутанная в халат, подняла голову.

Регносцирос никогда не мог понять, как они узнают...

Ему не приходилось ни представляться, ни объяснять цель своего визита – хватало лишь взгляда. Глаза той, на кого он смотрел, распахнулись, зрачки расширились – невидимая нить из древних символов потекла в ее сознание. Болезненная вспышка сопротивления угасла так же быстро, как и появилась; на ее лице промелькнули сначала растерянность, затем начальное осознание, страх, мгновенно переросший в панику, после – глубинное осознание и наконец смирение, принятие судьбы. Сопrotивляться по-настоящему у тех, за кем он приходил, не хватало сил.

Как долго они смотрели друг на друга через порог – несколько секунд, минуту, вечность? Двухметровый гигант с длинными черными волосами и хрупкая рыжеволосая девушка, потерявшая себя.

– Зря ты отпустила Искру.

Фраза обвинила и выразила сочувствие одновременно.

Меган опустила голову, ослабевшие пальцы соскользнули с дверной ручки – ей сделалось душно. Какое-то время она стояла молча, затем подняла на него усталые глаза.

– Я знала, что ты придешь. Знала с того самого дня, когда впервые увидела тебя.

Баал не шелохнулся.

Повисла пауза; хлопнул входной дверью на первом этаже сквозняк.

– Что? Сейчас?..

Он кивнул.

Вселенская грусть в ее глазах царапнула по сердцу; это был один из тех моментов, к которому Баал так и не смог привыкнуть. Старался не замечать, не пускать внутрь – в каждой работе есть издержки. Киллеры убивают ножом или пулей, Каратель уводит человека из мира. В каждом случае смерть – это всего лишь Переход, но это не освобождает от страха. И от постоянно присутствующей доли сожаления.

– Жду тебя у машины.

Когда Каратель развернулся, чтобы уйти, полы длинного черного плаща зашуршали за его спиной, как крылья.

Очередная сигарета, холодный воздух, пустынная ночная дорога.

Иногда Баал задавался вопросом, почему он не выбрал иную специализацию, но всегда находил один и тот же ответ: потому что он предназначен для этого. Потому что он Темный, потому что он несет Смерть. Есть люди, которые рождаются для того, чтобы нести в мир добро, есть те, которые вообще не пойми для чего рождаются. А есть такие, как он: клубящаяся тьма и смотрящие из нее черные пустые глаза. Посланник нижнего мира. Проводник. Убийца.

Но где бы каждый из них ни появился на свет, теперь они жили здесь, в месте, где не рождался никто, и тот, кто неравномерно и слишком быстро истратил энергетический запас, должен уйти.

Матовая поверхность пистолета отражала фонарные блики. Баал покрутил его в руках, проверил затвор, снял и снова поставил на предохранитель. Насколько проще стала бы его работа, воспользуйся он, как остальные, оружием. Но нет, пули заслуживают преступники, «угасшие» стираются с Уровней другим методом – таков приказ Комиссии.

Несколько минут спустя девчонка вывернула из-за угла, не глядя по сторонам, словно сомнамбула, перешла дорогу и медленно приблизилась. Увидела в его руках пистолет и застыла. Баал вопросительно приподнял брови.

Неверно истолковав его взгляд, она начала опускаться на колени; он едва успел остановить ее, схватив за ткань дешевой куртки.

И почему людям все равно, в чем умирать?

– Ты что, думаешь, я пристрелю тебя прямо на улице?

Ее зубы стучали не то от холода, не то от страха.

– Садись в машину.

Замерзшие руки кое-как справились с дверной ручкой; негнущиеся ноги заставили Меган почти ввалиться в салон.

Регносцирос тяжело вздохнул, зажег спичку, поднес к новой сигарете и оперся на заднее крыло машины. С минуту курил; пассажирка с застывшей в глазах паникой смотрела прямо перед собой.

Прежде чем выкинуть бычок и сесть в салон, Баал мысленно проклял Дэлла.

– Нет, я не дам его тебе!

Жесткий голос врача отдавался в висках невыносимой болью, вторившей жгучим пульсациям в животе. Чужая речь плыла сквозь тело – то распадалась на отдельные звуки, то сливалась в слова, причиняя дискомфорт. От очередной хлесткой фразы, прозвучавшей слишком громко, Одриард сжал зубы.

– Да мне все равно, что там случилось, Конрад, хоть конец света! Ему надо лежать!

Очередная передышка в несколько секунд тишины принесла облегчение, почти позволила соскользнуть в блаженное забытие.

– Я удалил пулю и затянул рану, но... Что?

Скрипнуло кресло, в котором сидел Чейзер – Дэлл не видел его, но чувствовал, – тот напряженно подался вперед.

– Хорошо, даю ему трубку. Но если ему станет хуже, отвечать будешь ты, понял?

В трубке огрызнулись.

– Дэлл... – Стивен осторожно потряс за плечо. – Там наш сенсор рвется тебе что-то сказать. Он меня затопчет, если я тебя не позову.

Веки будто срослись – тяжелые, цементные, слипшиеся; в ослабшую руку лег теплый корпус сотового телефона. Одриард медленно, перебарывая желание разжать пальцы и морщась от новой волны боли в животе, поднес мобильный к уху.

– Да...

– Он ее забрал, Дэлл.

Лежащий на кровати мужчина сморщился. Разум то и дело пытался свернуться в черную точку, уйти от ненужных слов, трясущих за плечо рук, мирской суеты.

– Не понимаю... Кто забрал? Кого?..

– Баал забрал Меган! Я как раз подъезжал к ее дому, хотел поговорить, но они уже сели в машину...

– Зачем забрал?..

– Зачем?!

Вопрос едва не порвал барабанную перепонку. Зачем же так кричать?

– Он пришел за ней как Каратель! Увез, чтобы убить! Да очнись же ты!..

Слова просачивались в мозг ядом, капали откуда-то сверху и образовывали сталагмиты. Какое-то время Дэлл не мог понять, о чем идет речь. Каратель... при чем здесь Меган? Зачем кто-то кого-то забрал? Калейдоскоп начал складываться постепенно: сначала треугольники

образовали круг, затем добавились квадраты, а после встали на место битые палочки и остальные детальки – разноцветный пазл сложился в ужасающую картинку. Стоило Дэллу понять, что происходит, как он с хрипом сел на кровати и открыл глаза.

– Где они?!

– Чейзер там? Припрягай для поиска. Только успейте, блин, только успейте...

Халк отключился.

– Мак... – Комната перед глазами провернулась; Чейзер тут же подошел и опустился на корточки. – Мак, найди Меган... или Баала...

Аллертон давно отвык задавать лишние вопросы, просто кивнул, закрыл глаза и сосредоточился. Дэлл опустил на пол ноги и схватился за живот. Боль сделалась невыносимой.

– Да в рот ему ногу! – взревел Лагерфельд. – Я же говорил, чтобы не дергал тебя!

– Мне надо, Стив...

– Куда надо, мать твою?! К собственной могиле спешишь?

– Лучше к своей, чем к ее.

– Да к чьей?!

– Потом... Дай мне обезболивающее.

Дэлл тяжело дышал; бинт на животе пропитался кровью.

– Яду я тебе сейчас дам, б... чтобы успокоился...

Медик бросил злой взгляд на пациента, обреченно покачал головой и принялся рыться в выдвижном ящике стола.

– Нашел. – Зеленовато-коричневые глаза Чейзера распахнулись, взгляд стал жестким, сосредоточенным. – Едут по Карлейн-драйв, скорее всего, к зданию Комиссии.

– Едем за ними.

Когда Дэлл оперся на плечо друга, чтобы встать, врач выдал такую череду отборного мата, что его ассистент, стерилизующий инструменты в соседнем помещении, на добрых полминуты завис с миской в руках.

* * *

Внутри царил холод.

Заледенели руки, заостенели ноги, заиндевела внутренности.

Зачем я сижу в этой машине?

Я хочу на улицу! Туда, где ходят люди... где они спят в квартирах, где

они живут, где завтра их оставят в живых.

Отпустите!!!

Мои пальцы судорожно сжались на коленях; водитель покосился, но ничего не сказал.

Больно... наверное, будет больно. А что потом? Потом будут те, кто будет жить в этом мире без меня. Я не знала вас, а вы не знали меня. Как прозаично...

Скрип колеса Судеб – тихий, непрерывный, неумолимый.

Неужели все происходит вот так? Без возможности сказать последнее слово, без права попрощаться, без шанса на исправление ошибок? Наверное, каждый, кого ведут на расстрел, думает: «Я мог бы иначе...» Нет, не мог, раз несется по дороге машина, раз рядом сидит безмолвный водитель – равнодушный мужчина, в глазах которого застыл силуэт с косой.

Обнять бы кого-нибудь, прижаться, уткнуться в плечо... Судорожно сжать пальцы и зайти хриплыми рыданиями, выплескивая всю боль. Где же ты, тот, кто меня любит? Почему тебя нет рядом? Почему тебя вообще не нашлось в этом мире?

Кто-нибудь... кто-нибудь... кто-нибудь...

Кто-нибудь, обнимите меня, покачайте на руках, погладьте... скажите, что всё будет хорошо. Просто скажите, даже если это ложь! Как страшно в одиночку... Хотя бы в самый последний момент жизни пусть я буду не одна, пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста... кто-нибудь...

Под свет несущихся мимо фонарей я рыдала.

* * *

Огромное здание, бесконечное количество дверей, лифты, этажи, лампы под потолком... Их свет резал глаза, выедал сознание, плетью сек нервные окончания. Быстрее лифт, быстрее! Бинты на животе из бордовых сделались алыми, кровь закапала на штаны. Лязг распахнувшихся дверей и бесконечный коридор, а в конце – высокая мужская фигура в плаще и хрупкая рыжеволосая девчонка, плетущаяся рядом.

– Стой!

Дэлл, полусогнувшись, побежал вперед.

– Баал, стой!!!

Фигура застыла; Каратель медленно развернулся на месте.

Дэлл едва ли осознавал происходящее: стены плавали и изгибались,

пол вспучивался под ногами. Глаза сосредоточились на единственном лице – зареванном, с печатью безнадеги в зеленых глазах. Но нет, не только безнадеги – теперь, скрытая пеленой слез, к ней добавилась благодарность, шепчущая: «Спасибо, что я не одна...»

Нет, Меган... ты не уйдешь. Не уйдешь, слышишь?!

– Оставь ее, Баал!

Регносцирос смотрел равнодушно и тяжело.

– Не могу, Одриард. Слишком поздно.

– Не поздно... не смей!

В коридоре повисла гнетущая тишина: каждый из них осознавал необратимость совершенных действий.

– Поздно.

Слово прозвучало приговором. Фигура в черном плаще развернулась, на плечо ее замершей спутницы легла тяжелая рука.

Позади с клацающим звуком щелкнул отведенный затвор.

– Двинешься с места – убью.

Никогда в жизни Дэлл не думал, что наведет оружие на коллегу. На товарища, друга. А теперь ни секунды не сомневался, что выстрелит, стоит тому сделать хотя бы шаг.

Регносцирос прирос к месту, затем вновь развернулся и со смесью разочарования и недоверия на лице посмотрел на дуло пистолета, направленное в грудь. Прищурился, едко усмехнулся и покачал головой – мол, не думал, что ты пойдешь на это...

– За что ты хочешь убить меня, Дэлл? За то, что я выполняю свою работу? Ты ответь мне, кто виновен в том, что она стоит рядом со мной? Я?

Дэлл пошатнулся; чувство вины скрутило внутренности, обрушилось лавиной, вызвав злость. Да, он виновен, более чем, но все равно не позволит Карателю «стереть» Меган.

На плечо легла теплая ладонь.

– Не дури...

– Уйди, Мак...

Он раздраженным жестом стряхнул руку с плеча, глаза оставались прикованными к силуэту напротив. Боль в кишках была бы невыносимой, если бы не ярость, служившая в этот момент анестетиком.

– Я виновен, Баал. Но она не уйдет с тобой.

– Не позволишь ее увести мне – они пришлют другого. Ты борешься не с человеком, ты борешься с системой. Но, видит Создатель... – пауза лишь приправила слова удручающим привкусом горечи, – ...я не хотел такого финала.

Каратель прикрыл темные глаза, но Дэлл успел заметить в них сожаление. Баал несколько секунд помолчал, затем тяжело вздохнул, разочарованно качнул головой – мол, нет, не хотел, но теперь не могу ничего исправить, – и двинулся, чтобы уйти.

Сочувствие Регносцироса, застывшие слезы в зеленых глазах, саднящее, корчащееся в судорогах собственное сердце... сколько натворили они своими ошибками? Сколько натворил своими руками он? Наверное, действительно поздно, уже не исправить, не загладить, не изменить... Вот только выстрел прозвучит. Прозвучит. Регносцирос – друг, но он лишит Меган жизни, а Дэлл не сможет с этим жить.

Палец на спусковом крючке напрягся.

– Опустит пистолет!

Голос Начальника резанул по барабанным перепонкам лезвием ножа, хоть и прозвучал совсем негромко. Стальной приказ, состоящий из двух слов, гипнотическим образом заставил подчиниться: сознание размякло, рука произвольно обвисла, чувства моментально притупились. Дэлл почувствовал себя так, будто ему в затылок вкололи транквилизатор, смешанный с обездвиживающим средством.

Когда он успел здесь появиться? Откуда?

Все участники действия, зловецей пьесы, несколько секунд назад грозившей разрешиться плачевным финалом, замерли, и у всех без исключения на затылке встали волоски. В воздухе разлилась невидимая парализующая волна.

– Регносцирос, уведи ее в отдельное помещение и временно отложи исполнение приговора. Одриард, за мной! Аллертон, свободен.

Баал тряхнул головой, сбрасывая оцепенение, осторожно подтолкнул Меган в спину – та вздрогнула от прикосновения; через секунду их фигуры исчезли в конце коридора. Дэлл проследовал туда, где стоял Начальник. Только теперь он увидел, что за спиной Дрейка пряталась Бернарда; в глазах ее застыл ужас.

* * *

– Одна ошибка за другой, поверить не могу...

Мужчина в серебристой форме стоял у окна, глядя на высившийся вдалеке силуэт города; усталая раздраженность вкупе с разочарованием – вот что он чувствовал в этот момент.

– Столько ситуаций, столько возможностей. Ты думаешь, хоть одна из

них была дана тебе напрасно?

Подрывник молчал. Блеклый взгляд куда-то сквозь стену, понурые плечи.

Безмолвный укор повис в воздухе; Начальник повернулся и поджал губы.

– Ты многое прошел и со многим справился. Я думал, у тебя получится.

Взгляд переполз Дрейку на лицо.

– Отмени приказ.

Тот желчно усмехнулся.

– Ты будешь мне диктовать собственные приказы? Думаешь, хоть один из них не был продуманным?

Дэлл взорвался внезапно – только что сидел обессиленный и уже полыхает от злости.

– Этим ножом ты проклял меня! Она-то здесь при чем?!

Ответ хлестанул ударом плети.

– Я не проклинал тебя, я дал тебе шанс чему-то научиться! Да, жестко, да, болезненно, но ты получил возможность стать мудрее. Но стал ли? Или же остался обиженным на жизнь нытиком, срывающим злость на других? Ни один человек не встретился тебе напрасно, ни с одним ты не пересекся случайно. Однако какие выводы ты сделал? Чему научился? Взял ли на себя ответственность за результат или его отсутствие?

– Ты не был на моем месте, там... – прохрипел Одриард. – Когда мне приказывали убивать, когда насильно заставляли...

– Достаточно! Не всем дается путь, высланный лепестками роз! Ты научился убивать, но не научился терпению; научился делать взрывчатку, но так и не понял, что такое сочувствие и как делать верные выводы. Встретил на пути Женщину, но не признал ее, вместо этого предпочел обидеться на судьбу. В чем твоя мудрость? И почему теперь я должен идти тебе навстречу?!

– Она невиновна, Дрейк! Я корил ее за желание быть со мной, отталкивал, унижал, но только потому, что сам чувствовал себя униженным. За что пострадает она?

– За тебя.

– Нет! – Легкие Дэлла горели огнем; казалось, мир издевался над ним: вращался, танцевал, терял привычные очертания и адекватность. – Пожалуйста... отпусти ее.

– И что случится после? Положим, я отпущу, она выйдет отсюда, и что? Думаешь, утратившие Искру восстанавливаются самостоятельно? Нет,

Одриард, не восстанавливаются. Мне придется поместить ее в лабораторию, стереть память и заложить в нее новые воспоминания, залечить эмоциональный фон, воссоздать нормальное течение энергии в структурах тела. Тогда и только тогда, возможно, повторяю, возможно, Меган вернется к жизни. Но уже без тебя. В прошлом или будущем.

– Пусть так, но она будет жить...

Казалось, силы окончательно покинули сидящего на стуле наемника. Прижимая руку к животу, он смотрел в пол. Лицо сделалось пепельно-серым, неживым.

Поздно... Как поздно мы порой понимаем...

Взгляд Начальника стал хищным – коршун пикировал с высоты добивать. Сильные останутся, слабые уйдут.

– Ты доломал ее, и я не намерен тратить время на то, чтобы чинить сломанные тобой игрушки. Я не подбираю дерьмо за каждым, кто забыл вовремя включить мозги, а ты – забыл, и много раз. Ты не только не сделал нужные выводы вовремя, ты еще и поднял оружие на друга. Здесь, в стенах Комиссии. – Повисла тяжелая пауза. За окном стоял серый промозглый день, а внутри белели пустые стены кабинета; их свет отражала гладкая поверхность пустого стола. – Как думаешь, что за этим последует?

Дэлл не ответил. Зачем? Конечно... последует очередное наказание. Во рту горько, а в душе темно; наплевать, сколько их было и сколько будет. Вот только ничто не накажет сильнее, чем застывшие в памяти глаза.

...Спасибо, что я не одна...

И рука Баала, лежащая на ее плече.

Она не обвинит, не выкажет укора, стоя на коленях перед Карателем, ни разу не скажет: «Это все из-за тебя», – только он все равно будет знать. Всегда знать, из-за чего, а точнее, из-за кого все случилось. Здесь, сейчас и каждый день после того, как она уйдет, исчезнет из его и из своей жизни.

В следующую фразу Дэлл вложил всю искренность, все раскаяние, на которые был способен, расстелил их по полу, как ковер, и подложил под ноги Начальнику.

– Отпусти ее. Пожалуйста. Это всё, о чем я прошу.

Дрейк покачал головой; взгляд его остался таким же холодным.

– Скорее всего, ты будешь исключен из отряда, Одриард. Решение насчет нее я приму этим вечером. Это всё.

Начальник покинул кабинет; за его спиной хлопнула входная дверь.

Дэлл закрыл глаза и медленно привалился головой к стене. Он больше не слышал ни голосов, доносящихся из коридора, ни гула машин за окном, ни хрипящего дыхания, жаркого от лихорадки, ни стук собственного

сердца. Казалось, оно остановилось при жизни.

Глава 12

Весь вечер его бросало то в жар, то в холод. Лагерфельд настаивал на госпитализации, Дэлл отказался.

Особняк (или то был издерганный болевыми спазмами разум?) наполнился кошмарами: на этой двери она рисовала пальцем сердечки, прежде чем уходила спать; рядом с бильярдной, за стеной, пустовал тонкий матрас; сложенное аккуратной стопкой белье лежало у изголовья. На кухне по утрам она готовила завтраки: заваривала кофе, выкладывала на тарелку теплые круассаны и исчезала до того, как он спускался из спальни. Поскрипывали по дорожке, ведущей к воротам, каблук ее ботинок. Даже воздушные шары еще висели в гостиной – Дэллу не хватило сил снять их: слишком сильная боль накатывала каждый раз, когда он думал о том, что стоило бы прибраться, стереть следы бывшего праздника.

То был день, когда что-то еще можно было изменить.

Разливаемое по бокалам шампанское, веселые тосты, шутки, подарки... теперь он едва не хрипел, вспоминая это. Почему он не увидел цельную картинку раньше? Что и как теперь изменить, когда Меган находилась в одной из камер Комиссии, ожидая вынесения окончательного приговора?

Поздно. Слишком многое стало поздно.

Его исключат... это конец. Закономерный результат для того, кто не проявил должных качеств и не принял верных решений. Лаборатория под землей... он закроет ее. Ни разу больше не войдет. Покроются пылью колбы и мешки на полках, так и останутся лежать разложенные на столе детали, выдохнутся растворы.

Но конец проявит себя не только в этом: никогда и никому он уже не отдаст свое кольцо. Не посмеет, не захочет, не сможет. Потому что той, которой оно должно принадлежать, не будет существовать ни на одном из Уровней этого мира.

Слабак. Он слабак, Дрейк был прав.

Дэлл поднялся с кресла, подошел к стене и прижался лбом к холодному металлу «Брандта». Какое-то время стоял, ощущая, как в кожу вдавливается дуло, – пустой, осиротевший, выпотрошенный словами Начальника и горем, – затем медленно отступил и осел на ковер.

Он очнулся внезапно. Час или около того просидел на полу, в бреду, в

лихорадке, с сумбурно меняющимися в воображении картинами кошмарного будущего: холодные пальцы Меган, цепляющиеся за его ладонь, обезображенный гневом рот Баала, бездонная чернота в его глазах... «Отпусти, Одриард... Ты опоздал!» Треск рвущейся ткани тонкой куртки...

«Нет!»

Дэлл захрипел, вздрогнул и насильно, не открывая глаз, отогнал видения. Какое-то время сидел тихо, опустошенный и разбитый, затем неожиданно напрягся – показалось, что в комнате кто-то есть. Пришлось прогнать слабость и сделать еще одно усилие – разлепить веки.

В кабинете – он даже не сразу узнал ее – находилась Бернарда.

Что она здесь делает? Очередная галлюцинация?

Дэлл присмотрелся. Что-то в знакомом облике смущало: синие джинсы, тонкий вязаный свитер, тапочки... Тапочки? Глаза телепортера, неизвестно какое время назад возникшего в его доме, нездорово блестели, а губы всё время шевелились и нашептывали непонятные слова: «тупик», «замкнутая ветвь», «точка невозврата»...

– Ди?

Шепот получился хриплым, почти неслышным, но она уловила. Повернулась к нему, пытаясь успокоить руки, то и дело выводящие в воздухе бесконечные пассы.

– Очнись, Дэлл, ты мне нужен. Очнулся? Хорошо...

Он попытался выпрямиться, сменить позу – пятая точка затекла, но живот отозвался такой болью, что Одриард отбросил никчемную попытку, лишь плотнее прижал руку к бинту, который давно пора было сменить.

– Что ты здесь делаешь?

– Подожди.

Посланница другого мира, ставшая Начальнику второй половиной, отвернулась и взмахнула руками – перед ее лицом возникло светящееся поле с несколькими точками.

Глаза подрывника распахнулись. Да, он, конечно, знал о ее способностях в работе с материей, но она демонстрировала их крайне редко.

– Если изменить здесь... – Одно из пятен сдвинулось по направлению к другому, проплыло несколько сантиметров и застыло. – Нет, не получается. А тут?..

Новый неуловимый жест, и точки поменяли расположение.

– Тоже не выходит. А здесь?..

Казалось, Ди не видела и не слышала ничего вокруг, занятая

попытками расположить точки на карте в одном ей известном положении, и каждый раз качала головой, приговаривая: «Нет, нет, нет...» А затем добавила еще и то, от чего волоски на затылке Дэлла встали дыбом:

– ...С этого момента не повлиять на течение событий. Все равно кто-то страдает – ты или Меган. Дальше всё еще хуже. Черт бы всё это побрал...

– О чем... о чем ты говоришь?

Кто страдает? Будет еще хуже? Хуже, чем уже есть?

На этот раз она повернулась: лихорадочный блеск в глазах не исчез – усилился.

– Пытаюсь просмотреть вероятностный ход будущего.

– Правда? – *Невероятно.* – Ты можешь его увидеть? Скажи, что мне сделать...

– Подожди ты. Говорю же, ситуации прошли точку невозврата: с этого момента бесполезно влиять на будущее, лучше уже не будет, только хуже...

Дэлл почувствовал, что искра надежды, вспыхнувшая под слоем пепла, медленно угасла. Значит, все предопределено, значит, зря он всколыхнулся...

– ...Нужно откатываться назад, только так...

Неоконченная мысль прервалась, Одриард автоматически переспросил:

– Что?

– Нужно откатиться назад, в прошлое. Только так можно изменить то, что произошло сейчас.

– В прошлое? – Слова разом иссякли. – Ты это серьезно?

– Да.

Секундная пауза. Шок. Расширившиеся зрачки.

– А это возможно?

На какой-то момент забылись боль и страх; вместо этого возникло жадное желание знать больше.

– Это рискованно и опасно. Но других вариантов нет.

Шок усилился; лавина сумбурных эмоций понеслась с вершины горы; самообладание, судя по трясущимся рукам, соскользнуло на грань скорого исчезновения.

– Подожди-подожди... объясни мне, что ты имеешь в виду?

Бернарда не отвечала долго – *зачем она вообще здесь? о чем говорит?* – смотрела на висящую в воздухе карту и о чем-то думала. Взгляд хмурый и сосредоточенный, брови сведены к переносице, а в глазах – тяжесть принятия сложного решения. Спустя минуту она повернулась к нему, непривычно напряженная, и спросила:

– Дэлл, ты хотел бы получить второй шанс?

В горле сделалось сухо; язык моментально прилип к небу, Одриард даже не смог ответить. Как ответить на вопрос, в серьезность которого не веришь? Разве может быть второй шанс? Разве можно откатиться в прошлое?

Бред... Я вижу и слышу то, чего нет... Лагерфельд предупреждал...

– Ди...

– Ответь мне! И ответь честно! Если я смогу это сделать – повернуть время вспять, – ты обещаешь, что всё не пойдет по тому же сценарию? Я не хочу рисковать понапрасну... если... когда Дрейк узнает, он мне шею свернет... наверное, – добавила она неуверенно, и в ее взгляд примешалась растерянность – видимо, от размышлений о наказании за самоуправство.

Впервые за все это время Дэлл допустил, что происходящее – не бред и не игра воспаленного воображения, и заставил себя осмыслить сказанное. И содрогнулся.

– Да он нас обоих за такое схоронит заживо.

– Оставь это мне.

На этот раз в ее голосе прозвучал металл; Дэллу сделалось легче.

Значит, она действительно верит в то, что говорит.

Он снова попытался сглотнуть – сухое горло саднило, но ввинтившаяся болтом мысль о возможном втором шансе (невозможно даже думать о таком, но все-таки) светила яркой путеводной звездой в конце бесконечно мрачного тоннеля, заставляя забыть о физических неудобствах.

– Как, Ди? Как ты...

– Неважно! Ты скажи, готов ли ты?

– Я?.. – прохрипел Дэлл; эмоции все-таки прорвались, мешая думать и дышать. – Я что угодно отдам...

– Не надо ничего отдавать. Только скажи, что не наломаешь новых дров!

Вместо ответа Одриард прижал ладони к лицу – глаза щипало. Второй шанс... Неужели второй шанс? Может ли так быть на самом деле?

– Я постараюсь, – ответил сдержанно, чтобы скрыть глубину истинных чувств, готовых прорваться через край. – Я сделаю всё что смогу, честно.

– Хорошо. – В голосе Бернарды прозвучало облегчение. – Тогда действовать надо быстро, у нас мало времени: он скоро почувствует манипуляции с пространством и пресечет их...

Она говорит о Начальнике...

– ...Сделаем так: память о произошедшем останется только у тебя,

меня и Дрейка, остальные просто вернутся в определенную точку прошлого без воспоминаний. Приобретенный опыт должен сохранить только ты, Меган должна забыть. Понимаешь, почему так?

– Да.

Как же не понимать...

– Я буду помнить, это понятно, Дрейк вообще не забывает, это тоже ясно.

– Он всё вернет на место, когда узнает...

Сомнения жгли, кусались, затмевали свет далекой звезды.

– Пусть попробует. Я сделаю так, что вернуть жизнь в эту точку будет невозможно. Я ведь тоже кое-чему научилась, Дэлл.

Свет звезды вновь прояснился.

– Теперь нужно решить, когда.

– Что когда?

Все развивалось слишком быстро.

– В какую именно точку прошлого ты хочешь, чтобы я тебя вернула? И думай быстро... у нас мало времени. Только одно условие, это важно: не называй дату раньше середины февраля – я не хочу еще раз пережить собственную смерть.

Понял, не дурак...

Не глядя на хозяина дома, Бернарда принялась медленно разводить руки в стороны.

Он чувствовал себя растерянно и ошарашенно из-за резкого поворота событий, но эту картину запомнил на всю жизнь: стоящая в центре комнаты девушка в тапочках, между ее ладоней вращается энергетический шар, он ежесекундно растет и ширится, засасывая в себя очертания предметов, – через мир проходят невидимые судороги. Что-то происходит одновременно и с пространством, и с сознанием; все мутится, делается неясным, зыбким, почти незнакомым. Комната плывет, или это все усталые глаза?

– Быстрее! Я жду твоего решения!

Голос хриплый, требовательный, взволнованный.

Дэлл кое-как превозмог нахлынувшую боль; тугие волны, прокатывающиеся по воздуху, вызвали новый спазматический приступ и почти парализовали мыслительный процесс.

Это все происходит на самом деле?! Разбираться некогда, нужно решать. Если галлюцинация, то через какое-то время я проснусь, а если правда...

– Сейчас! Сейчас!..

Точка? Какая может быть точка? В какой момент откатиться? В памяти

роятся тысячи изображений – дни, даты, связанные с ними ситуации. Середина, конец февраля... Насколько далеко нужно отъехать во времени, где оказаться вновь, чтобы быть уверенным, что утекающее в распухший шар, словно в раструб пылесоса, настоящее не повторится?

– БЫСТРЕЕ!!!

Комната начала распадаться на частицы, в непонятном месиве из тонких бесформенных субстанций остались лишь колышущиеся женские волосы и лихорадочно блестящие глаза. И вращающаяся меж пальцев сфера, огромная, жадная, пустая в центре.

И тогда Дэлл принял решение: что-то кликнуло в сознании, сформировалось и подкрепилось ощущением «правильно». Он закричал так громко, что едва не порвал голосовые связки.

Только бы успеть объяснить... Только бы успеть сказать до того, как вся эта чертова конструкция захлопнется!

Он успел.

Потому что последним, что прорвалось сквозь вихрящиеся потоки и долетело до растворяющегося в пустоте слуха, было одно-единственное слово: «Услышала», – после чего временной отрезок, в котором пять минут назад, привалившись к стене, сидел раненый мужчина, а напротив него стояла женщина, перестал существовать.

Глава 13

Пробуждение давалось тяжело.

В голове – сумбур и вязкое месиво, будто накануне он непозволительно много пил, во рту – сухость, а под рукой – прохладная простынь. Это постель? Его постель? Что за тяжелый сон его преследовал этой ночью? Такой гадкий и долгий, что хотелось только одного: проснуться и никогда больше не вспоминать. Кошмар длиной в жизнь. Бывает же...

Дэлл медленно открыл глаза. Потер веки, растер покрытые щетиной щеки, отбросил одеяло и сел. А сев, моментально прижал руку к животу – судорожно, по инерции, приготовившись к адской боли, даже зажмурился, предвидя сводящий с ума спазм до самого позвоночника.

Боли не было.

Пальцы сжались поверх гладкой кожи пресса, а сознание прострелил фантом – изо рта непроизвольно вырвался стон. Свистящее дыхание, ищущая рану рука, иллюзия окровавленных бинтов и ощущение сумасшествия. Ощущение настолько достоверное и реалистичное, что Одриард едва не закричал. Мышцы свело судорогой, пресс сжался в пружину, ощупывание себя превратилось в наваждение – где, где, где?..

Через секунду он всё вспомнил.

Воспоминания обрушились настолько резко, что нервный центр не выдержал шквала эмоций: Дэлл захрипел и сполз с кровати, скорчился на полу и едва сдержал подступившую к горлу тошноту; медвежьими когтями заскребли по ковровому покрытию человеческие ногти.

Перенос... Случился перенос.... Светящиеся посреди хаоса из частиц глаза Бернарды... еще один шанс...

Прошное.

Получилось ли у нее? Получилось? Ведь раны больше нет... Но где он? В том ли дне, что заказывал, или же где-то еще? Не случилось ли ошибки, сработал ли сложный процесс правильно? Не окажется ли, что в этом прошлом вообще не осталось ничего из прежней жизни: ни работы, ни друзей – совершенно новая ветка событий, где даже он другой, не тот самый Дэлл, а незнакомец даже самому себе?

Его накрыла паника.

Все еще опасаясь болевых ощущений, Дэлл поднялся с ковра и, по привычке прижимая руку к животу, побежал в кабинет. Ворвался туда с

хлопком ударившейся о стену двери.

«Брандты» на стене отсутствовали.

Он быстро провел пальцами по запылившимся зажимам и табличке, развернулся и рванул в гостиную: уже с порога увидел старый экран, а не новую плазменную панель, и мысленно возликовал.

Прошрое, это прошрое!

Дата... нужно узнать точную дату...

Отыскал на столике перед диваном пульт, включил новостной канал и, не слушая ведущего, впился глазами в дату в правом верхнем углу: 1 марта.

Всё верно. Всё верно!

Он проснулся дома за один день до дня рождения Меган!

Бернарда, мать его, оно сработало!!! Слышишь?! СРАБОТАЛО!!!

Одриард осел на пол, воздел руки к небу, поблагодарил Создателя, а после, все еще не зная, можно ли начинать радоваться, уперся лбом в ковер и ошеломленно затих. Шок, панически бьющееся сердце, пытающийся ворваться внутрь ураган счастья – надо успокоиться, дать себе минутку, а после во всем разобраться...

Первое марта... Бубнящий о последних событиях голос ведущего...

В прошлом. Невероятно!

Ни раны, ни подарка от Мака, ни висящих на стене пистолетов...

Правильно завершился процесс перемещения во времени или нет, но в одном Дэлл был стопроцентно уверен: он находился в-самом-что-ни-на-есть-настоящем-мать-его-прошлом!

– Что? Нет, Дрейк на сегодня дал выходной. Ты что, вчера вечером поддал? Сколько можно проводить учений, надо иногда и отдохнуть.

Ворчливый голос Мака заставил Дэлла улыбнуться так широко, что физиономия едва не треснула.

– Выходной, значит...

– Да. Эй, ты что-нибудь решил насчет ножа? Когда у твоей подруги день рождения, завтра?

– Завтра.

– Так решил?

– Да. Я дам ей его.

В трубке хмыкнули.

– Ну смотри... С огнем играешь.

Внутри шевельнулась благодарность Бернарде. *Как хорошо помнить...*

– Не переживай, разберусь.

И как хорошо, что друг в этот момент не находится с ним в одной

комнате: сумасшедший блеск в глазах вызвал бы много вопросов, отвечать на которые и не хочется, и нельзя.

– Значит, отдыхаем и сегодня, и завтра.

– Ты точно вчера перебрал... Элементарных вещей не помнишь.

Дэлл, не обращая внимания на его комментарий, раскачивался в кресле взад-вперед.

– Эй, Мак, а ты уже придумал, что подаришь на мой день рождения?

Трубка возмутилась тишиной.

– Даже если и придумал, тебе говорить не собираюсь.

Как же здорово улыбаться... как здорово быть без дыры в пузе... как хорошо, что на стене пока нет «Брандтов»...

– Что бы ты ни придумал, уверен, это будет отличный подарок.

– Чудной ты сегодня...

– И не говори. Ладно, извини, что побеспокоил. Всё, пошел.

– Давай.

Дэлл дал отбой, отнял от уха трубку, которая, казалось, все еще источала удивленную растерянность – *наверняка вечером он накатил больше обычного*, – откинулся на спинку кожаного кресла, впервые с момента пробуждения расслабился и закрыл глаза.

«Неофар» катился по знакомым улицам – редкий поток машин позволял свободно маневрировать. Дэлл надел солнцезащитные очки, обогнал ползущий с черепашьей скоростью бордовый седан, перестроился вправо и остановился на светофоре. Открылись и закрылись, выпустив наружу молодого парня в костюме, двери банка на углу; торопливо переходили дорогу пешеходы.

Яркое солнце, первый день весны, первый день новой жизни.

Мысли кружили, как птицы в небе, не желающие опуститься на землю хотя бы на минуту: круг за кругом, пируэт за пируэтом, на смену одной сразу же приходит другая, и не разогнать эту стаю, как ни старайся.

Правильный ли он выбрал день для возврата? Может, стоило бы откатиться пораньше? Тогда Мег уже получила бы право Перехода на четырнадцатый, но не попала бы в лапы той банде, что впоследствии избила ее, принуждая взломать пресловутый замок на военной базе, – можно было бы позаботиться об этом. Но тогда они бы не встретились в стенах Комиссии, и она не попросила бы нож, который он принесет завтра...

К этому моменту Лагерфельд уже залечил ее раны, и, значит, она здорова.

Здорова и любит его.

Одриард почувствовал себя эгоистом. Да, он допустил ее страдания по второму кругу, по крайней мере, большую их часть, однако он не допустит новых – тех, что последуют за ее просьбой о его кольце. Не будет больше тридцати дней, не будет новых шрамов и обид. Жизнь кое-чему все-таки учит.

Светофор переключился на зеленый; «Неофар» плавно тронулся и повернул. Нужный магазин далеко, еще километров восемь. Автомобиль ускорился.

Была бы его воля, Дэлл вообще откатился бы в первый день, в тот, когда Меган нашла нож; так было бы неэгоистично и честно, и так он смог бы оградить ее от многих бед. Но у такого решения были свои минусы: а если бы что-то пошло не так, и она вообще не полюбила бы его? Что, если бы вмешалось новое обстоятельство, связанное с ее работой, и она погибла бы, выполняя очередную просьбу бывшего босса? Ведь никто не обещал, что, вернувшись назад, он получит точь-в-точь тот же сценарий, что и в прошлый раз. А если бы она по какой-то причине не получила Переход на четырнадцатый и, как следствие, осталась в Соларе?

Нет, все-таки первое марта – это хорошо. Очень хорошо. Не идеально, потому что многое уже произошло, но хорошо, потому что многое еще не произошло.

Да и вообще, Бернарда предупредила сразу: никаких дат раньше середины февраля, – чем оградила от вскипания его мозг, который бы взорвался при попытке продумать огромное количество схем за выделенные пятнадцать секунд времени. Пусть всё будет как будет; первое марта, и точка. Иначе количество «а если бы...» превысит допустимые нормы и вызовет мыслительный паралич.

Автомобиль снова притормозил, попал в движущуюся по направлению к центру пробку; Дэлл, переключившись на нейтраль, убрал ногу с педали и посмотрел в окно.

Две вещи вызывали наиболее сильные – и противоположные, к слову, – эмоции, и если хорошей была та, что Баал никогда не приходил за Меган, отчего Дэллу хотелось выпрыгнуть из машины и сплясать на улице, то плохой...

Одриард вздохнул.

Предстоял разговор с шефом. Шефом, который помнил, что в одной из веток реальности на плече Меган лежала рука Карателя, а в руке Дэлла подрагивал пистолет.

Пусть даже Бернарда сделала так, что Дрейк не сможет вернуть всё к

исходной точке, не сможет перенести их назад в тот страшный день в будущем, где всё повторится, но станет ли он от этого менее зол? И к чему приведет его гнев в этот раз?

Беда, что и говорить... Если бы не мысли о предстоящем разговоре с Дрейком, Дэлл бы точно сплясал на улице.

Но ничего, всё будет хорошо. Каким-нибудь образом обязательно будет хорошо. Второй шанс появился в жизни не для того, чтобы было иначе.

Пробка впереди пришла в движение; черный автомобиль с зеркальными стеклами тронулся следом.

* * *

– Вам тот, что с апельсинами? «Цитрусовый рай»?

– Да. Его я возьму с собой, а другой, вот этот, – он уверенно показал на клубничный фраппан, – доставьте завтра утром по адресу, который я вам оставлю.

– Без проблем, мистер. Что-нибудь еще?

Дэлл с наслаждением втянул носом воздух кондитерской и кивнул на корзинку с круассанами.

– Заверните мне с собой пару тех, что с корицей и имбирем.

Усатый продавец вежливо кивнул.

– Конечно. С вас сорок три доллара и девяносто пять центов.

* * *

– Так ты не злишься?

– На что?

– Сам знаешь на что...

– Моя любимая снова что-то натворила?

– Дрейк! Ты играешь со мной.

Его нос ласково коснулся щеки, втянул нежный аромат кожи и тонкий запах духов, застыл у самого уха.

Бернарда смотрела, как за окном перемигиваются звезды; какой чудесный мир, чудесный город и чудесный момент. Тишина, теплые руки, обнимающие за талию, и ощущение застывшей вечности, объединившей двоих. Нет, она, конечно, волновалась, целый день думала о его реакции, даже переживала... Правда, немного. Верила, что поймет. Ведь главное –

жить в гармонии с сердцем и уметь объяснить причины своих поступков. Этот мир – великолепная вещь, тонкая, многогранная, сложная, но не всегда стоит идти на поводу у событий – иногда их нужно уметь изменить.

Вот только ждать было тяжело... Начальник, работа, дела, тикающие часы... Хотелось поговорить, чтобы не висело над душой, убедиться, что всё в порядке. Пусть пожурит, пусть выскажет, если захочет, пусть прочитает монотонную лекцию о вреде импульсивности для окружающего мира или разрушительном воздействии эмоций на организм, лишь бы снова вернуться к любимому ими обоими балансу.

– Будешь на меня ворчать?

– Ворчать на то, что я нашел себе эмоциональную женщину, склонную к благородным порывам? Или на то, что в какой-то момент она осознала, как раскрутить спираль времени, и смогла в одиночку переформировать пространство? Да еще таким образом, чтобы память сохранилась только у выделенных ею индивидуумов?

Бернарда напряглась – ласково шутит или все же ворчит в качестве прелюдии к серьезному разговору?

– Не тяни, Дрейк, не надо. Если я была неправа, просто скажи мне об этом.

Мужчина в серебристой форме отстранился, но только для того, чтобы повернуть девушку, застывшую в его объятиях, к себе лицом. Долго смотрел в ее глубокие глаза, прежде чем заговорить.

– Ди, у меня было время подумать. Целый день. И я буду честен с тобой: поначалу я был раздражен – не лучше ли подобные моменты обсуждать до того, как воплощать? Нет?

– Лучше... – раскаянно мурлыкнули в ответ.

– Лучше. Я знал, что ты поймешь. Поэтому я попрошу в следующий раз сообщать мне об изменениях подобного рода ДО того, как они произойдут, а не ставить перед фактом после.

– Извини.

Он укоризненно покачал головой, но во взгляде не было злости.

– Но, как я уже сказал, у меня было время подумать. И я решил, что иногда больше помощи тому, кто срывается с обрыва, приносит протянутая рука, нежели камень, брошенный на голову в попытке научить. Возможно, в данном случае права ты, а не я. Много лет я использовал метод кнута, изредка чередуя его пряниками...

– Очень изредка...

– Цыц!

В темной комнате раздалось хихиканье.

– ...Но я согласен, что, возможно, другие методы воздействия иногда оказываются более эффективны. Ты решила дать Одриарду второй шанс, и я уважаю твое решение. Потому что оно твое, Бернарда. Повторюсь: в следующий раз я хотел бы знать о принятии мер заранее, а не просыпаться утром в собственном прошлом только потому, что какой-то мудака...

– Дрейк!

– ...Вовремя не сообразил, что ему делать со своей жизнью.

– Я тебя услышала. И Дэлл не такой, он повзрослел...

– Надеюсь.

– Он справится.

– Ты всегда очень добра.

– Хочешь, научу?

Она снова захихикала, и Дрейк почувствовал, как остатки раздражения моментально выветрились. Как злиться, если тепло на сердце, если нежность затапливает всякий раз, стоит пальцам коснуться волос? Да, импульсивна, да, непредсказуема, да, склонна к принятию поспешных решений и излишне эмоциональна... Но ведь за то и полюбил.

Он обнял ее так крепко, что слова стали не нужны, – воздух зазвенел от чувств. Вновь Дрейк покачал головой в ласковом уворе. Хотел было сказать, что волновался за ее здоровье и что подобные процессы всегда опасны, что перестройка материи в таком объеме, если не хватит энергии, может стать необратимой...

Хотел, но не сказал.

Она живая, здоровая, рядом. Всему остальному со временем научится.

* * *

– Он не злится, Дэлл, слышишь? Он не злится!

Телефонная трубка ответила сдавленным молчанием.

Бернарда и не ждала ответа – облегчение собеседника она ощутила через расстояние. Иногда чувств слишком много, и сложно найти слова. Остается лишь благодарность – бесконечная, как Вселенная, луч света, летящий по направлению к тебе.

– Я по гроб жизни тебе обязан...

Стоящий в горле ком, прижатая к глазам рука – не нужно быть там, в кабинете, чтобы это увидеть.

– Ты мне ничем не обязан, Дэлл. Просто будь счастлив, ладно? Мы все

здесь для того, чтобы быть счастливыми. Просто иногда забываем об этом...

– Я услышал тебя.

– Всё. Тогда до завтра.

Секундная пауза и последовавшая за ней просьба:

– Поблагодари его от меня.

Ди тепло улыбнулась и посмотрела в окно, на огни раскинувшегося вдалеке ночного Нордейла. Как тепло на сердце... как хорошо.

– Не переживай. Обязательно поблагодарю.

Эпилог

Второе марта

Свет уже вовсю заливал крохотную уютную спальню, а я все еще лежала под одеялом и ощущала себя партизаном, огонь по которому откроют сразу же, стоит кончику носа показаться наружу. Под прицелом держало не что иное, как сюрпризы – но плохие или хорошие? Ведь без них сегодня точно не обойдется. Либо они обрушатся ворохом счастливых эмоций и закружат в радостных теплых объятьях, либо проводят холодными глазами, а после сделают контрольный в голову.

Мда. А вылезать все равно придется.

Спустя несколько минут я набралась сил и выскользнула из постели. Укуталась в домашний халат, сунула ноги в тапочки и крадучись прошла на кухню.

Достала с полки чашку, включила чайник и хотела было выглянуть в окно, чтобы убедиться, что у подъезда не стоит знакомый черный автомобиль, как застыла на полпути – меня вдруг накрыло необъяснимое чувство «я всё это уже видела»... Отчего-то стало казаться, что этот день – именно этот, а не какой-то другой – я уже переживала, находилась в нем.

Как странно...

Постояв с полминуты посреди кухни с глупым выражением лица, я тряхнула головой, вернулась к шкафчикам, вытащила из пачки чайный пакетик и бросила его в кружку. Нет, это совершенно новый день. Вчера было первое марта, сегодня второе. Всё идет своим чередом, всё по плану. А странные чувства... ну... э-э-э... с кем не бывает?

Под окнами наверняка никого, зачем смотреть? Если бы кто-то захотел оказать знаки внимания, он уже это сделал бы...

Не успела я подумать об этом, как в дверь позвонили.

Хм, неужели счета за электричество стали доставлять на этаж? Могли бы, как обычно, бросить в ящик на первом.

Короткий взгляд в дверной глазок выявил, увы, не человека, стоящего за дверью, а белые, желтые и оранжевые лепестки и бутоны.

Ух ты!..

Я повернула колесико замка и потянула дверь на себя.

– Доброе утро. Меган Райз?

Человек позади огромного букета все-таки нашелся – по крайней мере,

обнимающие множество связанных воедино стеблей широкие мужские ладони и бодрый голос точно были.

– Да... доброе.

– Доставка цветов. Принимайте!

– Спасибо!

Объемная цветочная композиция переключалась ко мне в руки – я едва не пошатнулась под ее весом.

Сколько же их здесь...

– Расписаться сможете?

– Постараюсь.

Привалившись к стене вместе с букетом, я быстро чиркнула ручкой на листке, прикрепленному к пластиковому держателю.

– Хорошего вам дня!

– И вам того же...

Уже на кухне выяснилось, что подарок состоял не только из цветов веселой окраски – к нему прилагался маленький плюшевый мишка с вышитым на вязаной кофте сердечком. В лапах игрушка держала шоколадку. Целую минуту, забыв про чай, я смотрела то на нежные лепестки, то на вышитое сердце, то в уставившиеся поверх моего плеча пуговичные глаза.

Надо же, он не забыл...

Я присела на стул, поставила локти на стол и закрыла лицо руками. Даже если Дэлл не придет сам – не решится принести нож или окажется занят, – я все равно буду очень благодарна за этот знак внимания. Невероятно ценный, душевный и теплый. Невероятно своевременный, говорящий больше слов...

Пришедшая следом мысль заставила снова подняться со стула: наверное, есть и маленькая открытка, спрятанная между цветов. С именем дарителя.... А то еще окажется, что это вовсе не Дэлл, а какая-нибудь благотворительная организация.

Я хихикнула и принялась осторожно шуршать листьями, но через секунду была вновь оторвана от этого занятия звонком в дверь.

Да что же это такое... Не в той графе расписалась?

На этот раз мужчина за дверью был другим: низким и плотным, одетым в темно-синюю куртку с эмблемой, которую я не успела рассмотреть, и в руках он держал не букет, а огромный торт.

ТОРТ?! Ух ты! Клубничный фраппан!

– Меган Райз?

– Да, доброе утро.

Подобный диалог начал входить в привычку.

– Доброе! На ваше имя поступил заказ. Принимайте десерт – свеженький, вкусный, с пылу с жару, как говорится.

– Здорово! Нужно расписаться?

– Да, вот здесь, пожалуйста.

К букету на столе прибавился клубничный торт.

Вот это да-а-а!

Нет, этот день я точно раньше не переживала, иначе никогда не забыла бы! Столько цветов, чудесный мишка, огромный фраппан со свежими ягодами... Какое замечательное начало дня! Так, на чем я прервалась? Ах да... поиск записки...

Но поиск записки (стыдно, ага, стыдно) прервался внушительным куском лакомства к чаю на моей тарелке: как можно устоять перед воздушным кремом, идеально выпеченным, пропитанным соусом коржом и свежей клубникой со взбитыми сливками?

Ох... Невероятно вкусно... божественно... изумительно... ням...

Когда в дверь позвонили в третий раз за утро, я повернулась к коридору с зажатой во рту ложкой, которую старательно облизывала.

– Мисс Райз?

В этот момент я едва не ответила, что за последний час слышала собственное имя чаще, чем когда-либо, но обошлась без сарказма. День рождения все-таки...

– Да, это я.

– Тогда это для вас.

Третий незнакомый посыльный протянул обернутую подарочной бумагой небольшую коробочку. Исполнив ритуал с подписью и поблагодарив курьера, я захлопнула дверь и удивленно посмотрела на презент. Что это? Букет уже был, торт был, что же принесли на этот раз?

Дошлепав до кухни, я отодвинула тарелку с остатками торта и принялась снимать гладкую дорогую бумагу и развязывать шелковые ленты; через несколько секунд моим глазам предстала деревянная продолговатая шкатулка. Красивая, полированная, без каких-либо надписей.

Осторожно расцепив створки крохотного замочка, я открыла крышку и застыла. Сердце забилось судорожно и быстро, а руки принялись ходить ходуном.

Нож.

На бархатной подстилке без каких-либо украшений лежал тот самый нож – военный, с широким лезвием и голограммой с телефонным номером. Чувство «я уже это видала» нахлынуло вновь, но другое, видоизмененное: оно смешало в себе ворох воспоминаний, не до конца оформившихся импульсов, мыслей и эмоций.

Как?.. Неужели?.. Он все-таки прислал его... В коробочке, в виде подарка...

Слов не находилось, а дыхание сбилось; хотелось плакать.

Я медленно отняла руки от шкатулки, развернулась и подошла к окну. Какое-то время стояла у подоконника, прижав пальцы к глазам.

Ярко светило весеннее солнце; гонялись друг за другом в небе птицы, сверкали на тротуаре лужи.

Кто бы там ни был сверху, спасибо тебе... За это утро, за этот день, за этот момент, когда я так счастлива. И не важно, что будет дальше, но ты уже сделал самый лучший день рождения в моей жизни. Спасибо тебе. Спасибо, спасибо, спасибо!

А вернувшись к столу, я нашла вложенную под лезвие записку: «Позвони, когда будешь готова увидеть меня. Дэлл».

* * *

Запах роз плыл по салону.

Пробежали мимо, переговариваясь на ходу, молоденькие студентки; степенно проследовал следом пожилой мужчина с тростью. Остановился на углу у киоска, купил газету, чинно свернул ее трубочкой, засунул под мышку и неспешно направился обратно.

Дэлл проследил за ним отсутствующим взглядом, затем повернулся и посмотрел на букет.

Красные. Понравятся ли ей?

Ожидание было не в тягость. Когда ждешь в такой день, как этот, всё радует: праздное сидение в машине, размышления о том, что он увидит ее – улыбающуюся, немного смущенную и даже скованную, как он сделает всё, чтобы ее смущение ушло, а радость в глазах стала искренней, свободной.

Спасибо, Халк, что ты всегда заботился обо мне, о нас... Теперь ты не помнишь, как звонил в тот день, но ты звонил, ты хотел, чтобы мы были счастливы. Ты забыл про тот звонок, и хорошо, что забыл, но я не забуду.

Серая птаха клевала что-то между подтаявшими кусками снега на асфальте. Прыг-прыг, как смешно ходит вверх-вниз маленький хвостик. Наверное, вчера там кто-то рассыпал семечки.

Спасибо, Баал, за то, что ты никогда не был мне врагом, и за сожаление в твоих глазах. Я понял, увидел, что ты не хотел всего того, что случилось. Спасибо тебе за это.

Главное, чтобы не подвяли розы. Хотя какая разница? Он купит новые... сколько угодно новых. Пусть Меган выберет для звонка комфортный ей, а не ему момент. Соберется, приведет себя в порядок, почувствует себя готовой.

Птаха, испугавшаяся слишком близко прошедшего пешехода, вспорхнула на ветку соседнего дерева, но уже через минуту снова спустилась вниз, чтобы исследовать скрытые в снегу пищевые запасы.

Дэлл пожалел, что никогда не держал в кармане семечки.

И тебе, Дрейк, спасибо за то, что, хоть ты и не был доволен моим поведением и был по-своему прав, все же дал мне шанс сидеть здесь, в машине, на этой улице, в этом дне, которого не должно было существовать. Может, иногда ты чересчур жесток, но также и справедлив. Не знаю, заслужил ли я, по-твоему, возможность исправиться, но ты не пресек ее, когда она возникла, и за это я тебе благодарен.

Как это странно... сидеть в собственном прошлом. Оно уже не то, оно уже ответвилось и пошло по другой дороге, в сторону, начало рисовать новый узор на ткани мироздания. Когда-то был один виток, включающий в себя определенные события, потом он исчез, а на его месте появился другой – чистый, еще не испещренный записями о содеянном.

Каждый шаг – это шаг вперед. Правильный ли, ошибочный, но он прокладывает дорогу. Каждое слово, каждое решение приводит к результату, только видимым глазу он становится после. Одни дороги закончатся тупиками, другие – выходом к свету, третьи пройдут зигзагами – то хорошо, то плохо, то вроде бы и никак, хотя даже в серости и обыденности есть свой смысл.

Сидя здесь, в этой машине, и вдыхая пропитанный ароматом роз воздух, Дэлл как никогда хорошо ощущал иллюзорность времени и важность отражения собственных поступков на зыбкой ткани реальности. Она плетется, прогибается, видоизменяется и формируется в соответствии с каждым жестом, позволяет управлять ею; управляя тобой, напитывается настоящим и выплескивается, проистекает в будущее, становится им.

Где же ты обрела подобные знания, Бернарда? Не иначе как там, за пределом, который когда-то не хотела переступить. И знала ли тогда, как

благодарен тебе будет однажды сидящий в машине мужчина, смотрящий на серую птичку, прыгающую по асфальту? Как хорошо ему станет жить, как комфортно дышать и быть самим собой...

Неизвестно, сколько бы продолжались мысленные диалоги Одриарда с теми, кто когда-то повлиял на его судьбу, если бы в кармане его куртки не завибрировал телефон.

Высветился номер, а ниже имя: «Меган».

Прежде чем ответить, Дэлл провел по экрану подушечкой пальца и подумал о том, что после сегодняшнего дня сменит его на «Моя Меган».

* * *

День искрился эмоциями.

Смущенный взгляд, осторожное приветствие, удивленное выражение лица при виде букета из алых роз.

– Это мне?

Он тепло улыбнулся в ответ.

Они не стали менять сценарий, о котором помнил только он один. Пусть будет галерея «Дриада», пусть об этой рыжеволосой красавице позаботятся стилисты, пусть ее лицо сияет от счастья, а в глазах мерцают восторг и радость. Пусть она пока не знает, что этот день не закончится, а лишь плавно перетечет в другой, наполненный любовью, о которой он непременно скажет. Скажет позже, когда наступит правильный момент.

А пока... Пусть будет Пантеон Миражей, изысканный обед, захватывающие шоу Нордейла, в одном из которых он покажет себя гладиатором.

Если бы ты знала, что я готов биться за тебя со всем миром. Лишь бы ты улыбалась, лишь бы смотрела на меня так же, как и сейчас...

И он бился. Радостно сжимал меч в ладони, стоя перед многочисленной публикой в сапогах и набедренной повязке, транслируемый множеством экранов, зная, что среди них есть та, кто смотрит на него с обожанием и замершим сердцем.

Пусть смотрит. Пусть знает, кто именно совсем скоро будет принадлежать только ей. Уже принадлежит.

Слова, шутки, обрывочные фразы и долгое молчание, когда остается лишь взгляд – один на двоих... Почему он не позволял себе раньше заметить, насколько она красива? Хрупкая, мягкая, чистая, невероятно светлая, готовая отдать всё тому, кого любит. И каждый раз от этих мыслей

кружилась голова и наполнялась нежностью грудь, а после горьковато щемило где-то внутри.

Я дал ей уйти. Один раз. Бернарда, спасибо, что не позволила мне умереть слепым дураком с остановившимся при жизни сердцем.

Прогулка по вечернему Нордейлу, во время которой он не удержался – взял Меган за руку, а после развернул к себе и поцеловал. Поцеловал так трепетно, что позвоночник рассыпался ворохом искр и стало невозможно говорить. Пальцы касаются теплых щек, а слова не идут, потому что слишком много хочется сказать, потому что внутри образовался затор из невыплеснутых эмоций.

«Ты поедешь ко мне? Пожалуйста...»

И счастливое, пока еще смешанное с болью, согласие в ее глазах.

* * *

Умирать можно от нежности. И от собственной любви.

Ежесекундно умирать и возрождаться, чтобы взглянуть, коснуться, почувствовать, вдохнуть и снова взлететь на небо, не понимая более, жив ты или нет. Если рай существует при жизни, то это он: плавающий взгляд, жадные и ласковые руки, губы, клеймящие каждый сантиметр кожи, и неслышный голос, проникающий сквозь тело электрическими разрядами... моя, моя, МОЯ...

Еще никогда я не видела Дэлла таким: собранным, уверенным и одновременно спокойным.

Моя.

Вот что читалось в его глазах, и, видя это, я счастливо умирала вновь.

Пусть всего лишь на день, пусть лишь сегодня он подарил мне себя, но сделал это целиком, без остатка, и я не буду ни о чем жалеть, как бы в дальнейшем ни повернулась жизнь. Если уйдет утром – значит, уйдет. Если останется – буду любить всегда.

За несколько часов, что мы провели в объятиях друг друга, я ощутила то, чего не ощущала никогда: собственную нужность, умиротворение, покой, мощнейший поток света, льющийся через сердце.

Как ему удалось?..

Игристое вино и кусочки апельсинового торта, которыми Дэлл кормил меня, чередовались с жадными, медленными и страстными поцелуями. Слов не звучало. Плавилась под его прикосновениями шея, горели прикушенные зубами мочки ушей, томительно скручивалось что-то внутри,

вспыхивали во всем теле невидимые огненные спирали.

Мы не занимались любовью, мы занимались чем-то большим. Единением, посвящением себя друг другу, необратимым проникновением, в котором мое становилось его, а его – моим. Я ощущала текущие из Дэлла чувства клетками кожи, задыхалась от них, вливала в него в ответ собственные жгуты страсти, оплетала, наполняла, ярко вспыхивала в такт с прикосновениями, изнемогала от жара и снова, снова сливалась с тем, кто держал меня в объятиях.

Вот как должна выглядеть истинная Любовь. Теперь я знала это наверняка.

И я не буду думать о том, что случится наутро, – настоящий подарок уже подарен, грешно и мелко просить после такого еще. Пусть тепло его рук будет со мной так долго, сколько я смогу его сохранить, и пусть мои глаза скажут больше, чем все существующие в мире фразы.

Засыпая, я чувствовала себя счастливой: меня обнимали, обнимали так крепко, что не получалось ни вдохнуть, ни двинуться. А при попытке перевернуться прижимали так тесно, что между телами не оставалось ни сантиметра свободного пространства – кожа к коже, закрытые глаза и душа в душе, накрытые светящимся одеялом любви.

Ни единой мысли. Ни одной эмоции, кроме всепоглощающего счастья. И улыбка на губах.

* * *

Он стоял у машины и курил, ветер доносил до меня ароматный дым; я втихоря вдыхала его полной грудью.

Утро. Припаркованный у подъезда «Неофар», окна собственной квартиры, бледное, пытающееся пробиться сквозь тучи солнце и прохладный ветерок, рябящий поверхность разлившихся на тротуаре луж.

Я молчала.

Нож пока еще покоился на дне сумочки – остались последние минуты владения этим ценным предметом. Как грустно, но в то же время легко уходить.

В машине по дороге сюда я думала о том, чтобы использовать последний шанс – попросить Дэлла остаться, даже принудить, если потребуется. Ведь нож позволял приказывать, навязывать волю, прогибать. Думала о том, чтобы попросить его кольцо. Не совсем, но временно сделаться его Женщиной только для того, чтобы попробовать донести

собственные чувства.

Но что-то удержало.

Как можно после такой ночи и вообще после всего, что этот человек позволил мне испытать, настаивать на чем-либо? Ведь это великое умение – оставить в душе не сожаление, а великую благодарность за подаренные моменты счастья. И если любишь, по-настоящему любишь, не подрезай крылья – любовь не выживет в клетке; отблагодари человека, оставив ему свободу решений и право выбора.

Поэтому... не надо кольца. Ведь не оно, в конце концов, важно, а та теплота, которая либо рождается между двумя, либо нет. А та просьба, что я обдумывала по дороге сюда, убьет и тепло, и ту бесценную ниточку нежности, что протянулась между мной и стоящим у машины мужчиной.

Не надо, пусть сохранится. Пусть останется со мной.

Дэлл докурил и выбросил окурочок. Я какое-то время смотрела себе под ноги, затем вздохнула и потянулась к сумочке, чтобы достать нож.

* * *

Он смотрел, как дрожат ее пальцы, как усилившийся ветер треплет рыжие локоны, отросшие с момента их первой встречи почти до плеч.

Как же сложно тебе быть сильной...

Справившись с замком, Меган вытащила из внутреннего кармана то, что искала, и шагнула вперед. Бледное лицо, дрожащий подбородок, но спокойствие в глазах. Уверенное спокойствие и достоинство человека, знающего, что он поступает правильно.

Такого не было в прежнем сценарии...

Несколько секунд она молча ощупывала его лицо глазами – запоминая, впитывая, лаская, – затем протянула нож.

– Возьми. Спасибо, что принес его.

– Пожалуйста. – Дэлл улыбнулся, но нож брать не стал. Ждал продолжения.

Внутри появилось ощущение критичной составляющей момента. Серо-голубые глаза встретились с зеленоватыми.

Меган, видя, что от нее чего-то ждут, неуверенно посмотрела на зажатый в собственной руке предмет и, вероятно, смутившись собственной невежливости, добавила:

– Я очень благодарна тебе, Дэлл. За всё, что ты сделал для меня. День рождения вышел поистине чудесным, я не могла желать лучшего

праздника. Огромное тебе спасибо, правда.

Дэлл мысленно нахмурился, оставив на лице выражение полного добродушия; что-то внутри неуловимо напряглось – почему она не озвучивает последнюю просьбу?

Нож продолжал висеть между ними, зажатый тонкими пальцами.

– Это был не только твой праздник, Мег. Он был и моим тоже. Спасибо, что позволила быть рядом.

В ее глазах скользнула радость.

Как же красиво...

– Возьми, пожалуйста, теперь он твой.

Рука нетерпеливо качнулась – чего, мол, ждешь?

Дэлл все еще медлил.

– А разве ты больше ничего не хочешь сказать?

– Сказать?

Она растерялась. Неуловимо смутилась и притихла.

– Я мало поблагодарила, да? Прости... я на самом деле...

– Нет, ты достаточно меня поблагодарила.

– Тогда... что сказать?

Дэлл почувствовал, как против воли начинает мысленно ликовать. Что-то поменялось в этой ветке событий, что-то очень важное изменилось не только для него, но и для нее.

Где, в какой точке это произошло? И если он поменял поведение, потому что помнил прежнюю, оборвавшуюся после сцены с Баалом жизнь, то почему свое поведение изменила она?

– Неужели не хочешь ничего попросить? Ведь нож все еще в твоей руке.

Меган улыбнулась мягко и чуть грустно. Качнулась шапочка, качнулись рыжие волосы.

– Нет. Больше ничего.

На этот раз радость взметнулась вихрем – Дэлл едва не сорвался вперед, чтобы расцеловать стоящую перед ним девушку.

– Совсем ничего?

– Нет.

– Уверена?

– Да, уверена.

И тогда он взял нож – теплый, согретый ее пальцами предмет, так сильно изменивший не одну жизнь, – и, как только Меган приготовилась уйти, произнес:

– Тогда хочу попросить я...

Она замерла, растерянно моргнула, а после чуть нахмурилась, пытаясь понять, отчего его взгляд вдруг сделался таким серьезным и глубоким.

– Попросить? Прости... Я сделаю всё что смогу.

Готова отдать, не спрашивая... всегда такой была.

– Сделаешь?

– Сделаю, Дэлл, ты же знаешь.

В одном из окон на верхнем этаже заиграла музыка. Раздался раздраженный голос из той же квартиры, и музыка притихла. Осталось лишь едва слышное завывание ветра в пустом дворе. Качались из стороны в сторону голые ветви куста.

– Останься.

– Что?..

Одно слово, но она поняла, и от того урагана чувств, который отразился на ее лице, сделалось жарко. Ее губы растерянно приоткрылись, и она отступила назад – в попытке укрыться от потенциальной боли, следующей за неправильной трактовкой смысла подобных предложений. Ему было знакомо это чувство. Лучше прояснить всё сразу, чтобы не осталось недомолвок.

– Я бы не хотел, чтобы ты уходила. Останься со мной.

Глядя на то, как наполнились недоверием ее глаза, он быстро добавил:

– Быть может, я тороплюсь, и поверь мне, я боюсь твоего отказа, но у меня было время подумать. Были эти полгода. – *Было гораздо больше времени: целая другая жизнь, где я уже тебя потерял...* – И, может быть, я болван, что ждал так долго, но все же я понял одну вещь: я хочу, чтобы ты осталась со мной.

Произнося это, Дэлл выложилась весь: вложил в слова всю искренность, всю любовь и трепетность, что чувствовал в этот момент. Она не обязана... конечно... Но вдруг? Впервые в жизни стало больно от одной только мысли, что сейчас она развернется и уйдет, просто оставит его стоять у машины одного. И надо как-то задать этот вопрос, произнести его вновь...

– Ты останешься? Скажи, Мег, ты останешься?

Из ее глаз – она долго сдерживалась, но в конце концов не справилась – закапали слезы.

– Нет-нет... только не это, не плачь, пожалуйста... я же порвусь сейчас...

Дэлл шагнул вперед и обнял стоящую перед ним девушку. Ее ладошки прижались к лицу, а плечи заходили ходуном.

– Не плачь, Меган, не надо. Ну что ты... Просто скажи, что

останешься, и я буду счастлив собственноручно надеть на твой палец кольцо, назвать своей Женщиной и, пока жив, любить и защищать. Слышишь меня?

Она захлебывалась рыданиями.

– Слышишь меня, лапа?

Очередной всхлип и хриплый шепот:

– Слышу.

– И что думаешь?

Она подняла на него заплаканное лицо. Какие яркие зеленые глаза...

– Что думаю?

– Да.

– Ты это серьезно?

– Да.

– Думаю, что ты сбрендил.

Обиженный тон, которым была произнесена последняя фраза, заставил Одриарда рассмеяться – он вдруг почувствовал себя счастливым, настолько глубоко и всецело, как никогда ранее; а потом крепко обнял худенькие плечи и уткнулся носом в вязаную шапку.

– Сбрендил? – Вдохнул знакомый аромат духов, закрыл глаза и улыбнулся. – Знаешь, может, ты и права. Тогда тебе предлагает совместную жизнь сбрендивший мужчина. Ты как, решишься попробовать?

Меган посмотрела на него как на сумасшедшего. Все еще капризные губы, но в глаза уже вкрались смешинки.

– А вот возьму и решусь!

– Тогда решайся... а то он ждет. Очень ждет.

– Правда ждет?

Ее губы задрожали, а глаза вновь увлажнились.

Дэлл едва сдерживался.

– Так ждет, что скоро затащит тебя в машину и слова не даст сказать.

Натянет тебе на палец кольцо и год из спальни не выпустит!

Она смеялась и плакала одновременно.

А он целовал соленые щеки, убирал с лица прилипшие пряди волос и благодарил небо за ее любовь. Спасибо, Создатель, спасибо, Жизнь, спасибо тебе, Женщина с зелеными глазами.

– Моя, – выдохнул чуть слышно. Обнял, укрыл от ветра и зажмурился. – Моя, моя, моя...

Она доверчиво прижалась к его груди и кивнула.